

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
РУСИСТИКИ И
ЛИНГВОДИДАКТИКИ

в контексте

**СОВРЕМЕННОГО
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Материалы II Международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию университета

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.Н. ТАТИЩЕВА

**ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ РУСИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

*Материалы II Международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию университета*

Астрахань
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
2022

УДК 80/81
ББК 81
В26

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Редакционная коллегия

З.Р. Аглеева (доктор филологических наук, профессор
кафедры современного русского языка),
М.Л. Лаптева (доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой современного русского языка),
Ю.А. Васильева (кандидат филологических наук, доцент
кафедры современного русского языка)

Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования [Электронный ресурс] : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию университета / под ред. З. Р. Аглеевой, М. Л. Лаптевой, Ю. А. Васильевой. – Астрахань : Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2022. – 247 с. – 1 CD-ROM. – Систем. требования: Intel Pentium 1.6 GHz и более ; 512 Мб (RAM); Microsoft Windows XP и выше. Adobe Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

В сборнике содержатся тексты докладов, представленных на II Международной научно-практической конференции «Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования» (Астрахань, 27–28 октября 2022 года).

Издание адресовано преподавателям высшей и средней школы, работающим над внедрением в научно-исследовательскую деятельность и учебный процесс эффективных современных методов и технологий.

ISBN 978-5-9926-1403-9

© Астраханский государственный университет
имени В. Н. Татищева, 2022
© Аглеева З. Р., Лаптева М. Л., Васильева Ю. А.,
составление, 2022
© Стремина А. И., дизайн обложки, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Аглеева З.Р. О некоторых особенностях контрастивных исследований разноструктурных языков	8
Алефиренко Н.Ф., Абдельхамид Саид Нарратив – дискурс – событие	11
Алымова Е.В. Текст как объект лингвистической экспертизы в парадигмах современной лингвистики	14
Антимонова О.Н., Антимонова Е.Е. К вопросу о языковой политике в Казахстане	17
Антропова В.В. Миграционный дискурс в региональных масс-медиа: ключевые аксиологемы представления социальной травмы	20
Бадалова Е.Н. Лингвострановедческий аспект в преподавании РКИ в высшей школе	23
Бардина Т.К. Эволюция «внешнего портрета» в произведениях И.С. Тургенева	26
Белодед В.А. Мужская любовь / 男性(男人)的爱 через призму женского восприятия в текстах национальных корпусов (на материале китайского и русского языков)	28
Болотова А.Ю. Роль китаизмов в неологизации современного русского языка (на материале российских социальных медиа)	32
Бочкарева Е.В. Урок освоения теоретического материала через призму приемов технологии критического мышления на уроках русского языка в 5 классе при изучении темы «Лексика»	35
Буянова Л.Ю. Язык художественного текста как личностно-вербальный код автора	38
Васильева Ю.А. Лексико-стилистические характеристики региональных медиатекстов	40
Веклич М.В. Аббревиатуры современного научного медицинского дискурса в коммуникативном аспекте	45
Велявина Т.Б. О некоторых формах подготовки учащихся к защите проекта	50
Вострикова Т. И., Молчанова Е.Е. О риторическом аспекте романа В.П. Крапивина «Журавленок и молнии»	52
Выборнова Е.Д. Особенности функционирования фразеологических единиц на страницах интернета	55
Гавриш А.Д., Компанеева Л.Г. Специфика отражения ожидаемого поведения языковой личности политика в масс-медиа	58
Глазунова О.И. Флективно-акцентологические особенности склонения существительных с основой на мягкую согласную	62
Голованева М.А. Деловая ролевая игра в обучении иностранцев	65
Гомонова Л.Г. Глагольная энантиосемия и ее отражение в вербономинантах и фразеологизмах	68
Горлова Г.Н. К вопросу о принципах языковой организации текста политической коммуникации	71

Гуляева Е.В., Денисенко М.В., Никитина И.С. Неологизмы периода пандемии COVID-19 в русском языке	74
Гурьянова Л.Б. Особенности текста поздравительной открытки (на материале домашнего архива)	78
Дубровская Е.М. Использование мультимедийных возможностей мессенджеров как способ мотивации познавательной активности на уроках РКИ	82
Дугина Л.П. Образ Волги в художественном тексте К. Ерымовского	85
Ерещенко М.В. Цифровая модель учебных курсов по русскому языку как иностранному	87
Ермакова Н.Л., Амар Мохаммад Структурные и семантические особенности письменной речи (на примере адаптированных текстов РКИ)	90
Есенова Г.Б. Образ <i>Цаган Ясн</i> 'Белая кость, знать, богатые' в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»	92
Есенова Г.Б., Есенова Т.С. Духовный мир калмыков в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»	97
Желнова И.Л. Уровневый подход к обучению русскому языку как иностранному	100
Жилина М.А. Особенности интернет-дискурса на примере образовательных блогов	102
Загуменнов А.В. Отображение религиозного мировоззрения в словосочетаниях (на материале вводной части «Книги бесед» протопопа Аввакума).....	104
Ивашкович Т.И. Дистрибутивный метод описания микрополя глаголов фактивного знания в современном русском языке	107
Ильясова С.В. О преподавании курса «Основы морфологии и словообразования» китайским студентам-филологам	110
Кайгородова И.Н., Беззубикова М.В. Тексты региональной периодики начала XIX в. как лингвистический источник	114
Каллистратидис Е.В. Карнавальная репрезентация гендерных стереотипов в неформальной интернет-коммуникации на русском языке	116
Каймаразова А.К. Рекламный текст сквозь призму лингвокультурологии: креативность, образность, языковой потенциал	119
Камкова Е.Ю., Арчебасова Н.А. Цифровые технологии в преподавании русского языка как иностранного	122
Катермина В.В. Коммуникативно-прагматические характеристики английских метафорических неологизмов	125
Ковшикова Е.В., Шиндряева И.В. О концепции государственной языковой политики Российской Федерации	128
Коннова О.В. К вопросу о влиянии межкультурного общения на современное состояние русского языка	131
Кудряшов И.А. Категория времени и согласование точек зрения в репортажном повествовании	133

Кязимов Кямран Шахверан оглу, Агаев Мугаддин Иманверди оглу Связанные словосочетания с семантически пустым (ослабленным) звеном в зависимой части	137
Лапицкая Н.И. Лингвокультурологический подход в преподавании русского языка как иностранного	139
Лаптева М.Л. Категория «СВОЕ – ЧУЖОЕ» во фразеологической неонимации	143
Леонтьев Э.П. Изучение русской литературы в монгольской школе	146
Логачева А.А., Мохмед Рахиш К вопросу о синтаксической синонимии придаточных определительных и обособленных полупредикативных членов предложения, выраженных причастными оборотами	149
Логанова Е.А. Когнитивные аспекты исследования дискурса на тему «Job Sharing»	152
Лукина Н.В. Функционально-семантическая специфика разговорной лексики в текстах региональных газет	154
Лучкина Н.В., Мирзоева С.А., Проценко И.Ю. Текст как важнейший дидактический компонент при обучении РКИ.....	157
Мандрикова Г.М. «Мыслим критически»: опыт использования инновационных образовательных технологий в подготовке будущих преподавателей РКИ	160
Мосейко О.А. Ключевые концепты русской культуры на занятиях РКИ (лингвокультурологический аспект)	163
Мостовая Л.А. Использование творчества астраханских писателей В. Хлебникова и А. Беянина в рамках проектной деятельности на уроках русского и родного (русского) языка	167
Нередкова С.С. Манипулятивные технологии в условиях гибридной войны в Донбассе	170
Нестерская Л.А., Николенко Е.Ю. Новое семантическое пространство современного русского языка и его освоение в иностранной аудитории	173
Новоселецкая Д.И. Техническая инструкция как текст особого типа: семантико-прагматический аспект	176
Орлова Г.В. Учебная экскурсия как фактор формирования социокультурной компетенции в диалоге культур	178
Павловская О.Е., Федотова Т.В. Функционирование варваризмов в молодежном дискурсе с позиции экологии языка	181
Пермякова Т.Н. Репрезентация категории эвиденциальности в современных медиатекстах	186
Петросян М.С. Аксиология библеизмов в медицинской терминологии	189
Попова А.Ю., Смолина Н.Г. Трудности перевода, или о переводческом стиле и личности переводчика	193
Рахимов Ж.И. К вопросу пополнения лексики русского языка новыми словами.....	196
Родионова И.Г. Глагол с частицей все как средство характеристики образа Обломова	198
Романова И.В. Межкультурная коммуникация: основные проблемы, с которыми приходится сталкиваться	201

Сачкова Е.В., Черникова Е.О., Львова Н.И. Описание формальной и содержательной структуры непроизводных лексических единиц терминологии водного транспорта в русском и немецком языках	204
Светличная В.Ю. Звуковой повтор как объект лингвистических исследований	208
Скрябина О.А. Актуальные проблемы современной методики преподавания русского (родного) языка	211
Субботина М.В. Лермонтовский интертекст в макротексте лирики А. Блока	215
Токарев Г.В. Роль прецедентных имен-персоналий в создании регионального культурного текста	218
Уафа Л.Э. Эмоции в политическом языке	221
Федоров В.В. Дискурс регионального массмедиа о беженцах: нарративная репрезентация страхов и стратегии их снятия	223
Федотова Е.А. Ментальная схема текста (на материале анализа немецкоязычных текстов LSP «Эргономика»)	225
Фирсова М.А. Лингвопрагматический потенциал метафоры в медиадискурсе	228
Чернова И.В. Концептосфера как структурно-смысловая основа понимания и интерпретации художественного текста	231
Чистякова И.Ю. Риторический канон как базовая категория создания речи	234
Шейко Е.В., Маркова В.В. Методика обучения школьников с задержкой психического развития написанию сочинения по картине	237
Шкрабкова И.В., Кулинич Е.Н. Религиозный стиль как функциональная разновидность современного русского литературного языка	239
Южакова Ю.А., Сомова М.В. Стилистические «оплошности» в лирике С.А. Есенина	242

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание представляет собой сборник материалов II Международной научно-практической конференции «Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования», проведенной кафедрой современного русского языка факультета филологии и журналистики 27–28 октября 2022 года и посвященной 90-летию со дня основания Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева.

В работе конференции приняли участие ученые, преподаватели университетов и колледжей, школьные учителя, аспиранты и магистранты из Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Белгорода, Волгограда, Краснодара, Тулы, Ростова-на-Дону, Орла, Пензы, Перми, Челябинска, Новосибирска, Рязани, Томска, Магнитогорска, Калининграда, Таганрога, Батайска, Луганска, Донецка, а также из Белоруссии, Азербайджана и Узбекистана.

Доклады были представлены по разным направлениям:

1. Современные грамматические исследования в области русского языка.
2. Текст в парадигмах современной лингвистики.
3. Контрастивные исследования языка.
4. Коммуникативный аспект функционирования языковых единиц.
5. Современные проблемы межкультурной коммуникации.
6. Языковая политика в современном мире.
7. Современные педагогические технологии в преподавании русского языка как родного, неродного и иностранного.
8. Язык масс-медиа.

Обсуждение проблем современной русистики и методики преподавания языка прошло в смешанном (очном и онлайн) формате, что позволило объединить участников из разных регионов России и зарубежья.

Вопросы, которые обсуждались на конференции, представляют большой интерес для преподавателей высшей и средней школы, работающих над внедрением в научно-исследовательскую деятельность и учебный процесс эффективных современных методов и технологий.

Кафедра современного русского языка выражает признательность всем участникам международной научно-практической конференции и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНТРАСТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. Делается попытка на материале фразеологизированных конструкций разноструктурных языков и отдельных лингвокультурем показать особенности контрастивного исследования, делаются выводы о сходстве и различиях сопоставительного и контрастивного подходов к анализу языков.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, конвергентные и дивергентные явления, разноструктурные языки, фразеологизированный

Agleeva Z.R.
*Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

ON SOME FEATURES OF CONTRAST STUDIES ON THE MATERIAL OF DIFFERENT-STRUCTURED LANGUAGES

Abstract. An attempt is made on the basis of phraseologized constructions of languages of various structures and individual linguocultures to show the features of contrastive research, conclusions are drawn about the similarities and differences between comparative and contrastive approaches to the analysis of languages.

Keywords: contrastive linguistics, convergent and divergent phenomena, languages with different structures

В последние десятилетия очень много пишут о контрастивном изучении близкородственных и разноструктурных языков в частности и контрастивной лингвистике в целом. Это и одно из основных направлений при изучении иностранных языков. Но для достижения результатов в контрастивных исследованиях необходимо четко определить объект, предмет, цель и задачи. На первый взгляд, все уже определено, поскольку имеется ряд публикаций, диссертаций и учебно-методических рекомендаций. Но не все столь просто. Так, обратившись к «Лингвистическому энциклопедическому словарю» под ред. В.Н. Ярцевой (Ин-т языкознания АН СССР, 1990), сталкиваемся с тем, что между определениями *сопоставительный* и *контрастивный* фактически ставится знак равенства: «СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД – исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности (системной идиоматичности). С. м. направлен в первую очередь на выявление различий между двумя сравниваемыми языками и поэтому называется также контрастивным, лежит в основе контрастивной лингвистики» [ЛЭС. Электронный вариант]. В статье, посвященной контрастивной лингвистике, встречаем: «КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (конфронтативная лингвистика, сопоставительная лингвистика) – направление исследований общего языкознания, интенсивно развивающееся с 50-х гг. 20 в. <...> ... Началом К. л. принято считать появление в 1957 работы Р. Ладо, однако труды рус. языковедов кон. 19 – нач. 20 вв. содержали не только богатые материалы по сопоставит, изучению языков, но и положения о возможностях применения К. л. – работы А. А. Потебни, Ф. Е. Корша, позже Е. Д. Поливанова (все – с уклоном в типологию), труды В. А. Богородицкого, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы с изложением теоретич. основ сравнения родного и иностр. языков». И далее: «Имеются работы, в к-рых за исходный пункт берется то или иное понятие и соответственно рассматриваются формы его выражения в сравниваемых языках. Подобные исследования часто смешаются в сторону теории универсалий, и неслучайно мн. языковеды полагают, что, несмотря на быстрое развитие К. л., ее место в общей номенклатуре лингвистич. дисциплин еще нуждается в уточнении» [ЛЭС. Электронный вариант]. В качестве примера издания по проблемам контрастивной лингвистики в статье указывается международный журнал «Съпоставително езикознание» (Болгария, София), а в списке литературы следующие источники: Гак В.Г. «Сравнительная типология французского

и русского языков» и «Вопросы сопоставительной аспектологии». В предыдущей статье в качестве источника приведена монография В.Н. Ярцевой «Контрастивная грамматика». Таким образом, происходит смешение двух направлений в лингвистике, синонимическое употребление этих терминов.

О необходимости сопоставительных исследований писал еще Л.В. Щерба в статье «Очередные проблемы языковедения»: «Одной из основных очередных задач является сравнительное изучение структуры, или строя, различных языков. Насколько подобное сравнительное изучение сможет дать нам историческую картину развития структуры человеческого языка вообще в связи с развитием человеческого сознания, – мне, откровенно говоря, неясно. Думается, во всяком случае, что иного пути нет и быть не может» [Щерба 1947]. Как известно, сопоставительная лингвистика изучает одноименные языковые единицы (микросистемы) в разных языках. Сопоставляться могут родственные и разноструктурные языки как в синхроническом, так и диахроническом аспектах. Целью сопоставительного анализа является выявление конвергентных и дивергентных явлений в языковых подсистемах или конкретных категориях разных языков.

Алоизас Йонович Гудавичюс определяет сопоставительное языкознание как науку, целью которой является «изучение двух или более языков методом сравнения их друг с другом. При таком подходе для исследователя одинаково важны и различия, и сходства» [Гудавичюс 1985, с. 3]. А.И. Гудавичюс, разграничивая понятия «контрастивное и сопоставительное языкознание», подчеркивает, что контрастивный анализ ограничивается двумя языками. Он имеет, главным образом, прикладные цели, среди которых выделяются лингводидактические: «Разновидностью контрастивных исследований является изучение одного языка «в зеркале» другого...» [Гудавичюс 1985, с. 3]. Таким образом, изучается определенный язык и, причем, те его особенности, по которым он может отличаться от исходного языка – как правило, родного.

Поэтому, занимаясь контрастивными исследованиями, необходимо обратиться к принципам данного направления лингвистики, обозначенным Викторией Николаевной Ярцевой в названной выше монографии. Остановимся на некоторых из них, тех, что позволяют развести понятия *сопоставительная* и *контрастивная лингвистика*.

Контрастивная лингвистика обращает внимание прежде всего на несходные, контрастные черты сопоставляемых языков, отталкиваясь от гипотезы о наличии базового сходства сопоставляемых языковых уровней или категорий. Эта дисциплина имеет дело лишь с двумя, а не несколькими языками – если анализируемых языков несколько, то эти языки сопоставляются попарно. Сравнивая языки, обладающие общностью в какой-то категории, необходимо сопоставлять функциональные оттенки в разных контекстах, так как именно в них могут заключаться расхождения в сравниваемых языках. При контрастивном анализе родственных языков следует иметь в виду замечание В.Н. Ярцевой о том, что особенно в близкородственных языках многие семантико-грамматические сферы накладываются одна на другую и различия идут главным образом в пределах внутреннего деления подсистем при некоторой вариативности их лексического наполнения.

И.А. Стернин отмечает основные различия между сопоставительной и контрастивной лингвистикой: «В контрастивной лингвистике, в отличие от сопоставительной:

1) изучаются не любые языки и не в любом количестве, а только два языка – родной и изучаемый;

2) изучаются не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления языка в двух сопоставляемых языках;

3) изучение проводится не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке;

4) целью контрастивного исследования является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке. Главное при этом – выявление различий, сходства выявляются «автоматически» [Стернин 2006, с. 16].

Приведем примеры контрастивного исследования фразеологических единиц, в частности фразеологизированных структур, имеющих в качестве свободносинтаксического варианта придаточные части сложноподчиненных предложений. Речь идет о девяти таких группах (некоторые ФЕ, входящие в эти группы: *как говорится; на чем свет стоит; где уж ему!; какими судьбами; откуда что взялось; как сыр в масле кататься; будто лисой прошелся;*

как ни попадя; куда тебе сладить!; чтоб тебе пусто было!; что касается меня, ...; не успел я оглянуться, как ... и т.п.) в русском и разноструктурных языках (татарском, казахском, ногайском, кумыкском, немецком). Лингва-эталоном служит русский язык как язык межнационального общения народов России. Языки, фразеологизированные конструкции (ФК) которых исследуются по отношению к эталону, различаются структурно и генетически.

В большинстве случаев ФК в сопоставляемых языках организованы по структурно-синтаксическим схемам, не имеющим однозначного соответствия в разноструктурных языках. Контрастивные исследования позволяют сделать выводы о том, что наименьшие различия в русско-тюркских параллелях обнаруживаются между сравнительными конструкциями, а также фразеосхемами, коммуникемами, служебными ФК. В русско-немецких параллелях больше соответствий в компаративных и вводных конструкциях и коммуникемах.

Варьирование ФК в разных парах сопоставляемых языков также различается. Образная структура ФК лексико-синтаксического типа в русском языке не налагает особых ограничений на синтагматическую подвижность компонентов, поэтому лингва-эталон отличается большим вариативным потенциалом. Разные структуры неродственных языков определяют диапазон вариативности ФК: так, в тюркских и немецком языках, отличающихся строгим порядком слов, в структуре ФК варьирование порядка слов ограничено; в тюркских языках реже встречаются эллиптические конструкции. Морфологическое варьирование в паре русский язык – тюркские языки связано с грамматическими особенностями этих языков: практически невозможно варьирование по роду, по виду в связи с отсутствием данных категорий в тюркских языках, однако широко представлено варьирование форм времени из-за наличия нескольких форм прошедшего, «будуще-настоящего» и др. времен. В паре русский язык – немецкий язык в последнем случае отсутствует варьирование форм глагола по виду, но присутствует варьирование определенного / неопределенного артикля имени существительного и т.д.

Помимо сравнения явлений в парах разноструктурных языков, возможны сопоставления и в родственных языках. Так, среди названных выше тюркских языков нет единообразия в средствах вербализации, например, компаративных отношений: в татарском языке в сравнительных ФК наиболее частотны послелогои *кебек* и *шикелле* и их синонимы, тогда как в казахском языке показателями сравнительных отношений в основном выступают аффиксы *-дай/-дей*, *-тай/-тей*. В тюркских языках в связи с широкой употребительностью синтетических предложений, где средствами связи выступают аффиксы причастий и деепричастий, формальным средством идентификации ФК, восходящих к придаточным частям СПП, часто являются именно аффиксы. Контрастивным в плане синтаксическом является то, что при переводе на русский язык синтетические сложноподчиненные предложения передаются синонимическими конструкциями: СПП с обстоятельственными придаточными частями или простыми предложениями с обстоятельствами, выраженными деепричастиями.

Контрастивные свойства языковых единиц можно рассмотреть и на семантическом уровне. Например, исходя из факта существования в различных лингвокультурах бестиария, сопоставляем попарно этноспецифическую «нечисть», антропоморфные и мифические существа: в русской лингвокультуре *леший* (ФЕ *куда леший сучки не залукнет* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля), в татарской – *Шурале*, щекоткой убивающий заблудившихся в лесу (герой поэмы Г. Тукая и татарских и башкирских сказок), или *урман иясе* (лесной дух); персонифицированные духи воды: татарскую культуру *су анасы* (букв. мать воды) – аналог русского *водяного*, но женского пола; привидение *Полудница* в славянской мифологии и *die Weiße Frau* (букв. Белая Женщина), женщина-привидение в белой одежде в немецкой поэтической речи; *упыри* в славянской и *нахцереры* в германской мифологии и т.д. Несомненно, могут быть представлены и другие пары или оппозиции, но обязательные условия контрастивного лингвокультурного анализа в данном случае – констатация общих черт, свойств, которые в определенной степени уже известны, не оспариваются; отсутствие денотативной базы – референтной ситуации, которая могла бы быть генетическим прототипом; поиски дивергентных явлений в этих парах. Анализируемые в контрастивном плане лингвокультуры могут использоваться в лингвострановедении, при изучении культуры и фольклора неродного языка.

Говоря о сопоставительном и контрастивном направлениях исследований, необходимо учитывать то, что последнее значительно уже, хотя результаты его широко используются при обучении иностранным языкам, в том числе и русскому языку как иностранному.

Литература

1. Гудавичюс А. Й. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс : Мокслас, 1985.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1990.
3. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. М. : Восток-Запад, 2006. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kontrastivnaja_lingvistika/Kontrastivnaja_lingvistika.pdf.
4. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Языковая система и речевая деятельность / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=scherba_yazykovaya-sistema--deyatelnost_1974.

Алефиренко Н.Ф.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия,
Абдельхамид Саид
Айн-Шамский университет, Каир, Египет

НАРРАТИВ – ДИСКУРС – СОБЫТИЕ

Аннотация. Рассматриваются дискуссионные вопросы соотношения весьма популярных категорий в современной когнитивной лингвопоэтики: нарратив – дискурс – событие. В центре внимания находится феномен нарративности. Обосновывается мысль, что нарратив, как и любой текст, вне дискурсивной деятельности не появляется. Ему предшествует дискурс – имплицитно выраженный образ референтного события. Однако в отличие от обычного текста, фиксирующего событие в статике, нарратив отображает психоэмоциональное движение души повествователя, динамику переживаемой им жизненной истории. Показывается генетическая и функциональная взаимосвязь нарратива с дискурсом и текстом.

Ключевые слова: дискурс, нарратив, событие, повествование, языковая личность

Alefirenko N.F.
Belgorod State University, Belgorod, Russia,
Abdelkhamid Said,
Ain Shams University, Cairo, Egypt

NARRATIVE – DISCOURSE – OCCASION

Abstract. The debatable issues of the correlation of very popular categories in modern cognitive linguopoetics are considered: narrative – discourse – event. The focus is on the phenomenon of narrativity. The idea is substantiated that the narrative, like any text, does not appear outside of discursive activity. It is preceded by a discourse – an implicitly expressed image of a reference event. However, from the usual text that records events in statics, the narrative reflects the psychoemotional movement of the creator's soul, the dynamics of the life story experienced by him. The genetic and functional relationship of narrative with discourse and text is shown.

Keywords: discourse, narrative, event, narrative, linguistic personality

Нарратив – дискурс – событие настолько стали привычными для гуманитарного сознания, что, на первый взгляд, данная триада может показаться само собой разумеющимися конструктами. Однако иллюзия их смысловой узнаваемости исчезает, когда предпринимаются попытки выявления их генетического взаимоотношения. Постановка этой задачи диктуется не всегда осознаваемым употреблением данных терминов в различных гуманитарных сферах. Между тем частота их употребления только нарастает. При этом нарратив синонимизируется с *повествованием, рассказом и изложением*; дискурс – с единицами еще более широкого диапазона его отождествления: с *речью, размышлением* и даже

коммуникативной деятельностью. В обоих случаях используется не менее размытая категория – событие (событийность). Данные феномены настолько безапелляционно входят в современное лингвистическое мышление, что даже влекут за собой предсказания нарративного / дискурсивного поворота в философии гуманитарных наук (лингвистики, литературоведении, истории, журналистики, культурологии). И это не простой терминологический ажиотаж. Такой поворот вектора в развитии исследований духовных механизмов вербального общения направлен на неординарное моделирование картины мира с помощью психолингвального инструментария. При таком сценарии нарративации дискурса активизируется поставленная на паузу идея языковой личности, предполагающая углубленное осмысление ее трехъярусной структуры: вербально-семантического, когнитивного и прагматического уровней. На первом уровне в центре внимания окажутся механизмы вербально-ассоциативной сети, позволяющие проникнуть в таинство перевода мыслекода (термин Ст. Пинкера), т.е. языка мысли в язык слов. На втором уровне откроется понимание перекодирования референтной картины мира в концептосферу нарративного текста, отображающую векторы ценностно-смысловой сущности языковой личности. На прагматическом уровне предстоит увидеть, с помощью каких речевых средств осуществляется воплощение авторского замысла в нарративном дискурсе, формируется психоэмоциональный фон повествования. В русском словесно-художественном творчестве образцами нарративного повествования являются известные трилогии Льва Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» и Максима Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты». Эгоцентрическим повествованием пронизано «Лето Господне» И.С. Шмелева. Такие речевые произведения достаточно рельефно отображают особенности языковой личности писателя.

Языковая личность рассматривается нами как некий текстопроизводящий субъект, стремящийся поделиться жизненными историями в соответствии с социокультурными установками своего дискурсивного сознания. Это требует рассмотрения сущности нарратива в сопряжении с дискурсивной деятельностью коммуниканта. Согласно традиционному подходу, в человеческой деятельности над чувственными и подсознательными проявлениями преобладает разумное начало. И по этому критерию оторванный от психоэмоциональной жизни дискурс как эмпирическое отражение событийной истории противопоставлен нарративу, ориентированному на изначальное, эмоционально-интуитивное, восприятие референтного события.

Событие является базовой категорией нарратива. В нем инкорпорируется референтная и коммуникативная событийность. Еще Гегель настаивал на целесообразности «установить различие между тем, что просто происходит, и определенным действием, которое в эпическом произведении принимает форму события». Применительно к разрабатываемой нами теории нарративного дискурса то, «что просто происходит», называется происшествием, житейской историей, которая становится событием только в результате авторефлексии коммуниканта. Как писал Ю.М. Лотман, событие является продуктом пристрастной интерпретации особенно значимой в жизни повествователя истории. Из сказанного следует, что под нарративом понимается некий рассказ о событии непременно в субъективной интерпретации повествователя.

Дискурс – актуализированная житейская история, оживленный в памяти фрейм о когда-то происшедшем. Он обладает свойствами хронотопа и поэтому ограничен временными рамками актуализации воспроизводимой истории. За пределами повествования дискурс угасает. Текст же вневременная категория. Как гласит в устах Воланда фраза М. Булгакова, «рукописи не горят». При этом под текстом понимается ценностно-смысловое содержание запечатленного в нем образа мира. Тем самым текст – не бумага, которая может сгореть, текст, в метафорическом определении Ю.М. Лотмана, – некая «символическая Вселенная». И в этом смысле текст не тленен, вечен, тогда как дискурс лимитирован временем порождения нарратива.

Нарратив, как и любой текст, вне дискурсивной деятельности не появляется. Ему всегда предшествует дискурс. Однако от обычного текста, фиксирующего событие в статике, нарратив отображает психоэмоциональное движение души, динамику заново переживаемой истории. Дискурс – имплицитно выраженная спонтанная модель текстового представления истории; текст – семиотически воплощенный продукт ее экспликации; нарратив – психоэмоциональная матрица, в которой эта история, ставшая событием, интерпретируется. Нарратив позволяет производить декодирование скрытых дискурсивных смыслов, поскольку нарратив порождается дискурсом. Погружение в нарративную историю, автоматически включает дискурсивное сознание, воссоздает дискурсивную ситуацию.

В нарративе происходит слияние материального субстрата текста с мысленной речемыслительной средой. Только в такого рода амальгаме (лат. *amalgama* — «сплав») и возможна наррация (термин Ж. Женетта) – повествовательный процесс, формирующий нарратив (продукт этого процесса). В результате такой инкорпорации осуществляется субъективное изложение переживаемой коммуникантом жизненной истории. Через понятие наррации Жерар Женетт пытался, как он сам выразился, «подступиться к производящей инстанции нарративного дискурса. Ею, по мнению ученого, и является наррация, или «изложение истории». Под изложением жизненной истории Ж. Женетт понимал «порождающий повествовательный акт», он же «инстанция повествования» [Genette G., 1982: 3].

Наррация – разновидность повествования, которая отличается от описания и рассуждения своей динамичностью, временной последовательностью (жизненная история раскрывается в хронологической последовательности) и структурной организацией. В качестве примера может служить рассказ К. Паустовского «Наедине с осенью»: «...Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне показалось, что я оглох во сне. Я лежал с открытыми глазами, долго прислушивался и наконец, понял, что я не оглох, а попросту за стенами дома наступила необыкновенная тишина. Такую тишину называют «мертвой». Умер дождь, умер ветер, умер шумливый, беспокойный сад. Было только слышно, как посापывает во сне кот.

*Я открыл глаза...». В повествовании преобладают глаголы совершенного вида (в разных временных формах, чаще в перфекте (от лат. *perfectum* – совершенное, совершенное). Перфект служит той видо-временной формой, которая позволяет представить результат или следствие какого-либо происшествия, имевшего место в прошлом, актуальном к моменту речи: *я проснулся, мне показалось, что я оглох, долго прислушивался и наконец, понял; наступила необыкновенная тишина.**

Событие само по себе нарратив не порождает. Оно выступает референтным основанием нарратива, источником производимого автором смысла, который экспонируется в конкретном повествовании о переживаемой жизненной истории, которая не является событием. Несмотря на сходство истории с событием, данные понятия, по мнению В. Шмида, целесообразно различать [Шмид В., 2003]. История – прошлые события в их динамическом развитии, а нарратив – это субъективное изложение события как некой цепочки включенных в него эпизодов. Такое личностно интерпретируемое происшествие – категориальный остов коммуникативного события. Для перехода истории в событие она должна быть значимой для повествователя.

Итак, дискурс, текст и нарратив генетически и функционально взаимосвязаны. Дискурс – имплицитно выраженный образ референтного события. Текст открывает дверь в таинство мыслекодового воспроизведения житейской истории. Нарратив через текст и дискурс эксплицитирует скрытые движения души и переживания повествователя.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф., Нуртазина М. Б., Шахпутова З. Х. Автохтонная синергия русского художественного дискурса // Русистика. 2021. Т. 19, № 3. С. 253–270.
2. Васильев Л. М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы : учебное пособие. Уфа : РИЦ БашГУ, 2012.
3. Попов А. Ю. Основные отличия текста от дискурса // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 38–45.

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПАРАДИГМАХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. Текст в любом его виде всегда представлял интерес для исследователей. В современных реалиях все формы текста – устный, письменный, креолизованный – являются объектом пристального внимания экспертов, изучающих текст в рамках лингвистических экспертиз. В настоящей статье автор обращает внимание на различные аспекты исследования текста в рамках современных парадигм судебной лингвистики.

Ключевые слова: судебная лингвистика, лингвистическая экспертиза, исследование текста, креолизованный текст, юрислингвистика

Alymova E.V.
*Astrakhan branch of the Saratov State Law Academy,
Astrakhan, Russia*

TEXT AS AN OBJECT OF LINGUISTIC EXPERTISE IN THE PARADIGMS OF MODERN LINGUISTICS

Abstract. Text in its any form has always been of interest to researchers. In modern realities, all forms of text – oral, written, creolized – are the object of close attention of forensic experts studying the text within the framework of linguistic expertise. In this article the author draws attention to various aspects of text research within the framework of modern paradigms of forensic linguistics.

Keywords: forensic linguistics, linguistic expertise, text research, creolized text, legal linguistics

Лингвистическая экспертиза обладает широким арсеналом методов исследования письменных и устных текстов, а слово в последнее время приобрело аллегорический статус оружия, от которого пострадать могут как окружающие, так и сам его хозяин.

Как отмечает в своем исследовании Н.Д. Голев: «Экспертиза конфликтных текстов, попавших в сферу судебного или следственного анализа, есть серьезное лингвистическое исследование и к нему приложимы многие требования исследования, в том числе соответствие новым подходам и методам. Несомненно, что большинство экспертиз конфликтных текстов, вовлеченных в сферу следственных действий и судебных разбирательств, в той или иной мере представляют собой лингвистические исследования, поэтому неизбежен вопрос о необходимой и достаточной глубине таких исследований. В этой связи встает вопрос и о включенности экспертизы в современную научную парадигму (это, разумеется, один из критериев глубины), о привлечении новейших подходов и методик текстологического анализа» [Голев 2003, с. 64–73].

Исследования текста как объекта, несущего важную релевантную информацию, проводится в рамках судебных лингвистических экспертиз:

- по административным делам об оскорблении и гражданским делам о защите чести, достоинства и деловой репутации,
- по уголовным делам о клевете, дискредитации и фейках,
- по уголовным делам о коррупции,
- по делам об угрозе, вымогательстве и иных формах психологического насилия,
- по делам об экстремизме и терроризме,
- по делам, связанным с пропагандой порнографии и наркотических веществ,
- по делам о недобросовестной рекламе и т.д.

Исследование текстов договоров также в последнее время становится востребованным ввиду того, что люди стремятся официально закрепить свои права и обязанности в рамках правового поля.

В реалиях современной российской действительности, когда количество кредитных организаций, несмотря на ужесточение требований к их существованию, растет с каждым годом, востребованность получает толкование содержания текстов кредитных договоров для

определения наличия языковых ошибок и противоречий, которые могут ввести стороны в заблуждение относительно существенных условий сделки. Привлекаемый эксперт-лингвист исследует текст на предмет языковых ошибок, искажающих буквальный смысл договора, выявляет противоречия.

Обнаруженные по результатам лингвистического исследования текста договора языковые ошибки и противоречия относительно существенных условий сделки могут стать аргументом в пользу расторжения кредитного договора в судебном порядке.

Эксперт-лингвист проводит исследование сложных синтаксических структур, примененных составителем кредитного договора, выявляет все допущенные им противоречия и раскрывает их суть, научно обосновывая свои выводы.

Лингвистическое исследование текста может потребоваться при невозможности однозначно истолковать положение договора из-за двусмысленности используемой терминологии, отсутствия толкований используемых понятий, отсутствия необходимых частей договора или неверной расстановки знаков препинания.

Еще одним нестандартным видом лингвистического исследования текста является изучение процессуальных документов (протоколов допросов, определений и приговоров) на предмет фальсификации показаний и искажения сообщаемой информации.

В рамках исследования протоколов допросов эксперт-лингвист может провести исследование текста договора по двум основным направлениям:

1. Устанавливает, является ли автором зафиксированных показаний определенный человек. Зачастую допрашиваемый, поняв, что его показания теперь ему же самому «мешают», начинает отказываться от сказанного и зафиксированного ранее, ссылаясь на то, что не говорил этого, а протокол подписал, не читая или под давлением. При этом аргументом защитника становится как раз автороведческая экспертиза, которая говорит о том, что его доверителю не присущ подобный речевой паттерн и подобные мыслеформы.

Любой текст как устный, так и письменный, характеризуется набором признаков, отражающих творческий характер труда автора и индивидуализирующих сам этот текст.

При создании текста протокола часть индивидуализирующих признаков, присутствующих в устной речи допрашиваемого, сохраняется, наследуется производным письменным текстом. То есть в тексте допроса проявляется определенная совокупность признаков, являющихся индивидуализирующими для речи допрашиваемого.

В УПК РФ дается достаточно подробное описание процедуры составления протоколов допроса и формы фиксации сведений. В п. 2 ст. 190 УПК РФ регламентируется порядок фиксации информации в протоколе допроса следующим образом: «2. Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно...».

Сама формулировка предложения предписания «Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно» пресуппозитивно допускает определенную степень искажения речи допрашиваемого, что, естественно, продиктовано необходимостью обеспечения дальнейшей трансформации устной формы текста в письменную, адекватную для понимания и обработки на последующих этапах разбирательства по делу. Такая форма изложения позволяет нам говорить о возможности наличия в тексте описательной части индивидуально-авторских особенностей речи, что дает основания анализировать эту часть текста с точки зрения атрибуции, отвечая на поставленный перед экспертом вопрос об авторстве высказываний [Месропян 2017, с. 116–127].

2. В рамках лингвистического исследования текстов протоколов допросов эксперт, используя современные методы исследования, может определить, содержатся ли в показаниях одного и того же лица или нескольких лиц признаки искажения сообщаемой информации. Ответить на данный вопрос можно, не только исследуя речевое поведение допрашиваемого, зафиксированное на видео (т.е. устный текст), но и анализируя информацию, которая уже прошла переработку лицом, составившим протокол допроса (т.е. текст письменный).

Для этого проводится сравнительно-сопоставительный анализ сообщений допрошенных при их свободном рассказе и ответах на вопросы следователя или защитника, зафиксированных в тексте протокола. Сопоставление информативно-смыслового содержания осуществляется экспертом-лингвистом следующим образом [Абрамкина 2019, с. 97–108]:

а) сопоставление одноименных элементов события, одновременно описанных допрашиваемым в ходе допросов и дачи объяснения;

- б) сопоставление связанных между собой и производимых элементов события, освещаемого в процессе допроса;
- в) сопоставление одноименных и связанных между собой обстоятельств по показаниям допрашиваемого на разных допросах и в объяснении;
- г) сопоставление одних и тех же обстоятельств в показаниях допрашиваемого;
- д) сопоставление отдельных обстоятельств события в описании с иными данными о тех же обстоятельствах.

При этом для дифференциации исследуемого речевого материала все объяснения и показания, содержащие признаки искажения сообщаемой информации, структурируются по информативным блокам.

По итогам такого исследования эксперт-лингвист может сделать однозначный вывод об искажении самими допрашиваемыми информации, представленной в протоколах допросов.

Особняком в современных лингвистических исследованиях стоят креолизованные тексты, представляющие собой синтез естественного языка с различными семиотическими системами, то есть включающие в себя вербальный и невербальный компоненты. Первое определение креолизованного текста мы находим еще в 1990 году у Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова [Сорокин, Тарасов 1990, с. 15], которые определяют его как «текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)».

В рамках судебных лингвистических экспертиз креолизованные тексты исследуются при расследовании дел об экстремизме, дискредитации Вооруженных сил РФ, разжигании вражды и расовой ненависти. Основная цель таких текстов – оказать эмоциональное внушающее воздействие на адресата для формирования у него нужных автору текста взглядов, идеологии, побудить к каким-либо деструктивным действиям.

Таким образом, следует отметить, что потенциал исследования текста (устного, письменного, креолизованного) в парадигмах современной лингвистической экспертизы безграничен. На современной стадии развития лингвистическая экспертиза вносит значительный вклад в обеспечение научных основ российского правосудия, востребована по широкому спектру административных, гражданских и уголовных дел.

В наши дни потенциал лингвистической экспертизы текста достиг высокого уровня, в том числе благодаря регулярному обмену опытом между специалистами и созданию профессиональных сообществ и объединений. Все это обеспечивает эффективное решение поставленных задач и делает текст неиссякаемым источником информации для исследователей.

Литература

1. Абрамкина Е. Е. Идентификационные признаки протокола допроса и методика автороведческого анализа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 97–108. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-97-108.
2. Голев Н. Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах : сборник материалов межрегионального научно-практического семинара (Москва, 07–08 декабря 2002 г.) / под ред. М. В. Горбаневского. М. : Галерея, 2003. С. 64–73.
3. Месропян Л. М. Лингвистическая экспертиза протоколов допроса: речевая идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений // Процессуальные действия вербального характера : сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола (Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2016 г.) / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. Санкт-Петербург : Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2017. С. 116–127.
4. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1990. 240 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022).

Антимонова О.Н.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Волгоградский институт управления,
г. Волгоград, Россия,
Антимонова Е.Е.
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. Статья рассматривает вопросы формирования языковой политики в Казахстане на современном этапе. Дается анализ предпосылок зарождения многоязычного образования с периода присоединения казахского ханства к Российской империи и реализацией национальной программы мультилингвального образования на современном этапе. В статье уделено особое внимание анализу условий распространения русского языка на территории Казахстана с конца XVIII века и причин его существования как языка элитных образованных слоев населения за годы советской власти. Продемонстрированы причины появления необходимости разработки и реализации государственного культурно-образовательного проекта «Триязычное образование». Рассмотрены приоритетные направления его реализации, а также проанализированы сильные и слабые стороны данного проекта. Отмечено, что целью мультилингвального (трехязычного) образования в Казахстане является формирование у студентов мультилингвальной (трехязычной) компетенции в высшей школе посредством многокомпонентного лингвокультурологического процесса, направленного на развитие у будущих специалистов профессиональных навыков и способствующего расширению их возможностей как квалифицированных специалистов на международном рынке труда. Отмечена тенденция снижения распространения русского языка в Казахстане на современном этапе, проанализированы причины такой тенденции. В сложившейся ситуации подчеркивается, что хотя в школах и высших учебных заведениях Казахстана заметно сократилось количество часов, выделяемых учебными планами и образовательными программами на изучение русского языка, а его изучение даже в русскоязычных школах ведется по методике обучения второму иностранному языку, овладение русским языком на высоком уровне стоит в приоритете казахстанской молодежи и является залогом получения престижного образования и дальнейшего карьерного роста.

Ключевые слова: мультилингвальное обучение, высшая школа, социокультурная компетенция, образовательная парадигма, второй иностранный язык

Antimonova O.N.
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Volgograd Institute of Management, Volgograd, Russia,
Antimonova E.E.,
Financial University under the government
of the Russian Federation, Moscow, Russia

TO THE QUESTION OF THE LANGUAGE POLICY IN KAZAKHSTAN

Abstract. The article considers the formation of language policy in Kazakhstan at the present stage. An analysis is given of the prerequisites for the emergence of multilingual education since the period of the Kazakh Khanate joining the Russian Empire and the implementation of the national program of multilingual education at the present stage. Special attention was paid to the analysis of the conditions for the spread of the Russian language in the territory of Kazakhstan since the end of the 18th century and the reasons for its existence as the language of the elite educated population during the years of Soviet Union. The reasons for the emergence of the need to develop and implement the state cultural and educational project "Trilingual Education" are demonstrated. The priority directions of its implementation are considered, as well as the strengths and weaknesses of this project are analyzed. It is noted that the goal of multilingual (trilingual) education in Kazakhstan is the formation of students' multilingual (trilingual) competence in higher

education through a multicomponent linguo-culturological process aimed at developing professional skills among future specialists and contributing to the expansion of their opportunities as qualified specialists in the international labor market. A trend towards a decrease in the spread of the Russian language in Kazakhstan at the present stage is noted, the reasons for this trend are analyzed. In the current situation, it is emphasized that although in the schools of Kazakhstan and higher educational institutions the number of hours for the study of the Russian language have been allocated by curricula and educational programs and has significantly decreased, and its studying, even in Russian-speaking schools, is carried out according to the methodology of teaching a second foreign language, mastering the Russian language at a high level is a priority for Kazakhstani youth and is the key to obtaining a prestigious education and further career growth.

Keywords: multilingual education, higher education, socio-cultural competence, educational paradigm, second foreign language

Казахстан – ближайший геополитический сосед России. Уже более двух столетий две страны связаны стабильными политическими, экономическими и социокультурными связями. В языковой доктрине развития Казахстана акцент сделан на формирование мультилингвальной личности, владеющей в высокой степени казахским, русским и английским языками.

Актуальность нашего исследования заключается в необходимости анализа и дальнейшего принятия мер в сфере распространения русского языка и русской культуры на территории Казахстана, где русская диаспора занимает второе место по численности, но где русский язык заметно сдал свои позиции за последние 10 лет. Кроме того, интересен опыт внедрения триязычного образования с целью формирования конкурентоспособных специалистов.

Целью нашего исследования является оценка влияния факторов глобализационного и интеграционного характера на динамику развития языковой политики Республики Казахстан.

Во времена, когда Россия и Казахстан были союзными республиками СССР, русский язык имел статус государственного, преподавался во всех детских дошкольных учреждениях, школах и вузах. Знание русского языка стало своеобразным билетом для карьерного роста и достижению материальных благ. Все культурные ценности, как и новейшие научные достижения, приходили в Казахстан через перевод на русский язык. Была распространена практика обучения детей в смешанных школах, когда были классы с русским языком обучения и классы с казахским языком обучения. Все «партийное руководство» даже в быту говорило на русском языке, что привело к тому, что казахский язык к концу 80-х годов был на грани вымирания.

В то же время закрытость границ и наличие научной литературы, переведенной на русский язык, а также художественных западных фильмов с дубляжом на русском языке не требовали массового знания иностранных языков. В средних школах преподавались такие иностранные языки, как английский, немецкий, французский с 4 класса. Были и специализированные школы, где обучение иностранным языкам велось со второго класса. Обучение иностранным языкам продолжалось в институтах. Но, так же, как и на территории Российской Федерации, знание иностранных языков в конце 80-х годов XX века можно назвать номинальным. Выпускники вузов не владели коммуникативными компетенциями в необходимой степени.

С приобретением Казахстаном независимости в конце XX века появились задачи доступа к новым технологиям, научным достижениям, достижениям культуры и искусства самостоятельно, без помощи и посредничества России. Для достижения этих целей нужны были свои специалисты со знанием иностранных языков. Кроме того, новые специалисты должны были быть конкурентоспособными и на мировых рынках, где рабочим языком и языком межкультурной коммуникации становился английский язык.

Таким образом, на рубеже XX–XXI веков Казахстан провозгласил новую языковую доктрину. Уникальность этой политики заключалась в том, что она включала в себя обязательное изучение трех языков – казахского и русского как языков основных этнических групп, и английского – как самого распространенного языка межнационального общения и бизнес-коммуникаций. С началом реализации этой политики казахский язык был объявлен государственным языком, а русский – языком межнационального общения.

Принятая в Казахстане концепция трехязычного образования в высшей школе была разработана в 2007 году по личной инициативе первого президента РК Н.А. Назарбаева.

Культурный проект получил название «Триединство языков», предусматривающий создание новой модели образования, способствующей формированию конкурентоспособного специалиста в условиях глобализации и владеющего языковой культурой [Назарбаев 2012, с. 9]. В рамках проекта было предусмотрено, что с 2013 года в школах республики с 1 класса вводится изучение английского языка [Даумова 2011, с. 52]. В среднем звене школы вводится изучение предметов естественно-социального цикла (физики, химия, биологии, компьютерной грамотности) на русском, казахском и английском языках. В высших учебных заведениях должны были сформированы полиязычные группы, в которых преподавание профильных дисциплин велось на трех языках. В дальнейшем термин «полиязычный» был заменен на термин «триязычный» [Антимонова 2017, с. 71].

Планировалось, что с 2017 года учителя средних школ, преподающие предметы естественнонаучного цикла, пройдут обучение на трехмесячных курсах повышения квалификации, в ходе которых пройдут обучение английскому языку от уровня А1 до уровня В2 или С1 по общеевропейской шкале языковой компетенции CEFR. Предусматривалось овладение тематической терминологией и методикой предметно-языкового интегрированного обучения [«О Государственной программе...»]. В 2019 году были приняты поправки, и фокус преподавания четырех предметов естественно-научного цикла сместился на старшее школьное звено, а подготовка педагогов, как и прежде, осталась прерогативой учреждений высшего и средне-специального образования.

В 2018 году в стране функционировали 33 специализированных школы сети «Дарын», 30 лицеев сети «Білім инновация», 20 «Назарбаев интеллектуальных школ». Подобные учебные заведения имеют хорошие статистические показатели – в 2017 году более трети студентов, зачисленных в Назарбаев Университет, были выпускниками лицеев. Конкурс на поступление в лицей-интернат составляет более 30 человек на одно место. Интересен тот факт, что при поступлении дети не сдают экзаменов по английскому языку, потому что впоследствии успешно овладевают им, пребывая в мультиязычной среде учебного заведения: преподавательский коллектив включает в себя специалистов из Турции, Великобритании, Индии и Австралии, а местные учителя проходят подготовку по международным образовательным методикам.

С увеличением количества желающих изучать английский язык школьников и студентов уменьшилось количество тех, кто хотел изучать французский и немецкий. На сегодняшний день в начальной школе, а вследствие этого в высшей школе, изучение французского, немецкого, итальянского и других языков практически не ведется. Исключение составляют вузы, где студенты обучаются филологическим специальностям и изучают эти языки как второй иностранный язык. Стоит также отметить возросший интерес к изучению китайского языка, хотя его изучение идет индивидуально, либо в качестве второго иностранного языка студентами филологических специальностей.

К сожалению, при сравнительном анализе разнообразия изучаемой языковой палитры в Казахстане XX века и XXI века становится очевидным, что вектор парадигмы обучения языкам сместился в сторону изучения трех языков. Изучаемые в годы СССР языки малых народов, такие, как узбекский, преподавание на которых велось в школах с компактным проживанием той или иной народности, на данном этапе отсутствуют в учебных планах, преподавание на них не ведется.

Связано это с тем, что, по требованиям министерства образования РК, итоговый аттестационный контроль знаний по окончании средней школы проводится в форме ЕНТ на русском или казахском языках.

Примечательно то, что за последние десятилетия увеличилось число средних учебных заведений и вузов, ведущих обучение на турецком языке. Связано это в первую очередь с тем фактом, что на территории Казахстана за годы независимости открылись несколько лицеев и университетов, учредителями которых является турецкая сторона, и обучение в них ведется частично на турецком языке [Селиверстова 2017, с. 27].

Несмотря на подобные тенденции, русский язык в силу геополитического и экономического влияния России на соседние страны, сохраняет свой статус рабочего языка таких региональных организаций, как СНГ, ОДКБ и ШОС. Немаловажным также является значение русского языка в сфере науки и образования: несмотря на постепенное сокращение часов преподавания русского языка в национальных республиках, наблюдается неуклонное увеличение количества студентов из стран СНГ. Согласно данным, опубликованным Министерством

образования и науки Российской Федерации, доля таких студентов, обучающихся по программам высшего образования, возросла с 40 тысяч человек в 2005 до 185 тысяч в 2019 году. Из них 65 % составляют граждане Казахстана [Арефьев 2015, с. 19].

Литература

1. Антимонова О. Н. Интеграция Казахстана в мировое сообщество на основе внедрения триязычного образования // Лучшая научно-исследовательская работа 2017 : сборник статей победителей VII Международного конкурса (10 апреля 2017 г., г. Пенза). Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 171–174.
2. Арефьев А. Л. Русский язык в мире: прошлое, настоящее, будущее // Слово.ру: Балтийский акцент. 2015. № 4. С. 19–43.
3. Даумова Б. Б. Аспекты этнокультурного образования и поликультурного воспитания в условиях Республики Казахстан // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия: Педагогика и Психология. 2011. № 3. С. 52–61.
4. Назарбаев Н. А. Послание Народу Казахстана. «Новый Казахстан в новом мире». Январь, 2012. URL: <http://www.akorda.kz>.
5. О Государственной программе функционирования и развития языков на 2001–2010 годы. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U010000550_ (дата обращения: 18.09.2022)
6. Селиверстова О. А. Языковая политика как инструмент реализации «мягкой силы» в политическом дискурсе XXI века: на материале российских, американских и китайских СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2017.

Антропова В.В.
*Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Россия*

МИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС В РЕГИОНАЛЬНЫХ МАСС-МЕДИА: КЛЮЧЕВЫЕ АКСИОЛОГЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАВМЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» (2022).

Аннотация. Автор выделяет две разновидности регионального масс-медийного дискурса миграции, ставшей следствием обострившихся социально-политических несогласий: субдискурс о беженцах и субдискурс об эмигрантах. В каждой разновидности определены сценарии репрезентации травмирующего события, выявлены ключевые аксиологемы.

Ключевые слова: региональные масс-медиа, общественно-политические трансформации, социальная травма, миграционный дискурс

Antropova V.V.
*Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia*

MIGRATION DISCOURSE IN REGIONAL MASS MEDIA: KEY AXIOLOGEMS OF SOCIAL TRAUMA REPRESENTATION

The study was carried out with the financial support of the Foundation for Advanced Scientific Research of Chelyabinsk State University (2022)

Abstract. The author identifies two types of regional mass-media discourse of migration, which has become a consequence of aggravated socio-political disagreements: subdiscourse about refugees and subdiscourse about emigrants. In each variety, scenarios for the representation of a traumatic event are defined, key axiologems are identified.

Keywords: regional mass media, socio-political transformations, social trauma, migration discourse

Постоянной чертой современного мира становятся кардинальные социальные перемены, многие из которых имеют травмирующий эффект. В связи с этим в последнее время весьма востребованной в гуманитарных исследованиях становится теория травмы, которая

призвана обозначить направленность трансформационных процессов, объяснить их ценностно-смысловое содержание, встроить травмирующие события в общий социальный контекст, то есть сделать их элементом некоей общей системы, которая подвластна социальному контролю, что поможет минимизировать их деструктивные последствия. Расширяя границы медицинской метафоры, П. Штомпка вводит понятие культурной (социальной) травмы и определяет ее так: это «деструктивное воздействие на социальное тело» [Штомпка 2001, с. 7]. По его мнению, любая общественная трансформация обладает травмирующим характером, поскольку проявляет себя через «состояние напряжения» и приводит к «дезорганизации, смещению, несогласованности в социальной структуре или культуре», потере «гомогенности, согласованности и стабильности» [Штомпка 2001, с. 8].

Региональные масс-медиа, выполняя функции социальной ориентации, коллективной идентификации, предлагают читателям определенные стратегии восприятия, понимания, переживания травмирующих событий в рамках близкой, знакомой им локации, что повышает терапевтический эффект совместного, коллективного переживания травмы.

Одним из травмирующих событий последнего времени стала миграционная кампания, явившаяся следствием обострения политической напряженности на востоке Украины. Поставив цель – выявить основные ценностные смыслы миграционного дискурса в региональных масс-медиа, в качестве источника информации мы выбрали 74.ru – челябинское подразделение крупнейшей в России сети Shkulev Media Holding, публикующее новостной и развлекательный контент. Информационная политика онлайн-медиа основывается на следующих ценностных ориентирах, сформулированных в виде слоганов: «Любим наш город», «Заботимся о горожанах», «Всегда онлайн», «Независимы и объективны».

Поскольку рассматриваемая миграционная кампания в масс-медиа представляется двумя разновидностями (иммиграция беженцев и эмиграция публичных персон, а также других граждан) и, соответственно, миграционный дискурс образуют два субдискурса (субдискурс о беженцах и субдискурс об эмигрантах), мы сформировали эмпирическую базу, состоящую из 80 публикаций, собранных методом сплошной выборки, репрезентирующих эти два процесса. Хронологические рамки проведенного исследования – 24.02–10.06.2022.

Субдискурс о беженцах представлен 59 публикациями и 90 контекстами (то есть в 59 материалах зафиксировано 90 случаев вербализации / лексической объективации процесса). В качестве основного вербализатора в обнаруженных контекстах выступила лексема «беженец» и ее формы. Семантический анализ данного слова свидетельствует о высокой степени травматичности этого субдискурса, так как речь идет о людях, которые «покинули место своего жительства, спасаясь от бедствия» [Современный толковый словарь русского языка 2002, с. 35], «утратили защиту собственной страны и вынуждены искать ее на территории чужого государства» [Мощанская 2020, с. 46]. Таким образом, ценностно-семантическое поле лексемы «беженец» в русской языковой картине мира представлено такими элементами значений, как «бедствие», «вынужденность перемещения», «стихийность предпринимаемых действий», «чужие», «утрата защиты», «поиск спасения», «поиск защиты».

Применяя метод анализа содержания (контент-анализ), мы выявили следующие сценарии представления данного травмирующего события в публикациях на региональном информационном портале 74.ru, которые представляют уже не общеязыковую, а дискурсивную картину мира – то есть «соотнесенную с этнической языковой картиной мира, реализованную как ее социально и функционально детерминированный вариант» [Резанова 2011, с. 184]:

1) прибытие украинских беженцев на территорию России и, соответственно, их принятие субъектами РФ, в первую очередь по понятным причинам речь идет о Челябинской области, а также Ростовской, Волгоградской областях, Крыме (28 контекста);

2) оказание беженцам в России правовой, медицинской, социальной, финансовой, психологической помощи (в частности, сообщается о содействии беженцам в получении гражданства, паспорта, оформлении документов, подборе вакансий, устройстве детей в образовательные организации, выплате единовременных пособий, материнского капитала, психологическом консультировании) (23 контекста);

3) прибытие украинских беженцев в другие страны (Польшу, Словению, Румынию, Молдову, Венгрию, Беларусь, Германию, США, Турцию) и их принятие (14 контекстов);

4) намерение субъектов РФ (Челябинской, Ростовской областей) принять беженцев, готовность организовать для них пункты временного размещения (7 контекстов);

5) сбор денежных средств для беженцев российскими общественными деятелями (6 контекстов);

6) оказание беженцам гуманитарной, правовой, финансовой помощи другими странами (Словенией, Австралией, США, Словакией) (4 контекста);

7) сбор денежных средств для беженцев за рубежом (в Польше, США) в результате проведения благотворительных акций, пожертвований коммерческих и некоммерческих организаций (3 контекста);

8) развитие миграционного кризиса в других странах (Голландии, Словакии) в результате наплыва беженцев (3 контекста);

9) намерение других стран (Франции, Англии) принять беженцев (2 контекста).

Можно наблюдать, что в субдискурсе о беженцах в подавляющем большинстве примеров речь идет либо об оказанной помощи, либо о намерении оказать помощь. Таким образом, если в языковой картине мира ключевыми аксиологемами становятся «потребность в спасении, защите», «поиск защиты, спасения», то в дискурсивной картине мира говорится о реализации этих базовых потребностей и интенций, поскольку репрезентируются аксиологемы «оказание помощи», «предоставление защиты». Под аксиологемой мы понимаем выраженные в языке смыслы, формирующие у носителей лингвокультуры аксиокатегории [Кретов, Стародубцева 2016, с. 140; Романова 2019, с. 6]. В журналистских материалах о беженцах факт их переселения в подавляющем большинстве примеров номинируется глаголами и отглагольными существительными «прибыли», «принять», «прием» (*прибыли беженцы, принять беженцев, прием беженцев*), употребление которых очень часто сопровождаются модальностью возможности (*готовность принять, готовы к приему, подготовленные специалисты*), что в совокупности актуализирует потенциал аксиологем «включение», «принятие», «согласие», «единение», «единство», «коллективизм».

Субдискурс об эмигрантах представлен 21 журналистскими материалами и 86 контекстами (то есть зафиксировано 86 случаев вербализации этого процесса в публикациях). Анализ ключевого объективатора – «эмигрант» – характеризует эмиграцию все же как менее травмирующее событие, нежели переселение беженцев, поскольку речь идет о людях, «вынужденно или добровольно переселившихся из своего отечества в другую страну по экономическим, политическим или религиозным причинам» [Современный толковый словарь русского языка 2002, с. 951]. Таким образом, в языковой картине мира, во-первых, наряду с семой «вынужденность перемещения» фигурирует сема «добровольность переселения», во-вторых, обнаруживают себя элементы значения «причинность переселения», «обоснованность поступка», «рациональность совершаемых действий», что маркирует факт эмиграции как определенный способ выражения позиции.

Анализируя репрезентацию процесса эмиграции в дискурсивной масс-медийной картине мира, мы обнаружили два сценария «переживания» этого травмирующего события:

1) отъезд рядовых граждан из России в другие страны (Сербию, Шри-Ланку, Таиланд, Турцию, Польшу, Израиль, Армению, Грузию, Египет, ОАЭ) по экономическим, социальным причинам (заинтересованность в сохранении привычных условий труда, социального комфорта, отсутствие на прежнем месте карьерных перспектив) (61 контекст);

2) отъезд публичных персон (артистов, режиссеров, журналистов, бизнесменов) из России в другие страны (Израиль, Латвию, Францию, Грецию, Испанию) по политическим и экономическим соображениям (25 контекстов).

В данном субдискурсе факт переселения либо номинируется безоценочными глаголами и отглагольными существительными «уехать», «улететь», «эмигрировать», которые обозначают направленность действия (*эмигрировали из России, уезжают из России, улетел из России, уехал из России, отъезд во Францию, уехала в Брюссель, перебрался в Белград, переехали в Армению, переезд в другую страну*), либо, напротив, оценочным глаголом «покинуть» (*покинули страну, покинули Россию*), актуализирующим семы «прекращение совместной жизни с кем-либо», «прекращение связи с кем-либо» [Современный толковый словарь русского языка 2002, с. 562]. Сами же субъекты этого процесса называются «эмигрантами», «заинтересованными в релокации», «уезжающими за границу», «переехавшими за рубеж челябинцами». Таким образом, авторы медиатекстов стараются избегать оценок подобных действий, если же оценка и приводится, то исключительно в составе цитаты, например: *люди, не совсем согласные; люди с альтернативной точкой зрения* (автор цитирует мнение Ф. Киркорова). Мы можем заключить, что эмигрантский дискурс, в отличие от дискурса о беженцах, менее оценочный, в нем обнаруживают себя аксиологемы «исключение», «разрушение связи, единства», «отчуждение», «индивидуализм» «обоснованность поступка», «рациональность совершаемых действий».

Таким образом, миграционный дискурс в региональных масс-медиа, ставший следствием обострившихся социально-политических отношений, обнаружил себя в двух разновидностях: субдискурсе о беженцах и субдискурсе об эмигрантах. Первый оказался более ценностно заряженным, в нем находят реализацию такие аксиологемы, как «включение», «принятие», «помощь», «отзывчивость», «активная забота об общем благе», «согласие», «единение», «единство», «коллективизм», отрицается оппозиция «свой – чужой». Второй субдискурс, менее оценочный и более фактологичный, апеллирует к таким ценностным смыслам, как «исключение», «разрушение связи, единства», «отчуждение», «индивидуализм», «обоснованность поступка», актуализируется дихотомия «свой – чужой».

Литература

1. Кретов А. А., Стародубцева Ю. А. Русские аксиологемы по данным МАСА-2 // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 140–154.
2. Мощанская Е. Ю. Устный перевод в миграционном дискурсивном пространстве: проблемы, дидактика // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика : монография. Пермь : Пермский гос. нац. исследовательский ун-т, 2020. С. 45–83.
3. Резанова З. И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184–194.
4. Романова Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности : монография. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019.
5. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2002.
6. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Бадалова Е.Н.

*Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия*

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изучения РКИ с применением учебно-методического пособия. Актуальность обусловлена отсутствием пособий с включением регионального материала.

Ключевые слова: РКИ, русский язык, обучение, текст, художественный текст, урок русского языка как иностранного, предтекстовая работа, притекстовая работа, послетекстовая работа

Badalova E.N.

*Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

LINGUISTIC ASPECT IN TEACHING RSL AT HIGHER SCHOOL

Abstract. The article discusses the features of the study of Russian as a foreign language with the use of teaching aids. The relevance is due to the lack of manuals with the inclusion of regional material.

Keywords: RFL, Russian language, education, text, art text, Russian as a foreign language lesson, pre-text work, post-text work

Современный университет предоставляет разные и равные возможности для всех категорий обучающихся. Принцип «доступность качества» предполагает создание равных условий получения качественного образования каждым обучающимся при разных стартовых возможностях. Наряду с этим остро стоит вопрос социальной и культурной адаптации иностранных студентов. Оказываясь в новой среде, они сталкиваются в первую очередь

с городскими реалиями: знакомство с правилами русского речевого этикета, транспорт, безопасность дорожного движения, ориентация в городе.

Ученые отмечают, что усвоение бытовой лексики происходит достаточно быстро (500–700 лексических единиц), но этого может быть недостаточно для успешного обучения в вузе. Как пишет К.С. Евсеенкова, «для предотвращения подобных проблем необходимо повышать уровень знания русского языка обучающихся посредством дополнительных занятий» [Евсеенкова].

Язык и культура, их взаимосвязь и взаимодействие – вопрос, который рассматривался с древних времен различными языковедческими и философскими школами, однако должное внимание к реалиям страны изучаемого языка и выделение лингвострановедения как самостоятельной дисциплины происходит лишь в конце XIX – начале XX в. Вопрос о связи языка и культуры прочно обосновался в методике преподавания русского языка как иностранного. Это обусловлено кумулятивной или накопительной функцией языка, т.е. способностью языка «отражать, фиксировать и сохранять в языковых единицах экстралингвистическую информацию» [Дмитриева].

Применяемый термин состоит из двух корней *lingua* – язык + страноведение и трактуется как «аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач» [Пассов 1999].

Лингвострановедение является важной составляющей процесса обучения иностранным языкам и в качестве дисциплины должен осваиваться при обучении иностранных студентов на занятиях по РКИ. Его теоретические основы и практические аспекты рассмотрены в многочисленных исследованиях Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Иностранные студенты, обучающиеся в России, должны изучать русский язык для участия в реальной коммуникации в социальной среде, а также в профессиональной деятельности. По мнению этих ученых, лингвострановедение представляет собой аспект преподавания РКИ, в котором лингводидактически необходимо продемонстрировать учащимся употребление русского языка во всех его коммуникативных проявлениях, основанных на фактах реальной жизни.

В процессе преподавания РКИ реализуется кумулятивная функция языка и осуществляется аккультурация иностранных студентов посредством русского языка [Пассов 1999].

В числе ключевых умений иностранного студента по итогам начального этапа курса русского языка как иностранного: умение работать с письменными текстами (пользоваться различными видами чтения; переходить с одного вида чтения на другой; выразительно читать проанализированные на занятии художественный, публицистический, научно-популярный тексты); находить необходимую книгу или статью, пользуясь библиографическими списками, картотеками, каталогами; пользоваться библиографической карточкой; осуществлять библиографическое описание книги одного – двух авторов; различать научные, официально-деловые, публицистические и художественные письменные тексты; составлять простой план письменного текста.

Успешное освоение образовательной программы строится на общеучебных умениях, обеспечивающих поиск, переработку и использование информации для решения учебных задач, неразделимо связанных с преподавательским «знанием мотивов учащегося, его коммуникативных потребностей, стратегий овладения языком» и стратегий использования учащимся полученных навыков [Гришина].

Итак, лингвострановедение направлено одновременно на обучение РКИ и ознакомление с основными сведениями о России, фактами русской культуры с целью формирования у иностранных студентов коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации. Однако учебников и учебно-методических пособий, содержащих не только общую страноведческую информацию о нашей стране, но и региональный компонент (сведения о конкретном городе России, где в данный момент обучается инофоне), недостаточно.

Учебно-методическое пособие «Астрахань – Каспийская столица: лингвострановедение» (2020 г.) предназначено для бакалавров, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование», изучающих дисциплину «Лингвострановедение», состоит из шести разделов-тем, способствующих развитию языковой, речевой и коммуникативной компетенций, поскольку умение общаться на русском языке является приоритетным направлением всей системы обучения иностранных студентов. Основой каждой из представленных тем являются аутентичные тексты, связанные с уникальным историческим наследием Астрахани, экономическим и торговым процветанием, основу которого заложило

влиятельное астраханское купечество, прославившееся не только своим колоссальным богатством, но и щедрой благотворительностью, благодаря которому преобразался город, строились гимназии, больницы, приюты, архитектурные комплексы, признанные позже культурными. Кроме этого, в текстах нашли отражение изумительная природа края, национальные традиции и обычаи, культурные и духовные центры региона.

Обратимся к рассмотрению основных возможностей использования пособия в системе обучения русскому языку как иностранному. Его значение в учебно-воспитательном процессе заключается в том, что оно: способствует раскрытию и расширению возможностей воспитательного воздействия преподавателя на студентов; обеспечивает адекватное восприятие ситуации и соответствует коммуникативным целям понимания и употребления русского языка; удовлетворяет информационные потребности иностранных учащихся и способствует использованию полученной информации в речевых высказываниях на русском языке; способствует адаптации студентов-иностранцев к жизни и учебе в Астрахани; повышает эффективность учебно-воспитательного процесса.

Тексты в зависимости от способа подачи информации можно разделить на прагматичные (тексты научного, учебного, справочного характера) и проективные (художественные тексты). В пособии различается три типа заданий по работе с текстом:

- предтекстовые (создание необходимых для восприятия данного текста фоновых знаний и формирование навыков и умений чтения);
- притекстовые (дают коммуникативную установку на целенаправленное чтение);
- послетекстовые (проверка глубины и точности понимания прочитанного, что позволит творчески использовать извлеченную информацию). В пособии учтен принцип поэтапно-концентрической организации занятий. В данной системе занятий выделяется несколько относительно самостоятельных, но тесно между собой связанных этапов усвоения материала от целого (восприятия предложения, текста) к частному (их отдельных компонентов) и опять к целому, т.е. синтез – анализ – синтез.

Книга знакомит обучающихся с географией, народонаселением, экономикой, архитектурой Астрахани, биографией известных астраханцев, способна помочь студентам адаптироваться в новой среде.

Учебное пособие будет способствовать изучению особенностей астраханской культуры, формированию общекультурных компетенций, четкого представления о культурном наследии и ценности традиций, толерантности ко всем формам их проявления.

По словам известного ученого С.А. Хаврониной, каждый учебник работает только там, где он написан, его активно используют сами авторы. В связи с этим необходимо создавать свои базовые учебники, соответствующие учебному плану конкретного вуза и содержащие лингвокультурную, лингвострановедческую информацию региона.

Данная книга представляет собой яркий пример регионального пособия, которое содержит в себе разные виды деятельности, наполнено ситуативными и событийными текстами, раскрывающими национально-культурный компонент и привлекающими внимание студентов к культуре региона.

Литература

1. Астрахань – Каспийская столица: лингвострановедение : учебно-методическое пособие / Бардина Т. К., Голованева М. А., Желнова И. Л., Нефедова Д. С. Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2020.

2. Гришина Ю. В. Работа с текстом в группах русского как иностранного. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/russkii-yazyk/2013/04/02/rabota-s-tekstom-v-gruppakh-russkogo-kak-inostrannog> (дата обращения: 30.08.2022).

3. Дмитриева Д. Д. Лингвострановедческий аспект в системе обучения русскому языку как иностранному (на примере кафедры русского языка и культуры речи КГМУ). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostranovedcheskiy-aspekt-v-sisteme-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-na-primere-kafedry-russkogo-yazyka-i-kultury-rechi> (дата обращения: 30.08.2022).

4. Евсеенкова К. С. Лингвострановедческий аспект в преподавании РКИ в младших классах общеобразовательных школ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostranovedcheskiy-aspekt-v-prepodavanii-rki-v-mladshih-klasseh-obsheobrazovatelnyh-shkol> (дата обращения: 30.08.2022).

5. Пассов Е. И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Липецк : Изд-во Липецк. гос. ун-та, 1999.

Бардина Т.К.
*Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия*

ЭВОЛЮЦИЯ «ВНЕШНЕГО ПОРТРЕТА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА

Аннотация. В статье рассматривается использование цвета как изобразительного средства для передачи И.С. Тургеневым наиболее полной характеристики индивидуального и социального в человеке. Принципы поэтической точности и ясности изображения, продиктованные мировосприятием писателя, использование приема поляризации внешней портретной характеристики героев и их внутреннего мира, приема игры природного света, способствующего пониманию истинного потенциала и натуры человека, такого колористического приема, как концентрация определенного цвета во внешнем облике персонажа, а также использование полифункциональных свойств определенных цветовых единиц являются знаковыми особенностями психологического мастерства Тургенева.

Ключевые слова: свето-цветовой контраст, цветовая деталь, внешний облик, внутренний портрет

Bardina T.K.
*Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

EVOLUTION OF THE "EXTERNAL PORTRAIT" IN THE WORKS OF I.S. TURGENEV

Abstract. The article deals with the use of color as a visual means to convey the most complete characteristics of the individual and social in a person by I.S. Turgenev. The principles of poetic accuracy and clarity of the image dictated by the writer's worldview, the use of the technique of polarization of the external portrait characteristics of the characters and their inner world, the reception of the play of natural light, contributing to the understanding of the true potential and nature of man, such a coloristic technique as the concentration of a certain color in the appearance of the character, as well as the use of multifunctional properties of certain color units are iconic features Turgenev's psychological mastery.

Keywords: light-color contrast, color detail, appearance, internal portrait

Довольно долгое время в художественном изображении литературных портретов преобладала пушкинская традиция, заключающаяся в прямом соотношении между внешностью и характером героев. Однако развитие реалистического метода потребовало от писателей поиска новых выразительных способов и приемов. Причем, эта тенденция, по мнению Л.А. Юркиной, стала характерной для литературного процесса в целом: «Общую эволюцию изображения «внешнего» человека в литературе можно определить как постепенное освобождение его от нормативной заданности, движение к непосредственному самопроявлению и живому контакту с жизнью» [Юркина 1995, с. 72].

И.С. Тургенев, признанный мастер колористического искусства, обращается к поэтике цвета, став автором совершенно новаторского, эволюционного подхода в создании внешнего портрета, контраста между внешним обликом персонажа и его внутренним портретом, решительно развеивая устоявшиеся штампы, используя цветовую деталь, способную выявить через внешнюю трансформацию героев их нравственное преобразование. Так, герой романа «Новь» Соломин изображен следующим образом: *«Наружность – лошадиная в широком смысле. Крупный, костистый, мускулистый; цвет лица желтоватый, волосы белокурые с искорками, лицо длинное, как у ересарха Селиванова, глаза небольшие, серые, умные и симпатичные по простоте своего взгляда; ... губы крупные, хорошие, зубы белые, движения медленные, но неуклюжие, силач; энергия сказывается во всем, в самом смехе»* [Тургенев 1961, с. 134]. Однако такая непритязательная внешность героя освещена его внутренней красотой, которая притягивает к нему людей. Близкое знакомство с ним Нежданова позволяет ему увидеть глубину Соломина, его практический ум, умение не спеша делать простые, но такие нужные дела: *«Соломин сидел близ окна; уже низкое солнце ярко освещало его загорелое, слегка вспотевшее лицо, его белокурые запыленные волосы, зажигая в них множество золотистых точек... Все это, бог ведает почему, нравилось*

Нежданову» [Тургенев 1961, с. 137]. В этом новом видении прослеживается библейская символика, поскольку золотистые блики, озаряющие наружность Соломина, ассоциативно вызывают представление об Иисусе Христе, принесшем себя в жертву во имя людей. Золотистый нимб Спасителя в христианстве является знаком вечного света. Золото, как и белый цвет, напоминает о божественном присутствии и одновременно обозначает «идею очищения страданиями» [Манаков 1990, с. 9]. Аналогичный художественный прием Тургенев использует при изображении внешности Марианны, казавшейся «дурнушкой» с ее круглым лицом, большим орлиным носом, большими светлыми глазами и тонкими бровями и губами. Но под воздействием солнечного света невзрачная наружность девушки совершенно преобразается: *«Солнечный свет, перехваченный частой сеткой ветвей, лежал у нее на лбу золотым косым пятном – и этот огненный язык шел к возбужденному выражению всего ее лица, к широко раскрытым, недвижным и блестящим глазам, горячему звуку ее голоса»* [Тургенев 1961, с. 344]. Это описание настоящей тургеневской красавицы. В ней столько природной энергии, трудолюбия, упорства, силы и смелости. Она способна на самопожертвование, готова умереть за идеалы любимого. В описании внешнего облика героев Тургенев использует прием их удивительного преобразования под влиянием природного света, и в то же время читатель понимает, что источником света становится сила и красота их внутреннего мира.

В противовес невзрачным внешне героям, но богатым духовно, писатель создает колоритные внешне, но абсолютно бездуховные персонажи. Так, герой повести «Несчастливая» Александр Давыдович Фаустов отмечен необыкновенной природной красотой: *«В жизни моей я еще не встречал молодого человека более «симпатичного». Все в нем было миловидно и привлекательно: его стройная фигура, его походка, голос и в особенности его небольшое тонкое лицо с золотисто-голубыми глазами, с изящным, как бы кокетливо вылепленным носиком, с неизменно ласковой улыбкой на алых губах, с легкими кудрями мягких волос над немного суженным, но белоснежным лбом»* [Тургенев 1961, с. 244]. Внешняя привлекательность героя усиливается необыкновенным цветом глаз (золотисто-голубые). В характеристике персонажа золотистый фигурирует дважды (*«Это дико, дико, – говаривал он в таком случае, чуть-чуть пожимаясь и прищуривая свои золотистые глаза»*) [Тургенев 1961, с. 356].

Писатель намеренно использует повторяющуюся цветовую деталь – золотистый оттенок глаз, переходящую в доминанту (золотистые глаза), чтобы разоблачить обманчивое впечатление, которое производят эти красивые глаза. Стремление автора описать прелестные глаза героя при помощи цвета способствует усилению контраста между внешним и внутренним портретами героя. Золотистый – цвет красоты, в обобщенном значении золотой символизирует высшее духовное наслаждение. Писатель умело использует двойственный характер воздействия, присущий золотому цвету, который в портрете Александра Давыдовича Фаустова усиливает полярность внешнего и внутреннего облика героя.

Героиня романа «Дворянское гнездо», Варвара Павловна Ратмирова, красива от природы. Даже розовый блеск ногтей притягивает взор. Каждая деталь подчеркивает ее совершенство: *«Она была очень хороша в это мгновение. Серое парижское платье стройно охватывало ее гибкий, почти семнадцатилетний стан, ее тонкая, нежная шея, окруженная белым воротничком, ровно дышавшая грудь, руки без браслетов и колец – вся ее фигура, от лоснистых волос до кончика едва выставленной ботинки была так изящна»* [Тургенев 1961, с. 631]. Однако эта красота вызывает взрыв негативных эмоций, эlegantность и утонченность ее внешнего облика воздействуют на Лаврецкого прямо противоположно ожиданиям Варвары Павловны: *«Лаврецкий окинул ее злобным взглядом, чуть не воскликнул: «Brava!», чуть не ударил ее кулаком по темени и – и удалился»* [Тургенев 1961, с. 647]. Перед нами портрет Варвары Павловны, который писатель намеренно дает через восприятие самой героини, так, как она видела себя и могла описать. Парадокс заключается в том, что люди «внешнего мира» оценивают себя иначе, нежели их воспринимают герои «внутреннего мира».

Психологические портреты, «где преобладают черты внешности, свидетельствующие о свойствах характера и внутреннего мира» [Ефимов 1954, с. 21], позволяют на уровне внешнего изображения выявить внутреннее состояние героев. Обратимся к портрету Музы Павловны, героини повести «Пунин и Бабурин»: *«Будь я тогда постарше да поопытнее, я бы, вероятно, обратил внимание на ее глаза, маленькие, углубленные, с припухшими веками, но черные, как агат, живые и светлые – что редко в белокурых. Не поэтические наклонности открыл бы я в их торопливом, как бы скользившем взгляде, а признаки*

страстной, до самозабвения страстной души...» [Тургенев 1961, с. 489]. Это отнюдь не байроническая муза, обязанная, согласно литературной схеме, быть бледной и черноволосой. У «Живой» Музы вместо благородной бледности розоватое лицо, от которого веет «бойкой молодостью», а белокурые волосы ничем не напоминают черные кудри поэтической музы. При волнении она скорее всего не побледнеет, а покраснеет. В этом описании перед читателем предстает кипение жизненных сил, живость, непредсказуемость героини.

Тургенев тщательно работал над описанием внешности Музы в разные периоды ее жизни. В начале повести героиня – «*вся порыв, напряжение, сама жизнь и напоминание о естественной жизни*» [Тургенев 1961, с. 799]. Романтическая тенденция в обрисовке Музы проявляется в свето-цветовом контрасте, при помощи которого описываются глаза героини. В следующем признании Тургенева в письме к Е.С. Кочубей от 13/25 апреля 1862 года мы можем оценить его наблюдательность и знание жизни: «Должен сознаться, что у русских барышень именно глаза бывают иногда верх совершенства: тут и любопытство, и нежность, и веселость, и какая-то прелестная грусть, и немножко лени... словом, и не перескажешь всего, что там бывает» [Тургенев 1961, с. 418].

Таким образом, мировосприятие И.С. Тургенева предопределило выбор свето-цветовых изобразительных средств и приемов в описании «внешнего и внутреннего мира» героев. Придерживаясь принципа «тайной психологии», писатель раскрывает внутренний облик персонажей посредством целенаправленного подбора цветовой лексики, гармоничной и дисгармоничной ее соотношенности.

Литература

1. Гитлиц В. А. Традиции романтизма в лирической повести Тургенева // Межвузовский сб. научных трудов. Курск, 1977.
2. Ефимов А. И. О языке художественных произведений. М., 1954.
3. Манаков В. С. Проблема света и цвета в эстетике и литературоведении : межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1990.
4. Тургенев И. С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Гослитиздат, 1961.
5. Юркина Л. А. Портрет // Русская словесность. 1995. № 5.

Белодед В.А.

*Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь*

МУЖСКАЯ ЛЮБОВЬ / 男性(男人)的爱 ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЖЕНСКОГО ВОСПРИЯТИЯ В ТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье раскрывается женское восприятие мужской любви в художественных текстах на основе анализа контекстов, в которых используется сочетание *мужская любовь / 男性(男人)的爱*. Сопоставляются представления женщин о любви в китайской и русской художественных картинах мира.

Ключевые слова: женское восприятие, мужская любовь, контекст, русская художественная картина мира, китайская художественная картина мира

Beloded V.A.

*Francysk Skaryna Gomel State University,
Gomel, Republic of Belarus*

MAN'S LOVE / 男性(男人)的爱 THROUGH THE PRISM OF FEMALE PERCEPTION IN THE TEXTS OF NATIONAL CORPORA (BASED ON THE MATERIAL OF CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES)

Abstract. The article reveals the female perception of male love in literary texts based on the analysis of contexts in which the combination male love / *男性(男人)的爱* is used. The representations of women about love in the Chinese and Russian artistic pictures of the world are compared.

Keywords: female perception, male love, context, Russian artistic worldview, Chinese artistic worldview

Эрих Фромм говорил, что любовь – это единственный разумный и удовлетворительный ответ на вопрос о смысле человеческого существования [Фромм]. Однако это чувство воспринимается мужчинами и женщинами по-разному. В данной статье рассматривается отношение женщин к мужской любви на материале языковых корпусов. Цель данной работы – проведение сопоставительного анализа отражения женского восприятия мужской любви в художественных текстах путем изучения контекстов, включающих в себя сочетание *мужская любовь / 男性(男人)的爱*.

Объектом нашего исследования является сочетание *мужская любовь / 男性(男人)的爱* в корпусах русского [НКРЯ] и китайского языков [Корпус китайского языка]. Обращение к понятию «мужская любовь» используется, чтобы передать весь спектр женских чувств, характеризующих отношение представительниц прекрасного пола к проявлению мужской любви. Немаловажным для нас выступает сравнение женского отношения к любви, представленного в русском и китайском корпусах. Отметим, что речь идет исключительно о художественной картине мира, созданной носителями русской и китайской лингвокультур.

Прежде чем приступить к анализу контекстов, обратим внимание на то, что в китайском языке прилагательное *男性的* ‘мужской’ образуется при помощи суффикса *-的*, который добавляется к имени существительному *男性* ‘мужчина’. Отметим, что существительное *男性* ‘мужчина’ тождественно по своей семантике другому существительному – *男人* ‘мужчина’, что дает право говорить о двух синонимичных прилагательных *男性的* ‘мужской’ и *男人的* ‘мужской’.

Анализ контекстов, взятых из китайского языкового корпуса и включающих в себя сочетание *男性(男人)的爱* ‘мужская любовь’, показал, что в них представлены следующие микротемы: физическая и духовная потребность женщин в мужской любви, правила поведения любящих женщин, ожидания женщин от мужской любви.

К первой микротеме относятся контексты, которые иллюстрируют потребность женщин в мужской любви:

1. *如果女人没有男人的爱, 那就像月亮没有圆, 此外, 鸳鸯不成对。Отсутствие у женщины мужской любви сопоставимо с тем, что луна больше не будет круглой, а уточки-мандаринки не будут образовывать пару.* Данный контекст говорит о неразрывной связи между мужчиной и женщиной, о том, что женщина и мужчина представляют собой единое целое. Существование женщины невозможно без мужчины. Это в такой же степени удивительно, как квадратная луна;

2. *每个女人需要一个男人的爱情, 如果她和一个男性相爱, 这爱情会渐渐使她恢复生机和活力。Любая женщина нуждается в мужской любви, и, если она влюблена в мужчину, эта любовь постепенно восстановит ее жизнь и жизненные силы.* Можно говорить о том, что любовь идет женщинам на пользу, добавляет энергии и оптимизма;

3. *久渴于男性的爱, 她出去散了一次步仍复回到了家来。Давно жаждавшая мужской любви, она вышла погулять и вернулась домой.* Вероятно, данный контекст затрагивает физическое влечение женщины к противоположному полу;

4. *她无论怎样象男人, 到底是女子, 女子需要男人的爱。Как бы ни была она похожа на мужчину, в конце концов, она женщина, а женщине нужна мужская любовь.* Еще один контекст о том, что женщина не может жить в одиночестве без мужчины.

Вторая микротема представлена в контекстах, иллюстрирующих правила поведения женщин, которые удостоились любви мужчин:

1. *女人家必须记得自己的地位, 认识到天主拿最高贵的德性赋与了男子, 使他超越了世上的一切生命; 那么一个女人受到男人的爱慕时, 她应该感到骄傲, 热烈地爱他, 体贴入微地讨他喜欢, 这样, 女人才会永远被人爱着。Женщина должна помнить свое положение и сознавать, что Бог даровал мужчине самые благородные добродетели, сделав его выше всей жизни в мире; когда женщина обретает мужскую любовь, она должна гордиться и горячо любить мужчину, быть внимательной, чтобы угодить ему, чтобы быть всегда любимой.* Данное суждение свидетельствует о доминирующей роли мужчины в судьбе женщины;

2. *女人要取悦男人, 要贡献给男人, 要赢得男人的爱和尊重, 要哺育男人, 要照顾男人, 要安慰、劝慰男人, 并要使男人的生活甜蜜且愉悦。Женщины хотят нравиться мужчинам, они*

должны приносить пользу мужчинам, завоевывать **мужскую любовь** и уважение, воспитывать мужчин, заботиться о мужчинах, утешать мужчин и делать их жизнь сладкой и счастливой. Контекст иллюстрирует перечень действий, которые мужчины ждут от своих женщин: забота, утешение, уважение, помощь и практическая польза.

К третьей микротеме относятся контексты, в которых раскрываются ожидания женщин от мужской любви:

1.后来她终于得到了安慰,得到了纯洁的、**男性的爱**,找到了她崇拜的英雄。她满足了。但是他的爱也不能拯救她,反而给她添了一些痛苦的回忆。*Тогда она, наконец, нашла утешение и чистую мужскую любовь, нашла героя, которым восхищалась. Она довольна. Но и его любовь не смогла спасти ее, вместо этого он добавил ей болезненных воспоминаний.* В данном контексте утверждается, что любовь, какой бы чистой и искренней она ни была, неизбежно ассоциируется со страданиями;

2.霓喜的故事,使我感动的是霓喜对于物质生活的单纯的爱,而这物质生活却需要随时下死劲去抓住。她要**男性的爱**,同时也要安全,可是不能兼顾,每致人财两空。*Что меня тронуло в истории Ниси, так это ее чистая любовь к материальной жизни. Ей хочется мужской любви, но также хочется и безопасности, однако нельзя уследить за тем и за другим одновременно, поэтому каждый раз она несет двойные потери: и мужчины, и богатство утеряны.* Женщины хотят от брака не только проявлений духовной любви, но также материального благополучия, то есть мужчина должен быть финансово состоятелен, чтобы содержать жену. Но от жизни нельзя получить все сразу, поэтому часто женщины остаются и без любви, и без богатства.

Эпизодичны контексты, в которых представлены следующие микротемы:

1) способы привлечения внимания мужчин у женщин: 光凭出众的容貌来取得**男人的爱**,一定是靠不住的。*Безусловно, нельзя завоевать мужскую любовь, основываясь только на выдающейся внешности.*没有一个女人可以称得上是天下第一美女。第二、关于美的标准也是见仁见智。为什么有的女人在形象上有这样那样的缺点,但你仍觉得她很可爱、很漂亮呢?就是因为她有一种内在的性格和气质在吸引你。*Во-первых, ни одну женщину нельзя назвать красавицей номер один в мире. Во-вторых, эталон красоты также зависит от мнения. Почему у некоторых женщин такие-то недостатки в образе, а вы все равно считаете ее милой и красивой? Именно потому, что у нее есть внутренний характер и темперамент, который вас привлекает;*

2) автономность мира женщины, испытывающей любовь со стороны мужчины. 女人在**男人的爱情**之外,还应拥有自己的天地。*Помимо мужской любви, у женщины должен быть и свой мир;*

3) отношение любящей женщины к детям в сравнении с отношением любящей женщины к мужчине: 当儿子出生,她却费寝忘餐地照料儿子,那一刻,她惊觉,她从前对**男人的爱**,尚不及她爱儿子的十分之一。*Когда у нее родился сын, она заботилась о нем, забыв о еде и сне. В тот момент она была потрясена тем, что ее отношение к мужской любви в прошлом составляло менее одной десятой ее любви к сыну.* В данном контексте утверждается, что чувство любви к детям гораздо выше чувств к мужчине;

4) различие мужской и женской любви: **男人的爱情**发源于生殖器,止于大脑;女人的爱情发源于大脑,止于生殖器。男人和女人说到底不过是上半身和下半身的对话。*Мужская любовь берет начало в гениталиях и заканчивается в мозгу, женская любовь берет начало в мозгу и заканчивается в гениталиях. Мужчины и женщины, говоря по существу, представляют собой не более чем диалог между верхней частью тела и нижней частью тела.*

Таким образом, в художественной картине мира, созданной носителями китайского языка, отображается единство мужского и женского начала. Женщина показана готовой поддерживать своего мужчину, помогать ему и быть благодарной судьбе за то, что в ее жизни есть мужская любовь.

В то же время женщина представлена независимой личностью, которая имеет личное пространство. Женский внутренний мир не должен ограничиваться отношениями с мужчиной. Находит отражение в китайских художественных текстах и мысль о том, что больше своего мужчины женщина любит своих детей.

Женщина в китайской художественной картине мира представлена не столько красивой, сколько харизматичной. Именно харизма находится в приоритете у мужчин при выборе

спутницы. В свою очередь мужчина должен быть финансово состоятельным, чтобы суметь обеспечить свою жену.

В картине мира, созданной носителями русской культуры, мужская любовь в женском восприятии представлена в следующих микротемах:

1) оценка женщиной мужской любви; оценивается степень самоотверженности мужчины в любви, продолжительность мужской любви:

1...*И сейчас, ожидая Митю, она, несмотря на счастье опять увидеть его, говорить с ним, горько думала о том, сколько примеси самолюбия в мужской любви* [О.Д. Форш. Михайловский замок]. В контексте представлены мысли женщины о том, что любящий мужчина имеет высокое чувство собственного достоинства;

2. *Мужская любовь скоротечна. Они прожили почти двадцать пять лет... Конечно, было тяжело, она не сразу свыклась с мыслью, что у него есть другие женщины, – между нами говоря, он не отказывал себе в радостях жизни...* [В.Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска]. Контекст иллюстрирует проявление в мужской любви легкомыслия и неверности.

2) чувства, которые женщины испытывают в связи с любовью к мужчинам:

а) робость и нерешительность, страх обидеть любимого мужчину: *Ведь так боишься оскорбить мужскую любовь малейшей подозрительностью, какими-нибудь просьбами, свидетельствующими о простой житейской практичности* [Марк Креницкий. Случайная женщина];

б) преданность и верность в отношениях с мужчиной: *Ты – единственный человек, которого я любила, и последний, потому что мужская любовь больше не существует для меня* [А.И. Куприн. Морская болезнь];

в) разочарование в мужчинах и их любви: *Еще насмешливее, чем прежде, относилась она теперь ко всяким любовным увлечениям, глумилась над «прозябанием» замужних приятельниц и над «дурами», которые еще верят в мужскую любовь, и хвалила «Крейцерову сонату»* [К.М. Станюкович. «Бесшабашный»].

Эпизодичны контексты, в которых мужская и женская любовь подаются в сопоставлении; в них выражается мысль, с одной стороны, об их подобии, с другой стороны, об их противоположности:

Ведь женско-мужскую любовь можно рассматривать и как бесконечную схватку греко-римской борьбы! [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль]; *Мужское и женское измерения. Мужская любовь – это выход в женское измерение, женская любовь – наоборот. Мы наполняем друг другом пустоты своего существования, и пусть это будет каждый день, каждый час, каждую минуту* [Игорь Муханов. Виват, Поэзия // «Дальний Восток»].

Данные контексты, на первый взгляд, противоположны по смыслу, однако на самом деле объединены идеей неразделимости мужской и женской любви. По словам французской ученой Э. Бадентэр, мужчина и женщина оказываются заложниками определенной схемы и обречены вечно играть одни и те же роли. И вечно вести все ту же войну [Бадентэр].

Обратим внимание на отдельный контекст, в котором упоминается о женском коварстве и возможности использовать магию, чтобы добиться любви мужчины: *Оба исподлобья следили за Анной, державшей в руках книгу с непонятными письменами, может быть, даже заключавшую в себе заклинания, какими колдуньи привораживают мужскую любовь...* [А.П. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции]. Интерпретация данного контекста может быть следующей: женщина от безысходности готова пойти на многое, даже на сделку с дьяволом, лишь бы добиться любви интересующего ее мужчины.

Таким образом, в русской художественной картине мира показана женская оценка мужской любви, причем мужчины часто играют отрицательную роль: они выглядят самовлюбленными, способными и готовыми изменять своим женам. Как следствие, женщины испытывают разочарование в мужской любви и перестают верить чувствам мужчин.

Необходимо отметить, что в китайских художественных текстах не находит отражения мысль о том, что женщины испытывают разочарование в мужской любви, однако в китайской художественной картине мира в большей степени представлена потребность женщин в мужской любви, как духовной, так и физической.

В китайских художественных текстах раскрывается идея единства мужчины и женщины, неразрывная связь между ними. В русской художественной картине мира подобные контексты встречаются реже. Кроме того, в русских художественных текстах не утверждаются

какие-то определенные нормы поведения женщин, не упоминается о том, что женщины должны уважать, почитать любящих их мужчин и заботиться о них.

Литература

1. Корпус китайского языка Пекинского университета (CCL. Center for Chinese Linguistics, 北京大学汉语语料库). URL: <http://ccl.pku.edu.cn/> (дата обращения: 27.09.2022).
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 27.09.2022).
3. Фромм Э. Искусство любить. URL: <https://ekolobkova.ru/images/Knigi/Iskusstvo-luybit-Fromm.pdf> (дата обращения: 25.09.2022).
4. Хитрук Е. Б. Мужское и женское: от природы к культуре. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/287453185.pdf> (дата обращения: 30.09.2022).

Болотова А.Ю.
*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

РОЛЬ КИТАИЗМОВ В НЕОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале российских социальных медиа)

Аннотация. В статье показана роль китаизмов как одного из пластов заимствованной лексики, активно проникающей в современный русский язык через социальные медиа и осваивающейся в ней путем фонетической и словообразовательной адаптации.

Ключевые слова: язык СМИ, китаизмы, неологизмы, адаптация, транскрипция, словообразование

Bolotova A.Yu.
*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

THE ROLE OF SINOISMS IN NEOLOGIZATION MODERN RUSSIAN LANGUAGE (based on the material of Russian social media)

Abstract. The article shows the role of Sinoisms as one of the layers of loanwords, actively penetrating into the modern Russian language through social media and mastering it through phonetic and word-formation adaptation.

Keywords: language of the mass media, Sinoisms, neologisms, word adaptation, transcription, word formation

Современный русский язык характеризуется динамичностью и изменчивостью, что ярко иллюстрируется перманентно увеличивающимся количеством неологизмов, а также возрастающей частотой их использования. Проблема заимствований всегда была актуальна для отечественной лингвистической науки, однако сегодня, в период глобализации, она приобретает особую роль. Привнесение в русский язык иноязычной лексики – отнюдь не новый процесс, однако если ранее основная часть неологизмов заимствовалась из немецкого, французскоанглийского (реже – других европейских) языков, то в настоящее время, с укреплением российско-китайских отношений, а также возрастающим интересом к китайскому языку в российском обществе количество китаизмов заметно возросло.

Место печатных носителей стали занимать электронные, а печатная информация начала активно замещаться цифровой, которую «быстрее и легче распространять, передавать, обрабатывать, систематизировать и хранить», что и стало основной причиной популярности социальных медиаплатформ, которые сегодня становятся важным источником актуальной информации, а также наиболее отчетливо демонстрируют все изменения в языке [Беспалова 2017, с. 197]. Именно на примере текстов социальных медиа наиболее ярко выражается тенденция к использованию в речи неологизмов, заимствованных из китайского языка. При этом, говоря о социальных медиа, стоит отметить усиление тенденции к исполь-

зованию китаизмов не только в публикациях СМИ, но и в текстах интернет-блогов (как личных, так и публичных).

Особенностью китайского языка, как известно, является отсутствие буквенного написания и наличие иероглифического письма, что не свойственно русскому языку. Это осложняет и замедляет процесс заимствования китайских слов, однако, не делает его невозможным, учитывая наличие «традиционной системы транслитерации, созданной Иакинфом Бичуриным и кодифицированной архимандритом Палладием» (системы Палладия) [эл. ресурс, режим доступа: <http://www.daochinasite.com/study/pallad.shtml>]. В рамках упомянутой системы, которая «достаточно адекватно передает звучание китайских слов и используется в русских переводах с китайского языка уже более 100 лет», была создана «таблица Палладия», где каждому звуку или сочетанию звуков китайского языка соответствует буква (буквы) русского алфавита, что значительно облегчает процесс транскрибирования [Постоенко 2020, с. 470].

Впрочем, говоря о заимствованиях из китайского языка, стоит отметить, что этот процесс отнюдь не нов. Часть (хоть и не самая большая) употребляемой в наши дни лексики имеет именно китайское происхождение: «чай» от *kum.* 茶 (chá), «фэншуй» от *kum.* 风水 (fēngshuǐ), «ушу» от *kum.* 武术 (wǔshù), «тофу» от *kum.* 豆腐 (dòufu), «минтай» от *kum.* 明太 (魚) (míngtài(yú)), «тайфун» от *kum.* 台风 (táifēng) и т.д. При этом стоит отметить главенствующую роль транскрипции, поскольку, несмотря на наличие фонетического алфавита («пиньинь»), ключевой для китайского языка, как уже было отмечено, все же является иероглифическая запись, поэтому лексика заимствуется преимущественно на основе ее звучания, а не буквенной записи системой «пиньинь».

Заимствования из китайского, как и из любого другого языка, можно разделить на тематические группы и подгруппы (политика, экономика, философия, спорт, еда и пр.). Так, одним из примеров использования китаизма группы «Политика» в языке СМИ можно считать употребление слова «маоизм» – «сложившееся под влиянием марксизма, сталинизма, традиционной китайской философии (преимущественно конфуцианства) теоретическое учение Мао Цзэдуна» [эл. ресурс, режим доступа: <https://gufo.me/dict/bse/Маоизм>]. Существительное «маоизм» образовано от *kum.* 毛泽东主义 (máo zédōng zhǔyì), где 毛泽东 (máo zédōng) – имя основателя КНР Мао Цзэдуна, а 主义 (zhǔyì) – идея, учение. «Маоизм» нередко употребляется в публикациях СМИ и личных блогах, рассматривающих вопросы китайской политики. Одним из многочисленных примеров является статья РИА «Новости» под названием «Маоизм и организации маоистов в мире. Справка». Примечательно, что автор активно употребляет не только термин «маоизм», но и образованное от него существительное «маоист» – последователь учения Мао Цзэдуна.

Говоря о заимствованиях группы «Спорт» стоит, в первую очередь, отметить проникновение в русский язык слова «ушу» (*kum.* 武术) и его активное использование в языке СМИ. Так, в материале издания «Аргументы и факты» под названием «Всеми силами поднебесными. Как русский создал одну из сильнейших школ ушу» автор говорит об одном из наиболее популярных на территории КНР видов спорта (ушу), употребляя в тексте его название более 30 раз, что является ярким примером вхождения в язык слова, обозначающего понятие, прежде отсутствовавшее в языке-реципиенте. Рассматривая указанную публикацию, стоит также отметить использование языковой игры в заголовке, где в словосочетании «всеми силами поднебесными» журналистом обыгрывается прилагательное, образованное префиксально-суффиксальным способом, которое в данном контексте можно рассматривать как семантический неологизм, мотивированный прочно вошедшим в русский язык китаизмом *Поднебесная*.

Поднебесная – одно из альтернативных названий Китая, которое настолько прочно вошло в русский язык, что едва ли может быть отнесено к одной тематической группе. Принцип транскрипции, столь характерный для китайских заимствований, в данном случае уступает место буквальному переводу частей китайского слова и слияния их в одно. «Поднебесная» в китайском языке состоит из двух иероглифов – 天 (небо) и 下 (под, внизу). Несмотря на то, что в китайском языке название 天下 (tiānxià), употребление которого было наиболее распространено во времена китайских империй, в современном китайском языке является устаревшим и крайне редко встречается в языке СМИ (и практически никогда в бытовом общении), в языке современных русскоязычных СМИ *Поднебесная* встречается довольно часто и употребляется в качестве полного синонима слову *Китай*. Так, цикл материалов издания Lenta.ru носит название «Поднебесная как она есть. Чем Китай и его жители шокируют мир».

В данном тексте авторы, очевидно, говорят о ныне существующей Китайской народной республике (КНР), а не об одной из многочисленных китайских империй.

Говоря о неологизмах китайского происхождения, стоит отдельно отметить лексику, появившуюся в русском языке сравнительно недавно и не закрепленную в словарях. В данном случае речь, в первую очередь, идет о жаргонизмах и диалектизмах. В этом контексте стоит отметить особенность заимствования, когда привычный способ транскрибирования модифицируется. Речь идет о случаях, когда китайскоязычное словосочетание сначала транскрибируется, а после искусственно сливается в одно новое слово.

Существительное «чифанька» не закреплено в словарях и относится к жаргонной лексике китаистов, китаеведов, востоковедов, а также является диалектизмом, употребление которого свойственно жителям граничащих с Китаем регионов России. «Чифанька» образовано от двух китайских слов (吃 (есть) и 饭 (еда)) с добавлением к ним уменьшительно-ласкательного суффикса -к- и окончания женского рода -а.

Учитывая грамматические особенности китайского языка, словосочетание 吃饭 (chīfàn) переводится на русский как «кушать, есть», а неологизм «чифанька» употребляется для обозначения небольших традиционных кафе и ресторанов. Употребление рассматриваемого слова в СМИ не столь частотно, поскольку понятие, обозначаемое им, не стало неотъемлемой частью повседневных реалий носителей русского языка. Однако в последние годы в условиях возрастающего интереса к китайскому языку в российском обществе употребление существительного «чифанька» стало свойственно не только россиянам, повседневная жизнь которых непосредственно связана с китайским языком. Так, в материале интернет-портала «Собака» под названием «5 тайных китайских мест в Петербурге: от бычьих яиц до чаошаньского горячего котла» автор активно употребляет существительное *чифанька* для обозначения небольших ресторанов китайской кухни. Более того, значение слова *чифанька* не поясняется автором, а лишь следует из общего контекста. Это дает основания полагать, что китаизм прочно вошел в речь россиян, интересующихся китайской культурой в целом и китайской кухней в частности.

Наряду с *чифанькой* автор рассматриваемого материала также использует слова *найчашная* и *найча*, происходящие от названия популярного китайского напитка – молочного чая (кит. 奶茶 (nǎichá)). Слово *найча* заимствовано при помощи транскрипции, а *найчашная* является авторским неологизмом, образованным от *найча* при помощи суффикса -ин- и окончания -ая. При этом стоит отметить, что употребление существительного *найча* редко встречается среди носителей русского языка – на сегодняшний день чаще употребляется его буквальный перевод – *молочный чай*. Тем не менее, не исключено, что в будущем в условиях усиления тенденции к развитию и укреплению российско-китайских отношений *найча* и *найчашная* займут свое место, как минимум, среди жаргонизмов, а позднее, возможно, будут закреплены в словарях.

Лексика русского языка в период глобализации отличается особой подвижностью, что неизменно влечет за собой процесс закрепления в языке новых слов иноязычного происхождения. Процесс освоения в русском язык китаизмов в настоящее время вышел на новый виток развития, о чем свидетельствует возрастающее употребление заимствований из китайского языка в СМИ, а также создание на их основе авторских неологизмов. Все это говорит о возрастающем интересе к китайскому языку в российском обществе, что, в свою очередь, ведет к пополнению лексического состава русского языка за счет китаизмов.

Литература

1. Беспалова И. В. Характеристика коммуникативного процесса в социальной сети // Вестник ННГУ. 2017. № 3.
2. Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Маоизм> (дата обращения: 10.09.2022).
3. Постоенко И. А., Курбатова К. А. Специфика перевода культурологического аспекта анимационных фильмов для дальнейшего субтитрирования (на материале китайского языка) // МНКО. 2020. № 3 (82).
4. Ян Си. Китаизмы в современных российских СМИ: семантика, грамматика, прагматика // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. № 1.
5. Daochinasite.com: сайт энциклопедии. URL: <http://www.daochinasite.com/study/pallad.shtml> (дата обращения: 15.09.2022).

**УРОК ОСВОЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИЕМОВ
ТЕХНОЛОГИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
В 5 КЛАССЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ЛЕКСИКА»**

Аннотация. Современные педагогические технологии (например, технология критического мышления) способствуют формированию творческой личности, способной решать нестандартные задачи. Новые педагогические технологии позволяют перейти на качественно новый уровень обучения и создать все условия для формирования новой развивающей образовательной среды.

Ключевые слова: педагогическая технология критического мышления, педагогический прием, деятельностный подход, новая развивающая образовательная среда, личностное развитие обучающегося, урок русского языка, лексика, мозговой штурм, кластер, инсерт

Bochkareva E.V.
Gymnasium № 31, Perm, Russia

**THE LESSON OF MASTERING THEORETICAL MATERIAL THROUGH THE PRISM
OF TECHNIQUES CRITICAL THINKING TECHNOLOGIES IN RUSSIAN LANGUAGE
LESSONS IN 5TH GRADE WHEN STUDYING THE TOPIC "VOCABULARY"**

Abstract. Modern pedagogical technologies (for example, critical thinking technology) contribute to the formation of a creative personality capable of solving non-standard tasks. New pedagogical technologies allow us to move to a qualitatively new level of education and create all conditions for the formation of a new developing educational environment.

Keywords: pedagogical technology of critical thinking, pedagogical technique, activity approach, new developing educational environment, personal development of the student, Russian language lesson, vocabulary, brainstorming, cluster, insert

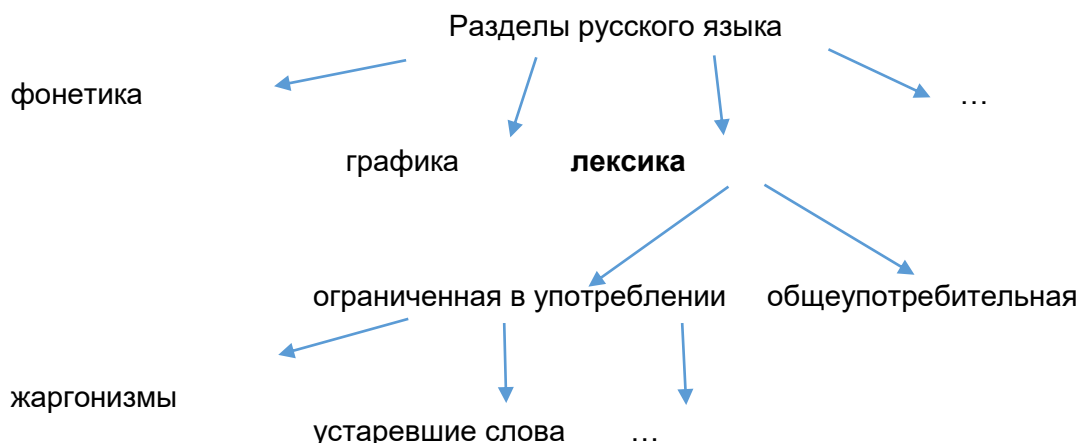
Современный мир требует, чтобы человек был разносторонне грамотной, творческой, инициативной личностью, был способен решать нестандартные интеллектуальные и нравственные задачи, был активным участником социальной жизни. Одно из мероприятий, которое направлено для выполнения этой задачи, – введение федеральных государственных образовательных стандартов. Эта процедура влечет за собой изменения профессиональной деятельности педагога, требуя от него развития профессиональной компетентности. Одним из показателей профессиональной компетентности современного учителя является его умение обращаться в своей работе к актуальным педагогическим технологиям деятельностного типа. Согласимся с тем, что такие технологии позволяют перейти на качественно новый уровень обучения и создать все условия для формирования новой развивающей образовательной среды.

Под словом «технология» в своей статье мы подразумеваем традиционное значение данного понятия как совокупность приемов, применяемых в работе. Несмотря на то, что образовательных технологий сегодня достаточно много, их цель одна – обеспечить личностное развитие обучающегося за счет уменьшения доли репродуктивной деятельности (воспроизведение оставшегося в памяти) в учебном процессе. Что дает любая технология педагогу? Безусловно, понимание того, что его ученики по-разному готовы усваивать материал урока. Конечно, максимальное развитие в процессе обучения произойдет тогда, когда обучающийся будет находиться в ситуации открытия новых знаний.

На наш взгляд, такая ситуация легко может быть смоделирована на уроках русского языка при изучении теоретической части раздела «Лексика» в 5 классе. Вполне закономерен вопрос о том, почему мы решили обратить внимание именно на теоретическую составляющую учебника. Ответ очевиден: конечно, учебник лаконично, но полно дает представление о том или ином явлении, излагает достижения современной науки, а задача учителя, опираясь на достижения методики преподавания предмета, подать материал таким образом, чтобы обучающийся мог присвоить знания себе, а считая их своими, хранить полученное долго и прочно в памяти. Программа дает всего 10 часов на изучение темы «Лексика и фразеология».

Думаем, что обращение к приемам технологии критического мышления позволит обеспечить не только развитие обучающихся, но и пробудить интерес к родному слову.

Следуя методике технологии критического мышления, вспомним, что любое знакомство с учебным материалом есть вызов ранее полученным знаниям. Знакомство с темой начнем необычно: предложим обучающимся прочитать несколько стихотворений (Ерошин А. «Игра в словечки», Яшин А. «Русский язык», Баруздин С. «Слова бывают разные», Полторацкий В. «Слово о словах») и, используя метод мозгового штурма, определить то общее, что позволило использовать на уроке эти стихи. Определив, что этим общим является понятие *лексика*, попробуем выстроить кластер «Лексика», обнаруживая лакуны в ранее полученных знаниях и намечая пути получения необходимой информации. Так, при оформлении записи в тетради лексику можно представить одним из разделов русского языка и отметить его особенности:

Смысл данного приема в том, чтобы выделить смысловые единицы текста и графически их оформить в определенном порядке в виде «грозди». «Гроздь» – графический прием систематизации материала, который систематизирует наши мысли, приводит их в определенный порядок.

На второй стадии технологии критического мышления – стадии осмысления – учитель подводит детей к работе с текстом – текстом параграфов, или теоретическому материалу. Именно здесь понадобятся метапредметные умения обучающихся, чтобы оформить теоретический материал в виде таблиц «З–Х–У» (знаем – хотим узнать – узнали) или «Инсерт». Напомним, что метод «З–Х–У» (знаем – хотим узнать – узнали) предполагает составление в тетради таблицы:

Таблица 1

З–Х–У

З – знаю	Х – хочу узнать	У – узнал

В эту таблицу ребенок вписывает свои мысли, а затем анализирует написанное. Такая работа может вестись как самостоятельно каждым обучающимся, так и сопровождаться записями на доске. Подобная работа может быть проведена и несколько иным способом. Прибегая к приему *инсерт*, мы предлагаем не маркировать текст в учебнике, а также заполнить таблицу:

Таблица 2

Инсерт

V – написанное соответствует тому, что я уже знал ранее, или думаю, что знаю	• «-» – написанное противоречит тому, что я уже знаю, или думаю, что знаю	«+» – написанное является для меня новым	«?» – написанная информация не понятна

Осмыслив через эти приемы теоретическую информацию, данную в разделе «Лексика и фразеология», будет вполне логичным применить теоретические знания на практике. И это будет последний этап в технологии критического мышления, или рефлексия. На данном этапе полученная информация должна стать собственным знанием обучающегося. Наблюдая над практическим материалом, делая выводы и умозаключения, обучающиеся создают дискуссионную обстановку, в процессе которой могут возникнуть новые идеи, решения. Именно так становится возможным скорректировать представления, которые были продемонстрированы на стадии вызова, и поставить перед собой следующие задачи.

Отметим, что практическая часть в учебнике «Русский язык. 5 класс» под редакцией Разумовской М.М., Львовой С.И. и др. представлена разнообразными упражнениями:

- 1) упражнения, выполняя которые, ученик наблюдает за системными отношениями в языке и речи;
- 2) упражнения, которые учат работе с лексическим значением слова, а также проверяют умение находить однокоренные слова, различать прямое и переносное значение;
- 3) упражнения, направленные на формирование понятия о выразительных средствах и умении их видеть и использовать в своей речи;
- 4) упражнения по словообразованию;
- 5) упражнения, демонстрирующие исторические процессы, происходившие в языке;
- 6) упражнения, направленные на формирование орфографического навыка;
- 7) упражнение-итог, вывод: например, задание в упражнении 311 [Русский язык. 5 класс 2020, с. 101]: «Ответьте на вопрос, поставленный в названии параграфа...», задание в упражнении 320 [Русский язык. 5 класс 2020, с. 105]: «Подготовьте устное сообщение о прямом и переносном значении слова».

Анализ практической части раздела «Лексика» показал, что разнообразие упражнений способствует во многом развитию познавательного интереса у обучающихся, а также способствует формированию интереса не только к изучаемому предмету, но и к родному языку.

Итак, некоторые приемы техники критического мышления помогают учителю разнообразить свою работу, заинтересовать обучающихся предметом. Не будем спорить с тем, что теоретический материал есть один из основных источников знания, к которому может обратиться ученик. Методические приемы техники критического мышления помогают в систематизации и аккумуляции полученных знаний, а вместе с практическими заданиями они способствуют формированию важных метапредметных умений: сравнение, наблюдение, моделирование, выдвижение гипотезы, умозаключение.

Литература

1. Русский язык. 5 кл. В 2 ч., ч. 1: учебник / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. 9-е изд., стереотип. М. : Дрофа, 2020. 140 с.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ЛИЧНОСТНО-ВЕРБАЛЬНЫЙ КОД АВТОРА

Аннотация. В статье рассматривается художественный текст как уникальное пространство реализации личностно-вербального кода автора; представлены различные типы, определения и функции кодовых систем языка и культуры. Показано, что в художественном тексте релевантными единицами личностно-вербального авторского кода служат *ключевые слова*, репрезентирующие языковое сознание и психолого-мировоззренческую специфику образа мира творца текста.

Ключевые слова: художественный текст, код, ключевое слово, личностная когниция, языковой сигнал, виртуально-художественный мир, репрезентация

Buyanova L.Yu.
Kuban State University, Krasnodar, Russia

LANGUAGE OF ARTISTIC TEXT AS PERSONAL-VERBAL CODE OF THE AUTHOR

Abstract. The article considers a literary text as a unique space for the implementation of the author's personal-verbal code; different types, definitions and functions of language and culture code systems are presented. It is shown that in a literary text the relevant units of the author's personal-verbal code are keywords representing the linguistic consciousness and the psychological and ideological specificity of the text creator's image of the world.

Keywords: literary text, code, keyword, personal cognition, language signal, virtual artistic world, representation

Когнитивная текстология рассматривает художественный текст как особое ментально-вербальное образование, единицы которого в своей виртуально-семиотической взаимосвязи отражают и выражают личностный код бытия и жизненного опыта его автора. Есть мнение о том, что текст можно воспринимать и как конкретное образование речемыслительного плана: «если текст как совокупность знаков есть явление лингвистическое, то информационное поле текста есть явление психолингвистическое: оно для реципиента есть способ существования содержания языковых знаков» [Сорокин 1973, с. 155]. Художественный текст есть порождение мыслительно-ассоциативного механизма своего создателя, особой языковой личности, чья когнитивно-ментальная система, аксиологические константы и опыт познания мира отразились в вербальных знаках, воплотившись в особую эстетико-семиотическую структуру. В рамках когнитивного осмысления художественный текст интерпретируется как сложный знак, репрезентирующий комплекс образов, представлений, ощущений, эмоций, психологических установок, ассоциаций, когниций и знаний автора о мире и бытии.

В современной лингвистике существует разнообразие типов и определений понятия «код». Если обобщить разные точки зрения на проблему статуса и дефинирования кода, можно увидеть, что К. Леви-Строс, Р. Барт, У. Эко, М. Бахтин, Ю. Лотман и другие лингвисты интерпретировали код как определенную модель, которая формируется в результате процессов условной комбинаторики символов. Например, Умберто Эко, предложивший классификацию 14-ти типов кодов, определяет код как феномен культуры, «как систему, устанавливающую репертуар противопоставленных друг другу символов, правила их сочетания, окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому» [Эко 1998, с. 31]. Исследователь рекламного текста Христо Кафтанджиев считает код «системой правил, на базе которых функционирует рекламная коммуникация» [Кафтанджиев 2005, с. 45]. Р. Якобсон определял у единиц кода особую функцию – метаязыковую, которая дает возможность говорящему/пишущему разъяснить смысл того или иного сообщения. Ю.М. Лотман установил, что код служит в первую очередь для правильного восприятия и понимания той информации, которую коммуникант старается донести до слушателя. Ученый отмечал, что код позволяет «классифицировать языковые сигналы и устанавливать их

значение. Он устанавливает отношение между знаками, определяя структуру языка» [Лотман 1997, с. 206].

Анализ ряда работ по исследованию специфики кода как феномена языка и культуры свидетельствует о том, что в современной лингвистике понятие «код» разными учеными соотносится с такими понятиями, как *знак, символ, система, языковой сигнал, вторичный знак, модель* в их совокупной системности. Например, постмодернистский код (ПМК) трактуется как совокупность знаков (символов), маркеров, иных средств текстопостроения и смыслопостроения, анализ которых целесообразно использовать в процессе интерпретации текста.

В художественном тексте функцию единиц личностно-вербального кода выполняют *ключевые слова*, или семантико-семиотические доминанты. Выступая индивидуально-авторскими языковыми сигналами, ключевые слова являются средством репрезентации личностной когниции, принимают участие в построении текстовой когнитивной структуры. В каждом авторском ключевом слове зафиксированы личные знания и опыт писателя, его мироощущение и мировосприятие, ценностные доминанты. В силу этого единицы личностно-вербального кода автора текста маркируют доминантные ассоциативно-смысловые фрагменты как его собственной картины мира, так и создаваемой им текстовой модели виртуально-художественного мира.

Языковой и культурный коды представляют собой взаимодополняющие, но относительно самостоятельные системы, однако в художественном тексте осуществляется их когнитивное слияние, так как единицы языка и сам язык в этой ситуации являют собой семиотические артефакты культуры. При исследовании художественного текста и его воздействия на сознание и понимание реципиента важно учитывать, что индивидуально-авторский код писателя и индивидуально-личностный код читателя могут не совпадать в силу разных экстралингвистических, социокультурных и психологических факторов, жизненных условий, разницы когнитивного опыта и др. Как отмечает Р. Барт, «интерпретировать текст – вовсе не значит наделить его неким конкретным смыслом (относительно правомерным или относительно произвольным), но, напротив, понять его как воплощенную множественность» [Барт 1994, с. 14–15].

Семиотика художественного текста детерминирована ментальностью, индивидуально-личностными языковыми особенностями, неповторимостью языкового сознания и эстетического мышления его автора. Подчеркнем, что «уникальность авторского языкового сознания, представленная в семиотическом коде писателя, заключается как в морфемных структурах слова, в специфичности значений, реализующихся в составе производного слова, во взаимоотношениях частей речи в словообразовании, в иерархии семантических компонентов в составе лексического значения слова, – так и в синтаксическом рисунке текста, в прагматике художественной речи, в концептном «каркасе» авторского художественного мира в целом» [Буянова 2010, с. 77].

Показателен в этом отношении художественный дискурс А.И. Солженицына, доминантным маркером семиотического кода которого выступает понятие «*нравственность*». По нашим наблюдениям, данная авторская духовно-ментальная константа объективируется в разных текстах писателя такими частотными единицами его личностно-вербального кода, как «*жизнь*», «*смерть*», «*совесть*», «*душа*», «*Бог*», «*надежда*», «*свобода*» и другие, относящиеся к *религиозно-православному* лексическому фонду национального языка, например: «У тех людей всегда **лица хороши**, кто в ладах с **совестью** своей» [Солженицын 1999, Матренин двор, с. 147]; «Месяц за месяцем, неделя за неделей клонясь к **смерти, свыкаюсь**, – я в своей **готовности, смиренности** опередил **тело**» [Солженицын 1999, Старение, с. 611]; «Что происходит за ночь с нашей **душой**? В недвижной онемелости твоего сна она как бы получает **волю**, отдельно от этого **тела**, пройти через некие **чистые пространства, освободиться** ото всего ничтожного, что налипало на ней или морщило ее в прошлый день, да даже и в целые годы» [Солженицын 1999, Утро, с. 613]; «Так и нас, иног: когда уже постигает удар **кары-совести**, то – через все нутро на прострел, и через всю **жизнь** вдоль» [Солженицын 1999, Молния, с. 608] и т.д.

По словам Л.А. Новикова, «эстетическая коммуникация писателя и читателя осуществляется посредством литературного произведения и находит наиболее полное и глубокое выражение в его фокусе – категории автора («образе автора»), которая выступает одновременно и как воплощение замысла писателя, и как аппарат исследователя, наиболее адекватное отражение сути произведения» [Новиков 2001, с. 23]. Исследование языка

художественного творчества А.И. Солженицына однозначно свидетельствует о том, что его индивидуальный личностно-вербальный код репрезентирует особый образ России православной, а авторское «Я» писателя неотделимо от нее.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. Буянова Л. Ю. Художественный текст как индивидуально-авторское семиотическое пространство (на материале языка прозы А.И. Солженицына) // Язык. Личность. Культура: сб. науч. тр. Краснодар, 2010. С. 76–80.
3. Кафтанджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации. М., 2005.
4. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997.
5. Новиков Л. А. Феномен эстетического в языке: Опыт аналитического синтеза // Новиков Л.А. Избранные труды. Т.2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М., 2001. С. 17–37.
6. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 9 т. М., 1999. Т. 1: Рассказы.
7. Сорокин Ю. А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология (на материале восприятия текста научно-популярной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.

Васильева Ю.А.

*Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева, Астрахань, Россия*

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования лексико-стилистических характеристик текстов об Астрахани в медиадискурсе. Анализ лексико-стилистических особенностей городских медиатекстов позволил соотнести лексические средства языка и дать оценку использованию слова в конкретной речевой ситуации.

Ключевые слова: медиатекст, медиадискурс, коммуникативное пространство, Астрахань, лексика, стилистика

Vasileva J.A.

*Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

VOCABULARY AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF REGIONAL MEDIATEXTS

Abstract. The article presents the results of a study of lexical and stylistic characteristics of texts about Astrakhan in the media discourse. The analysis of lexical and stylistic features of urban media texts made it possible to correlate the lexical means of the language and assess the use of the word in a specific speech situation.

Keywords: media text, media discourse, communicative space, Astrakhan, vocabulary, stylistics

В современных филологических исследованиях актуальным является изучение разнообразных текстов культуры. Медиатекст (мультимедийный текст) представляет собой продукт коммуникационной культуры, особый тип текста, особенности которого определяются его производством и каналом распространения. Для большинства горожан именно медиатексты (тексты информационно-новостных порталов, печатных и сетевых СМИ) выступают основным источником информации о городе. Эти тексты «определяют и формируют отношение каждого из нас к месту, где мы живем, и это отношение, часто также выраженное в виде текста (например, письмо в редакцию или интервью), является неотъемлемой частью городского культурного текста» [Решетников 2009].

Как социальное явление и продукт массовой культуры все локальные медиатексты включают в себе огромное количество информации об определенном населенном пункте, фиксируют все происходящие в нем важные события и генерируют образы, смыслы, иногда даже мифы о городе. Например, Астрахань как старейший экономический и культурный центр Нижнего Поволжья аккумулировала большое количество легенд о происхождении названия города. Наиболее распространенной среди астраханцев версией является предание о хане по имени Астра или о его дочери Астре, в честь которых был назван город. Первоначально Астрахань входила в состав Золотой Орды и находилась на пересечении торговых путей, благодаря чему стала центром оживленной торговли. Караваны перевозили сюда шелк, пряности, другие товары с Востока. По мнению некоторых исследователей, рядом с современным городом располагался Итиль – столица хазарского каганата, разрушенного князем Святославом в 965 году. Окончательно город был занят русскими войсками и присоединен к Русскому государству в 1557 году. Астрахань в XVII–XVIII столетиях превращается из небольшой укрепленной крепости на юге Русского государства в крупный торговый и ремесленный город, а река Волга становится важнейшей транспортной артерией страны. Сегодня Астрахань расположена на одиннадцати островах в Прикаспийской низменности, является домом для представителей более ста национальностей и входит в перечень исторических городов России.

Все эти географические, исторические, лингвистические реалии создают неповторимый облик Астрахани, придают ей уникальность среди других городов страны. Изучение текстов масс-медиа дает представление о способах репрезентации реальности в средствах массовой информации. С образом города в СМИ связана лингвистическая категория оценки, определяющая набор языковых средств, воздействующих на читателя. Выделим основные лексико-стилистические особенности текстов об Астрахани в медийном дискурсе.

Материалом нашего исследования послужили тексты печатных и сетевых астраханских средств массовой информации: астраханские информационно-новостные порталы «КаспийИнфо», «Арбуз», «Астраханские новости», «Астрахань 24», «Прожектор», «ПУНКТ-А», «Астрахань ФМ»; газеты «Волга», «Астраханская правда», «Комсомолец Каспия», «Астраханские ведомости», «Каспиец», «Астраханский листок» и другие. В ходе исследования проанализировано 625 медиатекстов из названных источников за период 2016–2022 гг. Взяв за основу классификацию А.А. Тертычного [4], исследуемые тексты мы распределили в следующем соотношении: преобладают информационные жанры (репортаж, заметка, интервью) – 69 %; аналитические (обзор, статья) – 27 %; самой малочисленной оказалась группа художественно-публицистических жанров (представлена только очерками) – 4 %.

Наибольшую частотность среди медиатекстов информационных жанров показала заметка, текст которой всегда содержит оперативную информацию, излагает факты в лаконичной форме. Выделим экстралингвистические признаки заметки на примере материала из сетевого издания «Арбуз» от 27.07.2022 «Игорь Бабушкин рассказал Владимиру Путину о росте сельхозпроизводства»: во-первых, заметка содержит фактическую информацию (встреча губернатора Астраханской области с Президентом России в Кремле); во-вторых, для наличия инфоповода важна новизна информации; в-третьих, оперативность, то есть быстрая передача информации (заметка появилась на сайте издания через несколько часов после встречи в Кремле); в-четвертых, сообщаемая информация должна быть социально значимой (Астраханская область продолжает удерживать почетное звание «всероссийского огорода» и занимает первое место в стране по сбору плодов и овощей).

Основные особенности жанра заметки следующие: преобладание нейтральной лексики (*президент, губернатор, инвесторы, сельхозпроизводство, овощи, регион* и др.); использование имен собственных (*Президент России Владимир Путин, губернатор Игорь Бабушкин*); наличие терминов, специальных слов, призванных разъяснить читателям круг вопросов коммуникативной ситуации (в приведенной статье – лексика из предметной области «Сельское хозяйство»: *мелиоративные системы, рисоводство, опустынивание сельхозземель, фитомелиоративные*); сложные синтаксические конструкции (*Губернатор подчеркнул, что Астраханская область продолжает удерживать почетное звание «всероссийского огорода» благодаря тому, что занимает первое место в стране по сбору плодов и овощей, выращенных в открытом грунте*).

Распространенным информационным жанром является и репортаж, стилевую специфику которого определяет «применение метода наблюдения и фиксации в тексте его хода и результатов» [Тертычный 2008, с. 86]. Примеры репортажей в астраханских масс-медиа

следующие: «Это – АстраЛитФест! Астрахань четыре дня будет находиться под книжной магией» («Пункт-А», 20.05.2022); «В Астрахани стартовало международное ралли "Шелковый путь"» («Арбуз», 07.07.2022); «Это может быть Итиль. Подробности сенсационных раскопок в Астраханской области» (новостной портал «КаспийИнфо», 30.07.2022); «Истинный облик Каспийской столицы: в каком состоянии находятся дороги на окраинах Астрахани» («Блокнот Астрахань», 27.05.2022) и др.

Экстралингвистическими признаками репортажа являются повествование о событии и героях, использование прямой речи (участников или очевидцев событий), отступления для акцентирования значимости происходящего (иногда – исторический экскурс). Репортаж может быть событийным (с эффектом присутствия, «прямого эфира»), тематическим (в центре внимания не конкретное событие; тема раскрывается с разных сторон) или постановочным (спровоцированные журналистом ситуации).

Наиболее интересным в блоке информационных жанров является диалогический жанр интервью – «результат "закрепленности" в журналистском тексте формы получения автором этого текста определенных сведений о действительности с помощью метода интервьюирования» [Тертычный 2008, с. 107]. Коммуникативная цель этого публицистического жанра – сообщить читателю информацию об интересном широкой аудитории, значимом человеке. Таковы медиатексты «Какой будет Астрахань: интервью с главным архитектором Института Генплана Москвы» («Арбуз», 03.09.2021); «Александр Ишутин: "Астраханский зритель благословил меня"» («Астраханские новости», 13.07.2022) – интервью с актером Астраханского драматического театра; «Роман Дубинский: Турбулентность – не повод для сворачивания бизнеса» («Астраханские новости», 09.06.2022) – интервью с управляющим Астраханского отделения Сбербанка; «Писательница Евгения Некрасова: Астрахань напоминает Стамбул или Лондон» («Астраханские новости», 16.05.2022); «Виталий Гутман. О Википедии, Земле Франца-Иосифа и отъезде молодежи» («Пункт-А», 30.11.2021) – интервью с первым заместителем председателя Думы Астраханской области – и другие.

Язык современных медиатекстов максимально приближен к разговорному и ориентирован на массовость, общеупотребительность. В современном русском языке лингвисты фиксируют такое явление, как расширение круга расчлененных и сегментированных синтаксических построений из-за влияния разговорного синтаксиса на письменную речь: в итоге мы можем констатировать отказ от «классических, синтагматически выверенных синтаксических конструкций, с открыто выраженными подчинительными связями и относительной законченностью грамматической структуры» [Валгина 2003, с. 79].

Исследованные нами тексты характеризуются нечеткими стилевыми границами, влиянием норм разговорного стиля. Другой чертой стиля медиатекстов является усиление диалогичности. Даже формально оставаясь монологами, заметки, очерки и репортажи современных масс-медиа больше ориентированы на устный диалог. На лексическом уровне эта тенденция проявляется в использовании журналистами разговорных конструкций, жаргонизмов, прямых обращений, сленговой лексики, дисфемизмов, просторечий, прецедентных текстов, экспрессивного синтаксиса, демонстрирующих стремление к сближению с читателем, установлению доверительных отношений с ним.

Анализ особенностей текстов астраханских масс-медиа мы проводили на основе исследования их лексического состава. Принадлежность отдельных языковых единиц (морфем, слов, словосочетаний, фразеологизмов, синтаксических конструкций) к определенному стилю определяет их стилистическую окраску. Лексико-стилистические особенности текста были исследованы с позиций лексической и синтаксической стилистики.

Лексическая стилистика изучает соотносительные лексические средства языка и оценивает применение слова в конкретной речевой ситуации с рекомендациями нормативного словообразования в различных функциональных стилях [Голуб 2010, с. 4]. В этом плане интерес для нашего исследования представляют:

– использование диалектизмов: *коромыслики* (стрекозы), *весновка* (весенний лов рыбы, когда рыбаки живут в море на льдинах), *юшка* (рыбацкая уха), *тузлук* (раствор соли для засолки рыбы), *демьянки* (баклажаны), *тарашка*, *черноспинка* (названия рыб), *телевизор* (рыболовная снасть), *закиднушка* (донная удочка) и другие;

– стилистическая оценка жаргонизмов: *губер* (губернатор), *препод* (преподаватель), *хвост*, *голимый* (сплошной), *хурды* (вещи, пожитки), *фишки*, *кошкиндох* (плохой лов рыбы) и др.;

– оценочные прилагательные (часто – в превосходной степени): *красивейший* (город), *самые красивые* (закаты), *самый популярный* (маршрут), *удивительная колоритная* (атмосфера), *неописуемо красивая* (гора Большое Богдо), *невероятные* (размеры), *самые таинственные*, *одни из лучших* (места), *уникальная, бесценная* (природа), *невероятно ценная* (флора), *великолепные, запоминающиеся, восхитительные* (пейзажи), *величественная, могучая* (Волга), *потрясающие* (виды, озера), *прекрасные, фантастические, поразительно красивые, необычайные по красоте* (места), *необычные, эффектные, яркие* (достопримечательности);

– броские заголовки: «Необычные фишки из Астрахани: туристам на заметку»; «Живые и с подсветкой: краеведческие "фишки" из Астрахани»; «В Астрахани Питер: несколько верных признаков»; «Монеты со дна морского, идущие бриллианты и копия Кремля»; «Дикие, но симпатичные», «Где живет астраханская рыба?»; «В стиле хоррор: таинственные маршруты Астрахани» («АстраКульт»); «Редкие деньги. Что хранит в своих недрах астраханский Центробанк» («Арбуз»);

– стилистика словообразования: разнообразие словообразовательных суффиксов с иронической или уничижительной окраской, подчеркивающей незначительность предметов: *воришка, домишко, книжонка, улочка, городишко, кафешка, мостик, магазинчик*;

– акцентирование внимания на ключевых словах, повторяющихся образах, стереотипных представлениях о городе: *каспийская столица, Венеция на Каспии, Волжская / южная Венеция, арбузная столица, город на одиннадцати островах, край помидоров, рыбный край, южный форпост, жемчужина Каспия, город мостов и каналов, город лотосов и арбузов*.

Синтаксическая стилистика затрагивает такие аспекты, как:

– порядок слов в предложении;

– предложения с однородными членами предложения;

– введение прямой речи («Астраханцы должны сразу видеть разницу в лучшую сторону между тем, что было и что стало как в качестве транспорта, так и в инфраструктуре и ощущать на себе преимущества проведения транспортной реформы», – подчеркнул Игорь Бабушкин).

– конструкции экспрессивного синтаксиса (синтаксический параллелизм, риторические вопросы и обращения, парцелляция, инверсия и т.д.).

Мы выделили следующие основные лексико-стилистические признаки медиатекстов об Астрахани.

1. Разнообразие употребляемой лексики и фразеологии:

– общественно-политическая лексика (*администрация, гражданская война, мандат, процедурные нарушения, правительство, несанкционированные*), в том числе аббревиация (*врио* – временно исполняющий обязанности, *избирком* – избирательная комиссия, *замглавы* – заместитель главы, *УИК* – участковая избирательная комиссия, *ЕР* – «Единая Россия», *ФБК* – Фонд борьбы с коррупцией и т.п.);

– заимствованная лексика (*бюджет, экзитпол, контейнеризация, чиновник, онлайн, интернет-трансляция, тенденция, инаугурация*);

– термины из сферы экономики (*дотации, логистика, уход с рынка, формирование спроса, финансирование, условия контракта, бюджет, экспорт, субсидии, сопровождение поставок, наращивание объемов выпуска*).

Отметим, что общественно-политическая лексика не только обладает номинативной функцией, но и заключает в себе оценку этих явлений. Такие слова, как *оппозиционер, митингующие, активисты, бюджетники, либерал, чиновники* в зависимости от идеологической позиции автора медиатекста выражают позитивную или негативную оценку событий, понятий или явлений.

2. Тропы и стилистические фигуры:

– **метафора** (переосмысление лексики на базе образно-ассоциативного подобия): *Астраханская область является плавильным котлом множества национальных культур* («AST-NEWS.ru – Астраханские новости», 02.08.2022); *Прекрасно, когда в нескольких метрах от крыльца течет Волга, наряженная в гранит* («AST-NEWS.ru – Астраханские новости», 26.07.2022); *Астрахань – перекресток религий* («АстраКульт», 19.07.2022); *Наш театр – жемчужина Каспийского региона* («АстраКульт», 07.04.2022); *Главная фотомодель Астрахани – конечно же, Астраханский кремль. Всегда фотогеничен и привлекателен, а главное – каждый раз предстает в новых образах, достаточно лишь поменять ракурс* («АстраКульт», 09.09.2020); *Осень 585 пробы. Самые прекрасные виды на золотую*

Астрахань («АстраКульт», 15.10.2019); *Поистине, наш рыбный край вдохновлен этими водными обитателями – они возникают на городских улицах, рождаются на холстах и даже плавают на устоях мостов...* («АстраКульт», 01.10.2020); *Тебя окружает букет ароматов из книг, деревянной мебели, картинного багета...* («АстраКульт», 04.11.2017);

– **олицетворение**: *Многие дома и улицы нашего города еще помнят его тихий голос и легкие шаги* («АстраКульт», 30.05.2018); *А начнем с колоритных дворишков <...> В чем-то мрачноватые и немного сонные, но такие атмосферные и притягательные* («АстраКульт», 09.04.2020); *Часы астраханского кремля отмечают юбилей* («Арбуз», 03.08.2022); *музейно-музыкальные старожилы под названием «Грамофоны»* («АстраКульт», 27.04.2021);

– **аллюзия**: *Кому в Астрахани жить хорошо?* («Астраханские новости», 01.05.2017) – аллюзия к поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»; *На мусорном фронте без перемен* («АиФ», 21.04.2022) – квазичитация названия романа Ремарка «На западном фронте без перемен»; *Пир во время коронавируса. Управделами астраханского губернатора закупило позолоченные икорницы по 25 тысяч за штуку* («Пункт-А», 31.03.2020) – отсылка к трагедии А.С. Пушкина «Пир во время чумы». Наличие в медиатексте аллюзивных репрезентантов побуждает читателя обратиться к определенным воспоминаниям, ассоциациям;

– **парцелляция** (конструкция экспрессивного синтаксиса, представляющая собой намеренное расчленение связного текста на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков): *Я снимаю тени, падающие от фонарей на астраханские улицы – это мое. Мое место и ничье больше* («АстраКульт», 16.02.2018);

– **риторические вопросы** (модификация вопросно-ответного хода, инициация диалога с читателем): *Собачья голова или Солнечное озеро: что скрывают известные астраханские названия?* («АстраКульт», 18.02.2021); *Как связаны Велимир Хлебников, Джеймс Джойс и Сэмюэл Беккет?* («АстраКульт», 24.01.2020); *Так чем же столь хороша Астрахань?; Но только ли этим славится Астрахань?; Чем не увлекательный маршрут?; А где, как не на Коммунистической, мы сможем попросить водителя «Остановить у Башни», чувствуя себя настоящими рыцарями?* и т.п.;

– **ирония**: статья «История о том, как блондинка в Астрахани на выборы ходила» («Арбуз», 19.09.2016) написана в ироническом ключе и повествует о ведении предвыборной кампании с акцентом на внешние, имиджевые показатели деятельности чиновников. В этом тексте мы обнаруживаем множество лексем и синтаксических конструкций с иронической окраской: *мой внутренний голос <...> решил отдаться самому достойному кандидату; советы для начинающих электоратов и электораток; гуру электорального дела; хит выборного сезона; следите за обновлениями на столбах и заборах; напористость – признак мастерства; женщины делали свое участково-избирательное дело.*

3. Смешение в пределах одного материала общественно-политической лексики (депутат; новостной выпуск; избирательный участок; предвыборная программа; оппозиция) и лексики разговорного стиля (выскачка, и готово!; сразу видно; чего голосовать?; ну а вдруг?; так сказать и др.) («Арбуз», 19.09.2016)

4. Лаконичность изложения при информативной насыщенности.

Литература

1. Бондаренко Е. А. Медиакультура (учебная программа) // Основы экранной культуры. Медиакультура: комплект программ. М. : МИОО, 1996.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М. : Логос, 2003.
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 2010.
4. Решетников Д. Е. Место медиатекстов в структуре «Городского текста» // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2009. № 1 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-mediatekstov-v-strukture-gorodskogo-teksta> (дата обращения: 27.06.2022).
5. Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учебное пособие. М. : Аспект Пресс, 2008.

АББРЕВИАТУРЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В решении ряда коммуникативных задач (регулятивная деятельность, диалогическая деятельность через выработку определенных норм речевого поведения автора и читателя, коммуникативная целесообразность, передача информации) активно участвуют аббревиатуры, функционирующие в исследованных источниках медицинского дискурса. Коммуникативный аспект функционирования аббревиатур в медицинском тексте реализуется и как нормативный (аббревиатуры создаются по нормам языка), и как узуальный. Авторы характеризуются их прагматическим приоритетом: сообщение научной обществу новых сведений в той или иной области медицинского знания акцентируется посредством аббревиатур.

Ключевые слова: аббревиация, аббревиатура, сокращение, компрессивная деривация, компрессив, коммуникативная задача

Veklich M.V.
*Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

ABBREVIATIONS OF MODERN SCIENTIFIC MEDICAL DISCOURSE IN THE COMMUNICATIVE ASPECT

Abstract. In solving a number of communicative tasks (regulatory activity, dialogic activity through the development of certain norms of the author's and reader's speech behavior, communicative expediency, information transfer), abbreviations that function in the studied sources of medical discourse are actively involved. The communicative aspect of the functioning of abbreviations in a medical text is realized both as a normative one (abbreviations are created according to the norms of the language) and as an ordinary one. The authors are characterized by their pragmatic priority: communication of new information to the scientific community in a particular area of medical knowledge.

Keywords: abbreviation, abbreviation, abbreviation, compressive derivation, compressive, communicative task

Несмотря на строгое требование к структуре термина, аббревиация как способ создания термина давно и активно привлекается в научном медицинском дискурсе.

У лингвистов нет единодушия по определению статуса аббревиации и аббревиатуры. Е.А. Земская, оценивая аббревиацию как компрессивную деривацию [Земская 1981, с. 120], сомневалась в том, что аббревиация – способ образования нового слова, т.к. нового значения аббревиатура не получает. В.В. Лопатин, напротив, считал, что аббревиация – особый способ словообразования, «направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами (словосочетаниями или сложениями) синонимичных им номинаций» [Лопатин 1998, с. 9]. Е.В. Клобуков, используя термин «универб» в широком значении, объединил такие способы образования как аббревиация, словосложение, субстантивация и суффиксальная универбация, и это позволило ему утверждать, что аббревиация – самостоятельный способ образования слов, где ведущая роль принадлежит не номинативному, а социальному фактору, так как «при создании универба реализуется отнюдь не номинативная функция словообразовательных механизмов языка», а срабатывает социолингвистический фактор, порождающий компрессивные аналоги сочетаний, «высокочастотных в том или ином кругу лиц» и «общественно актуальных» для данного времени [Клобуков 2015, с. 69]. По определению Л.О. Чернейко, аббревиация – это процесс создания аббревиатур, один из способов создания нового слова, представляет собой компрессионную [Чернейко 2020, с. 232] деривацию.

В нашем исследовании рассматриваем аббревиатуру как слово-существительное, возникшее в результате компрессии, сжатия исходного сложного слова или словосочетания

разными способами; компрессив, компрессивный дериват [Чернейко 2020, с. 232]. Развивая далее идеи Е.В. Клобукова, считаем, что эффект новизны в аббревиатурах реализуется не за счет номинативной функции, а благодаря социолингвистическому фактору: это и способствует тому, что аббревиатуры в научных текстах могут выполнять специальные коммуникативные задачи.

Теоретико-методологическую базу работы составили исследования данного языкового феномена в общем (Д.И. Алексеев, Е.А. Дюжикова, Е.А. Земская, Е.В. Клобуков, Е.С. Кубрякова, Л.О. Чернейко и др.) и его реализация в языке медицины в частности (Е.М. Какзанова, Т.А. Ткачева и др.). Заметим, что в центре внимания лингвистов, занимающихся вопросами языка медицины, в основном проблемы перевода аббревиатур с одного языка на другой. Особенности аббревиации, типологии аббревиатур, функционированию аббревиатур в современном русском языке медицины должным образом внимание не уделялось. По справедливому замечанию Е.И. Головановой, пристального внимания лингвистов требует также коммуникативный подход к изучению термина, благодаря которому возможно исследование термина как необходимого инструмента профессиональной коммуникации, средства актуализации профессиональных знаний в процессе деятельности [Голованова 2004, с. 18].

С учетом изложенного выше объектом исследования в данной статье стали медицинские термины-аббревиатуры.

Предмет исследования – коммуникативные задачи, выполняемые медицинскими терминами-аббревиатурами в современном русском научном медицинском дискурсе.

Цель исследования – установить коммуникативно-прагматическую роль аббревиатур в процессе актуализации профессионального знания.

Материалом для исследования послужили контексты, выбранные из статей специализированных медицинских журналов и текстов специализированных медицинских сайтов.

Источниками языкового материала для проведения исследования стали: журналы «Кардиология и сердечно-сосудистая хирургия» (г. Москва; ВАК), «Астраханский медицинский журнал» (г. Астрахань; ВАК), «Прикаспийский вестник медицины и фармации» (г. Астрахань), сайт «Федеральный центр сердечно-сосудистой хирургии (г. Астрахань)», монографии и статьи в сборниках, размещенные в Интернет.

Функционирование аббревиатур в рассматриваемых источниках способствует решению ряда коммуникативных задач: осуществление регулятивной и диалогической деятельности (через выработку определенных норм речевого поведения автора и читателя), реализация коммуникативной целесообразности, передача информации.

Аббревиатуры активно участвуют в передаче научной, профессиональной информации, которая является представлением не только определенных событий, явлений, состояний объектов и субъектов, но и выражением авторских целей, намерений. Отсутствие модальных характеристик свидетельствует о серьезности, однозначности, намерений авторов, которые строят свои тексты таким образом, чтобы у читателей возникла ответная реакция, соответствующая авторскому замыслу; например, подчеркивание приоритетности исследованного случая приглашает читателя к обсуждению: *«В данной статье мы представляем клинический случай коронавирусной инфекции у пациентки 56 лет, протекающей с поражением сердца в рамках полиорганного поражения (легкие, кожные покровы, почки). На момент написания данной статьи подобных случаев в литературе представлено не было»* [Эбзеева 2021, с. 105]. Основные вопросы для предполагаемой дискуссии с воображаемым адресатом будут изложены автором далее в специальном разделе «Обсуждение»: *«В настоящее время обязательно проведение молекулярного анализа с извлечением ДНК, РНК и ПЦР-амплификацией вирусного генома, количественное определение вирусной нагрузки и темпов репликации вируса, позволяющие определить этиологию миокардита»* [Эбзеева 2021, с. 107–108]. Процесс понимания предполагает наличие у коммуникантов (как авторов, так и читателей) похожих категорий и концептов той предметной области, в рамках которой идет профессиональное общение. Например, анализ крови, представленный в статье и включающий сокращения разного типа, будет понятен только посвященному: *«В анализах крови от 09.05.20: эр 4,25 млн, Hb 12,2 г%, гематокрит 36,8%, цветовой показатель 0,88, л. 5,03 тыс., н. 87,3%, лимф. 9,1%, э. 2%, б. 0,2%, мон. 3,4%, тр. 246 тыс., СОЭ 41 мм/ч.»* [Эбзеева 2021, с. 105].

Регулятивная речевая деятельность в исследованных текстах напрямую связана с определенной системой норм коммуникативных образований (в нашем случае – аббревиатур),

используемых участниками. Коммуникативная целесообразность реализована благодаря точности высказывания, логичности, ясности и доступности изложения, чистоте речи. Так, например, авторам электронного журнала выдаются следующие рекомендации по употреблению аббревиатур («Следует использовать лишь общепринятые аббревиатуры; использование нестандартных аббревиатур может запутать читателей. В названии рукописи аббревиатуры использовать не следует. При первом использовании аббревиатуры ее нужно указать в скобках после расшифровки; исключения составляют аббревиатуры для стандартных единиц измерения» [Рекомендации..., с. 38]) или дается специальное указание относительно аббревиатур в информации для участников форума молодых кардиологов РКО («Текст и заголовки не должны содержать аббревиатуры, за исключением часто используемых: (ВПС, ППС, АКШ и т.п.)» [Федеральный центр...]).

Можно утверждать, что аббревиатуры в научном тексте участвуют в создании коммуникативной цепочки «автор – текст – читатель», т.е. осуществляют процесс не только передачи информации, но и обмена (в заочном формате) информацией. Терминология, являясь ядром языка профессиональной коммуникации, концентрирует в себе его основные свойства и признаки. Соглашаясь с определением, сформулированным Е.И. Головановой [Голованова 2004, с. 20], данным профессиональной коммуникации как коммуникации «в рамках профессиональной сферы между представителями определенных профессий (а также между представителями родственных профессий)», поддерживаем замечание о том, что целесообразно разграничивать профессиональную коммуникацию трех типов – обучающую, познавательную и деятельностную [Голованова 2004, с. 20]. В рамках данного исследования мы рассматриваем два вида профессиональной коммуникации – познавательную (коммуникация для решения профессиональных задач) и деятельностную (коммуникация – через познавательную – в процессе деятельности).

Аббревиатуры, являясь стилистически маркированными элементами, участвуют в передаче читателю особой информации, представляя разные области медицинского знания и сферы профессиональной коммуникации. Анализ источников позволил выделить следующие тематические группы, соответствующие разным сферам профессиональной коммуникации, медицинских аббревиатур, расположенные нами в алфавитном порядке и включающие:

- названия анатомических реалий, систем и их составляющих: *IgM* (иммуноглобулин M), *IgG* (иммуноглобулин G), *ПкА* (подключичная артерия), *АВ-борозда* (атриовентрикулярная борозда), *МК* (митральный клапан);

- названия аппаратуры, инструментов: *SPR-чип* (биосенсор на основе SPR), *ФЦМ* (флюорограф цифровой малодозовый);

- название видов медицинского образования: *НМО* (непрерывное медицинское образование);

- название врачебных специальностей: *ЛОП-врач* (ларингооторинолог);

- название вспомогательных средств при оперативных вмешательствах: *ЭКС* (электрокардиостимулятор), *РЧ-электроды-зажимы* (радиочастотные электроды-зажимы), *АИК* (аппарат искусственного кровообращения);

- названия заболеваний, синдромов: *ОКС* (острый коронарный синдром), *ХСН* (хроническая сердечная недостаточность), *ГКМП* (гипертрофическая кардиомиопатия), *ДВС-синдром* (диссеминированное внутрисосудистое свертывание крови), *СД* (сахарный диабет), синдром ППН (синдром пациент-протез-несоответствие), *АРЛ* (Астраханская риккетсиозная лихорадка), *ОРВИ* (острая респираторная вирусная инфекция);

- названия компаний-производителей медицинских препаратов, оборудования: *СибЭнзим* (компания по производству НК-оперирующих ферментов и сопутствующих препаратов, г. Новосибирск), *Медполимер* (производитель фармацевтической продукции и изделий медицинского назначения в России);

- название лечебных учреждений, отделений: *ОРХМДиЛ* (Отделение рентгенохирургических методов диагностики и лечения), *ГБУЗ АО АМОКБ* (Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Астраханской области «Александро-Мариинская областная клиническая больница»), *ОРИТ* (отделение реанимации и интенсивной терапии), «*РЖД – Медицина*» (ЧУЗ «Клиническая больница «РЖД – Медицина» город Астрахань);

- названия медицинских технологий: *РЧА* (радиочастотная абляция), *ВСУ* (высокоинтенсивный сфокусированный ультразвук);

– названия методов, материалов медицинского исследования, измерения: ЭХО-КС (эхокардиоскопия), ЧПЭХОКГ (чреспищеводная эхокардиография), ЭФИ (электрофизиологическое исследование), SPR (поверхностный плазмонный резонанс), М-ПЦР (метод мультиплексной полимеразной цепной реакции), ПСЛ (перфузионная сцинтиграфия легких), АПГ (ангиопульмонография), СТАФИтест 24 (тест для идентификации стафилококков в течение 24 часов), УЗ-метод (ультразвуковой метод);

– названия министерства, обществ, организаций, центров, лабораторий, служб: Минздрав (Министерство здравоохранения), РНОИК (Российское научное общество интервенционных кардиоангиологов), ЦЭЛТ (Центр эндохирургии и литотрипсии), ФЦССХ (Федеральный центр сердечно-сосудистой хирургии), НМИЦ (Национальный медицинский исследовательский центр), РКО (Российское кардиологическое общество), баклаборатория (бактериологическая лаборатория), Госсанэпидслужба (государственная санитарно-эпидемиологическая служба);

– название операций: АКШ (аортокоронарное шунтирование), ЧКВ (чрескожное коронарное вмешательство), КЭЭ (каротидная эндартерэктомия), КАС (каротидное стентирование);

– название учебных заведений: АГМУ (Астраханский государственный медицинский университет), РНИМУ (Российский национальный исследовательский медицинский университет);

– названия фармакологических средств: и-АПФ (ингибиторы ангиотензипревращающего фермента), ДМСО (диметилсульфоксид), лизобакт (антибактериальный препарат с действующим веществом лизоцимом);

– названия цитологических реалий: GDF-15 (фактор дифференцировки роста-15).

Авторы работ в ряде случаев, суммируя сведения о том или ином исследовании, приводят синонимичные аббревиатуры: «GDF-15, описанный в ряде литературных источников как цитокин-1 ингибирующий макрофаги (MIC-1), фактор роста плацентарной трансформации (PTGF), фактор простаты (PDF), морфогенетический белок плацентарной кости (PLAB), является дивергентным членом цитокинов суперсемейства трансформирующего ростового фактора (TGF- β)» [Тишкова 2022, с. 15].

Прагматический приоритет авторов созданных аббревиатур в исследованных источниках – сообщение научной медицинской общественности новых сведений в той или иной области медицинского знания. Ср.: «В качестве открытой реоперации выполнялись КЭАЭ с пластикой заплатой (76,1 %), протезирование ВСА (16 %), КЭАЭ с первичным швом (3,7 %), эверсионная КЭАЭ (1,2 %) и шунтирование ВСА (1,2 %)» [Лысенко 2021, с. 95].

Подведем итог. Научный текст – это особый коммуникативно-прагматический тип межличностного общения, посредством которого осуществляется контакт (обмен информацией) между субъектом речи и его адресатом. Научный текст можно рассматривать как диалог особого типа (диалог в заочной форме).

Функционирование аббревиатур в рассматриваемых источниках способствует решению ряда коммуникативных задач: осуществление регулятивной и диалогической деятельности (через выработку определенных норм речевого поведения автора и читателя), реализация коммуникативной целесообразности, передача информации.

Считаем, что коммуникативный аспект функционирования аббревиатур в медицинском тексте действует и как нормативный (аббревиатуры создаются по нормам языка), и как узурпальный (так как в работах употребляются не только общепринятые сокращения, не требующие расшифровки, но и авторские, существующие в рамках работы и потому нуждающиеся в расшифровке).

Литература

1. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов : СГУ, 1979. 328 с.
2. Алексеев Д. И. Буквенные аббревиатуры и их классификация // Ученые записки Мелекесского гос. пед. ин-та. Мелекесс, 1958. Т. 1. Вып. 1. С. 41–67.
3. Голованова Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2004. Вып. 8 (33). С. 18–25.
4. Дюжикова Е. А. Аббревиация сравнительно со словосложением : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 340 с.

5. Земская Е. А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 274 с.
6. Какзанова Е. М. Сокращения в медицинских текстах и особенности их перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2014. № 3. С. 80–88.
7. Клобуков Е. В. Универбация в ее отношении к системе способов современного русского словообразования // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 11 / [редкол.: Л.П. Клобукова (отв. ред.), Л.А. Дунаева, И.Б. Васильева]. М. : МАКС Пресс, 2015. С. 68–80.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Лопатин В. В. Аббревиатура // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
10. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научные технические сокращения в иностранных языках. М. : Военное изд-во МО СССР, 1972. 320 с.
11. Лысенко А. В., Каравайкин П. А., Салагаев Г. И., Белов Ю. В. Редкие осложнения каротидной эндартерэктомии, требующие хирургического лечения // Кардиология и сердечно-сосудистая хирургия. 2021. Т. 14 (1). С. 90–97.
12. Рекомендации по проведению, описанию, редактированию и публикации результатов научной работы в медицинских журналах. URL: <https://www.mediasphera.ru/upload/medialibrary/russian2021.pdf> (дата обращения: 29.08.2022).
13. Тишкова О. Г., Дикарева Л. В., Шварев Е. Г., Уханова Ю. Ю. Роль фактора дифференцировки роста-15 (GDF-15) в регуляции и развитии осложнений беременности // Астраханский медицинский журнал. 2022. Т. 17, № 1. С. 14–22.
14. Ткачева Т. А. Инициальные аббревиатуры как результат процесса компрессии в медицинском терминологическом образовании и их языковой статус (на материале русского и французского языков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 19, № 1. С. 42–48.
15. Федеральный центр сердечно-сосудистой хирургии Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Астрахань). URL: <https://www.astra-cardio.ru> (дата обращения: 29.08.2022).
16. Чернейко Л. О., Ли Я. Аббревиатура как номинативный и экспрессивный знак в текстах российских СМИ / Л.О. Чернейко, // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 229–246.
17. Эбзеева Е. Ю., Миронова Е. В., Кроткова И. Ф., Остроумова О. Д., Де В. А. Поражение миокарда при коронавирусной инфекции в сочетании с поражением легких, кожи и почек // Кардиология и сердечно-сосудистая хирургия. 2021. Т. 14. № 1. С. 104–110.

Велявина Т.Б.
Каспийский институт морского и речного транспорта
имени генерал-адмирала Ф.М. Апраксина –
филиал Волжского университета водного транспорта,
г. Астрахань, Россия

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ К ЗАЩИТЕ ПРОЕКТА

Аннотация. В современном деловом мире выпускники, сталкиваясь с серьезной конкуренцией на рынке труда, не всегда могут правильно заявить о себе. Отсутствие практических навыков речевой коммуникации не позволяют молодым специалистам найти достойную работу. Умение говорить четко, последовательно и убедительно пригодится им во всех сферах жизни и выручит в любых ситуациях.

Ключевые слова: коммуникация, речь, голос, дикция, речевое дыхание, волнение

Velyavina T.B.
The Caspian Institute of Sea and River Transport
named after the general-admiral F.M. Apraksin –
branch of the The Volga State University of Water Transport,
Astrakhan, Russia

ON SOME FORMS OF PREPARING STUDENTS FOR DEFENDING PROJECTS

Abstract. In modern business world, the graduates facing serious competition in the labor market cannot always properly profile themselves. The lack of practical skills of speech communication does not allow young professionals to find a decent job. The ability to speak clearly, consistently and convincingly will be useful for them in all spheres of life and will help them out in any situations.

Keywords: communication, speech, voice, diction, speech breathing, excitement

В XXI веке к выпускникам высших и средних специальных учебных заведений предъявляются требования не только основательных знаний по своей специальности, но и умений речевой коммуникации. В современном деловом мире молодым специалистам сложно устроиться на перспективную работу, если не следовать совету Наполеона Бонапарта, который утверждал, что кто не умеет говорить, тот карьеры не сделает.

Исходя из ранее полученного опыта, можно сделать вывод, что эффективным тренингом в улучшении навыков речевой коммуникации является конкурс проектов по литературе среди студентов организаций среднего профессионального образования Астраханской области, который проводится с 2017 года.

Конкурс – это приобретение нового опыта, новых знаний о себе, и он предполагает выход из зоны комфорта, а это, в свою очередь, – точка роста.

Участие в конкурсах создает особую соревновательную атмосферу и дает студентам материал для самооценки. Работа над самим конкурсным проектом занимает не менее 4-х – 5-ти месяцев, и этот факт является его не единственной отличительной чертой.

Во всеобщем понимании, конкурсы – это борьба, соперничество за достижение лучшего результата. Тем не менее, чтобы достойно выступить и успешно защитить свой проект, надо не только провести значительную исследовательскую работу, но и знать особенности речевой коммуникации. Следовательно, подготовку к защите проекта всегда рекомендуется начинать с работы над речью.

Известно, что умение говорить четко, последовательно и убедительно пригодится во всех сферах жизни и выручит в любых ситуациях, поскольку оно позволяет оказывать влияние на людей, управлять их действиями и поступками, заряжать аудиторию своей энергией и настроением. Таким образом, публичная речь выступающего на презентации или защите должна быть не только убедительной и доказательной, но и красивой.

Ниже приведены несколько характерных признаков правильно поставленной речи:

- неторопливость;
- легкость;
- отсутствие длинных неловких пауз и неожиданных запинок;
- исключение ненормативной лексики и слов-паразитов;

- содержательность повествования;
- умеренная жестикуляция и мимика;
- эмоциональное звучание, отсутствие монотонности.

Кроме того, чтобы выступление звучало красиво и убедительно, сам оратор должен быть энергичным и уверенным в себе человеком. Только так он сможет расположить к себе аудиторию, вызвать доверие и симпатию, проникнуть в человеческие души.

Начинать совершенствование ораторского мастерства необходимо с работы по контролю над речевым дыханием. Например, развивать носовое дыхание для предупреждения различных расстройств голоса можно при помощи следующих упражнений:

1. Закрывать правую и левую ноздрю и сделать 5–6 вдохов и выдохов поочередно, закрывая отдыхающую указательным пальцем.

2. Надавливая пальцем на крылья носа 8–10 раз на вдохе, носом оказывать сопротивление воздуху,

3. Сделав вдох носом, на выдохе протяжно тянуть звук БМММ, одновременно постукивая пальцами по крыльям носа.

После выполнения упражнений по контролю дыхания, нужно постараться произнести на одном выдохе следующую фразу: «Я хочу всем вам сообщить о самой удивительной, самой поразительной, самой чудесной, самой замечательной, самой прекрасной, самой потрясающей, самой редкой, самой необычной, самой невероятной, самой неожиданной, самой великой, самой ничтожной, самой обычной, самой блистательной, самой великолепной и наиболее достойной зависти вещи...».

Принимая во внимание воздействующую силу слова, рекомендуется работать не только по совершенствованию речевой техники, но и дикции выступающих с защитой проекта, поскольку именно четкая дикция помогает созданию благоприятных условий для эффективного восприятия материала студенческого проекта. Кроме того, именно дикция является одним из наиболее ярких показателей внешней культуры звучащей речи. В значительной мере во время публичного выступления помогают «не спотыкаться» скороговорки, которые представляют собой самое эффективное упражнение для улучшения четкости произношения звуков.

Например, в решении проблем со звуками в речи КРС может помочь следующая ниже-приведенная скороговорка:

Те, кто говорят скороговорки, – скороговорунуны.

Те, кто изучает мастерство скороговорунунов, – скороговорунуноведаы.

Те, кто любит читать скороговорунуноведаы, – скороговорунуноведаыфилаы.

Те, кто ненавидит скороговорунуноведаыфилаы, – скороговорунуноведаыфилаыфобаы.

Те, кто поедает скороговорунуноведаыфилаыфобаы, – скороговорунуноведаыфилаыфобаыфагы.

Те, кто ведет борьбу со скороговорунуноведаыфилаыфобаыфагаы, – антискороговорунуноведаыфилаыфобаыфагы.

Те, кто выдает себя за антискороговорунуноведаыфилаыфобаыфагаы, – квазиантискороговорунуноведаыфилаыфобаыфагы!

Из вышесказанного следует вывод о том, что наш голос – инструмент, с которым нужно уметь работать и который позволяет достигать целей, иначе он испортит впечатление о выступающем. В связи с этим возникает вопрос: как избавиться от того, что мешает говорить, найти «свой» голос, сделать так, чтобы его услышали? По этому поводу великий М.И. Глинка говорил: «Самый величайший инструмент на Земле – это человеческий голос. Ни рояль, ни скрипка, ни виолончель не смогут заменить его эмоции, его чувства и его воздействие на публику».

Интересен тот факт, что к специалистам по голосовому аппарату обращались в начале своей карьеры все известные политики, успешные и знаменитые люди: им «ставили» голос. К примеру, Филипп-Николя Мело, французский профессор вокала, много лет обучает пению любителей и профессионалов, помогает певцам и обычным людям научиться управлять голосом. Его несколько простых упражнений представляют собой эффективное средство, помогающее изменить голос в лучшую сторону, сделать его гибким и послушным, приятным и благозвучным. Например, зарядка для лица, которая заключается в том, чтобы произносить слоги «Кью-икс» и при которой освобождается горло, передавая основную работу губам и диафрагме. При этом на «кью» губы округляются, а «икс» произносится с широкой улыбкой. Данное упражнение необходимо повторить несколько раз, а потом произнести небольшую речь, чтобы убедиться в его пользе. Также рекомендуется сделать из левой ладони

«ракушку» и приложить ее к левому уху – это будет наушник, а правую руку поднести ко рту – она станет микрофоном. Необходимо представить, что вы звукорежиссер: громко читаете, произносите разные слова, играя со звуком.

Наиболее трудным аспектом для студентов в процессе подготовки к публичной защите проекта является тренировка контроля волнения, одной из причин которого является желание оратора оставить о себе благоприятное впечатление. Специалисты по речевой коммуникации советуют во время выступления устанавливать контакт со слушателями, например, найти среди присутствующих на защите проекта дружеские лица и чаще смотреть на них. Кроме того, трясущиеся от волнения руки выдают страх перед незнакомой аудиторией, преодолеть который, исходя из личного опыта, можно следующим образом: занять руки каким-нибудь предметом, например, взять карандаш. Этот прием способен стать своего рода «спасательным кругом» и помочь унять волнение, т.е. «взять себя в руки».

Всегда надо учитывать, что залог успеха во время защиты проектов по литературе – это не только грамотная речь и четкая дикция, но и красивая музыка. Музыкальное сопровождение во время выступления усиливает эмоциональное восприятие информации, создает нужную атмосферу. Это мощный инструмент, которым обязательно надо пользоваться.

Таким образом, красивая речь, продуманное музыкальное сопровождение могут в значительной мере повлиять на впечатление о проекте в целом, поэтому работая над самим проектом, надо до мелочей продумать и его защиту.

Литература

1. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация : учебник / под ред. проф. О. Я. Гойхмана. М. : ИНФРА-М, 2005.
2. Почикаева Н. М. Искусство речи : практическое пособие для учащихся училищ искусств и культуры, учителей и руководителей художественной самодеятельности. М. : ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д. : Издательский центр «МарТ», 2005.
3. Сенина Н. А. и др. Русский язык. Нормы речи. «Заговори, чтобы я тебя увидел» : учебное пособие для формирования языковой и коммуникативной компетенции. 10–11 классы / под ред. Н. А. Сениной. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д., 2013.
4. Шахиджанян В. В. Учимся говорить публично. М. : Вагриус, 2007.
5. URL: <http://sbiblio.com/biblio/archive/kulturologia/8.aspx>.
6. URL: <https://present5.com/russkij-yazyk-i-kultura-rechi-problemy-sovremennogo>.

Вострикова Т.И., Молчанова Е.Е.
Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия

О РИТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ РОМАНА В.П. КРАПИВИНА «ЖУРАВЛЕНОК И МОЛНИИ»

Аннотация. В статье ставится проблема специфики детского чтения; затрагивается (на примере личности В.П. Крапивина) вопрос о том, каким должен быть детский писатель. Особое внимание уделяется риторическому аспекту романа В.П. Крапивина «Журавленок и молнии». Определяются получившие отражение в романе риторические ценности, базовые идеи общей и педагогической риторики.

Ключевые слова: детский писатель, риторика общая и педагогическая, риторизация художественного произведения для детей, В.П. Крапивин, роман «Журавленок и молнии»

Vostrikova T.I., Molchanova E.E.
Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

ABOUT THE RHETORICAL ASPECT OF V.P. KRAPIVIN'S NOVEL "THE CRANE AND THE LIGHTNING"

Abstract. The article raises the problem of the specifics of children's reading; touches upon (on the example of the personality of V.P. Krapivin) the question of what a children's writer should be.

Particular attention is paid to the rhetorical aspect of the novel by V.P. Krapivin "Crane and Lightning" The rhetorical values reflected in the novel, the basic ideas of general and pedagogical rhetoric are determined.

Keywords: children's writer, general and pedagogical rhetoric, rhetorization of a work of art for children, V.P. Krapivin, novel "Crane and Lightning"

Как должны писаться детские книги? На сложнейший этот вопрос, поставленный В.Г. Белинским еще в 1840 году, и сегодня однозначный ответ не найден... Однако во все времена несомненно: «книги, которые пишутся собственно для детей, должны входить в план воспитания как одна из важнейших его сторон»; для детского писателя чрезвычайно важны «любовь к детям, глубокое знание потребностей, особенностей и оттенков детского возраста»; книга, написанная для ребенка, должна быть интересна и для взрослого, который, прочитав ее, «перенесся бы легкою мечтою в светлые годы своего младенчества» [Белинский 1980, с. 55].

Владислав Петрович Крапивин (1938–2020) – из числа именно таких писателей. Впрочем, В.П. Крапивин не только писатель... Он член редколлегии весьма популярного некогда журнала «Пионер»; известный педагог (целый ряд его педагогических статей опубликован в «Учительской газете»); организатор детского разновозрастного отряда «Каравелла», который был известен всей стране... Безусловно, что писательский успех В.П. Крапивина во многом обусловлен органичной связью его литературных произведений с его педагогическими взглядами и педагогической деятельностью. Как полагают исследователи, Владислав Крапивин – это один из создателей «педагогической прозы», которая не поучает, а воспитывает, которая «оказывает положительное влияние на становление характера и формирование психологических мотиваций подрастающего читателя» [Гареева 2018, с. 462].

В связи со сказанным закономерно, что в книгах В.П. Крапивина получили свое отражение идеи риторики – как общей, так и педагогической.

Обоснуем справедливость сказанного, опираясь на материал одного из самых известных романов В.П. Крапивина «Журавленок и молнии».

Прежде всего отметим, что основу романа В.П. Крапивина составляет риторическая категория *этоса*, которая, как известно, заключается в способности адресата «действовать *уместно* (выделено нами – Т.В., Е.М.) по отношению к адресанту речи и всем условиям речевого сотрудничества» [Матвеева 2003, с. 410]. Здесь налицо и та важнейшая этосная составляющая красноречия, о которой говорил еще Н.Ф. Кошанский [Кошанский 1998, с. 304–306]: красноречие *добродетели*, суть которого – в пламенном желании *добра* и стремлении автора речи к этой цели.

Именно такими – верящими в добро и желающими добра окружающим – предстают многие герои романа В.П. Крапивина. Это и главный герой произведения пятиклассник Журка, убежденный в том, что хороших людей на Земле гораздо больше, чем плохих, умеющий «находить кусочки радости во всем». Это дедушка Журки, а также самый близкий друг мальчика Ромка, погибший в автомобильной катастрофе. Дедушку Журки и Ромку объединяло то, что глаза обоих смотрели на мир «с добротой и постоянным ожиданием чего-то хорошего». Это учительница начальных классов Лидия Сергеевна, к которой Журка после долгого расставания бросился, «раскинув руки, будто хотел обнять с разбега. Так бегут к маме, которая вернулась домой из долгой поездки»...

Действительно, именно Лидия Сергеевна воплотила в себе те стили профессионального общения, что именуются в педагогической риторике стилями *дружеского расположения* и *совместной увлеченности познавательной деятельностью*. Об этом свидетельствуют и речь, и поступки Лидии Сергеевны. Это педагог, который стремится воспитать в своих учениках лучшие человеческие качества. Это педагог, который умеет хранить ребячьи тайны, способен помочь своему ученику и поддержать его в самую трудную минуту. Не случайно именно к Лидии Сергеевне пришел промокший под проливным дождем Журка после тяжелейшего конфликта с отцом...

Риторичность романа В.П. Крапивина обусловлена также ее диалоговым «многоголосием» (давно подмечено: риторика и диалог – понятия неразделимые!). Особое место, на наш взгляд, занимает в произведении такая разновидность диалога, как *солилоквиум* – «умение постоянно полемизировать с самим собой, без наличия внешнего оппонента» [Ильенков 1991, с. 51]. Это представляется оправданным, поскольку в романе ставятся острейшие

вопросы, связанные с проблемами «отцов и детей», взаимоотношениями в детском коллективе, поиском ответов на вопросы «что такое хорошо и что такое плохо»...

Приведем небольшой фрагмент диалога указанного типа: «полемику» Журки с самим собой по поводу предстоящего разговора с отцом: «А может быть, ничего не говорить? Нет, Журка знал, что не выдержит. Сколько горя накопилось в душе за последние два часа. Жить дальше, будто ничего не случилось?.. Да и зачем притворяться?.. Только надо сказать спокойно: "Я думал, ты мне всегда правду говоришь, а ты..." Или сразу? "Эх ты! Значит, родному отцу верить нельзя, да?" Нет, тогда сразу сорвешься на слезы. Они и так у самого горла... А в общем-то, не все ли равно? Исправить ничего уже нельзя...».

Специально остановимся на многочисленных стилистических приемах, которые использует автор. Напомним: современные исследователи считают целесообразным рассматривать стилистический прием как разновидность приема *риторического*. В тексте романа немало риторических приемов лексического характера:

– оригинальные **эпитеты** («...несколько секунд была хорошая тишина»; «Пришли ясные тихие дни – с неподвижными листьями, присыпанными золотистой пылью, со стеклянными паутинками в прозрачном воздухе»);

– **сравнения** самой разной структуры («Белел над крышами бледный, будто больной месяц»; «Горька начал съезживаться. Все сильнее и сильнее – как проколотый воздушный шарик»; «Да, это, оказывается, был главный вопрос. Он сразу же засел в Журке твердым ключим кубиком»; «А еще конопушки эти круглые. Не лицо, а божья коровка»; «Прическа директорши при свете лампочки блестела, как медный колокол»; «Маргарита Васильевна сразу налилась помидорным соком и закричала»; «Рот Виктора Борисовича то сжимается в крошечную розочку, то превращается в черную дыру»; «Он был похож на печального Буратино, только без колпачка и длинного носа»; «Журка уснул наконец – будто утонул в черной глухой воде»);

– **олицетворения** («Добродушно дремала у забора старая железная бочка»; «Но черемуха пока не цвела, видимо, ей тоже не хотелось мерзнуть»; «...осень хотела напомнить школьникам: побегали, побездельничали – и хватит. Но скоро природа смилостивилась и вернула лето»; «Полчища этого страха сидели в засаде, и теперь они кинулись на Журку, навалились, затоптали, как конница»);

– словосочетания (свободные и устойчивые), включающие в свой состав однокоренные слова и выступающие как **контекстуальные антонимы** («Нельзя сказать, что Журка был маменькин сынок, но «мамин сын» – это точно...»).

Герои, к которым автор испытывает особую симпатию, получают эмоционально-положительную портретную характеристику, которая содержит в себе целый комплекс выразительных средств: «Мальчик был как тонкий солнечный колосок. Солнце, казалось, не хотело расставаться с ним даже на затененной лестничной площадке, и задержало на мальчишке свой свет» (о Журке); «Иринкин папа... стройный, похожий на дирижера, который вот-вот взмахнет палочкой и начнет озорную музыку. Он и кистью взмахивал, как дирижерской палочкой» (об Игоре Дмитриевиче).

Как лексические средства выразительности следует рассматривать встречающиеся в тексте романа окказионализмы, а также авторское обновление фразеологических оборотов («Ты же знаешь мою **твердокаменность**...»; «**горбатился** узорчатый железный мостик»; «Все **захолонуло** в нем»; «...у нее сегодня **«пфыкательное»** настроение»; «Завтра я подарю ее тебе, – с печалью и **ласковостью** подумал Журка»; «А Иринка? Она... она, кажется, была **согласна изо всех сил**».

Назовем некоторые стилистические/риторические приемы грамматического характера, которые использует В.П. Крапивин.

В тексте романа много **риторических** вопросов и восклицаний. К примеру, мы видим это и когда Журка пытается осмыслить очень непростые, драматические события собственной жизни («Потом он... поставил на полку «Сочинение об описи морских берегов». На прежнее место. А как расставить и разложить по местам все, что скомкалось и перемешалось в жизни?»), и когда он размышляет о событиях «мирового масштаба» («Иногда думаешь: взрослые люди, а чем занимаются? Будто на земле другого дела нет, как друга друга стрелять и резать»).

Для усиления эмоционального воздействия на читателя В.П. Крапивин использует инверсию, анафору, антитезу, парцелляцию. Иногда в одной фразе встречаем сразу два или несколько приемов, например: «Он побежал. **Чтобы** не задрожать опять. **Чтобы** никто не пристал с расспросами. **Чтобы** все скорее кончилось...».

Вновь обратимся к В.Г. Белинскому, который советовал: в книгах для детей должно быть «как можно меньше сентенций, нравоучений и резонерства» [Белинский 1980, с. 55]. Всего этого в романе В.П. Крапивина мы не находим. Однако здесь есть то, что Т.А. Ладыженская и ее последователи именовали риторическими *идеями*. Это в первую очередь те нравственные ценности, которые помогают человеку (пусть это не прозвучит высокопарно!) стать Человеком: «*Не оправдывай себя чужими правильными словами*»; «*Самое трудное... когда ты считаешь, что надо делать одно, а тебе говорят: делай другое*» и под.

Итак, безусловно справедливо утверждение о том, что детское чтение есть один из важнейших показателей *культурного кода* нации. Такого рода код трудно себе представить сегодня без *риторической* составляющей. Мы не беремся утверждать, что В.П. Крапивин намеренно риторизировал текст своего произведения. Однако в книге нельзя не увидеть базовые идеи общей и педагогической риторики, те риторические ценности, о которых говорили ранее и говорят сегодня исследователи в области речеведения.

Литература

1. Белинский В. Г. Как должны писаться детские книги, по их отношению к воспитанию // Детская литература: Хрестоматия : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Я. А. Чернявская, Г. В. Регушевская. М. : Просвещение, 1980.
2. Гареева Т. С. Художественное своеобразие произведений В. П. Крапивина о детях и для детей // Молодой ученый. 2018. № 18 (204). С. 460–463.
3. Ильенков Э. В. Учиться мыслить // Философия и культура. М. : Политиздат, 1991.
4. Кошанский Н. Ф. Частная риторика // Аннушкин В. И. История русской риторики. Хрестоматия : учеб. пос. для студ. гуманитарных факультетов вузов. М. : Изд. центр «Академия», 1998. С. 302–307.
5. Крапивин В. П. Журавленок и молнии. М. : Детская литература, 1985.
6. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М. : Флинта : Наука, 2003.

Выборнова Е.Д.
СОШ № 45, г. Астрахань, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА СТРАНИЦАХ ИНТЕРНЕТА

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение особенностей функций фразем в русскоязычном интернет-дискурсе в связи с их ролью в формировании значимых элементов сетевой коммуникации. Актуальность работы заключается в том, что проблема реализации определенных функций фразеологических единиц в интернет-дискурсе до сих пор не изучена в полной мере и требует более детального анализа взаимной обусловленности фразеологии и многих сетевых явлений. Материальной базой использовались контексты с фраземами, собранные методом сплошной выборки только из собственно сетевых жанров: интернет-форумов, сетевых блогов, интернет-комментариев, социальных сетей и т. д. Проанализированы особенности использования фразеологии и ее прагматического потенциала, характерные и специфические для виртуальной коммуникации. Использовались метод сплошной выборки, классификационно-типологический, интерпретативный методы, а также метод дискурсивно-контекстуального анализа языковых единиц. В качестве методологической основы послужили работы по проблемам изучения функциональных аспектов фразеологии и лингвистики интернета. Исследование доказало, что интернет является актуальной средой для исследования функционирования языковых единиц, а сама фразеология в новых речевых и дискурсивных условиях остается коммуникативно востребованной. Фразеология и ее функции в онлайн-коммуникации участвуют в создании собственно дискурсивных черт интернета, а также вовлекаются в процесс возникновения многих явлений сетевого происхождения: интернет-мемов, тредов интернет-комментариев и пр. Изучение употребления фразеологических единиц в интернет-дискурсе говорит об огромном количестве способов контекстуальной реализации устойчивых выражений. Фразеологизмы активно употребляются в интернете, показывая высокую дискурсивную востребованность.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологизм, прагматическое изучение фразеологии, интернет-дискурс, язык интернета, интернет-мем, треды интернет-дискурсов

Vybornova E.D.
Secondary school № 45, Astrakhan, Russia

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS ON THE INTERNET PAGES

Abstract. The aim of the study is to consider the features of the functions of phrasemes in the Russian Internet discourse, in connection with their role in the formation of significant elements of network communication. The relevance of the work lies in the fact that the problem of the implementation of certain functions of phraseological units in the Internet discourse has not yet been fully studied and requires a more detailed analysis of the mutual conditionality of phraseology and many network phenomena. The material base used contexts with phrasemes collected by the method of continuous sampling only from the actual network genres: Internet forums, online blogs, Internet comments, social networks, etc. The features of the use of phraseology and its pragmatic use are analyzed. potential, characteristic and specific for virtual communication. The method of continuous sampling, classification-typological, interpretative methods, as well as the method of discursive-contextual analysis of language units were used. Works on the problems of studying the functional aspects of phraseology and linguistics of the Internet served as a methodological basis. The study proved that the Internet is an actual environment for studying the functioning of language units, and phraseology itself in new speech and discursive conditions remains communicatively in demand. Phraseology and its functions in online communication are involved in the creation of the actual discursive features of the Internet, and are also involved in the process of the emergence of many phenomena of network origin: Internet memes, Internet commentary threads, etc. The study of the use of phraseological units in Internet discourse indicates a huge number of ways of contextual implementation of set expressions. Phraseologisms are actively used on the Internet, showing a high discursive demand.

Keywords: phraseological unit, pragmatic study of phraseology, internet discourse, language of Internet, internet meme, internet discourse threads

Современные лингвисты все чаще обращаются к исследованию значимости и функций фразем в речи, в формировании жанров, дискурсов, идиостилей, при этом многофункциональный потенциал устойчивых оборотов в дискурсе русскоязычного интернета только начинает рассматриваться, в основном в ключевом аспекте, а исследованию реализации отдельных функций фразеологических единиц в виртуальном коммуникативном пространстве уделено недостаточно внимания. При этом интернет-дискурс (или сетевой дискурс, виртуальное коммуникативное пространство и т.д.), понимаемый «как особая, существующая в глобальной Сети коммуникативная среда, а также как реализация языка в этой среде, как совокупность всех языковых фактов, текстов, созданных в рамках виртуальной электронной коммуникации» [Доброва 2019, с. 38–39], становится не только новым средством общения и областью функционирования употребления языка, но и одним из актуальных объектов изучения на стыке многих гуманитарных и социальных наук.

Фразеология во всем своем структурном и типологическом многообразии активно применяется в сетевом общении: в блогах, комментариях, социальных сетях, на интернет-форумах и т.д., демонстрируя высокую дискурсивную востребованность. В целом можно констатировать, что состав фразеологических функций в интернет-дискурсе «традиционен» и представлен номинативной, экспрессивной, эмоционально-оценочной и подобными функциями, использующимися и в других дискурсивных пространствах. При этом важно отметить, что в виртуальной коммуникативной среде некоторые из этих функций обладают своеобразными чертами, которые необходимы для развития самой сетевой коммуникации.

Фразеологизмы условно можно поделить на две группы: информативно-номинативную и – наиболее важную и подходящую для фразем (а также для интернет-дискурса и медиадискурса) – прагматико-коммуникативную.

«Глобальной» функцией устойчивых выражений в интернет-дискурсе является прагматическая, при этом реализующаяся в разнообразных «формах», воздействующих на читателя

(экспрессивная, людическая и т.д.) и формирующих дискурсивные черты (текстообразующая, жанрообразующая и т.д.).

В интернет-дискурсе фразеологические единицы способны номинировать не только «обычные» реалии окружающей действительности, но и элементы реальности, релевантные для виртуального коммуникативного пространства. По этой причине особое свойство номинативная функция приобретает в связи с использованием в интернет-дискурсе фразеологических неологизмов (ФН). Невозможно говорить только о «виртуальной, сетевой» актуализации ФН, поскольку диффузность пределов интернета и прочих современных дискурсов настолько велика, что размывает сферу и среду употребления.

Потребность в номинации (в том числе и средствами фразеологии) приобрели не только компьютерные, но и собственно интернет-реалии.

Как отмечает В. Мокиенко, «многие исследователи подчеркивают все усиливающееся влияние научнотехнической терминологии на словарный и фразеологический состав современных литературных языков».

Например, в словаре «Так говорят в русском Интернете» отмечается и множество устойчивых выражений, именующих новые явления и реалии, ценные для «компьютеризированной» сферы и виртуального общения и создающие целый корпус или «квазитерминосистему»: *ад зависимостей, полный аут, фикснуть / пофикснуть баги, отправляться / отправиться (идти / пойти) в бан, теневой бан, ковровая бомбардировка, почтовая бомбардировка, война правок, голубой гигант, компьютерное железо, уйти (отправиться) на золото, синий (голубой) зуб, отправлять / отправить в игнор, тискать клавишу, горячая клавиша, таблетка (лекарство) от жадности, гадить / нагадить в коментах, король дров* и мн. др.

Отметим, что многие фразеологизмы из «компьютерных» и сетевых жаргонов, которые появились и функционировали вначале только внутри субкультурных интернет-сообществ, под влиянием популярности виртуального общения «вышли» в сферу обычной, «непрофессиональной» коммуникации, прекратили номинировать лишь реалии компьютерной и схожих сфер, а приобрели более широкие значения. Так, например, произошло со следующими устойчивыми выражениями: *делать / сделать левелап, делать / сделать апгрейд, делать / сделать апдейт, делать / сделать даунгрейд, отправлять / отправить в игнор, прокачивать / прокачать скилл, фикснуть / пофикснуть баги* и др. Эти и другие примеры подтверждают как факт значительного влияния интернет-жаргонов на современный русский язык, так и факт информогенности самой сетевой субкультуры.

Процесс «фразеологизации мема» можно считать одним из новых источников и факторов появления устойчивых оборотов. Первичность мема (или «медиавируса») в таких случаях легко обуславливается изначальным приматом визуального над вербальным, то есть присутствием подкрепления в виде конкретного изображения до момента «превращения» интернет-мема во фразеологическую единицу. Из медиавирусных явлений появились такие фразеологические единицы: *как упоротый лис кто* 'ирон. о ком-либо странном; о ком-либо уставшем, плохо выглядящем'; *британские ученые* 'ирон. вымышленные, несуществующие авторитеты'; *знаменитость российского уровня* 'ирон. о человеке, ведущем себя вызывающе, снобски и требующем, чтобы к нему относились, как к знаменитости'; *Капитан Очевидность* 'ирон. о человеке, приводящем в качестве аргументов прописные истины'; *80-го уровня кто, что* 'ирон. о ком- или чем-либо максимально высокого уровня (о мастерстве, профессионализме)' и мн. др.

Второй процесс, который получил название «меметизация фразеологизма», сопряжен с первичностью фразеологической единицы, популярность и очень частое использование которой превращает ее в интернет-мем. В рамках данного процесса на основании виртуальной популярности некоторых устойчивых оборотов возникают следующие популярные мемы: *духовные скрепы, вежливые люди, зеленые человечки, Отец Пигидий, пчелы против меда, хруст французской булки* и др. Большинство из этих устойчивых выражений носят иронический оттенок, бегло десемантизируются вначале до состояния мема, а затем и до перевоплощения в хэштег (вид тематической метки, ключевое слово, начинающееся со значка # и облегчающее отбор по определенной теме или содержанию в социальных сетях или интернет-блогах), под которым размещается информация шуточного содержания, соединенная с конкретной темой. Таким образом, процесс превращения фразеологической единицы в интернет-мем связан с ее последующей «визуализацией» и креолизацией, а также – дефразеологизацией и утратой некоторого значения.

Проанализированный материал показывает, что фразеологизмы в русскоязычном интернет-дискурсе являются нужными и важными компонентами создания собственно дискурсивных черт самой виртуальной коммуникации, например, экспрессивности, открытости, анонимности, неогенности и т.д., поскольку участвуют в назывании и оценке элементов реальности, релевантных для сетевого пространства, способствуют «символизации» и молниеносному отражению «ключевых понятий эпохи», помогают в формировании медиавирусных явлений, включаются в «людизацию» и игровой характер виртуальной коммуникации, содействуют реализации парольной функции, позволяющей отличить «своего» от «чужого» в рамках субкультурного общения, выступают в качестве жанрообразующего средства появления тредов интернет-дискуссий.

Литература

1. Доброва М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект. Оломоуц : Университет им. Ф. Палацкого, 2019.
2. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М. : Русские словари; АСТ : Астрель, 2005.
3. Мокиенко В. М. Жизнь русской фразеологии в современной речи // Вестник КемГУ. 2012. № 4.
4. Мокиенко В. М. Русская фразеология в Интернете (культурологические и историко-этимологические комментарии) // Медиалингвистика. 2013. № S1.
5. Фокина М.А. Фразеологические единицы в повествовательном дискурсе : на материале русской художественной прозы XIX–XX веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2008.

Гавриш А.Д., Компанеева Л.Г.
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Россия

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ОЖИДАЕМОГО ПОВЕДЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА В МАСС-МЕДИА

Аннотация. Статья посвящена изучению речевого поведения языковой личности современного политика с точки зрения его прогнозируемости, закрепляемой в сознании аудитории благодаря определенным символическим стереотипным действиям. На материале актуального американского и российского политического дискурса, отраженного в СМИ, авторы выявляют специфику речевых стереотипов. В качестве методов исследования применялись дефиниционный и лексико-семантический анализ, интерпретативный анализ, риторический анализ. В результате изучения фактического материала авторы пришли к выводу о том, что речевые стереотипы, закрепленные за той или иной языковой личностью политика, способствуют поддержанию ощущения ее целостности и оправдывают ожидания массовой аудитории. Прогнозируемость речевого поведения политика может достигаться повторением ожидаемых от языковой личности политика действий в одном дискурсивном ключе.

Ключевые слова: языковая личность, политический дискурс, имидж политика, массовая коммуникация, речевой стереотип

A.D. Gavrish, L.G. Kompaneeva
Volgograd Institute of Management – branch of the RANEP, A,
Volgograd, Russia

THE EXPECTED BEHAVIOR OF A POLITICIAN'S LANGUAGE PERSONALITY: SPECIFICS OF REFLECTING IN MASS MEDIA

Abstract. This article is devoted to the speech behavior research of a modern politician's language personality and its predictability, fixed in the audience's minds by the mean of certain symbolic stereotypical actions. The authors describe the peculiarities of speech stereotypes based on the material of current American and Russian political discourse reflected in mass media. The main research methods used in this article are the following: definitional analysis, lexical-

semantical analysis, interpretive analysis, rhetorical analysis. After the research of the actual material, the authors concluded that speech stereotypes, associated with a particular linguistic identity of a politician, help to keep a sense of its integrity and to meet the expectations of the mass audience. Predictability of a politician's speech behavior can be achieved by repeating the expected actions in one discursive way.

Keywords: linguistic personality, political discourse, politician's image, mass communication, speech stereotype

Понятие «языковая личность» является системообразующим в лингвистике и рассматривается как начало нового этапа в развитии языкознания – антропологической лингвистики. Основоположник исследования данного понятия Ю. Н. Караулов, определял языковую личность как совокупность характеристик и способностей человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений [Караулов 2010, с. 22]. Различные проблемы лингвокультурологии, в том числе, через призму языковой личности как хранителя и носителя культуры народа, рассматривает в своих работах В. И. Карасик. Он определяет языковую личность как «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2002, с. 19]. В работе В.А. Масловой представлено более общее понимание языковой личности, включающее такие компоненты как «Я-физическое, социальное, интеллектуальное, эмоциональное, речемыслительное» [Маслова 2001, с. 8].

Представление современной языковой личности политика в средствах массовой информации – сложное коммуникативное явление. М. Р. Желтухина подчеркивает, что языковая личность политика вынужденно обращается к суррогатному варианту языка, характеризующемуся обобщениями, идеологической насыщенностью, эмоциональностью, упрощениями и даже провокативностью [Желтухина 2014, с. 65]. Языковая личность политика старается различными способами донести до массового адресата значимую информацию в необходимом объеме, подстраиваясь под требования аудитории, что в результате позволяет ей создавать особые варианты стиля. Вместе с тем, коммуникация с участием языковой личности политика протекает тем проще и эффективнее, чем более естественной и менее противоречивой с точки зрения аудитории она является.

Приспосабливаясь к особенностям политического дискурса, современный политик, в соответствии с индивидуальной концептуально-ценностной базой, вынужденно порождает собственный дискурс, а именно, уникальную системную совокупность высказываний и текстов, отражающих его политические взгляды, представления, идеи в различных ситуациях как фрагментах дискурсивного пространства политики. В. И. Карасик отмечает, что «Дискурсивная личность... проявляет себя как человек, который является узнаваемым и отчасти прогнозируемым благодаря своей манере поведения» [Карасик 2014, с.183]. Такая прогнозируемость речевого поведения политика, закрепляемая в сознании аудитории благодаря символическим действиям, может достигаться повторением ожидаемых от языковой личности политика действий в одном дискурсивном ключе. Можно рассматривать подобные проявления современной языковой личности политика как действия, имеющие некоторые признаки ритуализованности [Gavrish, 2020]. Речевые стереотипы, закрепленные за той или иной языковой личностью политика, способствуют поддержанию ощущения ее целостности и оправдывают ожидания массовой аудитории.

Примером подобных стереотипов могут послужить «ошибки» в медиатекстах американских политиков, которые приводят к шквалу легко обнаружимого эмоционального реагирования со стороны аудитории в виде так называемых «лайков», «репостов» и «комментариев». Д. Трамп разместил в социальной сети «Твиттер» (*примечание: данная соц. сеть признана запрещенной на территории РФ*) запись о том, что встретился с королевой Англии и «китовым принцем», имея в виду принца Уэльского: *«I just met with the Queen of England (U.K.), the Prince of Wales...»* [BBC News, 2019]. Позже он исправил ошибку и выложил публикацию заново с исправлениями. В ответ на эту ошибку последовала активная реакция аудитории: американцы пересылали друг-другу ошибочную версию публикации, а также в шуточной форме обыгрывали выражение «китовый принц».

Подобная ситуация произошла и 31 мая 2017 года, когда Д. Трамп опубликовал в вышеуказанной социальной сети фразу, которая в переводе на русский язык звучала так: *«Не смотря на постоянное негативное "covfefe" в прессе»*. Позже он удалил данное сообщение,

заменяв его на вопрос *«Кто может догадаться о реальном значении «covfefe»??? Наслаждайтесь!»*. Неологизм получил массовый отклик в американских СМИ, реакция аудитории была бурной и породила массу довольно добродушных шуток на этот счет. Позже данное слово истолковали как написанное с опечаткой слово «coverage». Считаем характерным тот факт, что слово, не имеющее семантической наполненности, спровоцировало активную реакцию коммуникативной среды. Регулярность появления таких «ошибок» позволяет нам сделать вывод, что они не сказываются негативным образом на имидже бывшего американского президента, а, вероятно, напротив, – способствуют его укреплению.

В медиаречах российских политиков тоже можно выявить подобные явления. К примеру, многие выступления В.В. Жириновского, на первый взгляд, представляли собой хаотичный набор тем в весьма эмоциональном оформлении, однако, на наш взгляд, они являются сложными логически обоснованными структурами, доносящими до аудитории необходимые сведения при помощи комплекса стереотипных речевых действий. Характерной для В.В. Жириновского можно назвать речь, которая транслировалась по федеральному информационному телеканалу «Россия-24»: *«Мой совет: не надо покупать машину. Это обуза. Бензин – дорого, ремонт, страховка, на учет, стоянки, одни скандалы, риск, поджигают, угоняют. Вот зачем такую обузу себе делать? Зашел в трамвай, сел на свободное место сзади где-нибудь, доехал до работы, поработал, вернулся, сел в трамвай, доехал до дому. Какая машина? Тихо, спокойно. Ведь почему покупают машины? Чтоб от жены избавиться. Пошел ремонтировать, пошел в гараж, поехал в ГАИ, пошел заправиться. Жен своих ненавидят! И скрываются со своей второй женой ...»* [Речь В.В. Жириновского, 2019]. В данном примере мы можем наблюдать ожидаемое аудиторией речевое поведение, насыщенное эмоциональностью, когда множественное перечисление сводится к утрированию и негативизации, казалось бы, достаточно нейтральной ситуации. Отметим, что подобный речевой стереотип закреплен за языковой личностью В.В. Жириновского, и выражается он в виде избыточного перечисления, зачастую с использованием синонимов, переходящего в градацию, при которой с каждым последующим словом из ряда однородных членов нарастает эмоциональный накал: *«Нельзя допускать, чтоб нам кто-то хамил, угрожал, навешивал какие-то ярлыки»* [Видеозапись дебатов 14.03.2018]; *«Значит, смотрите, советская пропаганда. Там какие звучали слова? Добились, улучшили, наградили, рекорд. Сегодня информация какая? Убили, изнасиловали, сгорело, упал, пропал. То есть такой поток негатива»* [Видеозапись дебатов 06.03.2018]; *«Сегодня нам угрожают, нам ставят ультиматум перебежчик, подлец, шпион»* [Видеозапись дебатов 14.03.2018].

На наш взгляд, столь высокая эффективность речей В.В. Жириновского была в значительной степени обусловлена именно оправданием ожиданий аудитории. За многолетнюю политическую деятельность в речи политика сформировались определенные имиджевые речевые стереотипы, которые ожидалась аудиторией от него даже при его участии в событиях, не связанных с политикой. Об этом свидетельствуют многочисленные реакции-комментарии, которые пользователи оставляли в социальной сети «Инстаграм» (*примечание: данная соц. сеть признана запрещенной на территории РФ*), в качестве реакции на интервью, на котором присутствовал В.В. Жириновский, а его супруга высказывалась на тему семейных отношений: *«Я думала, он вот-вот начнет кричать»*; *«Первый раз вижу, что Жириновский молчит»*; *«Теперь понятно, почему он такой нервно-экспрессивный политик»*; *«Подозрительно он молчит»* [Интервью с В.В. Жириновским, 2021]. Мы наблюдаем, что аудитория ожидала от него более экспрессивного активного вербального участия даже во время короткого отрезка видео.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, мы можем сделать следующие выводы о речевых проявлениях языковой личности политика, ожидаемых аудиторией. Прогнозируемость речевого поведения политика, закрепляемая в сознании аудитории благодаря символическим действиям, может достигаться повторением ожидаемых от языковой личности политика действий в одном дискурсивном ключе. Языковая личность политика стремится поддерживать динамический баланс в контактах с массовой аудиторией, опираясь на уже сформированные и закрепленные базовые элементы своего эмоционально-когнитивного поведения в масс-медиа. Следует также отметить, что без эффективной обратной связи это сделать невозможно. Вероятно, такая связь осуществляется недекларируемыми и отчасти декларируемыми способами (опросы, мониторинг, привлечение работающих по социологическим методикам организаций, и т.п.). Речевые стереотипы, повторяющиеся

в СМИ (в том числе, в социальных сетях), ассоциируемые с той или иной языковой личностью политика, способствуют поддержанию ощущения ее целостности и оправдывают ожидания массовой аудитории. Однако, включение в конкретную речь политика стереотипно построенного высказывания не всегда определяется сугубой прагматикой произнесения речи. Оно может иметь своей целью достаточно отдаленные последствия, способствующие поддержанию имиджа политика. Речевые проявления языковой личности политика прочно связаны с его невербальными действиями, что открывает перспективы дальнейшей разработки данной проблематики.

Литература

1. Видеозапись дебатов 06.03.2018. URL: https://www.youtube.com/-watch?v=X0xqC3a_Q8&list=WL&index=61&t=0s (дата обращения: 20.06.2022).
2. Видеозапись дебатов 14.03.2018. URL: <https://www.youtube.com/-watch?v=ubH16Al6cvI> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Желтухина М. Р. Медиавоздействие на сознание и поведение адресата // Вестник центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. № 4. С. 65–73.
4. Интервью с В. В. Жириновским. Социальная сеть Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/CRYX3fGIZEr> (дата обращения: 10.03.2022).
5. Карасик В. И. Языковое проявление личности. Волгоград : Парадигма, 2014.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2001.
9. Речь В. В. Жириновского об автомобилях. Видеохостинг Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=R0ThviZZsZ8&list=PLXUaJ_Rp5cFUOHvD9jQZBo6dz4QhGKiwl&index=56 (дата обращения: 07.09.2022).
10. BBC News. Donald Trump: US president in «Prince of Whales» Twitter error. Новость от 14.06.2019 г. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-wales-48622001> (дата обращения: 10.08.2022).
11. Gavrish A. D. et al. Modern Political Discourse: Phenomenon of the Ritualization // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference «Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment», Volgograd, 25–30 May, 2020. London : European Publisher, 2020. Vol. 99. P. 280–288.

ФЛЕКТИВНО-АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА МЯГКУЮ СОГЛАСНУЮ

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения акцентных и флективных показателей в падежных формах существительных с основой на мягкую согласную. Автор рассматривает варианты образования форм родительного падежа существительных на *-ьe/-ьe*, *-ья/-ия*, *-ьe/-ие* и приходит к выводу, что ударения и флексии в падежных формах взаимодействуют друг с другом, определяя не просто флективные, а флективно-акцентологические типы имен существительных.

Ключевые слова: склонение существительных, акцентуация, русская словоизменительная акцентология

Glazunova O.I.
St. Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of the interrelation of accentual and inflectional indicators in case forms of Russian nouns with a base on a soft consonant. The author examines the variants of the endings of Genitive plural nouns on *-ьe/-ьe*, *-ья/-ия*, *-ьe/-ие* and comes to the conclusion that accents and inflections in case forms interact with each other and define not just inflectional, but inflectional-accentological types of nouns.

Keywords: Declension of nouns, accentuation, Russian inflectional accentology

В русской грамматике отличие падежных форм существительных друг от друга обеспечивается достаточно объективными характеристиками – разницей во флексиях (*дом* им. п. ед. ч. – *дома* род. п. ед. ч.), в ударении (*дома* род. п. ед. ч. – *домá* им. п. мн. ч.) или во флексиях и ударении одновременно (*сын* им. п. ед. ч. – *сыны́* им. п. мн. ч.). Если падежные варианты флексий можно запомнить, т.к. они образуют систему, то расстановка ударений в падежных формах вызывает вопросы не только у иностранцев, но и у носителей русского языка.

Очевидно, что перегруппировка ударных и безударных слогов в составе лексемы требует энергетических затрат и от говорящего, и от слушающего, привлекая таким образом внимание к одному из ее лексических или грамматических значений, выраженных корнем, префиксом, суффиксом и окончанием, а потому вопрос о взаимодействии акцентных и флективных показателей в различных формах лексем чрезвычайно актуален. Однако до сих пор какие-либо попытки выявить систему в расстановке ударений в русской лексике не имели успеха.

Обращаясь к этой проблеме на фоне древнерусского языка, А.А. Зализняк пишет: «Для непроизводных слов указанная задача (т.е. установление схемы ударения – О.Г.) решается в общем случае лишь списочным способом. Иначе говоря, *схема ударения и место ударения внутри основы в принципе являются здесь особыми словарными характеристиками отдельного слова, невыводимыми, с формальной точки зрения, из каких-либо его характеристик*» (выделено мною – О.Г.) [Зализняк 1985, с. 22]. Если это так, то расстановка ударений в словах древнерусского языка, по мнению Зализняка, проходила под воздействием случайных процессов, весьма хаотическим образом. Однако с этим вряд ли можно согласиться.

Неслучайно в выявленных Зализняком представленных акцентологических типах¹ не учитываются падежные окончания, которые наравне с ударениями являются маркерами, определяющими не только грамматическое, но и лексическое значение существительных (например, единичность, собирательность, множественность и т.д.). С нашей точки зрения,

¹ *a* – ударение на основе во всей парадигме (*знак, зна́ка; зна́ки, зна́ков*); *b* – ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*стол, столá; столы́, столóв*); *c* – как *a* в единственном числе, как *b* во множественном числе (*дар, дáра; дары́, дарóв*); *d* – как *b* в единственном числе, как *a* во множественном числе (*кол, колá; ко́лья, ко́льев*); *e* – то же, что *c*, но с наосновным ударением в именительном множественном (*бог, бо́га; бо́ги, бо́гов*); *f* – то же, что *b*, но с наосновным ударением в именительном множественном (*гвоздь, гвоздя́; звёзди, звёздéй*) [Зализняк 1985, с. 464–465].

ударения и флексии в падежных формах взаимодействуют друг с другом, определяя не просто акцентологические, а флективно-акцентологические типы имен существительных.

Особый тип склонения в русском языке образуют существительные с основой на мягкую согласную. Большинство из них, вне зависимости от рода, в родительном падеже множественного числа имеют одно и то же окончание **-ей**: нет кого? чего? *конéй², морéй, тенéй, лыжнéй*.

Также особую группу в русском языке составляют существительные женского рода на **-ья** (*семья, ладья, келья*). К ним примыкают немногочисленные существительные мужского и общего рода с окончанием **-я(-ья)** (и с **-а** после мягких в древнерусском языке **ж** и **ш**): дядя – *дядей*, судья – *судей*, юноша – *юношей*, ханжа – *ханжей*.

Ударное окончание **-ей** имеют только те существительные, у которых в именительном падеже единственного числа ударение падает на окончание: *семья – семéй, скамья – скамéй, ладья – ладéй, бадья – бадéй, судья – судéй*. Если окончание в именительном падеже единственного числа безударное, в родительном падеже множественного числа существительные имеют безударное **-ий**: *гóстья – гóстий, врúнья – врúний, кéлья – кéлий, шалúнья – шалúний, прыгúнья – прыгúний*.

То же самое правило работает и для существительных среднего рода на **-ье/-ье**. В конкретном (не собирательном) значении встречается не так много таких существительных: *ружье, платье, úстье, верхóвье, низóвье*. При ударном окончании именительного падежа единственного числа в родительном падеже множественного числа данные существительные имеют окончание **-ей**: *рúжей*; в случае безударного окончания – **-ев** с возможным вариантом **-ий** для некоторых из них: *плáтьев, úстьев/úстий, верхóвьев/верхóвий, низóвьев/низóвий*.

По тому же принципу склоняются собирательные существительные с гипотетическими вариантами родительного падежа множественного числа: комарье – **комарей*, воронье – **вороней*, офицерье – **офицерей*, рванье – **рваней*, белье – **белей*, гнилье – **гнилей*. Исключением в этом ряду является существительное среднего рода *копье*, которое, в отличие от существительного *ружье*, в родительном падеже множественного числа имеет окончаний **-ий**. Окончание **-ий** дает возможность развести формы родительного падежа множественного числа существительного среднего рода *копье* и существительного женского рода *копья* ('рудник'). Ср.: *копье – копьá – копьá – копий; копь – копи – копи – копéй*.

Таким образом, в формах родительного падежа множественного числа существительным мужского рода с окончаниями **-ов(-ей)** (нет кого? чего? *мостóв, домóв, конéй, роялей*) противостоят формы женского и среднего рода (с основой на твердую согласную) с нулевым окончанием: нет кого? чего? *мам, нянь, бáнок, óкон, лиц, блóдец*. При этом существительные среднего рода с основой на мягкую согласную (*пóле, мóре*) и существительные женского рода на **-ь** (*соль, тень*) в родительном падеже множественного числа имеют окончание **-ей**, как и существительные мужского рода: *полéй, морéй, солéй, тенéй* (как *конéй*).

Как известно, в русском языке «типы склонения строго различаются только в падежных формах ед. ч. Во мн. ч. различия между типами склонения не столь определенны» [Русская грамматика 1980, с. 481]. Попарное объединение существительных мужского, среднего и женского рода по флексиям в формах базовых именительного и родительного падежей единственного и множественного числа³ укрепляет грамматическую систему языка, делая ее более гибкой и взаимосвязанной. При этом стоит отметить, что мужской род в русском языке наделяется особым статусом, так как именно существительные мужского рода в составе падежных парадигм обладают флексиями, которые используются у существительных женского и среднего рода.

Хотя в современном русском языке просматривается и обратная тенденция. У целого ряда существительных мужского рода нормативные формы родительного падежа

² К ним относятся существительные мужского рода на **ж** и **ш**, которые в древнерусском языке были мягкими: *нож – ножéй, ковш – ковшéй*. А вот существительные на согласный **ц**, который в древнерусском языке тоже был мягким, в форме родительного падежа множественного числа имеют окончание **-ов (-ев)**: *жнец – жнецóв, плац – плацев*.

³ Род. падеж ед. числа: окончания **-а(-я)** (у мужского и среднего рода), **-ы(-и)** (у женского рода); имен. падеж мн. числа: окончания **-а(-я)** (у мужского и среднего рода), **-ы(-и)** (у мужского и женского рода); род. падеж мн. числа: окончания **-ов** (у мужского рода на тв. согл.), **-ей** (у мужского и женского рода с основой на мягкую согл. и **-ь**, у среднего рода на мягк. согл.), **нулевое окончание** (у женского и среднего рода на тв. согл.).

множественного числа образуются с нулевым окончанием (как формы женского и среднего рода). Это существительные, обозначающие: 1) парные предметы – *боти́нки, ва́ленки, погóны, чулки́*, 2) некоторые национальности (преимущественно с основой на **н** и **р**) – *англича́не, армя́не, башки́ры, буря́ты, осети́ны, ту́рки, хазáры, румы́ны*, 3) членов воинских объединений – *солда́ты, партиза́ны, драгу́ны, ула́ны*, 4) единицы измерения – *ампе́ры, микро́ны, ге́рцы, во́льты, ва́тты*.

Из двух вариантов: нет кого? чего? *солдатов – *солда́т*, *бурятов – *буря́т*, *ботинков – *боти́нок* и т.д., нормативными в современном русском языке являются формы с нулевым окончанием. При этом у слов-омонимов формы родительного падежа множественного числа расходятся: *рожки́* (пищевой продукт) – нет чего? *рожекóв*; *ро́жки* (уменьш. от *рога́*) – нет чего? *ро́жек*; *гла́зки* (уменьш. от *глаза́*) – нет чего? *гла́зок, глазки́* (у картофеля) – нет чего? *глазко́в*.

Из вариантов существительных с собирательным значением *ли́сье/ли́сья, клóчье/клóчья, лохмо́тье/лохмо́тья, стру́чье/стру́чья, хлóпье/хлóпья* в современном русском языке остались формы множественного числа на **-ья**. Формы единственного числа на **-ье** ушли в прошлое. В родительном падеже множественного числа (*ли́сьев, клóчьев, лохмо́тьев, стру́чев, хлóпьев*) они стали изменяться по типу существительных мужского и среднего рода: *бра́тья – бра́тьев, кры́лья – кры́льев, корёнья – корёньев*.

Тот факт, что в русском языке более широкое распространение получили падежные формы именительного падежа множественного числа со значением собирательности (*дру́зья, сыновья́, бра́тья*), указывает на особенность ментального восприятия действительности его носителями, которые в большей степени осознают себя частью некой коллективной общности.

К вариативным в древнерусском языке относились и чередования **-ья/-ия, -ье/-ие** в существительных единственного числа женского и среднего рода: *госпо́дья – господа́я, келья́ – келиа́, мо́лнья – мо́лния, сви́нья – сви́ня – сви́ня*; *прокля́тье – прокля́тие, у́стье – оу́стье, сумнѣ́нье – сѹмнѣ́нїе, уча́стье – оуча́стїе, сча́стье – сча́стїе, дѣя́нье – дѣя́нїе, отча́янье – ѿчаа́нїе*⁴. Варианты с **ь**, как правило, использовались для выражения собирательного значения у существительных множественного числа: *дру́жья* (собр.), *му́жья* (собр.), *дядья́* (собр.), или в отношении единичных предметов в бытовой сфере.

Для слов, которые в древнерусском языке имели особый смысл или сакральное значение, вариантов на **-ья** не было: *Би́блия* (Библи́а, Библи́я), *стихи́я, вѣ́тия* (вѣ́та, виті́а), *житие*. Показательным в этом отношении выступают существительные *жити́е* и *житье́*. В отличие от существительного *жити́е*, служащего для описания жизни человека, причисленного церковью к лику святых, *житье́* употребляется в языке для обозначения жизни обычного смертного (разг. *житье-бытье*). И наоборот: варианты на **-ия** не встречались у отглагольных существительных из разговорной сферы: *би́тье, челобі́тье* ('поклон до земли с прикосновением лбом к земле'), *хлóпанье, то́панье, што́панье*.

Чередование окончаний **-ие/-ье** дошло и до нашего времени. Из вариантов *расписа́ние – расписа́нье, вдохнове́ние – вдохнове́нье, рвѣ́ние – рвѣ́нье, пѣ́ние – пѣ́нье* и др. с предметным или качественным значением предпочтение отдается более нейтральному варианту на **-ие**. Для утративших связь с глаголом существительных типа *зда́ние* (от глагола *здать*) вариант на **-ье** встречается только в поэтической речи: *Историческое зда́нье Над рекой стоит убого; Зда́нье знатно по преданью, Стариную зда́нье строго* (И. Северянин).

Очевидно, что грамматическая форма существительного, выраженная с помощью флексий, позволяет обозначить синтаксическую функцию слова в единицах более высокого уровня – в словосочетаниях и предложениях, раскрывая отношения обозначаемого этим словом предмета или явления с другими предметами, или с выраженным глаголом действием, или с субъектом этого действия (через глагол). А вот от того, на какую морфему будет падать ударение в этом слове и как будет выглядеть эта морфема, зависит, что в данном случае представляется для говорящего наиболее важным: заключенное в корне основное лексическое значение, заложенные в аффиксах дополнительные значения или синтаксическая функция слова в предложении, выраженная окончанием.

⁴ Здесь и далее ударения в древнерусских словах расставлены по [Зализняк 2011].

Литература

1. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М. : Наука, 1985.
2. Зализняк А. А. Труды по акцентологии: словарь. Т. 2. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.). М. : Языки славянских культур, 2011.
3. Русская грамматика. Т. I. М. : Наука, 1980.

Голованева М.А.

*Астраханский государственный университет
имени В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия*

ДЕЛОВАЯ РОЛЕВАЯ ИГРА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ

Аннотация. Деловая ролевая игра как прием обучения имеет большую эффективность. В обучении методике русского языка как иностранного студентов-инофонов этот прием играет значительную роль. В статье указываются наиболее репрезентативные результаты использования на практических занятиях со студентами-иностранцами деловой ролевой игры. Такой прием позволяет достигать следующих успехов: возможность применения знаний по двум специальностям «Предмет и Русский язык»; создание креативной образовательной среды; максимальное участие в процессе каждого студента группы; возможность рассмотрения «узких мест» преподавания на материале реализованного урока, то есть не умозрительно, а в практике; восполнение отсутствующих на педагогической практике в российской школе возможностей обучения русскому языку как иностранному.

В работе приводится технология проведения деловой ролевой игры и критерии оценки работы студентов.

Ключевые слова: методика русского языка как иностранного, деловая ролевая игра, технология приема, принцип интерактивности, креативная образовательная среда

Golovaneva M.A.

*Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

BUSINESS ROLE-PLAYING GAME IN TEACHING FOREIGNERS

Abstract. Business role-playing as a teaching technique has great effectiveness. In teaching the methodology of the Russian language as a foreign language to foreign students, this technique plays a significant role. The article indicates the most representative results of the use of a business role-playing game in practical classes with foreign students. This technique allows you to achieve the following successes: the possibility of applying knowledge in two specialties "Subject and Russian language"; creating a creative educational environment; maximum participation in the process of each student of the group; the possibility of considering the "bottlenecks" of teaching on the material of the realized lesson, that is, not speculatively, but in practice; filling in the opportunities for teaching Russian as a foreign language that are absent in pedagogical practice in a Russian school.

The paper presents the technology of conducting a business role-playing game and criteria for evaluating the work of students.

Keywords: methodology of the Russian language as a foreign language, business role-playing game, reception technology, the principle of interactivity, creative educational environment

Значимость интерактивных приемов обучения бесспорна. При обучении иностранцев она возрастает в связи с первостепенной ролью чужого языка, на котором ведется преподавание. А в ситуации освоения инофонами методики русского языка как иностранного деловой ролевой игре (ДРИ) принадлежит ведущее место ввиду ее социализированности, возможности охвата всего учебного коллектива, максимальной приближенности к реалиям постигаемого компонента учебного процесса.

На практических занятиях по методике обучения русскому языку как иностранному туркменские студенты в АГУ им. В.Н. Татищева весьма часто прибегают к реализации ДРИ – практическому воплощению школьного урока РКИ.

Г.А. Китайгородская справедливо отмечает, что «роли, в которых выступает учащийся, помогают ему освободиться от привычных представлений о самом себе, активизировать свои творческие возможности, то есть способствуют раскрытию и проявлению его личности [Китайгородская 1986, с. 28]. Важно, что, помимо *методических* ролей (учителя и ученика) студенты реализуют в данной форме работы *социальные* роли (те же учитель и ученик, родитель, завуч и директор школы, приглашенные профессионалы и др.), *ситуационные*, используемые для описания поведения, *психологические*, *активные* и *пассивные* [Левитов 1969, с. 154; Ариян 1982, с. 10].

В связи с тем обстоятельством, что туркменские студенты получают специальность с двумя профилями – «Предмет и Русский язык как иностранный», наибольшую ценность для них представляют уроки интегрированные, например, урок русского языка и биологии, русского языка и истории, а также уроки, предназначенные для их реализации в специализированных классах, например, с углубленным изучением математики, географии, химии.

Технология ДРИ следующая: урок проводится в учебной группе студентов, изучивших тему «Урок как основная форма обучения русскому языку как иностранному». Студенты должны знать также основные методические подходы к анализу урока. Урок должен проводиться одним студентом, самостоятельно составившим план-конспект урока. Урок длится 40 минут для достижения объективности (в иных случаях, при выдвигании других целей использования ДРИ, может реализовываться любой отдельный этап урока).

Содержание урока составляют реальные этапы, теоретическое наполнение, практические задания, предлагаемые к выполнению, методически обоснованные. Тема урока является одной темой, взятой из реального календарно-тематического плана. *Роли*: один студент является «учителем»; остальные студенты группы являются «учениками» класса средней школы. *Ожидаемые результаты*: 1) проведение на высоком методическом уровне урока по самостоятельно составленному студентом и отличающемуся большой основательностью и продуманностью плану-конспекту; 2) активная позиция студента-«учителя» на уроке, стремящегося реализовать все свои возможности педагога-предметника и воспитателя в процессе проведения деловой игры; 3) активное участие в деловой игре всех студентов группы, являющихся «учащимися» данного класса, понимающих важность подобного участия и стремящихся максимально приблизить обстановку деловой игры к обстановке реального школьного урока, помочь студенту-«учителю» методически грамотно сыграть свою роль; 4) активное участие всех студентов группы в анализе проведенного урока: студента-«учителя» в самоанализе урока, студентов-«учащихся» – в анализе урока по требованиям ФГОС к уроку.

Инструкция по подготовке и проведению игры: для проведения игры все члены студенческой группы распределяют роли и готовятся к соответствующим действиям: студент-учитель готовится к исполнению роли учителя, студенты-школьники изучают соответствующий материал школьного учебника русского языка, выполняют индивидуальные и опережающие задания.

Время проведения игры: 2 академических часа (первый урок практического занятия посвящается проведению «урока», второй посвящается анализу проведенного «урока»).

Критерии оценки: – оценка «отлично» выставляется студенту, если он, как «учитель», демонстрирует глубокое осмысление методического материала, касающегося планирования и проведения урока по русскому языку; студенту, если он, как «ученик», активно участвует в проведении урока, а также в анализе урока и имеет одно пространное, обстоятельное выступление, содержащее несколько аргументов, иллюстраций его точки зрения или несколько весомых дополнений; оценка «хорошо» выставляется студенту, если он демонстрирует глубокое осмысление методического материала, касающегося планирования урока русского языка, а также успешно его проводит, но допускает единичные ошибки в процессе работы; студенту-«ученику», если он активно участвует в проведении урока, а также в анализе урока и имеет одно пространное, обстоятельное выступление, содержащее несколько аргументов, иллюстраций его точки зрения или несколько весомых дополнений, но допускает единичные ошибки методического плана в процессе рассуждений; оценка «удовлетворительно» выставляется, если студент демонстрирует слабое владение теорией и практикой составления плана-конспекта урока, с рядом методических и фактических ошибок проводит урок;

студенту-«ученику», если его участие в уроке не достаточно активно, а выступление в процессе анализа урока содержит ряд ошибок методического и фактического характера; оценка «неудовлетворительно» выставляется, если студент был пассивен во время проведения урока, не выполнял требований студента-«учителя», а во время анализа урока не вступал в полемику; или его выступление было неадекватным ситуации анализа; или его выступление содержало много ошибок методического и фактического плана.

Использование ДРИ создает креативную образовательную среду – позволяет студенту-«учителю» воплотить собственные методические планы на основе усвоенного теоретического методического материала. Студент-«ученик» при этом имеет возможность рассмотреть процесс урока «изнутри», ощущая себя в роли обучаемого с поправкой на возраст и свой профессиональный интерес, опыт.

Принцип интерактивности в данном случае при обучении методике РКИ максимально расширяет сферу действий каждого студента, позволяя спроецировать свою представляемую роль в тренировочном уроке на реальную действительность.

Модель урока в действии позволяет показать на большом массиве языковых примеров, фактов, ситуаций возможные «узкие места» преподавания. Представления о принципах обучения РКИ, о соответствии приемов реализуемым методам, о соответствии избранной системы упражнений презентуемой теме и другие методические аспекты наилучшим образом иллюстрируются «живым» уроком. Это обусловлено тем, что каждая ключевая ситуация, требующая интерпретации преподавателя, должна быть представлена в «теле» урока, иметь свое место и связь с предшествующими и последующими элементами урока.

Специфика обучения иностранных студентов методике РКИ заключается в большой проблематичности реализации всех принципов данной методики на педагогической практике в школе, несмотря на ее наличие, так как контингент школ – российские дети, владеющие русским языком как родным. Следовательно, апробирование урока в среде студентов-соотечественников, воспринимающих русский язык как иностранный, несмотря на их несоответствующий возраст, имеет свои преимущества.

Роль преподавателя методики при реализации ДРИ заключается в кропотливой консультирующей деятельности, которая касается как конспекта проводимого урока, так и форм его воплощения. Несмотря на то что студент-«учитель» к моменту своего выступления уже достаточно уверенно владеет знаниями о структуре урока и принципах его конструирования, на стадии подготовки преподаватель ставит проблемные вопросы, позволяющие студенту предвосхитить собственные ошибки, заблаговременно перестроить план, предусмотреть нюансы физической подачи знания.

Таким образом, применение ДРИ как приема обучения иностранных студентов методике РКИ позволяет достигать следующих результатов: возможность применения знаний по двум специальностям «Предмет и Русский язык»; создание креативной образовательной среды; максимальное участие в процессе каждого студента группы; возможность рассмотрения «узких мест» преподавания на материале реализованного урока, то есть не умозрительно, а в практике; восполнение отсутствующих на педагогической практике в российской школе возможностей обучения русскому языку как иностранному.

Литература

1. Китайгородская Г. А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1986.
2. Левитов Н. Д. «Теория ролей» в психологии // Вопросы психологии. 1969. № 6. С. 150–158.
3. Ариян М. А. Ситуативная роль как фактор повышения эффективности обучения устной речи на иностранном языке в средней школе : автореф. дис. канд. пед. наук. М., 1982.

ГЛАГОЛЬНАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ВЕРБОМИНАНТАХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Аннотация. В статье рассматривается энантиосемичный глагол *вывести* и его фразеобразовательная активность. Приводятся наблюдения над особенностями употребления данного глагола в двух противопоставленных значениях. Анализируются фразеологизмы и описательные глагольно-именные обороты, в основе которых лежат образы разнонаправленного движения, отраженного в энантиосемичных значениях глагола *вывести*.

Ключевые слова: энантиосемия, глагол, глагольно-именной оборот, вербоминант, фразеологизм

Gomonova I.G.
Francysk Skaryna Gomel State University,
Gomel, Republic of Belarus

Abstract. The article deals with the enantiosemic verb *vyvesti* and its phrase-forming activity. Observations are given on the peculiarities of the use of this verb in two contrasted meanings. Phraseologisms and descriptive verb-nominal phrases are analyzed, which are based on images of multidirectional movement, reflected in the enantiosemic meanings of the verb *vyvesti*.

Keywords: enantiosemy, verb, verb-nominal phrase, verbominant, phraseologism

Энантиосемия – сложное явление, характеризующееся совмещением в одной единице двух противоположных или близких к ним значений, – распространена, как известно, прежде всего в сфере глагольной лексики. Глагольная энантиосемия охватывает два основных класса многозначных глаголов: глаголы, выражающие противоположную характеристику действия и его аспектов, и глаголы с противоположной характеристикой результата действия.

К первому классу относится энантиосемичный глагол *вывести*, выражающий противоположную направленность действия по отношению к субъекту / объекту: 'увести откуда-либо, удалить за пределы чего-либо' – 'привести куда-либо, помогая идти, указывая путь или направляя движение' [Словарь русского языка, с. 247]. Данный глагол в противопоставленных значениях обозначает разнонаправленное движение; в первом значении сочетается с обстоятельствами, обозначающими направление «откуда?», во втором значении – с обстоятельствами, обозначающими направление «куда?»: 1) *Юра с такой сентиментальной откровенностью уставился на это видение, что я в конце концов был вынужден **вывести** его **оттуда**, потому что это становилось неприлично и опасно* (Ф. Искандер. Мой кумир); *Пса **вывели из кабинета** и пустили его в вестибюль, оттуда он вышел через парадный вход на улицу и привел следовавших за ним к таксомоторной стоянке* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита); 2) *Его провели по узкому тюремному коридору, будто сплошь состоящему из железных дверей [...], потом через другой коридор, где было только две двери, но огромные, глухие, похожие на церковные ворота, они были заложены на засовы, – и наконец **вывели на лестницу**, каменную, узкую, похожую на черный ход* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Подрастут лебедята, – отец с матерью **выведут** их сперва **на воду**, а потом начнут учить летать* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приемыш) [Здесь и далее контексты приводятся по: Национальный корпус русского языка]. Обстоятельственная характеристика движения в направлении «куда» может быть также выражена придаточной частью со значением места: *Прежде чем сделать шаг, примерится. **Вывел** он нас, **куда мы просили*** (Л. Зорин. Юдифь); *Будет тебе, как захочешь, – заслужил. **Выведет** тебя дорога, **куда надо**. Иди вон в те двери, только, чур, не оглядывайся* (П.П. Бажов. Две ящерики).

В тех случаях, когда при глаголе отсутствует компонент с обстоятельственным значением, направление движения, выраженного глаголом, определяется, как правило, по контексту: *[Князь Чебылкин:] Господа, я должен буду приказать **вывести** нарушителя тишины!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки) – значение 'увести откуда-либо, удалить за пределы чего-либо'; *В какую сторону идти? Человек, **выведи** меня! Человек!*

(А.П. Чехов. Свадьба) – значение ‘привести куда-либо, помогая идти, указывая путь или направляя движение’.

Глагол *вывести* в двух противопоставленных значениях является переходным, обозначает действие, непосредственно направленное на объект. Объектный компонент выражается существительными или местоимениями-существительными в форме винительного / родительного падежа без предлога, обозначающими, как правило, людей или животных:

1) – *Где Егоровна? – В барском доме, в своей светелке, – отвечал Гриша. – Поди, приведи ее сюда, да **выведи** из дому всех наших людей* (А.С. Пушкин. Дубровский); *Мне было не по себе: казалось, что билеты наши фальшивые и нас могут **вывести*** (В.П. Беляев. Старая крепость); *Бирюк **вывел лошадь** из-под навеса* (И.С. Тургенев. Бирюк);

2) *Сменщик **вывел Неймана** на высокий берег в степь и сказал: – Вон видите фонарь? На него прямо и идите. Это контора, она на бугре* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Горячий чай дополнительно стимулирует легкие, теперь перед тем, как **вывести** во двор собаку, надо сделать еще два вдоха над ингалятором – не лучшее лекарство, но что же поделаешь, надо жить* (С. Есин. Марбург); *«Будет потеха!» – подумал я, кинулся в конюшню, взнуздal лошадей наших и **вывел их** на задний двор* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Прямой объект при глаголе *вывести* в двух противопоставленных значениях является обязательным, при этом он может восстанавливаться из контекста:

1) *И что? Да ничего, просто **вывели** из зала... Возможно, он и отсидел 15 суток за хулиганство в общественном месте, подкормился маленько...* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы);

2) *Тут **Сидорову** стало душно при одной мысли о том, что Воробьева может заставить его прыгать за каждым пирожком, а потом **выведет** на прогулку, крепко держа за поводок и не давая уклоняться ни вправо, ни влево...* (Т. Петросян. Записка).

Глагол *вывести* представляет внутрителивую энантиосемию: в двух рассматриваемых значениях является стилистически нейтральными.

Образы разнонаправленного движения, отраженного в энантиосемичных значениях глагола *вывести*, лежат в основе фразеологизмов и глагольно-именных оборотов описательного типа с данным глаголом в роли опорного компонента.

Так, образ движения в направлении «откуда» характеризует многочисленные устойчивые глагольно-именные обороты, построенные по модели «*вывести + из +сущ. в Р. п.*»; субстантивный компонент в таких оборотах обозначает состояние. В словарях фразеологизмов и вербономинантов фиксируются следующие сочетания: *вывести из заблуждения; вывести из забытья; вывести из задумчивости; вывести из затруднения; вывести из оцепенения; вывести из равновесия; вывести из раздумья; вывести из терпения* [Большой словарь русских поговорок; Дерibas 1983]. Напр.: *Когда молчание мое сделалось слишком продолжительным, я стал бояться, чтобы она не приняла меня за дурака, и решил, во что бы то ни стало **вывести** ее из такого заблуждения на мой счет* (Л.Н. Толстой. Детство); *Какой-то глухой, все более и более усиливающийся шум **вывел** зрителя из глубокого, продолжительного забытья; он испуганно мотнул головой, вскочил на ноги и быстро поднялся до самой верхней ступеньки крыльца* (И.В. Омулевский. Шаг за шагом); *Собственный голос и смысл этих слов **вывели** Прохора из равновесия* (В.Я. Шишков. Угрюм-река).

Круг подобных глагольно-именных оборотов расширяется за счет вербономинантов, именной компонент которых выражен субстантивами с родовым значением и конкретизируется атрибутивным распространителем:

– *вывести из ... состояния ...: Ветер шевелил ленты, Галя была близорукая, очень доверчивая, и **вывести** ее из добродушного состояния было почти невозможно* (К.Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы); *Думаю, что все это кончилось бы плохо, если б не один счастливый случай, который **вывел** меня из этого опасного состояния* (Ф. Искандер. Путь из варяг в греки); *Смех уязвил Бахирева, но **вывел** его из состояния скуки* (Г.Е. Николаева. Битва в пути); *Но вдруг голоса, смех и шум в гостиной **вывели** его из того состояния приятной задумчивости и мечтательности, в которое он погрузился* (Ф.К. Сологуб. Звериный быт);

– *вывести из ... положения: Я стоял в нерешимости; но чрез минуту все приняло обыкновенный вид, и приветливость хозяйки **вывела** меня из затруднительного*

положения (И.А. Гончаров. Лихая болезнь); **Соня, прибежавшая с ключом, вывела нас из этого тяжелого положения** (Л.Н. Толстой. Семейное счастье);

– **вывести из ... настроения**: Он поднял глаза на Павла, но тот ладно резал какую-то щепку и всем видом говорил об абсолютной невозможности **вывести** его сегодня **из радужного настроения** (Г. Елин. Точка росы); Но тут в голову лезли радужные мечты, надежды на будущее, несбыточные желания, и только изредка прилетавшие пары уток **выводили** меня **из этого восторженного настроения** и точно заставляли опомниться, прийти к действительности (А.А. Черкасов. Зерентуй).

Кроме того, в произведениях разных авторов представлены вербономинанты с компонентом **вывести** и субстантивом со значением состояния, не зафиксированные в лексикографических источниках: **вывести из апатии**, **вывести из безнадежности**, **вывести из беспамятства**, **вывести из беспокойства**, **вывести из забвения**, **вывести из заблуждения**, **вывести из забывчивости**, **вывести из напряжения**, **вывести из недоумения**, **вывести из рассеянности**, **вывести из созерцания**, **вывести из сомнения**, **вывести из спокойствия**, **вывести из хладнокровия** и др. Напр.: **Наконец, приехавший из Москвы управитель одного вельможи вывел нас из недоуменья** (Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин); **Скромно, даже застенчиво поклонясь ему, Ганнуся покраснелась и снова опустила черные свои ресницы к помосту; несколько секунд оставалась она в этом положении; но мысль, что на нее все смотрят, а особенно молодой офицер, вывела ее из забывчивости: она подошла к священнику, приняла благословение и вербу и снова стала на прежнее свое место** (О.М. Сомов. Сказки о кладах); **Казалось, уж ничем нельзя ошеломить Крымова, вывели его из сонной одури** (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

Среди анализируемых глагольно-именных оборотов с глагольным компонентом **вывести** представлены многочленные синонимические ряды.

Первый синонимический ряд образуют вербономинанты со значением 'привести кого-л. в состояние крайнего раздражения': **вывести из равновесия**, **вывести из терпения**, **вывести из спокойствия**, **вывести из хладнокровия**. Напр.: **Последние события, начиная с пожара тайги, вывели меня из равновесия** (В.Я. Шишков. Угрюм-река); **Этот неумышленный поступок вывел из терпения Ковалева** (Н.В. Гоголь. Нос); **Но сегодня и его вывела из обычного благодушного спокойствия одна красивая, полная, с виду очень добрая дама, владелица прекрасной дачи, окруженной садом с цветами** (А.И. Куприн. Белый пудель). К этому ряду синонимов относится также глагольный фразеологизм **вывести из себя**: **Эта насмешка окончательно вывела Прыхину из себя: она побледнела и ничего уж не говорила** (А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов); **Плач разбуженного ребенка вывел Паганини из себя** (А.К. Виноградов. Осуждение Паганини).

Второй синонимический ряд образуют вербономинанты со значением 'вывести кого-л. из состояния покоя (статичного состояния)': **вывести из апатии**, **вывести из забытья**, **вывести из задумчивости**, **вывести из оцепенения**, **вывести из полузабытья**, **вывести из раздумья**, **вывести из созерцания**, **вывести из столбняка**, **вывести из мечтательности**, **вывести из прострации**, **вывести из транса**. Напр.: **Вдруг Макар Макарыч вывел гостей из апатии** (Н.Г. Помяловский. Молотов); **Знакомый легкий шум шелкового платья вывел его из оцепенения; Варвара Павловна, в шляпе и шали, торопливо возвращалась с прогулки** (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо); **Увидел я одну маленькую картинку – и она-то вот сразу вывела меня из глубокомысленного столбняка и деревянного благоговения к вещам, совершенно не понимаемым** (Г.И. Успенский. Из разговоров с приятелями).

Таким образом, энантиосемичный глагол **вывести**, обозначающий движение в направлении «откуда», входит в состав большого числа вербономинантов со значением перехода из одного состояния в другое. Кроме того, образ движения с характеристикой «откуда» лежит в основе устойчивых глагольно-именных оборотов со значением исключения, устранения, порчи: **вывести из игры**, **вывести из строя**, **вывести из состава**. Напр.: **Доктор просто вывел его из игры и спрятал до той поры, пока положение не станет критическим** (Н. Леонов. Лекарство от жизни); **За работой он вскоре забыл бы о Марине, сейчас же, когда дурацкий случай надолго вывел его из строя, ничто не мешало ему думать о ней целый день** (Д. Гранин. Искатели).

Образ движения в направлении «куда», выраженный глаголом **вывести**, характеризует глагольные фразеологизмы со значением 'помогать кому-л. найти свое место в жизни; достичь определенного положения' (**вывести на дорогу**, **вывести в люди**, **вывести в чины**

(устар.) и 'уличать, разоблачать кого-л.' (*вывести на чистую воду, вывести на свежую воду, вывести на свет (божий), вывести за ушко да на солнышко*). Напр.: *Потом стали представляться ей вопросы более отдаленного будущего: как она **выведет** детей **в люди*** (Л.Н. Толстой. Анна Каренина); *Меня **вывели на свежую воду**, уличили, пристыдили...* (И.С. Тургенев. Рудин); *Я **выведу на свет** все его махинации...* (А. Проханов. Господин Гексоген).

Итак, энантиосемия глагола *вывести*, его способность выражать образы разнонаправленного движения приводит к его активному вхождению в состав глагольных фразеологизмов и описательных глагольно-именных оборотов. Такая фразеобразовательная активность глагола *вывести* подтверждает тот факт, что энантиосемия – явление закономерное и не противоречащее принципам устройства языка как знаковой системы.

Литература

1. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013.
2. Дерibas В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка: словарь-справочник. Ок. 5600 словосочетаний. 3-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1983.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981. Т. 1.

Горлова Г.Н.

*Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия*

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ЯЗЫКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМУНИКАЦИИ

Аннотация. Рассматривается специфика использования стилистических ресурсов языка в текстах политического дискурса с целью реализации персуазивной и эмоционально-оценочной функций политической коммуникации.

Ключевые слова: политическая лингвистика, политическая коммуникация, функции политического дискурса, речевое воздействие

Gorlova G.N.

*Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

ON THE QUESTION OF THE PRINCIPLES OF THE LANGUAGE ORGANIZATION OF THE TEXT OF POLITICAL COMMUNICATION

Abstract. The specificity of using the stylistic resources of the language in the texts of political discourse is considered in order to implement the persuasive and emotional-evaluative functions of political communication.

Keywords: Political linguistics, political communication, functions of political discourse, speech influence.

Политическая лингвистика, в которой рассматриваются и коммуникативные аспекты, – довольно новое направление социолингвистики и носит междисциплинарный характер, поскольку рассматривает вопросы, представляющие интерес как для лингвистики, так и для политологии.

Объект изучения политической лингвистики – политический дискурс, основная цель которого – завоевание и удержание власти. По мнению Р. Бали, цель политического дискурса состоит не в описании, а в убеждении, в побуждении к действию [Bailey 1999, с. 102].

В исследованиях по семасиологии политический дискурс определяется как своеобразная знаковая система, отличительной чертой которой является «модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий» [Шейгал 2000, с. 3].

Не вдаваясь в детальный анализ вопроса о специфике функций политического дискурса, выделим главную из них – персуазивную. По мнению авторитетного исследователя политической коммуникации В.З. Демьянкова, общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам общества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок [Демьянков 2003, с. 117]. Автор утверждает, что политический язык как дискурсообразующий фактор отличается от обычного тем, что в нем: «политическая лексика» терминологична, а обычные, не чисто «политические» языковые знаки употребляются не всегда так же, как в обычном языке; специфичная структура дискурса – результат иногда очень своеобразных речевых приемов [там же, с. 116, 133].

Постараемся проиллюстрировать это положение интересными, на наш взгляд, примерами из новейших текстов политического дискурса.

Для подтверждения правильности предлагаемых идей политическими коммуникантами используется такой стилистический прием, как лексический повтор: «...в интересах сохранения своего доминирования некоторые страны последовательно стремятся подменить действующую глобальную архитектуру, опирающуюся на центральную роль ООН, неким порядком, основанным *на правилах*: каких *правилах*, кто эти *правила* придумал – непонятно» (Из выступления Президента РФ на встрече «БРИКС плюс» в июне 2022); «Хотят ли они создавать архитектуру безопасности *с Россией, без России или против России?*» (из выступления С. Лаврова на мюнхенской конференции по безопасности); «А для нашей страны – это в итоге *вопрос* жизни и смерти, *вопрос* нашего исторического будущего как народа. И это не преувеличение...» (В.В. Путин); «*Мы пришли* к вам не из-за украинских земель. *Мы пришли*, чтобы принести долгожданный мир на истекавший кровью Донбасс» (В. Небензя на Совете безопасности ООН). Следует отметить, что лексический повтор подкрепляется такой фигурой речи, как синтаксический параллелизм, что еще более усиливает персуазивность коммуникации.

Самым удачным приемом речевого воздействия является продуцирование высказываний, чей воздействующий потенциал усиливается использованием синонимических рядов: «Например, полагают, что доминирование Запада в глобальной политике и экономике – величина *неизменная, вечная*. Вечного ничего не бывает» (из выступления В.В. Путина на ПМЭФ в июне 2022 г.); «Все, что не устраивает гегемона, власть предержавших, объявляется *архаичным, устаревшим, ненужным*»; «Расчет был понятен: *нахрапом, с наскака* смять экономику России»; «...если же какого-то бунтаря не получается *захомутать, усмирить*, то его стараются изолировать или, как сейчас говорят, «отменить»» (там же).

Примечательно, что в одном тексте, в той же коммуникативной ситуации, обращаясь к конкретной аудитории, президент РФ использует разностилевые ресурсы – книжную, нейтральную и разговорную лексику, даже низкого стилистического регистра, что можно рассматривать как реализацию оценочной функции политического дискурса: «*наглая* манера разговаривать: *шулерское* поведение: *наплевательское* отношение к нашим интересам» используются в контекстуальном соседстве с такими лексическими единицами, как «глобальная архитектура, глобальный характер, инфляционная буря»; «Очередной бред, чушь, который приведет к дальнейшему росту на мировых рынках...» (В. Путин).

То же можно сказать и об использовании разностилевых фразеологизмов в дипломатическом дискурсе: «Все попытки делать «*хорошую мину при плохой игре*», все разговоры о якобы допустимых издержках во имя псевдоединства не могут скрывать главного: Евросоюз окончательно утратил свой политический суверенитет, а его бюрократические элиты *пляшут под чужую дудку*, принимая все, что им скажут сверху» (С.В. Лавров).

Не менее интересны примеры использования синонимических рядов фразеологических единиц языка: «Можно, что называется, по-разному *расставлять стулья, принимать разные решения*; трактуются исключительно в интересах этой державы, что называется, *работают в одну сторону, игра идет в одни ворота*»; «...а *теперь концы в воду, ушли в отказ*, потому что сказать нечего» (из выступления В.В. Путина на ПМЭФ в июне 2022 г.). Есть и примеры конструирования высказываний, когда в одном ряду, употребляются лексические и фразеологические синонимы, усиливая эффект эмоционального воздействия на реципиентов: «...считают все остальное *периферией, своим задним двором*...»; «Да, сейчас эти

противоречия *подавляются*, «*замечаются под ковер*»; «...что якобы все вернется на круги своя, все будет, как и прежде» (там же).

Использование общеупотребительных единиц языка для создания новых средств образности, в частности политической метафоры, – весьма показательно для речи В.В. Путина. Именно в его выступлениях появились такие новые метафорические выражения, как «инфляционная буря», «санкционная лихорадка» (из речи на ПМЭФ), «...подорвали ключевые опоры мировой экономической системы» (из выступления на Восточном экономическом форуме).

Следующий пример иллюстрирует факт использования языковой игры, когда дополняется фразеологизм и, соответственно, расширяется его смысл: «...США, как главный продюсер этих постановок, *заказывают музыку и сюжетную линию*, на основе которых в Европе пишут антироссийский сценарий...» (там же). Это яркие свидетельства того, что языковая личность представителя элитарной речевой культуры способна актуализировать новые и трансформировать старые смыслы прецедентных высказываний, давая оценочную характеристику обсуждаемым вопросам и усиливая эффект воздействия на слушателей с целью побуждения к принятию предлагаемых ритором идей.

Не менее интересны и примеры расположения синонимических единиц по принципу градации, что позволяет наращивать эффект эмоционального воздействия на реципиентов: «...нас тут же попытались *дожать, добить и разрушить* уже окончательно»; «НАТО прямо говорит о необходимости *ускорить, форсировать* продвижение инфраструктуры Альянса к границам России» (из обращения президента к народу России 24.02.22).

Все проанализированные фрагменты различных политических дискурсов позволяют подтвердить, что хотя политическая коммуникация и «использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, т.е. обладает собственным подязыком (прежде всего, лексикой и фразеологией)» [Шейгал, 2002, с. 38], язык политики должен быть доступен и понятен всем, поэтому стремление политиков использовать не только терминологическую лексику, но и общеязыковые ресурсы лексики и фразеологии, включая элементы сниженного стилистического регистра, прибегать к стилистическим приемам организации текста и использованию языковой игры весьма показательно характеризует современный политический дискурс.

Литература

1. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches / P. Bayley // G. Ragazzini, D. R. B. P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U. S. presidential elections. Bologna : Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1999.
2. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как предмет междисциплинарного исследования. М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 116–133.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000.
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дисс. на соискание ученой степени доктора филолог. наук. Волгоград, 2002.
5. URL: <http://www.mid.ru/ru/home>. Официальный сайт МИД РФ.
6. URL: <http://www.kremlin.ru>. Официальный сайт Президента РФ.

НЕОЛОГИЗМЫ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ COVID-19 В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В представленной работе рассматриваются неологизмы, появившиеся в русском языке во время пандемии COVID-19. Авторами проведен контент-анализ комплекса публикаций сайтов, представленных в открытом доступе на новостных порталах, а также данные поисковых запросов Google Trends. В рамках исследования были выявлены источники неологизмов и особенности их функционирования в речи. Большая часть новой лексики прочно вошла в широкое употребление различными группами населения. В ходе анализа установлено, что слова ограниченного употребления, в частности медицинская терминология, стала наиболее продуктивной группой для неологизмов периода пандемии COVID-19. Особый интерес для дальнейшего изучения представляет лексика, возникающая в межличностной неофициальной коммуникации, которая зачастую экспрессивно и эмоционально окрашена и служит цели ироничного обыгрывания ситуации, связанной с пандемией коронавируса.

Ключевые слова: неологизмы, коронавирус, пандемия COVID-19, язык коронавирусной эпохи, функционирование неологизмов, словообразование

*Gulyaeva E.V., Denisenko M.V., Nikitina I.S.
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA,
Volgograd, Russia*

NEOLOGISMS OF THE COVID-19 PANDEMIC PERIOD IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The present study deals with neologisms that emerged in the Russian language during the COVID-19 pandemic. The authors conducted a content analysis of a set of publications of news websites publicly available on news portals as well as data of Google Trends search queries. The sources of neologisms and the distinctive features of their functioning in speech were identified within the framework of the research. The largest part of the new vocabulary has firmly passed into generic usage by various groups of the population. The analysis showed that words of limited use, in particular, medical terminology, became the most productive group for neologisms of the period of the COVID-19 pandemic. The vocabulary emerging in interpersonal informal communication, which is often expressive and emotional and serves for an ironic play upon the situation related to the coronavirus pandemic, is of particular interest for further study.

Keywords: neologisms, coronavirus, COVID-19 pandemic, language of the coronavirus era, functioning of neologisms, word formation

Пандемия коронавируса оказала сильное влияние на привычную жизнь, изменив некоторые ее сферы до неузнаваемости. Реакция людей на происходящие изменения, безусловно, не могла не отразиться на языке, всегда остро реагирующем на любые трансформации в обществе. Новые явления получают специфические наименования, которые появляются в процессе адаптации языка к ним.

В данной статье мы предприняли попытку проанализировать наиболее популярные лексические единицы, появившиеся в употреблении носителей русского языка в период пандемии COVID-19. Актуальность исследования не вызывает сомнения, поскольку вызывает интерес механизмы порождения новых слов, их функционирование в речи и коммуникативная обусловленность. В нашей работе мы постарались выявить источники неологизмов, связанных с пандемией COVID-19, и принципы их функционирования.

Исследование изменений в языке, эволюционирования языка, безусловно, является одним из приоритетных направлений в лингвистике. Многие зарубежные и отечественные ученые, такие как В.Г. Гак, В.И. Заботкина, Е.Р. Розен поднимают в своих работах проблему неологизмов. Самым распространенным названием среди других номинаций этого явления стал термин «неологизм», и данный статус закрепляется за всеми новыми словами, появляющимися в речи. О.С. Ахманова считает, что «неологизм – это, во-первых, слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия», и, во-вторых, слово или выражение, не получившее прав

гражданства в общенародном языке и потому воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи» [Ахманова 2004, с. 571].

Одним из главных определителей неологизмов является их «новизна». Е.В. Розен утверждает, что слово может считаться неологизмом, пока оно несет в себе коннотацию новизны, которая со временем утрачивается [Розен 2000, с. 192].

Однако, чем выше частотность употребления слова в языке, тем быстрее оно проникает во все сферы, фиксируется в словаре и перестает восприниматься как нечто новое [Егорова, Крашенинникова 2021, с. 207].

Как показал проанализированный материал, источники неологизмов периода пандемии COVID-19 можно разделить на следующие группы.

1) Медицинские термины. Во время пандемии коронавируса некоторые термины профессионально-ограниченной лексики медицинских работников приобрели широкую популярность среди населения и перешли в разряд общеупотребительной лексики. К таким терминам можно отнести слова *штамм*, *сатурация*, *антитела*, *КТ*, *ИВЛ* и другие.

Главными медицинскими терминами, пополнившими словарный запас среднестатистического носителя русского языка, безусловно, стали *коронавирус* и *ковид*. Термин *ковид* берет свое начало от официального названия новой коронавирусной инфекции COVID-19, образованного от английского словосочетания *coronavirus disease* (*коронавирусная болезнь*) и года ее распространения. Благодаря своей лаконичной форме, слово быстро стало популярным и транслитерировалось на русский язык, адаптировавшись к его нормам. Так, в отличие от исходной английской аббревиатуры, термин *ковид* на русском языке пишется строчными буквами, склоняется по правилам второго склонения имен существительных и образует производные путем прибавления различных морфем. Лексема *коронавирус* не так лаконична, вследствие чего новый термин в процессе функционирования в речи подвергался различным трансформациям, приобретая новые словарные формы. Одной из наиболее распространенных обозначений стала сокращенная форма – *корона*. В отличие от термина *ковид*, *корона* более популярна в неофициальном общении, однако также активно используются в новостных сообщениях СМИ:

«Россия и Смоленщина в том числе недавно даже сняла все ограничения, потому что заболеваемость держалась на очень низком уровне. Но вот “корона” вновь дала о себе знать» [2]; «За минувшие сутки медики Крыма зарегистрировали 199 новых эпизодов “короны”» [3].

Ассимиляция в языке слова *корона* повлекла за собой появление производных, других частей речи: *коронованный* (*заболевший коронавирусом*), *короновать* (*выявить у человека вирус COVID-19*), *короноваться* (*заболеть коронавирусом*), *коронабесие* (*всеобщая паника, связанная с пандемией COVID-19*), а тот факт, что новый термин является абсолютным омонимом уже существующего в русском языке слова, обозначающего головной убор монарха, лежит в основе многочисленных шуток про коронавирус:

«Скажите, пожалуйста, сейчас можно поболеть обычным, родным гриппом или сразу коронуют?» – подпись к популярному Интернет-мему [4];

«Не коронованная особа» – надпись на различных предметах одежды из Интернет-магазинов [5]; «Человек: Я – венец природы! Природа: Нет проблем, держи корону!» [6].

2) Заимствования из других иностранных языков. Пандемия коронавируса стала глобальной катастрофой, изменив жизнь до неузнаваемости. Похожие проблемы и переживания людей по всему миру, еще большая популярность Интернета и, в том числе, социальных сетей не могли не отразиться на языке, что явилось причиной появления следующих англицизмов в русском языке.

Пожалуй, одним из самых популярных заимствований периода пандемии, вошедшим в обиход среднестатистического носителя русского языка в 2020 году, стала лексема *локдаун* (от английского *lockdown*). Обозначив новое явление во всех странах мира, по данным GoogleTrends, слово *локдаун* являлось лидером поисковых запросов в России в 2020 и первой половине 2021 года в сравнении с его синонимами *самоизоляция* и *карантин*. Такая популярность может быть обусловлена активным использованием данного термина российскими и мировыми СМИ в новостных сообщениях:

«Мэр отметил, что благодаря принятым мерам пока удастся избежать локдауна» [7]; «Глава ведомства Валерий Фальков заявил, что сейчас студентов ориентируют

в основном на сдачу сессии удаленно, но при этом отметил, что университетского локдауна нет» [8].

В английском языке слово *lockdown* также держит пальму первенства, став словом 2020 года по мнению словаря Collins. Термин существовал до пандемии, однако не был широко употребляемым и имел другие коннотации, как, например, мера контроля за тюремными заключенными. Весной 2020 года в результате процесса семантической деривации слово *lockdown* начало ассоциироваться с новой концепцией, обретая новое значение [1].

Еще одним не менее популярным заимствованием, отражающим современные реалии, стал глагол *зумиться*, то есть проводить онлайн-встречи в специальной программе Zoom. Неологизмы *зум* и *зумиться* сохраняют свою популярность, особенно в студенческой и профессиональной среде. Остальные же ушли в пассивный запас, либо вернулись в разряд профессионально-ограниченной лексики.

3) Народное словотворчество. Пандемия коронавируса изменила привычный уклад жизни людей. Ограничение социальных контактов, самоизоляция и невозможность выйти на улицу, переход на удаленную работу и дистанционное обучение, потеря доходов, тяжелое течение болезни у родных и близких усиливали рост психоэмоционального напряжения и риск нервных срывов. Ироничный взгляд на проблемы, вызванные пандемией, помогает регулировать эмоциональную сферу человека и служит механизмом защиты в стрессовых ситуациях. Ирония, сарказм, языковая игра легли в основу новых «ковидных» слов и выражений.

Одним из таких неологизмов эпохи пандемии стало насмешливое название распространяющегося вируса – *ковидла* или *ковидло*. Изобретенное слово ассоциируется с уже существующими в русском языке словами с явно отрицательными оценками значений и также оканчивающимися на *-ло* и *-ла*: *чувырла*, *падла*, *кодла*, *мурло*, *быдло*. Изменение словоформы с помощью прибавления суффикса и окончания сделало смертельно опасный ковид не таким страшным для человека на психологическом уровне. Существует также версия, что *ковидло* берет свое начало от слова *повидло* и обозначает варенье, которое утратило свои вкусовые качества и аромат для болеющего вирусом COVID-19. Такой вариант значения можно встретить в интернет-мемах и шутках про коронавирус: «*Вместо мартини и повидла в холодильниках у самоизолированных появились "карантини" и "ковидло"*» [9]; «*Знаете, как называется варенье без вкуса и запаха? Ковидло!*» [10].

Еще одним новым явлением времен самоизоляции, как видно из примера, стал *карантини* – популярный напиток во время карантина, образован путем языковой игры из двух слов – карантин и мартини.

Ковикулы или *карантикулы* – ироничное название периода дополнительных нерабочих дней с целью сдерживания распространения коронавируса. По сути, эти дни представляли собой очередной период самоизоляции, но *ковикулы/карантикулы* звучит не так пугающе и за счет составляющей в виде слова *каникулы* имеют оптимистичный оттенок, обещающий приятное времяпрепровождение. Примечательно, что данное народное творчество цитировалось средствами массовой информации, возможно, для поддержания духа населения: «*Ковикулы или карантикулы. Президент объявил о нерабочих днях с 30 октября по 7 ноября. Зарплата сотрудников должна сохраняться*» [11]; «*Осенние «ковикулы», ограничения в «карантикулы» и ноябрьские выплаты*» [12].

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 571.
2. Егорова Э. В., Крашенинникова Е. И., Крашенинникова Н. А. Неологизмы эпохи коронавируса. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 207–216.
3. Розен Е. В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М. : Менеджер, 2000. С. 192.

Интернет-источники

1. Sam Wood, 2020. Lockdown is word of the year, but is it the most important? URL: <https://www.kent.ac.uk/news/society/27062/expert-comment-lockdown-is-word-of-the-year-but-is-it-the-most-important> (дата обращения: 08.08.2022).

2. Readovka 67. Смолян снова пугают коронавирусом. URL: https://readovka67.ru/news/107324?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.08.2022).
3. МК.RU Рост не останавливается: данные по COVID-19 в Крыму и Севастополе. URL: https://crimea-mk-ru.turbopages.org/crimea.mk.ru/s/social/2022/08/08/rost-ne-ostanavlivaetsya-dannye-po-covid19-v-krymu-i-sevastopole.html?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fstory%2FCHislo_podkhvatyayushhikh_Covid-19_zasutki_vKrymu_neuklonno_rastyot--979f183f40f137a2ddf14b0ff25e2407 (дата обращения: 08.08.2022).
4. Fotostrana. URL: <https://m.fotostrana.ru/public/post/231903/2235847509/> (дата обращения: 08.08.2022).
5. Все футболки. URL: <https://vse-footbolki.ru/search/?search=Не-коронованная-особа> (дата обращения: 08.08.2022).
6. Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/lo_l_7291346?view=amp (дата обращения: 08.08.2022).
7. Гарант.Ру: информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/news/1424056/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D
8. Четвертая Власть. URL: https://www.4vsar.ru/news/139875.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.08.2022).
9. Царьград. Ковидло, вируспруденция и карантец: Русский юмор против коронавируса. URL: https://tsargrad-tv.turbopages.org/turbo/tsargrad.tv/s/news/kovidlo-virusprudencija-i-karantec-russkij-jumor-protiv-koronavirusa_290498 (дата обращения: 08.08.2022).
10. Ридус. 10+ шуток о пандемии, которые оценят люди с нестандартным чувством юмора. URL: <https://www.ridus.ru/news/342027.amp> (дата обращения: 08.08.2022).
11. Сарафан. Новостной портал. Итоги дня за 20 октября. URL: http://sarafan23.ru/novosti/obshchestvo/itogi-dnya-za-20-oktyabrya.html?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.08.2022).
12. Блокнот Таганрог. URL: https://bloknot-taganrog.ru/news/osennie-kovikuly-ogranicheniya-v-karantikuly-i-noya?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.08.2022).

Гурьянова Л.Б.
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЙ ОТКРЫТКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДОМАШНЕГО АРХИВА)

Аннотация. Исследуются основные элементы текста поздравительной открытки как формы коммуникации в ситуации непринужденного общения. Поздравление оценивается с точки зрения композиции и содержания. Выявляются сходства и различия частных и официальных поздравлений.

Ключевые слова: поздравительная открытка, коммуниканты, адресат, адресант, отправитель

Gurianova L.B.
Penza State University,
Penza, Russia

FEATURES OF THE GREETING CARD TEXT (BY THE MATERIAL OF THE HOME ARCHIVE)

Abstract. The main elements of the greeting card text as a form of communication in a situation of casual communication are investigated. Congratulations are evaluated in terms of composition and content. The similarities and differences between private and official greetings are revealed.

Keywords: greeting card, communicants, addressee, addressee, sender

В последнее время повысился интерес лингвистов к естественной письменной речи, которая понимается как «речевая деятельность (и ее результат – тексты), обладающая следующими характеристиками: письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения, неофициальность сферы бытования, отсутствие промежуточных инстанций (редакторов, цензоров, корректоров и пр.) между воплощением замысла автора и получением текста реципиентом» [Лебедева 2001, с. 4]. Одним из объектов изучения лингвистов является текст открытки, которая «сформировалась как комплексное социокультурное явление в 1900–1910-х гг., вобрав в себя и развив черты народной лубочной картинки, народной иконы, репродукционной гравюры, салонного искусства. Существенно видоизменившись в советское время, открытка приобрела новые функциональные, смысловые и тематические характеристики [Ткаченко 2021, с. 3].

Нет сомнений, что главной функцией открытки является коммуникативная, которая позволяет, преодолевая время и пространство, связать людей. Нельзя не согласиться с Л.В. Бутыльской, что «открытка выступает в качестве референции – своеобразного мостика между адресантом и адресатом» [Бутыльская 2014, с. 13].

Цель нашей статьи – провести анализ текстов поздравительных открыток. Объектом исследования являются тексты на поздравительных открытках с 60-х г. XX в. по 10-е г. XXI в. Предмет исследования – тематика и структура текстов поздравительных открыток, хранящихся в домашнем архиве семьи Ивашиных. Мои родители – Борис Васильевич и Екатерина Михайловна Ивашины – более сорока лет работали в Лунинской районной больнице Пензенской области. Все цитаты приводятся в соответствии с орфографией и пунктуацией источников.

Поздравительная открытка – одно из популярных средств коммуникации в советское время. Она «всегда была связана с реальными фактами человеческой жизни, зеркалом которой являлась в общем контексте истории» [Родионова 1995, с. 16]. Если изобразительная часть открытки вызывает интерес у историков и социологов, то тексты поздравительных открыток в центре внимания лингвистов.

По мнению М.В. Самбур, «текстовые сообщения на открытках, созданные автором ..., позволяют сделать вывод о языковых нормах того времени и рассмотреть коммуникационный аспект этого явления» [Самбур 2014, с. 19].

Поздравительная открытка имеет четкую структуру: зачин, основная часть, связанная с поздравлением и пожеланиями, концовка. Однако в текстах поздравительных открыток могут встречаться и переменные элементы.

Как правило, данное послание кому-то адресовано, это может быть как один человек, так и члены семьи, например, *«Дорогая Катя!»* или *«Уважаемые Екатерина Михайловна, Борис Васильевич!»* Иногда в тексте отправитель старается перечислить всех членов семьи, например, *«Дорогие родные Танечка и Людочка, Сашенька и Максимка, Екатерина Михайловна, Борис Васильевич, Саша»*. В зачине нередко отражается отношение отправителя открытки к тому человеку или тем людям, которым она адресована, например, *«Дорогие Катя, Боря, Танечка, Людочка, Саша, Максимка, Сашенька»* или *«Дорогая сестричка!»* Использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами позволяет передать нежное отношение к адресатам.

Нередко в зачине встречаются сокращенные конструкции, связанные с небольшим объемом открытки, например, *«Дорогие т. Катя, д. Боря, Таня, Люда, Саша, детки!»* или *«Уважаемые Екатерина М., Борис В. и вся – вся ваша дружная, хорошая семья»*. Крайне редко встречаются индивидуальные обращения, свидетельствующие о близких отношениях между отправителем и получателем, например, *«Дорогие наши пупсики: Катя и Боря!»* Открытка с данным текстом была прислана бывшими сослуживцами, с которыми родители дружили всю свою жизнь.

Еще одним важным элементом текста является наименование самого праздника, с которым стремились поздравить. Как правило, это было отражено на самой открытке, например, *«Слава Великому Октябрю!»* или *«С Новым годом!»* Можно заметить, что открытки, присланные из Болгарии и Египта, где находился в длительной командировке брат Екатерины Михайловны – Федор Михайлович, – не всегда соответствовали определенным праздничным датам, чаще всего это были просто интересные виды этих стран.

В тексте почтового отправления обязательно дублировалось наименование события, по поводу которого посылалась открытка, например, *«От всей души поздравляем с праздником весны 1 Мая!»* или *«Поздравляю тебя с Женским днем 8 марта»*. Иногда, несмотря на присланную тематическую открытку, праздники, которые отмечались в определенное время, могли быть объединены, например, *«Примите наши самые сердечные поздравления с наступающими праздниками – 1-ого Мая и Днем Победы!»* или *«От всей души поздравляю вас с Новым годом и Рождеством Христовым!»*

Еще одним обязательным компонентом текста поздравительной открытки являлись пожелания, например, *«Желаем крепкого здоровья, счастья и радости в жизни, успехов в работе!»* или *«Пусть это год принесет побольше радости, бодрости и энергии. А самое главное – доброго вам здоровья! Радости в детях и внуках»*.

В отдельных случаях в тексте поздравлений встречаются стихотворные строки, при помощи которых автор послания хотел бы передать определенные эмоции, например, *«Как бы жизнь не летела, / Дней своих не жалея! / Делай доброе дело / Ради счастья людей!»*

Обязательным элементом текста почтового отправления являлось указание на то, кем послана открытка, например, *«Максим! Саша!»* или *«С уважением Шкуровы, Кирдины, Боротовы»*. Иногда подписи сопровождалась указанием даты написания текста открытки и места, откуда она посылалась, например, *«Целую Федор. София 21.04.68»*.

В домашнем архиве семьи Ивашиных немало поздравительных открыток, которые, кроме функции поздравления, фактически выполняют и функцию письма, сообщая о каких-то событиях. Так, поздравляя Бориса Васильевича и Екатерину Михайловну с Новым 2004 годом, врачи из Москвы Галина и Андрей Ильницкие дополняют свое послание следующим текстом: *«Мы с Галкой очень часто вспоминаем это светлое, радостное время – работу в Лунино. Вспоминаем и любим и главного, и зав. бак. лабораторией, да и вообще всех симпатичных врачей больницы начала 60-х годов. Поразительная вещь: поработали вместе всего-то 2 года, а дружба – на всю жизнь»*.

Или открытка из Алатыря от приятелей Прусиновских заканчивается следующим образом: *«У нас пока все хорошо дома делаем ремонт, провели воду, канализацию, приезжайте в гости. Димочка у нас во Владивостоке живет и работает после академии в звании подполковник. Оля живет в Оленегорске. Жанна в Казани заочно учится в университете на биолога. Пишите письма. Как у вас дела?»*

Если анализировать лексику поздравительных открыток, то в текстах немало общеупотребительных слов, но преобладают слова с эмоциональной окраской, например, *«счастья, радости, здоровья тебе на долгие годы!»* или *«В эти волшебные дни мы, как в детстве, верим, что все плохое останется в прошлом году»*.

Особого внимания заслуживают официальные открытки, присланные родителям, которые были бойцами трудового фронта в годы Великой Отечественной войны. В домашнем архиве сохранились поздравления с 8 Марта, Днем защитника Отечества, Днем Победы, Новым годом.

Такие поздравления были присланы либо от лица Президента Российской Федерации В.В. Путина, либо от лица Губернатора Пензенской области В.К. Бочкарева. Данные почтовые отправления имели четкую структуру: зачин, поздравление с конкретным праздником, эмоциональное отступление, пожелания, концовка.

В официальных открытках можно отметить разное обращение к ее получателю, например, «Уважаемый товарищ *Ивашин Б.В.*» или «Уважаемая *Екатерина Михайловна!*»

В самом начале текста открытки называется праздник, к которому приурочено поздравление, например, «*Поздравляю Вас с всенародным праздником – Днем защитника Отечества!*»

Отправитель поздравления старается отметить личный трудовой вклад человека, получающего данную открытку. Так, поздравляя Екатерину Михайловну с Новым 2002 годом, губернатор В.К. Бочкарев пишет: «*Я всегда преклоняюсь перед людьми старшего поколения. На Вашу долю выпали самые тяжелые за всю историю страны испытания. И все-таки Вы остались оптимистами, не утратили умения радоваться. А ваше отношение к труду служит нам примером*». И хотя адресат и адресант лично не были знакомы, складывается впечатление, что открытку писал добрый друг.

Еще более трогательными кажутся тексты официальных открыток, посвященные юбилейным датам одного из самых важных праздников нашей страны. Речь идет о 60-летию и 70-летию Победы.

Так, в тексте открытки, присланной Борису Васильевичу Ивашину от имени Президента РФ В.В. Путина, отмечается большой вклад народов нашей страны в освобождение мира от фашизма: «*В первый день войны прозвучали слова, ставшие священными для каждого – «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», и весь народ поднялся на защиту Родины. Вы сокрушили вражеские полчища, спасли человечество от страшной угрозы нацистского порабощения. Именно на фронтах Великой Отечественной решалась судьба всего мира.*

Память о беспримерном подвиге тех, кто героическим сражался с оружием в руках, самоотверженно трудился в тылу, строил и укреплял великую державу, – будет жить в веках».

В этом послании и цитата из обращения Председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотова от 22 июня 1941 г., и оценка подвига не только тех, кто сражался с оружием в руках во время Великой Отечественной войны, но и бойцов трудового фронта, которые много сделали для Победы. Текст самой открытки отражает уважительное отношение Президента ко всем, кто не дал поработить нашу Отчизну. Все это не могло не вызвать положительных эмоций у человека, получившего данное послание.

Несколько иначе, с местным колоритом, это отражается в открытке, адресованной Екатерине Михайловне Ивашиной губернатором Пензенской области В.К. Бочкаревым: «*На пензенской земле чтят воинский подвиг, беспримерное мужество, истинный патриотизм поколения победителей. В этот день славы, воинской доблести и единства всего народа мы преклоняемся перед вами, выстоявшими и победившими в той жестокой войне и восстановившими страну из руин. Вы всегда были и остаетесь для нас примером беззаветного служения Родине*».

Очень важно, что В.К. Бочкарев считает, что в обществе такие люди нуждаются в особом уважении.

Одним из компонентов официальной открытки являются пожелания, например, «*Желаю Вам крепкого здоровья, заботы и любви всех, кто находится рядом с Вами*» или «*Выражая Вам глубокую признательность за преданность Отчизне, от всего сердца желаю Вам и Вашим близким доброго здоровья, благополучия и счастья*».

К чести отправлявших открытки, их тексты варьировались, несмотря на то, что они были адресованы по случаю одного праздника. Так, открытки по поводу 8 Марта, присланные в разные годы от имени Губернатора В.К. Бочкарева, имели разный текст, сравните: «*Уважаемая Екатерина Михайловна! Сердечно поздравляю Вас с Международным женским днем 8 Марта! Этот праздник олицетворяет торжество красоты и добра, утверждает*

величие Женщины, с именем которой связано все лучшее на Земле. Желаю Вам крепкого здоровья, радости, весеннего настроения. Пусть никогда не покидают Вас вера, надежда, любовь!» и «Уважаемая Екатерина Михайловна! Сердечно поздравляю Вас с прекрасным весенним праздником – Международным женским днем! Выражая искреннее уважение, желаю, чтобы Вас никогда не покидали хорошее настроение, забота и нежность близких, исполнились самые заветные желания, а новая весна подарила много светлых и радостных дней, благополучие и счастье!»

Таким образом, все эти открытки, присланные от имени официальных лиц, вызывают положительные эмоции и благодарность адресантам.

В рамках одной статьи нам не удалось завершить комплексное исследование всех открыток домашнего архива семьи Ивашиных. Однако мы хотели бы отметить некоторые важные моменты:

1. Открытка как жанр занимала и занимает важное место в коммуникации людей.
2. Текст поздравительной открытки имеет определенную композицию, которая может включать и переменные элементы.
3. Как правило, отправитель старается передать определенные чувства, для чего обычно использует эмоционально окрашенные слова. Данная лексика несет и смысловую нагрузку, и вызывает позитивное, радостное отношение.
4. Сопоставление текстов частных почтовых отправлений и официальных поздравлений позволяет увидеть как черты сходства, так и черты различия.

Дальнейшее исследование гипержанра «поздравление» будет связано с сопоставлением текстов, написанных отправителем, и открыток, содержащих готовые тексты. Кроме того, мы хотели бы сосредоточить внимание на языковых особенностях текстов поздравительных открыток.

Литература

1. Бутыльская Л. В. Коммуникативная полифункциональность русской поздравительной открытки // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Филология, история, востоковедение. 2014. № 2 (55). С. 12–15.
2. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М. : КРАСАНД, 2011.
3. Родионова А. Е. Открытка как феномен художественной культуры: (На материале русской открытки конца XIX-начала XX века) : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Рос. ин-т переподготовки работников искусства, культуры и туризма. М., 1995.
4. Самбур М. В. Открытка в контексте культуры: атрибуция, научное описание, экспонирование: автореферат дис. ... канд. истор. наук: 24.00.03 [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. М., 2014.
5. Ткаченко С. О. Открытка в динамике культурно-коммуникативного пространства советской эпохи : дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2021.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МЕССЕНДЖЕРОВ КАК СПОСОБ МОТИВАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НА УРОКАХ РКИ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее популярные варианты аудиовизуального контента мессенджеров и обосновывается актуальность использования мессенджеров в качестве вспомогательного средства обучения в условиях цифровизации лингводидактики.

Ключевые слова: мультимедиа, электронная лингводидактика, цифровизация, мессенджеры, аудиовизуальный контент

Dubrovskaya E.M.
*Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia*

USING THE MULTIMEDIA CAPABILITIES OF MESSENGERS AS A WAY TO MOTIVATE COGNITIVE ACTIVITY IN RFL LESSONS

Abstract. This article discusses the most popular audio-visual content in instant messengers and substantiates the relevance of using instant messengers as a learning tool in the context of the digitalization of linguodidactics.

Keywords: multimedia, e-linguodidactics, digitalization, messengers, audiovisual content

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект № С22-29.

Развивающиеся с каждым днем технологии и популярность гаджетов в современном мире позволяет все чаще использовать как сами гаджеты, так и отдельные приложения, на них устанавливаемые, на уроках русского языка как иностранного. В связи с пандемией Covid-19, вызвавшей необходимость перемещения множества привычных процессов в дистанционный формат, многие аспекты жизни перешли в онлайн, и после того, как пик пандемии прошел, многие люди продолжили активно пользоваться социальными сетями и мессенджерами, осознав, что в каких-то моментах дистанционное общение действительно оперативнее и, в какой-то мере, легче.

Для каждого иностранного студента его мобильное устройство является одним из наиболее важных посредников для общения в стране изучаемого языка, используясь и как оперативный онлайн-переводчик, и как средство связи с преподавателем, одногруппниками, русскими студентами, сотрудниками международного отдела, арендодателем и др. Из-за возможности мобильных переводчиков распознавать и переводить текст при наведении камеры на требуемый фрагмент (фотопереводчик) существенно снижается способность к запоминанию и заучиванию новой лексики и конструкций у иностранных студентов:

- на уровне моторики: незнакомые слова не записываются студентами, им не нужно пытаться самостоятельно набрать слово в переводчике, чтобы выяснить перевод;
- на когнитивном уровне: нет необходимости устанавливать грамматические связи между словами, следовательно, осознавать закономерности в изучаемом языке;
- на визуальном уровне: графический облик слова не фиксируется в сознании студентов;
- на психологическом уровне – студент убежден, что фотопереводчик или переводчик голосовых фрагментов поможет ему в любой коммуникативной ситуации, что негативно отражается на способности формулировать высказывания.

Таким образом, преподаватель вынужден все чаще прибегать к различным хитростям, чтобы мотивировать познавательную деятельность иностранных студентов.

Одной из таких хитростей может стать использование аудиовизуального контента мессенджеров, а именно, мемов, интернет-открыток и коротких видеороликов, которые регулярно пересылаются пользователями. К слову, эффективнее использовать и разбирать на занятиях неадаптированные материалы для более успешной подготовки к реальной

коммуникации. В практике преподавания РКИ использование мессенджеров позволяет сделать процесс обучения непрерывным, более интенсивным и результативным. Рассмотрим некоторые способы.

Внеаудиторно преподаватель может отправлять в чат со студентами различные короткие голосовые сообщения с правильным произношением слов и фраз, блоки предложений с новой лексикой или грамматическими правилами. Студенты же сразу выполняют задания и отвечают в общий чат или лично преподавателю [Павлов 2020, с. 408]. Для учащихся такой подход становится возможностью регулярно оставаться в процессе обучения, а преподаватель видит четкую зафиксированную картину успеваемости и вовлеченности студентов. Посредством мессенджеров сами студенты могут практиковать устную и письменную диалогическую речь. В общих чатах появляется возможность инициировать и моделировать искусственные речевые ситуации. К примеру, студент кратко пишет о событии, которое с ним произошло, а остальные учащиеся задают вопросы, чтобы выяснить больше информации. Кроме того, в мессенджерах нажатием пары кнопок можно создавать групповые аудио- и видеозвонки для разговорной практики вне стен учебного заведения [Кетебаева 2020, с. 1857].

У использования мессенджеров на уроках имеется ряд преимуществ. Во-первых, психологическая составляющая – то, как студенты воспринимают обучение с помощью мессенджеров. В сознании учащихся стираются границы между развлекательной и образовательной средой, а преподаватель становится не экспертом, а равноправным участником общения [Тимошина 2021, с. 258]. Во-вторых, мессенджер выступает в роли облачного хранилища учебной информации – все сообщения сохраняются, а студент может в любой момент вернуться к необходимому материалу. В-третьих, данный канал связи позволяет быстро обмениваться медиафайлами, что на начальном уровне обучения упрощает, например, семантизацию слов и выражений без использования языка-посредника или может стать отличным способом введения нового лингвокультурного материала.

Культурологический компонент включает два аспекта знаний: знание основ иноязычной культуры и знакомство с представителями национальной культуры иноязычной страны [Дрога 2015, с. 91]. На наш взгляд, взаимодействие преподавателя со студентами посредством мессенджеров способствует скорейшей аккультурации иностранных учащихся и интенсификации процесса овладения языком.

Мы предлагаем использовать в лингводидактических целях следующие виды аудиовизуального контента мессенджеров РКИ: мемы, интернет-открытки, видеоролики. Рассмотрим каждый из перечисленных видов контента подробнее.

Интернет-мем – наиболее распространенное средство, используемое на занятиях по русскому языку как иностранному. Для массового пользователя интернета данный термин означает более конкретное явление. Это «сложное ментальное образование, представляющее собой единицу информации, передаваемую посредством сети, содержащую вербальную часть (текст) и паралингвистическую (картинка) и совместно продуцирующую какую-либо идею онлайн сообщества» [Марченко 2013, с. 114].

Сейчас мемы чрезвычайно популярны как в социальных сетях, так и в мессенджерах. Тематический диапазон мемов настолько велик, что практически в любой ситуации довольно легко найти единицу, отражающую какое-либо явление, актуальное для любой группы пользователей. Мем, в первую очередь, является четким показателем культурнозначимых стереотипов и ценностей данного языкового общества. Также нельзя упускать из внимания полимодальность мемов. Большинство из них представляют собой креолизованный текст, то есть, синтез визуального и вербального кодов. Таким образом становится возможной реализация принципа наглядности, ведь информация поступает посредством двух каналов. Создается «зрительная опора мыслительных механизмов, планирования и протекания речевой деятельности, формируются речевые автоматизмы» [Гончаренко 2016, с. 15]. Кроме того, использование интернет-мемов на уроке РКИ позволяет повлиять на вовлеченность студентов в процесс обучения. Мультимедийная наглядность, эмоциональность, а также общий юмористический характер мемов не только повышают мотивацию студентов и побуждают их к непроизвольной активности, но также снимают напряженную обстановку урока, и создают неформальную атмосферу, стирая границу между учеником и учителем. При этом практически всегда можно осуществить выход на формирование лингвокультурной компетенции, обсудив интернациональные и характерные для какой-то конкретной культуры виды мемов.

Следующим вариантом аудиовизуального материала, используемого на уроках РКИ, являются поздравительные открытки, популярные в русскоязычной среде. Несмотря на кажущуюся несерьезность и заведомо развлекательный характер передачи информации, открытки имеют и педагогическую ценность, могут способствовать приобщению к культуре страны изучаемого языка, могут поддаваться анализу и расшифровке. Поздравление мы, вслед за Л.В. Бутыльской, рассматриваем как «своеобразный закодированный текст, состоящий из элементов разнообразных знаковых систем, которые выполняют кумулятивную (накопительную) функцию в трансляции культуры и потому выступают в качестве кодов культуры» [Бутыльская 2013, с. 67]. Так как текст и визуал интернет-открыток составляется представителями определенной лингво- и этнокультуры, открытка отражает национально-культурную специфику, историю, традиции, опыт, мироощущение, и все это представлено в знаково-символьной системе визуальных компонентов открытки или в вербальной составляющей текста поздравления.

С расширением аудитории мессенджеров культура поздравлений в них значительно трансформировалась: помимо поздравлений на общепризнанные и традиционные для культуры праздники (дни рождения, Новый год, религиозные праздники), появились поздравления на менее культурно-значимые события (День любви, семьи и верности, профессиональные праздники и пр.), а также распространилась традиция желать доброго утра и спокойной ночи собеседникам практически ежедневно – обилие аудиовизуального контента позволяет не повторяться изо дня в день.

В русской лингвокультуре существует определенный набор символов, однозначно трактуемый носителями лингвокультуры как показатели успешности и достатка (цветы, конфеты, пачки денег, технические устройства, дорогие автомобили и др.), а также ряд символов, являющий собой представления народа об уюте и спокойствии (чайные приборы, милые домашние животные, растения в горшках, выпечка, свечи и др.). Есть ряд специальных сайтов, где можно найти открытки для последующей отправки – как исключительно с визуальным компонентом, так и с вербальной составляющей (в виде стихов, нерифмованных пожеланий, шуток, языковых игр и др.).

Являясь сложной знаковой системой, «открытка всегда отражает вкусы, пристрастия, эстетику, технологии и государственный строй тех годов, в которые она была создана» [Каримова 2008, с. 103]. Открытки же, пересылаемые в мессенджерах, зачастую отражают в своем составе приметы времени (как например, визуальные компоненты в виде масок, шприцов с вакцинами и защитных костюмов в период пандемии Covid-19), иными словами, мы можем говорить о том, что именно интернет-открытки фиксируют важные аспекты социальной и культурной жизни страны в текущий момент времени. При этом интернет-открытка несет в себе большой объем информации о национально-культурной специфике страны изучаемого языка, что выражается в использовании: прецедентных феноменов (устойчивые выражения и узнаваемые образы в составе открытки); традиционных атрибутов конкретных праздников или праздников в целом; общепринятых показателей достатка (автомобили, гаджеты определенных марок); обращений к характерным для русской культуры и религии праздникам (Масленица, Медовый спас); характерных для русского быта предметов (самовары, зефир, конфеты определенных марок).

На наш взгляд, работа с интернет-открытками способствует не только приобретению и усвоению знаний о стране изучаемого языка, но и выступает как фактор развития коммуникативной компетенции учащихся и основой для реализации общения в социальных сетях и мессенджерах с неподготовленными носителями русского языка.

Третьим вариантом аудиовизуального материала, который, на наш взгляд, можно успешно использовать на уроках РКИ, являются короткие видеоролики. Их преимущество заключается в том, что, в отличие от мемов и открыток, в процессе обучения они стимулируют и зрительный, и слуховой каналы восприятия информации – аудиодорожка поддерживается динамичным визуальным рядом, что кратно увеличивает вероятность корректного понимания материала.

Мы полагаем, что целесообразно использовать в обучении РКИ именно короткие видеоролики, поскольку они хорошо прижились в современной Интернет-коммуникации – ими обмениваются пользователи разных возрастов как на специализированных платформах (TikTok, Likee, Instagram Reels и т.д.), так и во всевозможных мессенджерах. Использование коротких видеоматериалов на уроках РКИ обладает некоторыми преимуществами перед, например, использованием в дидактических целях полнометражных фильмов.

В первую очередь, как уже сказано выше, такие ролики очень часто встречаются и крайне популярны в русскоязычной Интернет-среде, соответственно они являются ценным страноведческим материалом, полезным для формирования культурологических и фоновых знаний о стране и носителях изучаемого языка. Также широкая популярность подобного мультимедийного материала мотивирует вовлеченность студентов в процесс обучения. С методической же точки зрения также есть несколько положительных моментов. Во-первых, небольшой хронометраж видеороликов позволяет проигрывать их во время занятий, и подробно разбирать каждый отдельный фрагмент в рамках аудиторной работы. Во-вторых, при подготовке к проведению занятия несколько коротких видеороликов гораздо проще и быстрее обработать, нежели длинные фрагменты, что несомненно облегчает деятельность преподавателя. В-третьих, маленькие видео в большинстве своем имеют один сюжет, поэтому учащимся будет проще понять и усвоить предлагаемый для изучения материал.

Подводя итоги всего вышесказанного, хотелось бы отметить, что предложенные нами варианты способствуют скорейшей интеграции в инокультурную среду.

Литература

1. Броди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. М. : Поколение, 2007.
2. Бутыльская Л. В. Социокультурный феномен открытки (на примере русской свадебной открытки). Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2013.
3. Гончаренко Н. В. Мультимедийная наглядность как новый уровень учебного познания в преподавании русского языка как иностранного. Прага : НИЦ Социосфера, 2016.
4. Дрога М. А. Лингвокультурологический компонент на уроках РКИ (на примере игры-викторины) // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 91–93.
5. Каримова Л. Н., Макеева С. О. Использование поздравительной открытки на уроках английского языка. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008.
6. Кетебаева А. С. Формирование коммуникативной компетенции с использованием мессенджеров при обучении разным видам речевой деятельности // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием). Оренбург, 2020.
7. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. 2013. № 1. С. 113–115.
8. Павлов А. И. Мессенджеры на занятиях РКИ // Вызовы и тренды мировой лингвистики. Казань, 2020.
9. Тимошина Д. В. О возможностях использования мессенджеров в образовательном процессе (из опыта преподавания русского языка как иностранного). М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021.

Дугина Л.П.

*Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия*

ОБРАЗ ВОЛГИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ К. ЕРЫМОВСКОГО

Аннотация. Художественные тексты К. Ерымовского представляют собой не только источники, репрезентирующие региональную картину мира, в рамках которой можно выделить такие понятия, как *река, ловцы, волгари* и др., но и являются носителями художественных образов, передающих авторскую позицию.

Ключевые слова: образ реки, региональная картина мира, идиостиль

Dugina L.P.

*Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

THE IMAGE OF THE VOLGA IN A ARTISTIC TEXT K. ERYMOVSKY

Abstract. Literary texts by K. Yerymovsky are not only sources representing the regional picture of the world, within which it is possible to distinguish such concepts as a river, hunters, volgars, etc., but also are carriers of artistic images that convey the author's position.

Keywords: the image of the river, the regional picture of the world, the idiostyle

Астраханский писатель К. Ерымовский концентрирует свое внимание на изображении родной для него местности и людей, ее населяющих. Как отмечает Тупикова Н.А., язык произведений писателя, связанного с краем биографически, не только дает представление о месте региональных языковых особенностей в системе русского языка, но и ориентирует восприятие личности на постижение образов «малой» родины, представленной как микро-модель мира с двух полноценно значимых сторон: уникальной территории, местности, отличающейся от других земель, и части целой страны [Тупикова 2002, с. 47].

Художественные тексты К. Ерымовского не только представляют собой источники, представляющие региональную картину мира, в рамках которой можно выделить такие понятия, как *река, ловцы, волгари* и др., но и являются носителями художественных образов, передающих авторскую позицию.

Стиль писателя, прежде всего, обусловлен доминантными для астраханского региона природными особенностями, а также связанным с ним основным промыслом населения.

На наш взгляд, именно региональные художественные тексты, во-первых, являются подлинными хранителями региональной лексики, так как в них эта лексика материально зафиксирована и использована автором осознанно. Во-вторых, региональный текст – это отражение картины мира через призму индивидуальности писателя.

Исследование идиостиля писателя «как некоего закономерного единства, системы, обладающей специфической кристаллической структурой» [Лихачев 1993, с. 3–9], представляет особый интерес, так как языковая структура индивидуально-авторского стиля отражает все многообразие языковых средств, которые писатель применяет для формирования и презентации регионального образа в рамках художественного текста.

Материалом для исследования послужила повесть К. Ерымовского «Капитанская вахта», которая отражает «образ» Волги, а также индивидуально-авторский стиль писателя.

Художественный «образ» Волги в произведении К. Ерымовского воспринимается как конкретный образ реки через символизацию и мифологизацию ее уникальных свойств. Например, **«...каким могучим, небывалым тружеником является великая русская река. Десятки железных дорог не справились бы с потоком грузов, который поднимала Волга»**. Или, **«Волга неумоимо выполняла свою титаническую работу: несла воды к дельте, поила Каспий, орошала прибрежные поля и сады, давала жизнь городам и селениям, украшала их зеленью, на могучей спине несла пароходы и тяжелейшие грузы, вращала лопасти самых мощных в мире турбин, волновала сердца вечно юной красой, раздольными просторами»**. Автор рисует перед читателем могущественного, неумоимого титана, который может справиться с любой работой.

«Образ» Волги передает элемент смысла, который не представлен в общезыковых сравнениях, но несет ценную лингвокультурологическую информацию.

Вслед за Николиной Н.А. отметим, что «словесные образы в художественном тексте отражают ту или иную картину <...>» [Николина 2003, с. 77], различные аспекты которой запечатлены в зрительных, звуковых и других образах. Например, **«Гляди! Волга! – Деревушкун показал Волгу, как свой дом. – Пройдешь по реке, будто кино посмотришь, весь флот увидишь. Ты примечай, как вода меняет цвет. Ко всему восприимчива: облачко пробежит, лесок мелькает – все отражается... // И берег, и река как бы замерли, прислушиваясь, ожидая восхода солнца/ пароходный свисток вспугивает тишину»**.

Не менее интересным представляется и то, что писатель использует сравнения, которые закрепляют различные ассоциации, например, **«Когда на плесе стало несколько тише и яснее, послышалось беспрестанное успокаивающее движение воды, мысли Чернобровина приняли спокойное течение // А Волга велика! Человек на ее берегах и плесах, что песчинка»**.

Отметим метафорическое словоупотребление, которое «выступает как ведущий принцип лексико-семантической организации текстового фрагмента...» [Николина 2003, с. 82]. Например, **«здесь создавались и неумирающие песни, воспевающие русскую удаль, русский размах и вольную жизнь, – такую полную, как половодье, что собиралось со всей русской земли»**. В данном фрагменте Ерымовский повествует о волжских песнях, на которых вырастит не одно поколение людей.

С точки зрения Огольцева В.И., «представление, будучи результатом непосредственного ощущения, значительно осложняется семантическими наслоениями тех слов-понятий,

которые участвуют в его выражении, и теми семантическими взаимосвязями этих слов-понятий, которые обнаруживаются в компаративной структуре» [Огольцев 1978, с. 44].

Упоминание реки также является источником сведений о характере и об образе жизни волжан. Например, с детства Черновбровину было свойственно «**чувство Волги**» – ни с чем не сравнимое чувство **прирожденного волгара**. Тому, кто с малых лет плескался в волжских водах, впитывая их силу и свежесть, жизнь реки невыразимо близка, река входит в его жизнь, как что-то всегда необходимое, дорогое// Река растила и закаляла умельцев-волгарей...

Проводя анализ примеров, взятых из повести астраханского писателя, можно отметить, что «образ» – это путь от слова к художественному образу, в котором «зримо представит нам соответствующий предмет изображения» [Ингарден 1962, с. 24], а также его личный опыт, отношение к той или иной ситуации, собственное восприятие автором окружающей действительности, иными словами – авторский стиль. Мы видим, что «образ» Волги выполняет в текстах функцию тематической организации.

Таким образом, в своих произведениях К. Ерымовский использует различные средства художественной выразительности языка, которые являются характерной особенностью индивидуально-авторского стиля, способствуют созданию местного колорита, раскрывают не только образы персонажей, но отображают авторскую позицию.

Литература

1. Ингарден Р. Исследование по эстетике. М. : Ин. лит-ра, 1962. 572 с.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
3. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
4. Огольцев В. И. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 160 с.
5. Тупикова Н. А. Характерологическая функция именной и глагольной лексики в рассказах Е.А. Кулькина // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2002. Вып. 2.

Ерещенко М.В.
*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ УЧЕБНЫХ КУРСОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. Развитию коммуникативной компетентности иностранных студентов через навыки, основанные на интегрированных задачах- главная цель современного русскоязычного образования. Постоянно расширяющиеся возможности мобильного доступа к цифровым инструментам способствуют осмысленному обучению. Аутентичный дискурс, разные типы текстов дополняют, обогащают и расширяют знания о языке и облегчают процесс обучения языку.

Ключевые слова: цифровые инструменты, информационная система, обучение на основе данных, корпусные технологии, русский язык как иностранный

Ereshchenko M.V.
*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

DIGITAL MODEL OF TRAINING COURSES IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The development of the communicative competence of foreign students through skills based on integrated tasks is the main goal of modern Russian-language education. The ever-expanding possibilities of mobile access to digital tools contribute to meaningful learning. Authentic discourse, different types of texts complement, enrich and expand knowledge about the language and facilitate the language learning process.

Keywords: digital tools, information system, data-based learning, corpus technologies, Russian as a foreign language

Иностранному гражданину, получающему высшее образование в России, для решения стандартных коммуникативных задач должен владеть навыками работы в российских информационных системах (ИС), знать состав и структуру, теоретические основы построения ИС, их виды, методы адаптации и настройки.

Для принятия решений, постоянного и успешного взаимодействия с российскими партнерами иностранному специалисту крайне важно владеть терминологическим и понятийным аппаратом, коммуникативными компетенциями, позволяющими приобретать знания и развивать навыки в сфере современных цифровых «сквозных» технологий, в области работы с большими данными и системами искусственного интеллекта.

В сфере обучения языку специальности и развития определились базовые тренды. Рассмотрим некоторые из них.

№ 1. Lifelong learning – непрерывное развитие профессиональных, надпрофессиональных и личных компетенций в течение всей жизни. Образовательные траектории становятся уникальными.

№ 2. Временная компрессия и конкуренция за внимание. Требование к онлайн образованию – все время быть в визуальном контакте, осуществлять постоянное взаимодействие и каждую секунду создавать участникам новый ценный опыт.

№ 3. Появление понятия «учебный контент», включающий способы и возможности приобретения знаний, предоставляемые обучающимся в течение образовательного процесса.

№ 4. Конкуренция за вовлеченность и сопричастность. Повышение уровня вовлеченности студентов и создание условий для идентификации в конкретной аудитории.

№ 5. Гетерогенные команды: команды разных людей и глобальные команды.

№ 6. Смена директивных форматов: больше фасилитации и коучинга, меньше экспертизы.

№ 7. Комбинация форм и методов обучения: доминирует смешанный формат обучения.

№ 8. Развитие образовательных платформ. Интеграция образовательных продуктов и различных сервисов в одной системе.

№ 9. Микро- и макро-обучение.

№ 10. Управление знаниями: сбор, адаптация, организация и обновление контента.

№ 11. Высокий уровень вовлеченности, контакта и эмпатии.

№ 12. Agile project. Сокращение горизонта планирования.

№ 13. Эдьютейнмент (education + entertainment).

№ 14. Создание и развитие собственных образовательных трендов.

№ 15. Принцип доступности и глобальности реализуется через цифровую платформу.

Оптимизация процесса обучения происходит за счет цифровой доступности. Развивается цифровая модель обучающих курсов по русскому языку как иностранному. Активно внедряется обучение на основе данных (data-driven learning или DDL). DDL – это педагогический подход, при котором учащиеся непосредственно взаимодействуют с корпусными данными в форме либо печатных материалов, либо электронных корпусов. Использование инструментов корпуса позволяет учащимся анализировать, сопоставлять и усваивать статистическую и контекстуальную информацию об изучаемом языке.

Так, студент может изменять диапазон выходных данных, запрашивая данные, манипулируя ими и визуализируя их, включая совпадения слов запроса с окружающим контекстом, статистическую информацию в виде частотных списков или списков словосочетаний, а также все более визуальные или мультимодальные формы данных [Zubareva 2020, p. 963].

DDL часто описывается как «индуктивный» подход к обучению, при котором активное взаимодействие учащегося с корпусными данными приводит к повышенному вниманию к форме и особенностям языка [Schmidt 1990, p. 131]. В таких случаях нет необходимости запоминать абстрактные правила учебника, а развитие ряда конструктивистских навыков, коррелируются с улучшенными методами обучения [Ерещенко 2016, с. 142].

В качестве примера приведем кейс интеграции электронных открытых баз данных: во время занятия через удобный интерфейс студентам предоставляется цифровой доступ к объединенным цифровым архивам «Толстой.ру», «Культура РФ», «Мир Достоевского», «Национальный корпус русского языка». Оптимизация единого центра информации осуществляется за счет цифрового геймифицированного каталога. Для повышения производительности используются цифровые инструменты: цифровой квиз, технологии game orep или game pass, цифровой проект. Универсальным решением для совместной работы в команде могут стать платформы «Padlet», «Miro», где возможна постановка задач, создание временных шкал, чата, Канбана, Scrum, отслеживание времени и многое другое.

Инновационные корпусные технологии значительно эффективнее надуманных примеров из учебников: они способствуют развитию логики высказывания, предупреждению коммуникативно значимых ошибок в устной и письменной речи иностранных учащихся [Tazapchiyan 2018, p.653]. Технология корпусов продолжает развиваться и совершенствоваться. В качестве примера проиллюстрируем возможности работы с «Национальным корпусом русского языка». Так, например, лексико-грамматический поиск фразы «зайти в...» предоставил возможные варианты коллокаций: 4 454 документа и 9 050 примеров. В отличие от поиска точных форм, при лексико-грамматическом поиске есть возможность задать целые наборы условий, задать лемму, грамматические или семантические признаки, указать расстояние между словами в запросе.

Left context	Center	Right context
сходили пообедать, вернулись на работу, потом	зашли	в одно место, потом забежали к
пошли гулять, дождь начался и они	зашли	в новый супермагазин... пошли гулять по
Может	зайти	в класс и сказать «Спрашиваю всех
в прошлом году ходила по садам...	зашла	в садик в один, детки гуляют
Приехали в торг. центр,	зашли	в один обувной, второй, надо туфли
по дороге из детского сада мы	зашли	в продуктовый магазин.
Так, если вы	зайдёте	в музей или театр, ваш мобильный
	Зайдя	в магазин или на рынок, чтобы
	Зашли	в буфет.
Недавно	зашла	в книжный магазин, увидела том с
Потом ей понадобилось	зайти	в косметический магазин за ночным кремом.

Постоянно расширяющиеся возможности мобильного доступа к цифровым инструментам также побуждают учащихся использовать DDL для нужд повседневного общения. Эти потребности могут варьироваться от очень простых коммуникативных действий к более сложным академическим задачам [Ерещенко 2017, с. 582].

Очевидно, что изучение языков с помощью корпусов не является панацеей. Необходимо учитывать различные стили обучения. Корпусный подход может быть демотивирующим, если его использование становится механическим.

Однако грамотное использование DDL вызывает у учащихся чувство успеха, прогресса и ответственности. Мы можем выделить четыре этапа работы с корпусом:

1. конкретный опыт;
2. наблюдение с размышлением;
3. концептуализация;
4. экспериментирование.

Корпусный подход может успешно использоваться при обучении русскому языку как иностранному, поскольку предоставляет аутентичный языковой материал, дополняя и обогащая существующие подходы.

Литература

1. Ерещенко М. В., Качан Ю. Е. Аутентичность текста в рамках коммуникативно-когнитивного подхода в обучении иностранному языку // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 578–583. EDN ZUFMTN.
2. Ерещенко М. В., Зубарева С. С. Особенности языковой ментальности в контексте теории поколений: социолингвистический анализ // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4-1. С. 140–143. EDN VSEDWL.
3. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (по состоянию на 15.09.2022).
4. Schmidt R. The Role of Consciousness in Second Language Learning1, Applied Linguistics, Volume 11, Issue 2, June 1990, P.129–158. URL: <https://doi.org/10.1093/applin/11.2.129>.
5. Tazapchiyan R. M., Ereshchenko M. V., Shapovalova E. Y., Rogacheva T. D. The success criterion of a communicative act // 5th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018 : Conference proceedings, Albena, Bulgaria, 2018. P. 651–656. DOI: 10.5593/sgemsocial2018/3.6/S14.084.
6. Zubareva S. Socio-cultural Identity of the Digital Generation in the 21st Century: Cultural and Philosophical Analysis // Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives, Proceedings of the Conference “Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives”, 25–27 March 2020, St. Petersburg, 2020. P. 960–968. DOI 10.1007/978-3-030-47415-7_103. EDN ROZMRG.

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ АДАПТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ РКИ)

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования навыков письменной речи на уроках русского языка как иностранного через использование диктанта. Отмечаются его преимущества как одного из эффективных средств работы на уроках РКИ. В свете дистанционного обучения особую актуальность приобретают интерактивные формы обучения. Меняются и традиционные формы проведения диктантов, что определяется особенностями онлайн-обучения. В статье приводятся разнообразные формы проведения диктантов, которые применялись в процессе преподавания русского языка как иностранного арабским студентам в период дистанционного обучения.

Ключевые слова: диктант, дистанционная форма, письмо, начальный этап, коммуникативный подход

Ermakova N.L., Mohammad Amar
Oryol State University named after I.S. Turgenev,
Orel, Russia

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF WRITTEN SPEECH (USING THE EXAMPLE OF ADAPTED TEXTS OF THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation of writing skills in the lessons of Russian as a foreign language through the use of dictation. Its advantages are noted as one of the effective means of working at RFL lessons. In the light of distance learning, interactive forms of learning are of particular relevance. The traditional forms of conducting dictations are also changing, which is determined by the peculiarities of online learning. The article presents various forms of conducting dictations, which were used in the process of teaching Russian as a foreign language to Arabic students during distance learning

Keywords: dictation, distance form, writing, initial stage, communicative approach

Методика обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ) постоянно совершенствуется. Поиск наиболее оптимальных средств является актуальной проблемой в преподавании, так как они направлены на повышение языковой компетенции иностранных студентов. Наблюдения показывают, что именно диктанты имеют большое значение при обучении РКИ, особенно на начальном этапе. Их использование помогает развивать фонематический слух, навыки аудирования, сформировать графические навыки письма на русском языке, способствуют запоминанию материала. В то же время преподаватель с их помощью может определить, есть ли прогресс у ученика или нет. Конечно же, диктанты на уроках РКИ имеют свои специфические особенности и направлены не только на контролирование и оценку знаний, но и формирование определенных коммуникативных компетенций.

При характеристике диктантов обратимся к работе Тихомировой Е. А., в которой автор обобщает и дает характеристику отдельных видов диктантов [Тихомирова 2018, с. 919]. Так она называет дословные или текстуальные диктанты, выборочный диктант (предполагает отдельные записи слов или словосочетаний согласно заданию), свободный диктант (он приближается к пересказу), творческий диктант, представленный разными видами упражнений, самодиктант, направленный на развитие орфографии и пунктуации, навыков письменной речи. Конечно, названные виды диктантов применительны на базовом и сертификационном уровнях обучения РКИ. А какие формы диктанта можно использовать на начальном (элементарном) уровне обучения русскому языку иностранных студентов? Это и определяет актуальность нашей статьи.

Цель – определить формы работы с диктантом как с упражнением, одновременно обучающим и контролирующим, на начальном уровне изучения РКИ в условиях дистанционного обучения.

Тенденции современного обучения предполагают использование онлайн обучения или отдельных дистанционных форм, в том числе и на уроках РКИ. В связи с этим возникают некоторые вопросы или можно сказать проблемы в применении традиционных методов обучения с учетом современных тенденций. Среди них особое место отводится диктанту, целью которого является овладение навыками письма, формирование и развитие каллиграфических способностей. Проведение диктанта в его традиционной форме вызывало сложности в дистанционном формате, что связано со звуковым восприятием текста: было искажение звуков, возникала необходимость частого повторения текста. Связи с этим возникла необходимость использования новых форм проведения диктантов с учетом онлайн-обучения. При их выборе помог опыт работы проведения ежегодной акции Тотальный диктант на площадке TRUD для иностранных студентов, когда участникам предлагались грамматические задания, связанные с визуальным восприятием текста.

Нужно отметить, что при начальном обучении РКИ особенно полезны диктанты фонетические, буквенные, слоговые, словарные и фразовые, а также интонационные диктанты. Конечно, при их проведении мы учитываем особенности русской фонетики, которая может быть трудной для арабских и африканских студентов (озвончение и оглушение согласных в зависимости от позиции в слове, редукция гласных).

Для работы на уроках были разработаны различные методы проверки знаний и формирования письменных навыков. Дадим характеристику некоторым из них.

1. Диктанты на проверку лексического материала. Например, предлагается определить звук и написать недостающую букву в слово. Так тренируется зрительное и аудиовосприятие слов.

**С...к, с...п, др...г, кл...б, зав...д, ...кно, гор...д, ...дин, сл...варь,
с...кретарь, с...стра, инж...нер, кн...га, р...ка, сев...р, стр...на, б...блиотека,
дев...ть, ...таж, мат...матика, т...традь, т...л...визор, ш...сть, с...мья, н...деля.**

2. Диктанты на проверку грамматического материала. Например, составьте из предложенных слов фразы.

- институт, это, наш.
- дядя, работать, мой, здесь.
- он, преподаватель.
- Владимир Николаевич, зовут, его.

3. Одной из форм письменной речи является непосредственно письмо, так как оно рассматривается как продуктивный вид речевой деятельности, помогающий выразить свои мысли и чувства. Но, как показывает практика, студенты с неохотой выполняют письменные задания, поэтому возможно предложить варианты спонтанного, или креативного письма. Они представляют собой «упражнения продуктивного характера различной степени сложности, разнообразные по форме и содержанию, часто имеющие игровую форму». [Юсупалиева 2019, с. 234] Студенты выполняют эти упражнения в письменной форме, а по своему содержанию они носят речевой творческий характер.

Например, при выполнении данного вида задания происходит развитие письменной и устной речи. Это восстановительные диктанты, которые можно использовать во время повторения любой изученной темы:

Прослушайте текст, допишите предложения (первое ознакомительное чтение, второе чтение — студенты записывают).

1. Меня зовут... Я учусь в ... и живу в ... Моя семья живет в... Я учу Я люблю...

(Вариант правильного написания появляется после написания студентом диктанта)

Прослушайте вопросы, напишите ответы (первое ознакомительное чтение, вопросы на слайде, второе чтение — студенты записывают).

2. Как тебя зовут? Кто ты? Где ты живешь? Где ты учишься? Что ты любишь?

Следующий вид работы позволяет формировать навыки работы с интонационными конструкциями и грамматическими компонентами предложения:

Студенты слушают первичное чтение. Записывают они только определенную информацию.

Например: Слушайте (первое ознакомительное чтение, второе чтение – студенты записывают) и выпишите только вопросительные предложения.

Что это?	Это Комсомольская улица.
Это ручка.	Где ты живешь?
Это синяя ручка?	Я живу в Египте.
Да, это синяя ручка.	Где ты учишься?
Как тебя зовут?	Я учусь в университете.
Меня зовут Антон?	Какая красивая девушка!
Какая это улица?	Да, красивая.
	Какие красивые цветы!

Таким образом, на уроках РКИ, проводимых в дистанционной форме, возможно использовать различные формы работы с диктантом, связанные с визуализацией выполняемых заданий. Сам диктант в преподавании РКИ, конечно же, является важным и эффективным средством обучения, активно работающим инструментом для проверки знаний у студентов. Использование различных видов диктантов во время занятий создает непринужденную атмосферу и атмосферу сотворчества, направлено на развитие бессознательного мышления.

Литература

1. Тихомирова Е. А. Диктант как вспомогательный материал при коммуникативном обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе (из опыта работы на начальном этапе обучения в итальянском вузе в первом семестре). М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. С. 918–926.

2. Юсупалиева Л. Н. Роль диктанта в методике преподавания русского языка как иностранного // Проблемы толерантности и социокультурной интеграции в поликультурной образовательной среде российского вуза : материалы VII научно-практической конференции студентов и молодых ученых с международным участием (Астрахань, 12–13 декабря 2019 г.). Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2019. С. 392–395.

Есенова Г.Б.
Калмыцкий государственный университет
имени Б.Б. Городовикова,
г. Элиста, Республика Калмыкия

ОБРАЗ ЦАГАН ЯСН ‘БЕЛАЯ КОСТЬ, ЗНАТЬ, БОГАТЫЕ’ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ А.М. АМУР-САНАНА «МУДРЕШКИН СЫН»

Статья подготовлена по результатам реализации проекта РФФИ 20-312-90030 «Мир и образы калмыков в русском художественном тексте (на материале романа-хроники А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»)».

Аннотация. В статье анализируется образ *цаган ясн* ‘белая кость, знать, богатые’. Материалом исследования послужил роман-хроника основоположника современной калмыцкой литературы А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын», написанный на русском языке в 1925 г. Установлены общие признаки, характерные для всех рассмотренных в работе персонажей (большое имущество; особенности поведения: грубость, самодурство, рукоприкладство, заносчивость, высокомерие, пренебрежительное отношение к бедным). В связи с тем, что представители *цаган ясн* занимают определенное место в калмыцком социуме конца XIX – начала XX в., им свойственен ряд общих черт, делается вывод о выделении типажа *цаган ясн* ‘белая кость, знать, богатые’.

Ключевые слова: калмыки, богатые, А.М. Амур-Санан, роман-хроника «Мудрешкин сын», типаж

THE IMAGE OF TSAGAN IS CLEAR 'WHITE BONE, KNOW, RICH' IN THE CHRONICLE NOVEL BY A.M. AMUR-SANAN "MUDRESHKIN'S SON"

Abstract. The article analyzes the image of Tsagan yasn 'white bone, know, rich'. The research material was the chronicle novel of the founder of modern Kalmyk literature A.M. Amur-Sanan "Mudreshkin's Son", written in Russian in 1925. The general signs characteristic of all the characters considered in the work are established (large property; features of behavior: rudeness, tyranny, assault, arrogance, arrogance, disdain for the poor). Due to the fact that representatives of the Tsagan Yasn occupy a certain place in the Kalmyk society of the late XIX – early XX centuries, they have a number of common features, it is concluded that the Tsagan Yasn type is distinguished as 'white bone, nobility, rich'.

Keywords: Kalmyks, rich, A.M. Amur-Sanan, novel-chronicle "Mudreshkin's son", type

В романе-хронике калмыцкого прозаика А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» представлена галерея портретов калмыков конца XIX – начала XX в. Выделяются как индивидуальные портреты личностей, имеющих прототипы в истории, так и групповые, которые в обобщенном виде представляют социокультурный тип людей, характерных для калмыцкого общества рубежа XIX–XX вв. Ранее нами были изучены в данном романе образ матери [Esenova, 2020], образы женщин второго плана [Есенова, 2021], образ отца [Есенова, 2022]. Ниже сосредоточим свое внимание на образе богатого калмыка.

В калмыцком традиционном обществе выделялись классы людей по *ясн* 'кости': *цаган ясн* 'белая кость, знать, богатые' и *хар ясн* 'черная кость, простолюдины, бедные'. В рассматриваемом произведении широко представлены представители всех классов, в том числе *цаган ясн*. Это *нойн* 'князь' Гахаев, *зайсанг* Бегеле Онкоров, богатые калмыки Монцхор Джимбеев, Лидже Бугинов и др.

Первые два являются представителями калмыцкой степной аристократии (*нойн* – 'князь', *зайсанг* – 'представитель дворянского сословия'), унаследовавшими титул и состояние от предков. Вторые представляют собой класс богатых калмыков, неаристократического происхождения, владельцев обширных пастбищ и большого количества скота.

Несмотря на отдельные различия, в образах всех представителей *цаган ясн* имеются общие элементы. Главным общим признаком является богатство, которое у калмыков-скотоводов, как у всех монгольских номадов, сводилось к земле и скоту [Владимирцов 1934]. Все они владели землями, скотом, насчитывающим тысячи голов 4 видов скота (верблюдов, лошадей, овец, коров), которых традиционно разводят калмыки. «Богатые жили в свое удовольствие: держали много скота, имели много слуг и ничего не делали, почти не интересовались ничем, что выходило за грань их привычной жизни» [Амур-Санан 1987, с. 82].

Материальное богатство обусловило присутствие в их характере таких общих черт, как пренебрежительное отношение к знаниям, высокомерное, грубое отношение к бедным, вседозволенность в поведении и поступках, необузданный, взрывной темперамент и др. Автор дает следующую характеристику представителям данного социального класса: «Калмыки-дворяне (*нойоны* и *зайсанги*) – *цаган-ясн* – были типичными рабовладельцами. Суд и расправа, имущество *хар ясн*, их жены и даже жизнь принадлежала *зайсангам*. Обращение их с простолюдинами было безответственным, произвольным. Была охота *зайсангам* – их били, заставляли исполнять все желания и прихоти, отнимали жен у одних, передавали их другим, как вещь. Простолюдинов продавали, как скот, наказывали за пустяки. Отношение привилегированного класса к «черной кости» было сплошным насилием» [Амур-Санан 1987, с. 45].

Следующей общей чертой калмыцких аристократов является заносчивость, пренебрежительное отношение к простолюдинам. «Родовитые калмыки считали себя аристократами, стоящими выше *орудов*. У них всегда на устах: «У них хорошие корни, у них хорошее происхождение». Сами аристократы держались за родовой уклад, потому что при случае он давал возможность, не церемонясь, поступить с *орудом* так, как того требовали их интересы. С этим превосходно мирилась и это санкционировала общественно-родовая совесть. И никто из представителей рода

не подумал бы протестовать против самой вопиющей несправедливости, раз эта несправедливость была совершена в интересах рода» [Амур-Санан 1987, с. 32–33].

Их всех объединяет и то, что они ведут себя как хозяева, например, «запросто приезжали в юрту калмыка, имевшего красивую молодую жену. Если муж оказывал сопротивление, дело кончалось печально для мужа» [Амур-Санан 1987, с. 45–46]. Наконец, для большинства богатых калмыков книги были «рябой бумагой». Многие считали, что книги и образование допустимы только для богатых людей [Амур-Санан 1987, с. 82].

После выделения общих черт в характере калмыцких *цаган-яси* перейдем к рассмотрению образов отдельных их представителей.

Нойн 'князь' Гахаев. Князь Гахаев был типичным представителем калмыцкого нойонства, до 1892 года имел своих крепостных. После отмены крепостного права «за своих крепостных от казны и дворянского земельного банка получил несколько миллионов рублей. Ему было трудно, лишившись своих подданных, приноравливаться к новому быту, и немало неприятных историй пришлось пережить гордому и заносчивому князю» [Амур-Санан 1987, с. 46].

В своем *аймаке* он вел себя как полновластный хозяин. Так, «узнав, что у калмыка Шатурэ красивая молодая жена, Гахаев заявился к нему. Но неожиданно для князя муж оказал упорное сопротивление, и охочий до чужих жен нойон удалился с большим конфузом. Князь затаил злобу, и вскоре бедный Шатурэ угодил в Сибирь. Такое поведение белой кости вызвало у сынов черных отцов злобу и отвращение» [Амур-Санан 1987, с. 45–46].

Князь, по мнению автора, был большим самодуром и очень вспыльчивым человеком: «чуть что, начинал драться. Несколько раз он едва не побил меня» [Амур-Санан 1987, с. 57]. Князь-самодур вымещал злобу на своих подданных. Так, перепорол сотню ни в чем не повинных калмыков после того, как «царь Александр III в Минеральных Водах во время представления знатных дворян народов Северного Кавказа не подал ему руки» [Амур-Санан 1987, с. 46].

В тексте произведения приводятся многочисленные случаи избиения князем зависимых от него работников. Так, «нойон, черный, как грозовая туча, злой, как коршун, летел, минуя всех, прямо к товарищу. Засвистел хлыст...» [Амур-Санан 1987, с. 49]. Он мог для наказания ослушника, который лишь проскакал мимо кибитки князя, и в назидание потомству приказать каленым железом проткнуть мочку левого уха «бестактного человека», что означало урок виновному, чтобы он впредь «держал ухо остро» [Амур-Санан 1987, с. 45].

Князь вел себя необузданно не только среди своих работников-калмыков, но и среди чужих. Например, в Петербурге в Александринском театре, где у него была своя ложа, он устроил скандал и избил царского сановника, разбил ему глаз, а в качестве компенсации предложил пострадавшему сорок тысяч рублей. «Каково же было его изумление, когда его подарок не только не приняли, но ему пришлось вести еще пренеприятный разговор и немедленно отбыть на гауптвахту. Правда, он не особенно оскорбился этим и с успехом прокутил за две недели на гауптвахте сорок тысяч, которые от него отказались принять» [Амур-Санан 1987, с. 50].

Как представитель своего класса, Гахаев считал, что простолюдинам незачем учиться: «Учиться... ха-ха-ха! Учиться... Глупости все это! Учиться тебе незачем. Ты лучше поступай ко мне на конюшню... А сейчас ступай в баню, пусть тебя там вымоют хорошенько» [Амур-Санан 1987, с. 41].

У князя Гахаева Антон проработал несколько лет, посетил Москву, Петербург, Харьков, Варшаву, Екатеринодар по его заданию. Князь за труды давал ему, как и другим работникам, деньги, делал подарки, например, подарил пятнадцать испанских овец и барана, вещи, которые с удовольствием носил молодой человек, а на прощание – свой портрет. Гахаев неоднократно давал деньги на проезд отцу Антона, которые тот, на беду, пропивал. Больного тифом Антона князь отправил на лечение к *гелюngu*, знатоку тибетской медицины.

По обычаям родовитого дворянства того времени, Гахаев в молодости служил офицером в одном из привилегированных кавалерийских полков. В 1877 г., во время турецкой кампании, был добровольцем. Так как буддийское вероисповедание казалось несовместимо со званием офицера, Гахаев крестился, его восприемником был великий князь Михаил Николаевич; после чего стал называться Михаилом Михайловичем. «Это обстоятельство льстило самолюбивому князю и было причиной многих диких выходок заносчивого самодура» [Амур-Санан 1987, с. 46].

Автор, в соответствии со сложившимися в его сознании общественно-политическими взглядами, в целом негативно оценивает поведение и поступки князя Гахаева, обращает внимание, в основном, на недостатки поведения, отрицательные черты характера. Однако при всем негативном восприятии представителей дворянского класса автор признает: «он, видимо, хорошо относился ко мне и был добрым человеком, но в то же время был князем до мозга костей, со всеми предрассудками [Амур-Санан 1987, с. 57]. Симпатия автора прослеживается и при описании внешнего облика Гахаева: «Князь был видный мужчина, плотный. И одет был по-княжески: поддевка из тонкого сукна, сапоги лаковые, так и горят. На голове фуражка с красным верхом, с кокардой, на груди орден – Георгий» [Амур-Санан 1987, с. 48].

Таким образом, князь Гахаев соединяет в себе отрицательные (самодурство, драчливость, несдержанность, вспыльчивость, жестокость, пренебрежительное отношение к учению) и положительные (отзывчивость, доброта) черты характера. Негативные качества в его характере преобладают, поскольку, как считает автор, он был типичным представителем калмыцкой аристократии, чуждым нуждам бедноты.

Зайсанг Бегеле Онкоров. Бегеле Онкоров был одним из самых крупных повелителей Багацохуровского улуса. Одних лошадей у него было более восьми тысяч. Богач был страшно скуп: своих многочисленных работников он держал в черном теле: одним платил буквально гроши или давал на подой корову, а другим ничего не платил. Все перед ним трепетали. Имя его нельзя было произносить недостойными устами маленьких людей и можно было называть только иносказательно: Наш отец, Наш благодетель. Самым возмутительным в Бегеле Онкорове было то, что он являлся убежденным врагом народного образования. Он не только не учреждал школы, но даже мешал их устройству.

«Незачем вам школы, – говорил он. – На небе бог, на земле – я. А больше вам ничего не нужно». И настолько глубоко было преклонение калмыков перед Онкоровым, что даже после 1920 года они нисколько не изменились по отношению к нему. В их глазах он продолжал оставаться тем же всевластным *зайсангом*, хотя богатства и власти у него уже не было.

Автор описывает изменение внешнего облика и поведения *зайсанга* после того, как Антон, как представитель новой власти, дал ему отпор: «Я поднял голову и увидел крупного роста, с большими седыми усами, очень благообразной наружности старика. Он величественно стоял и ждал учтвого с моей стороны предложения сесть. Но его ждал несколько необычный прием: вместо почестей и низкопоклонства, к которым он привык в течение 84 лет, я обругал его в присутствии только что благоговейно трепетавших перед ним калмыков. Уже не величественный *зайсанг* с румяным породистым лицом стоял передо мной, а жалкий трясущийся старик. Мои слова для него были так неожиданны, что никогда ничего подобного не встречавший и не переживавший, старый *зайсанг* разрыдался как маленький ребенок. Тут я объявил, что он как враг народа арестован и будет посажен в тюрьму» [Амур-Санан 1987, с. 113–114].

Итак, Бегеле Онкоров, как представитель власть имущих, заносчив, пренебрежителен с простолюдинами, привык к поклонению и трепетному отношению к себе со стороны окружающих. Он крайне скуп, хотя обладает несметными стадами скота. Его положение резко меняется после утверждения в Калмыцкой степи советской власти: вместо сытой жизни среди благоговяющих перед ним бедняков его ждет тюрьма. В его образе автор показывает судьбу калмыцкой аристократии после утверждения в Калмыцкой степи новых порядков.

Монцхор Джимбеев. Монцхор Джимбеев происходил из богатого, но неаристократического рода, владел большим количеством скота, который пасли бедняки, в том числе Антон. Образ данного персонажа в романе-хронике полностью не раскрывается, автор лишь касается отдельных, наиболее, с его точки зрения, важных черт характера. Таковой является чванливость, жестокость по отношению к беднякам и *орудам* ('вошедший, чужой'). Этот персонаж введен в повествование и для того, чтобы показать унижительную, бесправную жизнь *оруда* в традиционном калмыцком обществе. Монцхору Джимбееву доставляет удовольствие издевательство и унижение слабых. Например, он раздает гостинцы детям родичей, а мальчика-оруда презрительно гонит: «Ты чего пришел? Вон отсюда!» [Амур-Санан 1987, с. 20].

Монцхор Джимбеев, как многие родовитые калмыки, в пьяном виде является страшным хулиганом: «ругается, бессмысленно и жестоко оскорбляет людей, особенно если между ними находится не свой и беззащитный человек» [Амур-Санан 1987, с. 19]. В тексте приводятся примеры его избиений *оруда* Мудре, глумлений над ним.

Он лжив и труслив. Так, испугавшись, что Мудре умрет после его избиений, Монцхор Джимбеев заявляет казакам, что пьяница Мудре сам напал на него, а он, защищаясь, ударил его по голове палкой.

Итак, в лице Монцхора Джимбеева автор изображает спесивого, чванливого человека, презрительно относящегося к людям более низкого, чем он, социального статуса, он издевается над ними и избивает их. Он способен солгать, обвинить невиновного в преступлении, которое тот не совершал.

Лидже Бугинов

Лидже Бугинов был одним из видных богачей Большедербетовского улуса. Он пользовался в округе огромным авторитетом, недаром его прозвали «Лидже Великий». Он несколько раз был старшиной, держался надменно и презрительно относился к окружающим.

Автор через описание его внешности передает высокую самооценку Лидже Бугинова, называет его фигуру «важной»: «на нем великолепная русского покроя поддевка на белой мерлушке и высокая бухарская шапка. Он опирается на длинную палку и медленной величавой поступью подходит к собравшимся» [Амур-Санан 1987, с. 103].

Нрав у Лидже был не из приятных. «Ему казалось недостаточным то всеобщее преклонение, которое его окружало. Толкнуть, ударить кого-нибудь ни за что ни про что, сделать оскорбительный жест, сорвать шапку с головы человека и сесть на нее – все это было обычной повадкой зазнавшегося гордеца и драчуна Лидже Бугинова. И чем больше и сильнее оскорблял он своих сограждан, тем ниже склонялись перед Лидже Великим раболепствовавшие калмыцкие головы» [Амур-Санан 1987, с. 104].

Он прибегал к оскорбительным жестам, чтобы унижить бедняков, и это доставляло ему особое удовольствие. Так, поздней осенью, когда дул пронзительный леденящий ветер, Бугинов сорвал с ямщика шапку и сел на нее. Ямщик-калмык, безродный подросток, не стал протестовать и ехал всю дорогу без шапки, после чего заболел воспалением мозга и умер. Лидже Бугинов был «ни при чем».

Однако с установлением советской власти, утверждением новых порядков в калмыцком обществе меняется отношение людей к Бугинову, он вместе со своим богатством теряет былое поклонение. «Его величие как бы снесло порывом ветра. Когда он по прежней повадке, желая унижить молодого калмыка, показал ему свою подошву, калмык схватил его за поднятую ногу, свалил на землю и отколотил. Оказалось, что Лидже Бугинова можно даже бить, что он не только не лучше других людей, но, пожалуй, хуже» [Амур-Санан 1987, с. 105].

Итак, Лидже Бугинов, представляющий класс богатых калмыков, в романе-хронике изображается как спесивый, горделивый человек, любитель оскорбить и унижить бедняков. Хотя он обладал большим авторитетом, не раз избирался в старшины и окружающие преклонялись перед ним, вел он себя грубо и надменно. Его положение резко меняется с приходом новой власти: он лишается не только имущества, но и благоговейного отношения окружающих.

Таким образом, в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» представлены образы богатых калмыков рубежа XIX–XX вв. Для них характерен ряд общих признаков. Материальный: большое количество скота, земли, работников. Для всех них характерны общие черты в поведении: грубость, самодурство, рукоприкладство, заносчивость, высокомерие, пренебрежительное отношение к бедным. Они занимают высокий статус в традиционном калмыцком обществе, однако ничего не делают для просвещения народа, облегчения его тяжелого положения, напротив, эксплуатируют народ. По мнению автора, «такие люди, как Бугинов, являлись чрезвычайно вредными для развития калмыцкого народа. Они пользовались огромным авторитетом, отсюда все, что они делали, казалось хорошим, а между тем пример их являлся нравственной заразой, отравлявшей калмыков. Они-то приучали простолюдые к рабскому низкопоклонству, прививали грубость и жестокость» [Амур-Санан 1987, с. 105]. Подобных людей автор называет кровопийцами, сосущими кровь бедняков: «богатые просвещенные калмыки являлись паразитами, тунеядцами, питавшимися соками своего народа. Они процветали от избытка этих соков, ничего не давая взамен вскормившему их народу» [Амур-Санан 1987, с. 83].

На основании того, что богатые занимают определенное место в калмыцком социуме рассматриваемого периода и их объединяет ряд общих черт, их можно отнести к одному типу – *цаган ясн* 'белая кость, знать, богатые'. Данный типаж представляет собой «обобщенные образы людей, чье поведение и ценностные ориентиры являются индикаторами

этнического и социального своеобразия общества в тот или иной период его развития [Карасик 2009; Карасик, Дмитриева 2005].

Перспективы исследования темы мы связываем с изучением лингвокультурных типов калмыков, характерных для разных исторических периодов.

Литература

1. Амур-Санан А. М. Мудрешкин сын. Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1987.
2. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: Акад. наук, 1934.
3. Есенова Г.Б. Моделирование образа женщины (на материале художественных текстов писателей-билингвов) // Материалы Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием «Лингвистическое моделирование в теории коммуникации». Грозный, 2021.
4. Есенова Г. Б. Образ отца в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 3.
5. Карасик В. И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009.
6. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы. Волгоград : Парадигма, 2005.
7. Esenova G. B., Jalsanov Ts. S., Esenova T. S. The image of the mother in the novel of A.M. Amur-sanan «Muudran kövün» («Mudroshkin's son») // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. International Congress on Academic Research in Society, Technology and Culture. 2020.

Есенова Г.Б., Есенова Т.С.
Калмыцкий государственный университет
имени Б.Б. Городовикова,
г. Элиста, Республика Калмыкия

ДУХОВНЫЙ МИР КАЛМЫКОВ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ А.М. АМУР-САНАНА «МУДРЕШКИН СЫН»

Статья подготовлена по результатам реализации проекта РФФИ 20-312-90030 «Мир и образы калмыков в русском художественном тексте (на материале романа-хроники А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»)»

Аннотация. Статья посвящена духовному миру калмыков, отраженному в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын». Рассмотрены обычаи, обряды, верования, жесты, поведение, привычки калмыков разных социальных групп конца XIX-XX вв. Показано, что автору удалось показать своеобразие культуры калмыков в русском художественном тексте.

Ключевые слова: калмыки, духовная культура, роман-хроника А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»

Esenova G.B., Esenova T.S.
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Republic of Kalmykia

THE SPIRITUAL WORLD OF THE KALMYKS IN THE CHRONICLE NOVEL BY A.M. AMUR-SANAN "MUDRESHKIN'S SON"

Abstract. The article is devoted to the spiritual world of the Kalmyks, reflected in the chronicle novel by A.M. Amur-Sanan "Mudreshkin's Son". Customs, rituals, beliefs, gestures, behavior, habits of Kalmyks of different social groups of the late XIX-XX centuries are considered. It is shown that the author managed to show the uniqueness of the Kalmyks culture in the Russian literary text.

Keywords: Kalmyks, spiritual culture, novel-chronicle of A.M. Amur-Sanan "Mudreshkin's son"

Одной из важных проблем современной лингвистики является изучение того, как писатель-билингв передает своеобразие родной культуры средствами чужого языка. В связи с тем что двуязычие становится реальностью современности, очевидно, что литературное творчество на неродном языке будет расширяться и проблемы художественного билингвизма будут привлекать повышенное внимание лингвистов и культурологов.

В данной работе указанная проблема изучается на материале романа-хроники калмыцкого прозаика А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын», написанного на русском языке в 1925 г. Текст является важным источником, поскольку содержит информацию о своеобразии духовной культуры калмыков: обычаях, обрядах, верованиях, жестах, поведении, привычках и т.п., некоторые из которых утрачены или, возможно, имеют ареальное распространение.

Роман конкретизирует представления об организации семейной жизни калмыков. Так, согласно семейной этике калмыков главой семьи является отец, поэтому и жена, и дети подчиняются ему. Такой закон утвердился в семье главного героя романа. Как бы Мудре ни мучил членов семьи, ни пропивал деньги, все поддерживали его высокий статус главы семьи: не перечили, беспрекословно подчинялись; только он спал на кровати, остальные – на полу, только он ел мясо, остальные – огрызки.

Роман отражает и представления калмыков о родовой системе. Дело в том, что калмыки продолжателем рода считают сына, который должен «провозглашать» его имя, а «неимение сына считают несчастьем». Ключевым словом данного произведения является оруд – «вошедший, чужой», объясняющее положение членов семьи Антона и отношение к ним посторонних. Отец Антона, Мудре, был орудом, отпрыском по женской линии, который, хотя и считался родственником, но «чужой кости». Из-за орудства Мудре и члены его семьи подвергаются унижениям и оскорблениям со стороны однохотонцев.

Говоря о своем имени, автор сообщает о веровании калмыков следующее. «Родители мои были калмыки-буддисты, и все дети, родившиеся у них до меня, умирали. Тогда, по известному у нас поверью, решено было просить какого-нибудь многосемейного русского хуторянина быть восприемником ребенка... меня назвали Антоном. Поверье на этот раз оправдалось, и я остался жить» [Амур-Санан 1987, с. 23]. Случай с именем Антона отражает поверье калмыков о предотвращении несчастий путем изменения традиций имянаречения. Этим суеверием, вероятно, можно объяснить существование у калмыков имен типа Васля «Василий, Вася», Яван «Иван», Мангыт «татарин», Хасык «казах», Орус «русский», которые послужили источниками соответствующих фамилий.

Большое место автор уделяет свадебному обряду калмыков, который довольно подробно изучен в исторической и этнографической литературе, часто цитирующей произведение А.М. Амур-Санана как источник знаний по данному вопросу. В связи с этим здесь не будем останавливаться на данном вопросе, обратим лишь внимание на отдельные обряды. В частности, обряд яслга «правление», который, как пишет автор, в жизни калмыка играет огромную роль. «Женится ли он, родится ли у него ребенок, болен ли кто из членов семьи или умирает – обязательно делается яслга. Если у калмыка нет сына или рождающиеся сыновья умирают, бездетные супруги делают большой и дорогостоящий яслга, называемый «абдрин керег» «сундучное дело». Действительно, гелюрги в это время забирают у калмыка не только его баранов, лошадей и коров, но и то, что есть в сундуках» [Амур-Санан 1987, с. 63]. Обряд заключается в том, что гелюрги читают молитвы, члены семьи молятся, приносятся в жертву духам халаты, деньги, бараны, даже лошади и коровы. Яслга продолжает культивироваться среди калмыков и в наши дни.

Калмыцкому обычаю хадмлһн также посвящена обширная научная литература [например, Биткеева 2016; Аалто 1961]. В данном произведении этот обычай не обойден вниманием. В частности, автор сообщает, что «на другой день замужества калмычка, под страхом тягчайшего наказания в загробном мире и сурового общественного осуждения в этом, теряет право произносить имена старших в роду ее мужа. Все старшие в роду определяются теперь для нее одним понятием – «хадма», т.е. «почтительное иносказание». Если кто-нибудь младший из рода или просто чужой носит тождественное имя с представителем «хадма», то калмычка называет его как-нибудь иначе, искажая его имя, но ни в коем случае не называя точно» [Амур-Санан 1987, с. 62]. В тексте произведения приводятся интересные примеры имен, образованных в соответствии с данным обычаем. В современной массовой культуре калмыков обычай хадмлһн не соблюдается, лишь отдельные представители старшего поколения калмычек могут его придерживаться.

Определенный интерес представляют фрагменты текста, описывающие детали внешнего вида, поведения мужчин и женщин. Так, автор сообщает о том, что «у калмыков-мужчин левое ухо считается привилегированным» [Амур-Санан 1987, с. 45], женщины, по обычаю, раскуривают трубки и подносят гостям [Амур-Санан 1987, с. 19], а молодая сноха с песнями разносит гостям чашки с водкой, раскуривает и раздает трубки и всячески ухаживает за ними; почтение к старшим – это одна из основных добродетелей калмыка [Амур-Санан 1987, с. 59]. Все перечисленные выше особенности уже утрачены, современные калмыки их не культивируют.

Представление о правилах поведения калмыков в чужом доме содержится в следующем эпизоде. «Без хозяев, хотя и очень голодный, Бадгэ не хотел прикоснуться к еде, т.к., по калмыцким понятиям это считалось совершенно неприличным и неделикатным...отец рассказывал про своего приятеля Бадгэ, какой он тонкий, деликатный человек и как из-за своей калмыцкой порядочности он целый день сидел у нас голодный» [Амур-Санан 1987, с. 184]. Кроме того, в тексте сообщается о представлении калмыков о чести: не красть скот у своих, а у чужих – это проявление молодечества, удальства. Приведенные правила вежливого поведения в чужом доме, своеобразие понимания чести представляются интересными и требующими изучения.

Что касается жестов, то в тексте встречаем жесты приветствия, оскорбления. Так, описывается встреча калмыков, при которой использовалось следующее приветствие: «Самый старый из калмыков поднял обычным жестом приветствия правую руку, сжал ее в кулак и недолго продержал на уровне подбородка. Сидя на верблюдах, мы ответили тем же жестом» [Амур-Санан 1987, с. 148]. В произведении описываются два оскорбительных жеста, которые использовались богатым калмыком Лидже Бугиновым по отношению к беднякам: сорвать шапку с головы человека и сесть на нее; желая унижить человека, показать ему свою подошву. Как пишет автор, все это было обычной повадкой зазнавшегося гордеца и драчуна [Амур-Санан 1987, с. 105]. В литературе, затрагивающей невербальную коммуникацию калмыков [Артаев 2020; Хабунова 2010], указанные жесты не рассмотрены. В связи с этим представляется важным изучение этих средств общения с точки зрения того, это региональные или исторически утраченные жесты?

В произведении содержатся отдельные сведения о верованиях калмыков, например, о душе. «Очутившись в безвыходном положении, калмыки говорят: «Надо взять душу в руки». По представлению калмыков, душа трепетна, как лань, труслива, как заяц. Чтобы удержать ее на месте, а ведь без души не проживешь, – нужно ухватиться за нее по крайней мере двумя руками [Амур-Санан 1987, с. 152]. Можно отметить, что на данное верование калмыков обратили внимание лингвисты [например, Пюрбеев 2000].

Приводятся в тексте и поверья о счастливых и несчастных днях. Например: «...нас стали удерживать, потому что был несчастный, так называемый «путаный» день. В этот день, по калмыцким поверьям, нечистый дух Тушу получает большую власть: он путает людям дорогу, обращается в огромного чернолысого быка, бросается на едущих, опрокидывает их и давит» [Амур-Санан 1987, с. 29]. Так и случилось: украли лошадь, вышло по поверью. Современные калмыки в обыденной жизни до сих пор придерживаются целого ряда примет [Артаев, Есенова, Шурунгова 2021]. Как нам представляется, суеверия калмыков также необходимо изучать, привлекая и текст рассматриваемого произведения, зафиксировавшего сведения из духовной культуры нашего народа.

Интересны метеорологические наблюдения калмыков, представленные в следующих эпизодах. «Было начало сентября. По выражению калмыков, в это время «наступает ранний период осенней прохлады», и с нею вместе приходит осенняя дремотная усталость. ...звездная «Плеяда», носительница, по нашим поверьям, ключей от зимних холодных ворот» [Амур-Санан 1987, с. 183]. Черные всклокоченные, лохматые тучи плыли, заслоняя жаркое солнце. Такой день с заслоняющими солнце тучами называется по-калмыцки «чатыртэ» – «день с зонтиком» [Амур-Санан 1987, с. 192].

Таким образом, в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» переданы элементы духовной культуры, отражающие представления калмыков о понятиях свой/чужой, счастье/несчастье, прилично/неприлично, вежливо/невежливо. Отдельные детали позволяют воссоздать картину поведения, обрядов, обычаев, поверий, семейной этики калмыков рубежа XIX–XX вв. Текст произведения является ценным источником информации о своеобразии духовной культуры калмыков, некоторые элементы которой не используются в современной жизни народа.

Литература

1. Амур-Санан А. М. Мудрешкин сын. Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1987.
2. Артаев С. Н. Этнокультурная специфика вербального и невербального поведения калмыков: стереотипы коммуникации. Элиста : Изд-во Калмыцкого университета, 2020.
3. Артаев С. Н., Есенова Т. С., Шурунгова Б. А. Роль мимических жестов в коммуникации калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 4. С. 48–56.
4. Биткеева Г. С. Лингвокультурные традиции калмыцкого народа. Табу и эвфемизмы. Элиста : ЗАО «НПП «Джангар», 2016.
5. Пюрбеев Г.Ц. Понятие души в культуре монгольских народов // Известия Калмыкии. 30 июня 2000 г.
6. Хабунова Е.Э. Формулы традиционного этикета калмыков или как стать «юста хальмг». Элиста : ЗАО «НПП «Джангар», 2010.
7. Аалто П. Халимаг бусгуйчуудийн хэлний тухай // Монголын судлал. Т. 2. Улаанбаатар, 1961. С. 219–227.

Желнова И.Л.

*Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия*

УРОВНЕВЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса об уровневом подходе к обучению русскому языку как иностранному. Необходимость разработки методического аппарата уровневого подхода обучения вызвана сменой подходов к обучению. В настоящее время выделены и внедрены в практику обучения шесть основных уровней владения РКИ.

Ключевые слова: уровневый подход, обучение, русский язык как иностранный

Zhelnova I.L.

*Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue of a level approach to teaching Russian as a foreign language. The need to develop a methodological apparatus for a level-based approach to learning is caused by a change in approaches to learning. Currently, six main levels of RCT proficiency have been identified and introduced into training practice.

Keywords: level approach, teaching, Russian as a foreign language

Методика преподавания РКИ имеет свой научный статус как специальная область научного знания в преподавании русского языка, свой объект и предмет, свой понятийный аппарат и методы познания. Следовательно, она имеет свою методологию, что и подтверждают методические исследования по РКИ. Подход к обучению является базисной категорией методики, что утверждается во многих методических теориях и исследованиях и рассматривается при всем многообразии конкретных значений как стратегическое направление в обучении. Подходы в системе обучения языку классифицируются сложно в силу смешения их с принципами и методами, представляющими собой самостоятельные категории, но вполне соотносимые с понятием подхода в цепочке: подход – принцип – метод или принцип – подход – метод.

Как отдельное направление в русистике, методика преподавания РКИ в своем развитии закономерно приходит к комплексным подходам к реализации собственных целей.

На XIII Конгрессе МАПРЯЛ (сентябрь 2015 г., г. Гранада, Испания) в докладе Митрофановой О.Д. и Хаврониной С.А. «Новые методические решения и поиски в нынешней лингводидактической ситуации» в качестве одного из важнейших направлений в развитии методики преподавания русского языка как иностранного на современном этапе было обозначено уверенное внедрение в практику так называемого уровневого подхода, позволившего естественным образом войти русскому языку в систему иностранных языков, изучаемых в рамках Единого Европейского образовательного пространства, тем самым повысив статус русского языка как учебного предмета [Митрофанова, Хавронина 2015, с. 718]. Большое

гуманитарное значение идеологии уровневого подхода заключается в разработке уровневых описаний овладения языком исходя из конкретных интересов личности, например, потребность и желание соответствовать определенным запросам работодателя, возможности потратить на изучение языка определенное время и т.д.

Внедрение в практику обучения уровневого подхода позволяет говорить о современной методике преподавания РКИ как антропологически сфокусированной. Поиск новых методов и содержания обучения РКИ, а также форм контроля, в том числе и контроля уровня владения русским языком, в конце прошлого века был обусловлен поиском большего соответствия современному этапу становления новой личностно-ориентированной системы языкового образования.

Уровневый подход пришел на смену бытовавшим в предыдущий период развития методики преподавания РКИ этапам обучения, выделение которых было обусловлено самой системой высшего образования в СССР, когда основной контингент изучающих русский язык состоял из иностранных студентов и стажеров, получавших образование в вузах СССР. Таков был социальный заказ, который исполняла методика как наука. Учебные цели, содержание, материал обучения определялись с учетом формы обучения (филологи, нефилологи инженерного, медицинского профилей и т.п.), а также сроков обучения (временной фактор). Именно этап обучения выступал системообразующим фактором при моделировании учебного процесса в 50–90-е годы прошлого века и отражал временной период, приводящий к достижению определенных коммуникативных целей. Это означало, что качество владения языком иностранцем по лингвистическим и психолингвистическим параметрам измерялось временем, отведенным на освоение программы.

В начале 90-х годов XX века положительный опыт построения обучения в данных параметрах был в Совете Европы, объединившем усилия специалистов в области преподавания иностранных языков из разных стран и предложивших уровневую дихотомию в методике преподавания языка/ изучение языка, реализованную в инновационном для того времени научно-методическом документе, известном сегодня как лингводидактическое описание (ЛДО). В документе главное внимание обращается на необходимость формирования в процессе обучения различных компетенций: коммуникативной, прагматической, социальной, дискурсивной, компенсаторной и т.д., а не собственно лингвистической. При этом цели обучения связываются с формированием способности обучаемых «решать средствами иностранного языка актуальные для учащихся и общества задачи общения из бытовой, учебной, производственной и культурной жизни»; с их умением «пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения» [Азимов, Щукин 1999, с. 109]. Уровень же владения иностранным языком определяется как «степень сформированности коммуникативной компетенции, позволяющая решать на иностранном языке экстралингвистические задачи общения в соответствии с условиями коммуникации и с использованием для этого языковых знаний, речевых навыков и умений» [Азимов, Щукин 1999, с. 119].

В настоящее время выделены и внедрены в практику обучения шесть основных уровней владения РКИ, дифференцированные по возрасту изучающих русский язык (взрослые и дети школьного возраста), подготовлены и опубликованы четыре лингводидактических описания для русского языка повседневного общения (уровни А1 – В2), три описания для русского языка делового общения (базовый, средний и продвинутый уровни), 4 описания для русского языка в туристском бизнесе (РЭТ 0 – РЭТ 3). На базе этих описаний были составлены требования к каждому из уровней, которые в первом издании были «нелегитимно» названы Стандартами. Широко внедрявшиеся в то время в российской системе образования стандарты подразумевали комплекс учебных предметов, в то время как в нашем случае требования формулировались по отношению к одному учебному предмету – русский язык как иностранный.

Уровневая организация обучения, включая развитую систему сертификационного тестирования, стала частью языковой политики России по распространению и укреплению позиций русского языка.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов. М. : Статут, 1999. 513 с.
2. Митрофанова О. Д., Хавронина С. А. Новые методические решения и поиски в нынешней лингводидактической ситуации // Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (сентябрь 2015 г., г. Гранада, Испания). С. 718–721.

Жилина М.А.
Российская академия государственной службы
при президенте Российской Федерации,
Волгоградская академия государственной службы,
г. Волгоград, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ БЛОГОВ

Аннотация. В данной статье рассматриваются понятия дискурса, интернет-дискурса. В связи с развитием информационных технологий, средством коммуникации выступает компьютер и сеть интернет, соответственно интернет-дискурс предполагает взаимодействие человека с человеком не напрямую. Особое внимание уделено особенностям интернет-дискурса и его влиянию на речь в образовательных блогах.

Ключевые слова: дискурс, интернет-дискурс, текст, речевая ситуация, образовательный блог, коммуникация, блогер, блогосфера, информационные технологии

Zhilina M.A.
Russian Academy of Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Volgograd Academy of Public Service,
Volgograd, Russia

FEATURES OF INTERNET DISCOURSE ON THE EXAMPLE OF EDUCATIONAL BLOGS

Abstract. This article discusses the concepts of discourse, Internet discourse. In connection with the development of information technologies, the computer and the Internet are the means of communication, respectively, Internet discourse involves the interaction of a person with a person not directly. Special attention is paid to the peculiarities of Internet discourse and its influence on speech in educational blogs.

Keywords: discourse, Internet discourse, text, speech situation, educational blog, communication, blogger, blogosphere, information technology

Для того, чтобы начать изучение явления интернет-дискурса, его особенностей и влиянием на речь в образовательных блогах, мы считаем необходимым дать определение составляющих термина «дискурс» для того, чтобы определить его этимологическую составляющую.

Термин «дискурс» насчитывает огромное многообразие дефиниций и является одним из самых сложных понятий. В лингвистике дискурс относится к языковой единице, которая больше, чем одно предложение. Слово дискурс происходит от латинского префикса *dis-*, означающего 'прочь', и корня слова *currere*, означающего 'бежать'. Таким образом, дискурс переводится, как 'убегать' и относится к тому, как происходят разговоры.

Изучение дискурса – это анализ использования устной или письменной речи в социальном контексте. Исследователи дискурса рассматривают форму и функции языка в разговоре за пределами его небольших грамматических частей, таких как фонемы и морфемы. Эта область исследований, за развитие которой в значительной степени отвечает голландский лингвист Тен ван Дейк, он интересуется тем, как более крупные единицы языка, включая лексемы, синтаксис и контекст, придают смысл разговорам.

Русские ученые также не оставили без внимания понятие дискурса. Н. Д. Арутюнова дает следующее определение дискурса: «Дискурс (от франц. *discours* – речь) – связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [Арутюнова 1990, с. 136–137].

Ю.С. Степанов определяет дискурс так: «Дискурс – это язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего

и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность, и его доказательство тезиса «Язык – дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык – дом бытия» [Степанов 1991, с. 20].

Таким образом, на основе вышесказанного, можно сделать вывод, что под «дискурсом» мы рассматриваем речевую ситуацию, т. е. текст, погруженный в ситуацию реального общения.

Интернет-дискурс предполагает взаимодействие человека с человеком не напрямую. Средством коммуникации выступает компьютер и сеть интернет. По мнению Карасика В.И. – интернет-дискурс – это вся совокупность текстов, объединенная общей тематикой, связанной с современными информационными технологиями [Карасик 2002, с. 25]. Галичкина Е.Н. считает, что интернет-дискурс – многожанровая функциональная разновидность публичной монологической и диалогической речи [Галичкина 2001, с. 157].

Таким образом, интернет-дискурс – это речевая ситуация (текст), погруженный в ситуацию общения в пределах интернет-пространства.

Большинство исследователей, как мы уже отметили, делят интернет-дискурс на жанры по степени интерактивности (т.е. скорости реакции собеседника на сообщение): icq, чат, форумы и конференции, электронную почту, блоги. Один из наиболее популярных речевых жанров в сети – это жанр блога.

Согласно педагогическому терминологическому словарю, блог (англ. Blog, от web log – это интернет-журнал событий, интернет-дневник, онлайн-дневник) – вебсайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи (посты), содержащие текст, изображения или мультимедиа. Для блогов характерны недлинные записи временной значимости, отсортированные в обратном хронологическом порядке [Педагогический терминологический словарь Академик]. Людей, ведущих блог, называют блогерами. Совокупность всех блогов сети принято называть блогосферой. Главная особенность блогов – это их публичность и возможность комментирования для посетителей.

По тематической направленности различают следующие виды блогов: путешествия, быт, политика, спорт, экономика, мода, образование и т.д. [Научный журнал «ScienceDirect»]. Следовательно, блоги активно применяются и в образовании.

Образовательный блог – это веб-сайт, основное содержание которого – записи образовательной тематики. Цели и функции образовательных блогов имеют двусторонний характер. С одной стороны, мы рассматриваем мотивацию автора, а с другой – мотивацию читателей. Что касается читателей, то основная их цель – это получение информации, а также общение в комментариях с другими читателями. Главная цель для автора образовательного блога – это обычно самопрезентация.

Рассмотрим на примере образовательный блог Дмитрия Петрова, российского лингвиста, полиглота, автора специализированных профессионально-ориентированных курсов по изучению языков и синхронному переводу. В своем канале на Ютубе Дмитрий рассказывает о том, как выучить иностранный язык, как запомнить слова, как избавиться от акцента. Он не перегружает слушателя, донося информацию простыми словами, кратко и лаконично. Использует серию короткометражных видео по 5–10 минут, под видео имеется огромное количество комментариев, где пользователи благодарят за полезную информацию, задают вопросы, советуются с экспертом.

Особенно явно в блоге проявляется тенденция интернет-языка к сближению устной и письменной речи. Такую особенность можно наблюдать, как в видео автора, так и в комментариях. Блоги балансируют между книжным и разговорным стилями речи, это и неофициальность, и личностный характер записей. Язык новых медиа по-своему обогащает литературный язык своими отступлениями от нормы, наводняющими речь иноязычными словами.

В результате изучения различных источников мы пришли к выводу, что образовательные блоги имеют полифункциональный характер, но при этом двусторонний: главная функция для автора – это функция самопрезентации, а для читателей – коммуникативная. В связи с развитием интернета и информационных технологий, общество меняется, а значит и меняется язык, с помощью которого пишутся образовательные блоги. Блогосфера своим появлением открыла огромное количество неологизмов, которые означают всё происходящее в блогосфере и связанное с ней. Таким образом, для дискурса блогосферы характерно использование неологизмов, которые описывают интернет-реалии.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках. Астрахань, 2001. 212 с.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
5. Научный журнал «ScienceDirect». URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0360131519300776> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Педагогический терминологический словарь Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/5501?ysclid=l7hm8mr9h7969814052> (дата обращения: 01.09.2022).
7. Степанов Ю. С. «Закон» и «антиномия» в гуманитарных науках; От Декарта до Флоренского и Лосева // А. Ф. Лосев и культура XX века. Лосевские чтения. М., 1991.

Загуменнов А.В.
*Вологодская духовная семинария
Вологодской епархии Русской Православной Церкви,
г. Вологда, Россия*

ОТОБРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ВВОДНОЙ ЧАСТИ «КНИГИ БЕСЕД» ПРОТОПОПА АВВАКУМА)

Аннотация. В статье посредством анализа словосочетаний по главному и зависимому словам осуществляется восстановление контуров культурно-религиозного мировидения пишущего. В ходе исследования удалось установить, что номинативные лексико-синтаксические единицы позволяют очертить границы переживаемых языковой личностью смыслов.

Ключевые слова: субстантивное словосочетание, слово, языковая личность, Книга бесед, старообрядчество

Zagumennov A.V.
*Vologda theological seminary of the Vologda diocese
of the Russian Orthodox Church, Vologda, Russia*

THE REPRESENTATION OF THE RELIGIOUS WORLDVIEW IN PHRASES (BASED ON THE INTRODUCTORY PART OF THE "BOOK OF CONVERSATIONS" BY ARCHPRIEST AVVAKUM)

Abstract. In the article, through the analysis of phrases for the main and dependent words, the contours of the cultural and religious worldview of the writer are restored. In the course of the study, it was possible to establish that nominative lexical and syntactic units allow delineating the boundaries of meanings experienced by a linguistic personality.

Keywords: substantive phrase, word, linguistic personality, book of conversations, old Believers

1. «Житие...» протопопа Аввакума исследовано досконально как в советский [Шорохова 1953; Робинсон 1963; Демкова 1969; Чернов 1984; Петров 1987], так и в постсоветский период [Менделеева 2002]. Совершенно иначе сложилась судьба «Книги бесед», которую изучали в основном литературоведы [Бубнов 1987; Осьмухина 2013; Калугин 2020; Поньрко 2020]. По сути, до сих пор отсутствует цельное языковедческое исследование памятника; исследование, которое либо экстраполирует выводы, сделанные на базе «Жития...», либо углубит представление специалистов о стиле языковой личности [Караулов 2010]. Наша цель в текущий момент скромнее: на основе изучения вводной части «Книги бесед» выявить задаваемые пишущим контуры культурно-религиозного мировоззрения автора XVII века. В качестве ключевых единиц выбраны субстантивные словосочетания, которые сначала группируются по главному слову, а затем – по зависимому. Идея подобного анализа была подсказана нам работой Г.Я. Солганика. По мысли упомянутого ученого, «"господствующее"

слово требует “зависимого” так же, как “зависимое” “господствующего» [Солганик 2010, с. 21]. Следовательно, как цельная номинативная единица, она (как и слово) может «наметать» (Г.Г. Шпет; Г.П. Мельников), быть доступом (Е.С. Кубрякова) к миру мышления.

II. Из вводной части «Книги...» нами приемом сплошной выборки получены субстантивные словосочетания. Оговорим, что был проанализирован только «авторский» текст, поскольку цитаты из послания Апостола Павла нами не привлекались к исследованию. Группируя полученные единицы, мы можем выделить следующие «узловые точки» лексико-синтаксического уровня вводной части памятника.

1. Митрополия: митрополія великая [РИБ 1927, с. 244], полна митрополія [РИБ 1927, с. 244], митрополія челоуѣковъ [РИБ 1927, с. 244]. Весьма примечательно, что эти словосочетания, возникнув в эпизоде с ветхозаветным пророком Иеремией (а потому речи о метрополии не может быть, это анахронизм), косвенно подчеркивают религиозные воззрения самого протопopa. Никон, будучи патриархом, начал переделку освященного традицией обряда Русской Поместной Церкви на греческий лад, т.е. по образцу другой поместной Церкви. Если уж пастырь унижает ценности, «святыни» своей паствы до уровня «митрополии», то грех – с позиций Аввакума – об этом не напомнить.

2. Человек: челоуѣка грѣшна [РИБ 1927, с. 241], челоуѣка безообразна [РИБ 1927, с. 241], челоуѣка ... безславна [РИБ 1927, с. 241], челоуѣкъ Божій [РИБ 1927, с. 243]. Первые три примера – элемент авторского самоуничтожения, последний – относится к Иову, который три дня пребывал в чреве поглотившего его кита. В символическом понимании это образ заточения, близкий Аввакуму, не понаслышке знавшему тяготы земляных тюрем. «Человек» в данной системе лексико-синтаксических единиц является, скажем так, «генерализацией» более частных проявлений «Человека».

2.1. Тело: изъ чрева матере [РИБ 1927, с. 245]. Пример Божіе сердце [РИБ 1927, с. 243] может быть отнесен к этой же группе при условии антропоморфного представления Бога.

2.2. Родственник: блудный сынъ [РИБ 1927: 241] матере моя [РИБ 1927, с. 245]. Эта группа вполне может образовать простое предложение с конкретной пропозицией, тем более что она включает фигуру самого Аввакума.

2.3. Свойство: окаянный Аввакумъ [РИБ 1927, с. 243]. Имя как индивидуализирующее свойство для своего носителя. Конечно, характеристика себя самого в этом контексте обусловлена риторическим приемом самоуничтожения, поскольку до этого во вводной части «Книги...» уже возникло упоминание ветхозаветного пророка. «Окаянность» московского Аввакума противопоставлена человечности иерусалимского Аввакума.

3. Книга: Книгу святую [РИБ 1927, с. 241]; Святаго Писанія [РИБ 1927, с. 241]. Сама по себе «Книга...» содержит множественные включения из текста Священного Писания. Тем не менее, будучи одним из пророков последних дней, и его сочинения могут восприниматься (и воспринимаются) как столь же значимые для русских старообрядцев. Интерес вызывает другая возможность интерпретации этой группы. Вероятно, неосознанно Аввакум на лексико-синтаксическом уровне зафиксировал собственные интенции. Его книга – продолжение Священного Писания по-русски.

4. Ересь: крестоборную ересь [РИБ 1927, с. 241], ересь никоніянскую [РИБ 1927, с. 241]. Никон во всех пустозерских сборниках воспринимается как абсолютное воплощение ересиарха. Для старообрядчества он – восприемник всех заблуждений. Особый спор в этот период возник относительно изображения креста Никоном, с чем не были согласны Аввакум, Федор Иванов, Лазарь и Епифаний.

5. Место: русской земли [РИБ 1927, с. 246], адъ преглубокой [РИБ 1927, с. 246], ко вратомъ двора [РИБ 1927, с. 246]. Вопреки обманчивому первому впечатлению, весь этот ряд примеров содержательно между собой связан. Культивировавшаяся с XVI века идея русской поместной церкви как вселенской, последней православной, позволила очень специфично интерпретировать слова Иисуса Христа: «и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18). В силу этого весь каскад примеров (русской земли, адъ преглубокой, ко вратомъ двора) – осмысление духа времени в рамках религиозного мировоззрения.

III. Предыдущие группировки учитывали только «главное» слово, теперь же попытаемся проанализировать корпус лексико-синтаксических единиц по зависимому компоненту. Предполагалось, что мы получим размытую систему без конкретизации, однако итоги эту гипотезу опровергли.

1. Бог: человекъ Божій [РИБ 1927, с. 243], Божій образъ [РИБ 1927, с. 243], повелѣніе Божіе [РИБ 1927, с. 244], Божіе сердце [РИБ 1927, с. 243].

1.1. Господь-Бог: заповѣдѣхъ Господнихъ [РИБ 1927, с. 244], Господню красоту [РИБ 1927, с. 245], Господню ... доброту [РИБ 1927, с. 245].

Если в группировке по основному слову «митрополия» – административная единица, объединяющая верующих людей, то анализ единиц по зависимому слову как бы «подсвечивает» причину единства – Бога.

2. Человек: Бесѣда человекъ [РИБ 1927, с. 241].

2.1. Тело: въ гортани сладость [РИБ 1927, с. 241], во чревѣ ... блѣдность [РИБ 1927, с. 241].

2.2. Свойство человека: плотолюбецъ окаянный [РИБ 1927, с. 243], окаянный Аввакумъ [РИБ 1927, с. 243].

2.2.2. Имя человека: плачъ Иереміинъ [РИБ 1927, с. 245].

Допустимо отметить и параллелизм, и углубление понимания конкретной категории/понятия. «Окаянный Аввакум» в группировке по главному слову и Иеремия (тоже пророк), но в классификации по зависимому слову.

3. Пейоративная оценка: помыслы (тв.п.) злыми [РИБ 1927, с. 241], закону грѣховному [РИБ 1927, с. 243], лютые звѣри [РИБ 1927, с. 243], рысь лютая [РИБ 1927, с. 244]. Данные примеры – предельная группировка, которая, за счет принадлежности к определенному полюсу аксиологической системы, весьма специфична.

Конечно, остаются еще словосочетания, которые не вошли в представленную выше систему, и даже в них проявляет себя логическое понятие. Например, величина: чортъ большой [РИБ 1927, с. 246], адъ преглубокой [РИБ 1927, с. 246]; процессуальность – настоящее время [РИБ 1927, с. 245], текущее солнце [РИБ 1927: 243], горящую свѣщею [РИБ 1927, с. 244]; порядок – протчая коби [РИБ 1927, с. 241]. На этом весь корпус субстантивных словосочетаний во вводной части «Книги...» исчерпан, но не исчерпана сама тема. Наши наблюдения – всего лишь еще один шаг к возможной реконструкции языковой личности огнепального протопopa.

Литература

1. Бубнов Н. Ю. «Книга бесед» протопopa Аввакума (к истории создания произведения) // Книга в России XVI – середина XIX в. Книгораспространение, библиотеки, читатель : сборник научных трудов. Ленинград, 1987. С. 17–31.

2. Демкова Н. С. Житие протопopa Аввакума : автореф. дис. ... канд. филол. наук : (Творч. история текста). Ленинград : [б. и.], 1969.

3. Калугин В. В. «Ищу человекъ» (ветхозаветные пророки в творчестве протопopa Аввакума) // Словесность и история. 2020. № 4. С. 7–17.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.

5. Менделеева Д. С. Художественное мировоззрение протопopa Аввакума : Семантика изображения отрицательных героев : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

6. Осьмухина О. Ю. Специфика полемики с «никонианством» в учительских текстах протопopa Аввакума («Книга бесед», «Книга толкований») // Нижегородский текст русской словесности : сборник статей по материалам IV Международной конференции. Нижний Новгород, 2013. С. 21–29.

7. Петров В. Е. Бессоюзные сложные предложения в произведениях протопopa Аввакума : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1987.

8. Поньрко Н. В. Протопop Аввакум как проповедник // Русская литература. 2020. № 4. С. 5–20.

9. Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М. : Изд-во АН СССР, 1963.

10. Русская историческая библиотека Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века, Кн. 1, вып. 1. Санкт-Петербург : [б. и.], 1927.

11. Солганик Г. Я. Очерки модалного синтаксиса. М. : Флинта; Наука, 2010.

12. Чернов В. А. Русский язык в XVII веке: морфология. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1984.

13. Шорохова В. Н. Наблюдения в области словарного состава "Жития" Аввакума : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва : [б. и.], 1953.

ДИСТРИБУТИВНЫЙ МЕТОД ОПИСАНИЯ МИКРОПОЛЯ ГЛАГОЛОВ ФАКТИВНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности структурирования и функционирования полевой модели в лексико-семантической системе русского языка на примере лексических средств выражения фактивного знания.

Ключевые слова: семантика, теория поля, полевые структуры, микрополя, дистрибутивно-семантический класс

Ivashkovich T.I.
Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

MICROFIELD OF VERBS OF A FACT KNOWLEDGE IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The peculiarities of the structure and the functioning of the field model in the lexical and semantic system of the Russian language as an example of lexical idioms of the fact knowledge as a piece of the lexical and syntactic field "Knowledge".

Keywords: semantics, field theory, field structure, microfields, distributive and semantic class

В последние годы лексикология достигла выдающихся результатов в описании системности лексики и структурно-семантической организации различных лексических множеств. Особенно активно развивается и применяется в лингвистике полевая модель. Стало общепризнанным, что лексика русского языка организована в особую систему, элементарной ячейкой которой является определенный семантический класс, а категорией высшего порядка является семантическое поле – «иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных инвариантным значением, принадлежащим одному смысловому пространству» [Алефиренко 2005, с. 176].

С применением соответствующих методик строятся функционально-семантические, ассоциативные, лексико-синтаксические и другие поля. Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, Л.Г. Бабенко структурируют лексико-семантические поля, учитывая только парадигматические отношения исследуемых единиц, не учитывая их синтагматику, не используют в своих работах метод дистрибутивного анализа, с помощью которого можно выявить синтагматический потенциал лексем.

В науке существует и другой подход к построению семантического поля, который учитывает как парадигматику, так и синтагматику конstituентов поля. Такой подход характерен для исследований ученых Московской семантической школы под руководством профессора Ю.Д. Апресяна, в этом же направлении работали В.П. Абрамов, М.Л. Крючкова, Ю.В. Фоменко, З.Д. Попова, В.П. Москвин и другие.

Как известно, любое лексико-синтаксическое поле имеет определенную конфигурацию и делится на микрополя. Анализируемое нами микрополе глаголов фактивного знания является структурным элементом большого лексико-синтаксического поля «Знание», которое, в свою очередь, делится на микрополя лексических средств выражения фактивного знания – знания-умения, к нему примыкает микрополе глаголов передачи и приобретения знаний. К лексемам, обслуживающим фактивное микрополе русского языка, относятся глагол *знать* в значении 'обладать сведениями о чем-либо' (МАС) и устаревший стилистически маркированный глагол *ведать*.

Анализ литературы по исследуемой проблеме показывает, что лингвисты по-разному оценивают значение глагола *знать*. Рядом исследователей *знание* стало определяться как включающее в свой состав *мнение* (belief) либо как содержащее общий с мнением компонент – чувство уверенности. Подтверждение этой точки зрения можно найти в работе М.А. Дмитриховской «Проблема знания»: «В ментальных состояниях мнения и знания нет

различий» [Дмитровская 1988, с. 14]. Ю.Д. Апресян также склонен считать, что «смыслы 'знать', 'понимать', 'верить' внутренне настолько близки друг другу, что их конкретное воплощение в живой речи скользит от одного смысла к другому» [Апресян 1995, с. 267]. Нам представляется спорной эта точка зрения, ср.: *знать расписание поездов*, * *понимать расписание поездов*. Дистрибутивный анализ показывает, что данные глаголы имеют разное лексическое значение. Е.В. Падучева отмечает, что «...слова с компонентом 'знание' противопоставлены не только предикатам мнения, но и многим другим семантическим классам предикатов с пропозициональными актантами – глаголам говорения, побуждения, каузации и другими» [Падучева 1997, с. 76]. Д.Н. Шмелев справедливо утверждает, что неадекватным «является такое представление предикатов знания, при котором их семантика приравнивается к семантике предикатов 'мнение' плюс 'фактивность'» [Шмелев 1996, с. 56].

Нет также у лингвистов единого мнения относительно места глагола *знать* в глагольной системе современного русского языка. Е.Э. Разлогова относит предикаты знания к когнитивным, эпистемическим (*знать*, *считать* и т. п.). Е.В. Падучева относит их к ментальным глаголам, глаголам ментального состояния (*states*) (*знает*, *понимает*, *ждет*, *осознает* и др.). Профессор Н.Д. Арутюнова относит данный глагол к группе интенциональных глаголов, которые «...обозначают психические акты, ... могут иметь в роли дополнения только пропозиции или имена пропозитивного значения, а в качестве своего субъекта – имена со значением живых существ» [Арутюнова 1996, с. 114]. Н.Д. Арутюнова ставит глагол *знать* в один ряд с глаголами говорения, мышления, памяти, суждения и др. Академик Ю.Д. Апресян относит глагол *знать* к фактивным предикатам, обозначающим знание, то есть информацию о факте, хотя и добавляет, что глагол «...*знать* лежит на границе стативов и фактивов» [Апресян 1995, с. 67]. От фактивов глагол *знать* наследует способность управлять не только придаточными предложениями, вводимыми союзом *что*, но и придаточными предложениями с вопросительными словами *что*, *кто*, *откуда*, включая вопросительную частицу *ли*. От стативов глагол *знать* наследует несочетаемость с глаголами типа *заниматься* и *делать* [Апресян 1995, с. 74]. По классификации американского лингвиста У. Чейфа глаголы знания относятся к классу предикатов «процессов-действия», где субъект-агента, то есть активно действующий, партиципиент. В «Большом толковом словаре русских глаголов» (Екатеринбург, 2008) под редакцией Л.Г. Бабенко глаголы знания входят в подполе «Интеллектуальная деятельность» поля «Действие».

Глагол *знать* многозначен, но он обладает значением фактивности, когда предполагает «истинность вводимой им пропозиции, в том числе и суждения, скрывающегося за косвенным вопросом, потому может сочетаться с косвенно-вопросительными придаточными, что сообщение о том, что субъекту известно действительное положение дел, даже если мы и не конкретизируем, в чем именно состоит это положение дел» [Шмелев 1996, с. 39]. Английский лингвист Вендлер высказал мнение, основанное на сопоставлении фактивных / нефактивных английских глаголов типа *know* 'знать', *tell* 'сообщать' и *believe* 'верить', что «возможность совстречаемости с косвенными вопросами является наиболее надежным грамматическим показателем фактивности» [Вендлер 1987, с. 127].

Нам представляется возможным к фактивным глаголам *знать*, *ведать* добавить синонимичные им глагольные перифразы *иметь информацию*, *обладать информацией*, *владеть сведениями*, *располагать данными*. Следовательно, лексическая микросистема, описывающая ситуацию обладания фактивными знаниями, представлена в современном русском языке следующими лексемами: *знать*, *ведать*, *иметь сведения*, *обладать информацией*, *владеть информацией*, *располагать данными*.

Анализируя внутреннее устройство данной глагольной микросистемы, можно заметить, что глаголы *знать* и *ведать*, составляющие синонимический ряд с доминантой *знать*, не отличаются друг от друга семантическими компонентами значения; анализ словарных помет и типовых контекстов употребления показывает, что они неоднородны лишь в стилистическом плане. Глагол *ведать* стилистически маркирован, относится к устаревшим словам и используется в языке с целью создания торжественности, приподнятости повествования или же в целях исторической стилизации, например: *А что будет впредь, о том ведает токмо Господь. Все в руках его* (Балашов. Святая Русь). *Алексей, как ни привязан был к милой своей Акулине, все помнил расстояние, существующее между ним и бедной крестьянкой; а Лиза ведала, какая ненависть существовала между их отцами, и не смела надеяться на взаимное примирение* (Пушкин. Барышня-крестьянка).

Лексический класс средств выражения фактивности имеет общую для их значения архисему 'обладание фактами', типовую лексическую сочетаемость, и это позволяет отнести данные лексические единицы к одной микросистеме. Различная модель управления (*знать что* и *знать о чем*) дает возможность распределить их по разным дистрибутивно-семантическим классам. Под дистрибутивно-семантическим классом (ДСК) мы понимаем объединение «семантически близких лексико-семантических вариантов признаковой семантики с одинаковой синтаксической и типовой лексической сочетаемостью» [Москвин 1993, с. 8]. Первый ДСК фактивных глаголов составляют лексемы *знать* и *ведать*, перифразы *иметь информацию*, *обладать сведениями*, *владеть информацией* и *располагать данными* с моделью управления *о чем*, например: *Я знал, конечно, о земстве, но что значит «прокатят на вороних», не понял* (Павлов. Воспоминания металлурга). Как известно, каждый ДСК лежит в основе определенного структурно-семантического типа предложения. Схему структурно-семантического типа предложения, в основе которого лежит данная микросистема, можно представить в виде следующей модели: $N_1 + Vf + N_6$ (*Он знает о готовящемся празднике*).

Второй ДСК формируют глаголы *знать*, *ведать* с дистрибутивным признаком *что*, например: [И. Хакамада]: – *Я прекрасно знаю все наши просчеты, но отчаянно доказываю, что у нашей сборной есть потенциал* («АиФ», 2020, № 3). Схему структурно-семантического типа предложения, в основе которого лежит данный дистрибутивно-семантический класс, можно представить в виде следующей формулы: $N_1 + Vf + N_4$.

Для анализируемой нами ситуации обладания фактивным знанием характерны следующие семантические компоненты (актанты): субъект – 'тот, кто обладает фактивным знанием', объект-1 – 'информация; то, что знает субъект', объект-2 – 'источник фактивного знания'. Эти актанты полностью описывают ситуацию фактивного знания. Сочетаемостные возможности анализируемых глаголов зависят от их семной структуры. Дифференциальные семы отражают различие данных глаголов и определяют их валентность, те позиции (актанты), с которыми сочетаются данные глаголы. Под валентностью мы понимаем потенциальную способность языковой единицы сочетаться с другими единицами языка. В основе валентности, согласно Ю.Д. Апресяну, лежит семантический анализ ситуации, с которой соотносится данное слово. «На валентный статус может претендовать любой необходимый участник ситуации, который выражается в предложении при данном слове» [Апресян 1995, с. 13]. Для описываемой нами ситуации характерен субъект действующий, активный – агент. Позиция субъекта и объекта является обязательной для данных глаголов, а позиция источника знаний факультативна.

Как и для всех глаголов, для фактивов характерна адвербиальная сочетаемость, которая уточняет качественные, темпоральные и локальные характеристики процессуального признака. Адвербиальная сочетаемость глагола *знать* достаточно полно описана Ю.Д. Апресяном в «Новом объяснительном словаре синонимов». Нам бы хотелось дополнить к указанной в словаре адвербиальной сочетаемости, что фактивные лексемы *знать*, *ведать* сочетаются также:

1) с наречиями и адвербиальными фраземами, указывающими на интенсивность процесса – *нужно знать позарез, до смерти*, например: *Нам позарез надо знать, как быстро американцы смогут перебросить подкрепления в Европу в случае, если «холодная» война перерастет в «горячую»* (А. Судоплатов. Тайная жизнь генерала Судоплатова);

2) с наречиями и адвербиальными фраземами, указывающими на источник фактивных знаний – *знать по слухам, по разговорам, понаслышке*;

3) с наречиями, указывающими на степень важности фактивных сведений, – *важно, неважно знать*.

Проанализировав лексические единицы микросистемы фактивного знания и их перифраз, можно сделать вывод, что парадигматические и синтагматические характеристики глаголов данной микросистемы взаимосвязаны. Дистрибутивно-семантические классы глаголов микрополя «Фактивное знание» лежат в основе определенных структурно-семантических типов предложений, что еще раз свидетельствует о неразрывной взаимосвязи лексического и синтаксического уровней языка, подтверждая справедливость утверждения профессора Н.Д. Арутюновой, что «синтаксические связи в предложении столь же семантичны, сколь синтаксично лексическое значение глагола» [Арутюнова 1995, с. 290].

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. М. : Флинта : Наука, 2005.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Интегральное описание языка и системная лексикография. 2-е изд. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М. : Наука, 1996.
4. Вендлер А. Философия. Логика. Язык. М. : Наука, 1987.
5. Дмитриовская М. А. Знание и мнение : образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение : сб. ст. М. : Наука, 1988.
6. Кузнецова Э. В. Лексико-семантическая группа глаголов и семантические модели предложения // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990.
7. Москвин В. П. Семантика и синтаксис русского глагола. Киев, 1993.
8. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике языка. 2-е изд. М. : Наука, 1997.
9. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М. : Наука, 1996.

Ильясова С.В.
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

О ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ОСНОВЫ МОРФОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ» КИТАЙСКИМ СТУДЕНТАМ-ФИЛОЛОГАМ

Аннотация. В статье представлена структура и содержание учебного пособия «Основы морфологии и словообразования», предназначенного для студентов-филологов включенного обучения из Китая, проходящих обучение в Институте филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета на 3–4 курсе. Пособие призвано углубить и систематизировать знания по морфологии русского языка, полученные при изучении практической грамматики на родине, и подготовить студентов к изучению курса «Синтаксис».

В разделе «Основы словообразования» студенты знакомятся с основными понятиями словообразования, с образованием существительных. Для закрепления материала предлагаются как традиционные, так и творческие задания – конструирование слов.

В соответствии с направленностью современного образовательного процесса на раскрытие креативного потенциала студентов в пособии даются сведения по неологии русского языка, студенты знакомятся с типологией новых слов и их воздействующим потенциалом, а также с игровыми возможностями морфологии, реализуемыми в языке СМИ и рекламы.

Ключевые слова: морфология, словообразование, часть речи, грамматическая категория, производное слово, формант, словообразование существительных, неологизм, окказионализм

Ilyasova S.V.,
South Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

ABOUT TEACHING THE COURSE "FUNDAMENTALS OF MORPHOLOGY AND WORD FORMATION" TO CHINESE STUDENTS-PHILOLOGISTS

Abstract. The article presents the structure and content of the textbook "Fundamentals of Morphology and Word Formation", intended for philology students from China, studying at the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University in the 3rd-4th year. The manual is designed to deepen and systematize the knowledge of the morphology of the Russian language acquired while studying practical grammar at home, and to prepare students for the course "Syntax".

In the section "Fundamentals of word formation" students get acquainted with the basic concepts of word formation, with the formation of nouns. To consolidate the material, both traditional and creative tasks are offered – the construction of words.

In accordance with the orientation of the modern educational process to the disclosure of the creative potential of students, the manual provides information on the neology of the Russian language, students get acquainted with the typology of new words and their influencing potential, as well as with the possibilities of morphology implemented in the language of mass media and advertising.

Keywords: morphology, word formation, part of speech, grammatical category, derived word, formant, word formation of nouns, neologism, occasionalism

Курс «Основы морфологии и словообразования» рассчитан на китайских студентов, приезжающих для обучения в Южный федеральный университет, в Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации на 3–4 курсе бакалавриата. На освоение курса отводится 54 часа в 5 семестре и 54 часа – в 6 семестре.

Необходимость введения курса в учебную программу китайских студентов объясняется следующими причинами: изучение современного русского языка в российских вузах на отделении отечественной филологии имеет поступенчатый характер: на 1 курсе студенты получают знания по фонетике, лексикологии, словообразованию, на 2 – по морфологии, на 3 – по синтаксису. Студенты, приезжающие из Китая, вынуждены изучать курс синтаксиса без соответствующей лингвистической подготовки.

Нами было подготовлено пособие «Основы морфологии и словообразования» [Ильясова, Амири 2019], призванное помочь китайским студентам в освоении курсов морфологии и словообразования. Пособие состоит из двух разделов и 6 приложений. В «Программе курса» даются вопросы по морфологии и словообразованию, которые включены в программу подготовки китайских студентов к ГИА.

В разделе «Основы морфологии приводятся необходимые теоретические сведения и предлагаются упражнения для их закрепления. В конце каждой темы приводятся контрольные вопросы, среди которых есть вопросы, связанные с грамматикой китайского языка, например, после темы «Морфология как раздел грамматики» поставлены такие вопросы: 1. Что изучает морфология? 2. Как связаны лексические и грамматические значения? 3. Сколько частей речи в русском языке, в какие группы они объединяются? 4. Приведите примеры слов, относящихся к разным частям речи. 5. Расскажите, какие части речи есть в китайском языке.

Для повышения интереса к г. Ростову-на-Дону, Донскому краю в пособии используется материал, посвященный истории города, его культуре. Так, существительные разных лексико-грамматических разрядов нужно выбрать из текста, содержащего основные сведения из истории появления г. Ростова-на-Дону, в теме «Имя числительное» одно из заданий содержит сведения о расположении Ростовской области, о количестве населения. В контрольной работе по темам «Имя прилагательное» и «Местоимение» для анализа дается песня «Ростов-город».

Для формирования интереса к русской литературе в пособии используется материал из произведений русской классики: роман «Евгений Онегин» (темы «Имя существительное», «Имя прилагательное»), стихотворения «Парус», «Я помню чудное мгновенье», «На смерть поэта» (тема «Глагол»), «Кем быть» (темы «Местоимения», «Имя числительное»). Этот материал используется для анализа при изучении как отдельных тем, так и для написания контрольных работ, предполагающих разбор слов по схемам, предлагаемым в пособии.

Если о частях речи в русском языке студенты имеют представление, полученное в ходе изучения практической грамматики в китайских вузах, а в задачи курса «Основы морфологии» входит углубление и систематизация этих знаний, то со словообразованием русского языка китайские студенты, как правило, не знакомы. Этот раздел русского языка представляет особую трудность в силу различий между русским и китайским языком.

Методисты, специалисты в области преподавания русского языка как иностранного подчеркивают особую роль «комплексных словообразовательных единиц в освоении будущими зарубежными филологами русской языковой картины мира» [Красильникова 2011, с. 9].

В раздел «Основы словообразования» входят такие темы, как «Основные понятия словообразования», «Понятие словообразовательной структуры слова». Основное внимание

в этом разделе уделено образованию существительных, т.к. эта часть речи является самой неогенной в русском языке. В разделе рассмотрено образование агентивных и отвлеченных существительных. В качестве заданий использованы как традиционные – анализ структуры производных слов, заполнение недостающих звеньев словообразовательных цепочек, так и творческие. Особое место занимают задания по конструированию новых слов, которые были выбраны из словарей новых слов. Их создание позволит студентам увидеть активные процессы, идущие в современном русском языке, а также получить представление о так называемых *ключевых словах*, напр.:

Задание 1. Образуйте существительные мужского рода со следующими суффиксами:

а) суф. -чик/-щик

тот, кто пользуется интернетом –

тот, кто снимается в сериалах –

и др.

б) суф. -ист

тот, кто играет в бадминтон –

тот, кто является специалистом по рекламе –

и др.

в) суф. -ник

тот, кто сдает ЕГЭ –

и др.

г) суф. -ец/-овец

тот, кто является специалистом по пиару –

и др.

Важным считаем также показать процесс феминизация – образование существительных, обозначающих женщин, ср.:

Задание 1. Образуйте пары к существительным мужского рода. Отметьте те примеры, где существительное женского рода может иметь значение и «лицо женского пола», и «жена лица, названного мотивирующим существительным»;

банкир –

бизнесмен –

детективщик –

губернатор –

и др.

Важную роль в аспекте формирования словообразовательного компонента коммуникативной компетенции приходится на долю образования отвлеченных существительных, где можно увидеть связь между признаком, субстанцией и действием, ср.:

Задание 2. Образуйте отвлеченные существительные. Ответьте на вопрос, какие суффиксы наиболее продуктивны при образовании отвлеченных существительных в современном русском языке:

а) от прилагательных:

авторитарный –

благотворительный –

виртуальный –

и др.

б) от существительных:

банкрот –

блогер –

губернатор –

и др.

в) от глаголов:

гуманизировать –

девальвировать –

компьютеризировать

и др.

В разделе «Основы словообразования» мы также взяли на себя смелость познакомить китайских студентов с типологией новых слов, некоторыми приемами их создания. чтобы ввести понятие языковой игры, которая согласно современному подходу к методике

преподавания РКИ вполне может служить средством «формирования лингвокреативной компетенции» студентов-инофонов.

Для закрепления теоретических знаний о неологии студентам предлагается такое задание:

Задание 1. Рассмотрите предложенные окказионализмы, употребленные в языке современных российских СМИ, определите их значение и способ создания.

1. В автосалонах продают «нашемарки».
2. ГРИППидемия.
3. «Копейка» станет «Юанькой» и др.

В разделе «Основы морфологии» китайские студенты получили представление о правилах образования в современном русском языке сравнительной и превосходной степени, поэтому мы сочли нелишним показать, их игровые трансформации, которые можно увидеть в языке СМИ и рекламы. Этот материал можно найти в Приложении 6 («Игровая морфология в языке СМИ и рекламы»). В языке СМИ морфологическая игра представлена окказиональными формами сравнительной степени, напр.: *Все мерседеснее* (Итоги. 28.01.08).

В языке рекламы морфологическая игра представлена:

– окказиональными формами сравнительной степени: напр.:

Куда они спешат?

На новый аромат «Fairy»!

Яблочнее яблок! Лимоннее лимонов! Ягоднее ягод! (реклама моющего средства «Fairy»);

– окказиональными формами превосходной степени, напр.: *САМЫЙ ИГРУШЕЧНЫЙ МАГАЗИН КАТЮША* (реклама детского магазина «Катюша»); *САМЫЙ МАЙОНЕЗНЫЙ МАЙОНЕЗ* (реклама майонеза «Провансаль»); *САМЫЙ ПРОВАНСАЛЬНЫЙ ПРОВАНСАЛЬ* (реклама майонеза «Провансаль»).

Студенты уже знакомы с типологией новых слов, поэтому определение *окказиональный* не является для них новым, тем не менее все примеры сопровождаются комментариями, в которых содержится объяснение, в чем заключается отступление от нормы. В одних случаях это образование ненормативной степени сравнения от узуальных прилагательных – *яблочный, лимонный, ягодный, игрушечный, майонезный*, в других – создание окказиональных прилагательных – *мерседеснее, провансальный*,

Опыт работы с китайскими студентами показывает, что примеры языковой игры вызывают большой интерес, студенты стремятся понять механизмы игры, а поняв, испытывают настоящее удовольствие, так что языковая игра действительно может использоваться в практике преподавания РКИ для формирования лингвокреативных навыков, т.к. «уровень креативного мышления на иностранном языке у студентов-лингвистов напрямую связан с развитием их лингвокреативности...» [Чэнь Няньцзу 2022, с. 3].

Литература

1. Ильясова С. В., Амири Л. П. Основы морфологии и словообразования : учебное пособие. Ростов н/Д.; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2020.
2. Красильникова Л. В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов: На материале суффиксальных существительных : монография. М. : МАКС Пресс, 2011.
3. Чэнь Няньцзу. Лингвокреативный потенциал языковой игры в обучении русскому языку как иностранному : автореф. ... дис. канд. пед. наук. Казань, 2022.

Кайгородова И.Н., Беззубикова М.В.
*Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия*

ТЕКСТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ НАЧАЛА XIX в. КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. Тексты первой астраханской печатной газеты «Восточные известия» (1813–1816) отражают сложный процесс становления норм литературного языка в период споров о «старом и новом слоге». Становление русского литературного языка «нового» времени происходило в условиях сохранения традиции (архаизации отдельных звеньев). Региональная периодика представляет интерес как материал для исторического изучения русского литературного языка и его территориальных разновидностей.

Ключевые слова: норма, языковая ситуация, церковнославянский язык, литературный язык

*Kaigorodova I.N., Bezzubikova M.V.
Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

TEXTS OF THE REGIONAL PERIODICALS OF THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY AS A LINGUISTIC SOURCE

Abstract. The texts of the first Astrakhan printed newspaper "Vostochnye Izvestia" (1813–1816) reflect the complex process of the formation of the norms of the literary language during the period of disputes about the "old and new style". The formation of the Russian literary language of the "new" time took place in the conditions of the preservation of tradition (archaization of individual links). Regional periodicals are of interest as material for the historical study of the Russian literary language and its territorial varieties.

Keywords: norm, language situation, Church Slavonic language, literary language

Начало XIX в. – время поиска путей нормализации русского литературного языка и построения его стилистической системы. «Начало кодификации русского языка связано со стремлением осознать и зафиксировать различия между церковнославянским и русским языком» [Успенский 1994, с. 106].

Становление языка «нового типа» происходило на фоне значительных изменений в общественно-политической жизни России, Отечественной войны 1812 г., формирования литературных направлений сентиментализма и романтизма, усложнения базы книжной культуры, связанного, в том числе, и с появлением газет. Учитывая подобные обстоятельства, А.А. Шахматов указывал, что «история русского литературного языка – это история постепенного развития русского просвещения» [Шахматов 1941, с. 256]. Его высказывание обусловлено тем, что понятие нормы, языковой правильности в языковом сознании связывается с книжным языком, который представляет кодифицированную разновидность языка. На функциональном уровне в XI–XVII вв. традиционно считается, что церковнославянский язык воспринимался как нормированный, противопоставленный народному языку. «Норма – динамический процесс экспликации инварианта на основе речевых вариантов, выработанных развивающейся системой языка, которые в данном их функционировании воспринимаются как варианты стилистические» [Колесов 2003, с. 104]. К началу XIX в. сложились новые типы социальной коммуникации, вырабатывались варианты стиля, которые в дальнейшем образуют функциональные стили. Таким образом, именно текст выступает проводником культуры и нормы языка. В изучении исторических языковых процессов и становления норм русского литературного языка значительный интерес представляют малоизученные лингвистами региональные газеты начала XIX в. «Восточные известия» – частная астраханская периодическая газета (1813–1816). Первая печатная газета «Восточные известия» представляла собой особое явление в русской и местной культурной жизни.

Тематическое содержание издания было разнообразным: «Газета публиковала географические, топографические, исторические, археологические, этнографические, статистические

и прочие материалы, и тем самым способствовала формированию разносторонних информационных потребностей читательской аудитории во всей Астраханской губернии» [Белоплская 2010, с. 150].

Для языковеда региональная периодика двухсотлетней давности является источником изучения, как как пишущие использовали языковые ресурсы. Например, тексты от издателя И.А. Вейсгопфена: 1) «Желая соответствовать ожиданию Правительства и темъ показать себя благодарнымъ за изливаемая на меня милости, приглашаю и покорнѣйше прошу любителей наукъ и народного просвѣщенія, сдѣлавъ свои замѣчания въ разсужденіи Азіи, присылать на имя Конторы Восточныхъ Извѣстій то, что служить можетъ к наставленію или подражанію. Все, что помѣщенія достойнымъ найдено будетъ, примется съ благодарностію» [Восточные известия № 2, с. 14]; 2) «Имѣвъ честь первый ввести съ 1813 года в здѣшній Губернскій городъ Астрахань періодическое изданіе подъ названіемъ: Восточныя Извѣстія; и поощренъ довольною подпискою наипаче здѣшней Почтеннѣйшей Публики къ продолженію сего изданія и на будущій 1814 годъ, спѣшу принести Г. Читателямъ чувствительнѣйшую мою благодарность, смѣло увѣряя Ихъ, что Источники, изъ коих до сих поръ почерпаль, не только не истощились, но еще чистѣйшее и изобильнѣйшее возмутъ теченіе» [Восточные известия № 38, с. 316].

Уже при самом поверхностном знакомстве с языком текстов от издателя обнаруживается его смешанный характер. Во всех материалах сосуществуют как элементы живого народного языка, так и церковнославянские, книжные. В приведенных фрагментах отражена манера искусственно-книжного, перифрастического изложения мыслей. Издательские тексты представляют собой обращение к читателям: 1) о сотрудничестве с газетой, 2) об открытии подписки на новый 1814 г. Исходя из прагматической установки издателя И.А. Вейсгопфена, собрать больше подписчиков на 1814 г., он в своем обращении использует формулы «высокого слога». Обращения к публике представляют собой образец деловой речи. Синтаксис книжного текста должен строиться по принципу логического развертывания и этот принцип соблюдается в текстах. Усложняет восприятие содержания сцепление выразительных средств, обращенных к сфере этики, эмоций: здешней Почтеннѣйшей Публики; прошу любителей наук и народного просвещения; благодарным за изливаемая на меня милости; чувствительнѣйшую мою благодарность; чистейшее и изобильнѣйшее возмутъ течение (источники информации – И.Н.).

Сгущение эмоционально-этических и этикетных смыслов, коннотаций формирует эмоциональную тональность обращений издателя – частного предпринимателя, его деловые обращения имеют личный характер. На выбор стилистических средств выражения в большой степени повлияли сентиментальные и романтические произведения литература. Как отмечает В.М. Живов: «Новый языковой стандарт приобретает стилистическую дифференциацию не в научных или общеобразовательных сочинениях, а прежде всего в изящной словесности. Язык литературы оказывает здесь прямое воздействие на литературный язык; этот процесс становится возможен благодаря тому, что получает развитие многожанровая, объединенная интертекстуальными связями литература» [Живов 2017, с. 1086].

Тексты «От издателя» (1813) написан в период становления нового литературного языка. Выбор языковых средств зависит от коммуникативного намерения автора. Он использует церковнославянские языковые средства. В наших текстах представлены: наречие наипаче ('особенно, преимущественно'), местоимение сего, существительные милость, благодарный, довольною ('большой, достаточный') и т.п. Средства церковнославянского языка в анализируемых текстах соседствует с народной живой речью: деепричастие имевъ (глагольная форма, которая начала оформляться в русском языке в XVIII веке; здешняя (публика); замечание; периодическое издание и др.

Тексты периодических изданий начала XIX века представляют несомненный интерес как материал для исторического изучения процессов взаимодействия и взаимовлияния литературного языка и региональных разновидностей речи, а также для изучения русского языка XIX века в контексте истории формирования современного литературного языка и его стилей.

Литература

1. Белолипская Г. С. Этническая и историко-этнографическая тематика встраханской прессе первой половины XIX в. // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2010. № 66. С. 149–156.
2. Восточные известия (1813–1816) // ЭБ «Астраханская краеведческая коллекция». URL: <http://aonb.astranet.ru/kk/col9.html> (дата обращения: 19.09.2022).
3. Живов В. М. История языка русской письменности : в 2 т. Том II. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
4. Колесов В. В. Взаимоотношение стиля и нормы в учениях XVIII в. // История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. С. 104–117.
5. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX в.). М. : Гнозис, 1994.
6. Шахматов А. А. Очерк современного русского языка. М. : Учпедгиз, 1941.

Каллистратидис Е.В.
*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

КАРНАВАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В НЕФОРМАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Рассматриваются русскоязычные интернет-тексты, смысловое пространство которых основано на карнавальном переворачивании типично маскулинного и типично фемининного. Устанавливается их роль в воспроизведении, ретрансляции и переосмыслении гендерных стереотипов. Подчеркивается их рискогенный и конфликтогенный потенциал.

Ключевые слова: неформальная интернет-коммуникация, интернет-текст, гендерные стереотипы

Kallistratidis E.V.
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

CARNIVALESQUE REPRESENTATION OF GENDER STEREOTYPES IN THE RUSSIAN LANGUAGE INTERNET COMMUNICATION

Abstract. The article regards the Russian language internet texts with the semantic area based on the carnivalesque reversing of the typical masculine and feminine features. The article specifies their role in the gender stereotypes reproduction, transition and overestimating. It underlines their risk-causing and conflict-causing potency.

Keywords: informal Internet communication, Internet text, gender stereotypes

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью научного осмысления новейших трансформаций гендерной картины мира и важностью изучения гендеризированных интернет-опосредованных речевых практик носителей русского языка, а также потребностью в определении той роли, которую играет социальная интернет-коммуникация в изменении гендерного порядка современного российского общества. Объект исследования – стереотипные представления медийно активных русскоязычных интернет-пользователей об особенностях поведения, личностных качествах и социальных ролях мужчин и женщин. Предмет – специфический способ ретрансляции, осмысления и оценки гендерных стереотипов, состоящий в карнавальной репрезентации фрагмента внеязыковой реальности и демонстративном переворачивании типично мужского и типично женского в смысловом пространстве интернет-текста. Исследование проводится на материале как собственно вербальных, так и креолизованных (мультимодальных) речевых произведений, размещенных в коммуникативном пространстве русскоязычных развлекательных порталов и социальных медиа и манифестирующих неформальную интернет-коммуникацию.

Традиционно под гендерными стереотипами понимаются обобщенные представления о роли мужчин и женщин в обществе, отражаемые в речевых практиках «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения

представителей обоих полов» [Кирилина 1999, с. 98]. Отмечается, что стереотипы носят условный характер, поскольку представляют собой результат общественного договора, однако при этом они являются весьма устойчивыми, что объясняется не только негибкостью человеческих убеждений, но и теми ролями, которые мужчины и женщины выполняют в обществе [Hentschel et al. 2019]. Таким образом, полоролевые установки – это одновременно и следствие актуального гендерного порядка, и способ его поддержания. Исследователи указывают на тот факт, что «стереотипы не только облегчают коммуникацию, задавая стандартную схему или модель мышления, но и являются фактором, препятствующим успешной коммуникации, так как зачастую они приводят к неправильному толкованию поведения или слов представителя другой социальной или этнической группы» [Кооистра, Щипицина 2005, с. 48]. В последние годы зарубежные ученые все чаще говорят об ограничительной функции (limiting function) гендерных стереотипов, препятствующих полноценной социализации и реализации личности и побуждающих людей (прежде всего – женщин) к самоограничению (self-limiting) в профессиональной сфере [Tabassum, Nayak 2021]. Основательная критика полоролевых установок, их обсуждение и переосмысление присутствуют также и в дискурсе общественности, при этом многочисленные коммуникативные площадки, возникающие на базе новейших интернет-опосредованных средств массовой коммуникации, в первую очередь становятся ареной подобных дискуссий.

Неформальная интернет-коммуникация с ее анонимностью и псевдонимностью, дистантным характером взаимодействия и отрицанием социальной иерархии создает идеальную среду для реализации творческого потенциала языковой личности, хотя конечный продукт подобной лингвокреативной деятельности не может расцениваться как произведение искусства или значимый артефакт, имеющий художественную ценность. Однако в подобных текстах может содержаться социально-значимая информация, свидетельствующая о точках наибольшего эмоционального напряжения рядовых носителей языка.

Нами был выявлен целый ряд текстов, относящихся как к интернет-специфичным (демотиватор, мем, лирическая миниатюра), так и адаптированным (комикс, афоризм) жанрам, в смысловом пространстве которых происходит мена мужского и женского, эксплицирующая представления анонимного автора об инверсии социальных ролей мужчин и женщин или направленная на утверждение традиционных общепринятых представлений. Обратимся к некоторым примерам. Визуальный компонент демотиватора представлен фотографией мужчины, который дает пощечину женщине, его вербальный компонент следующий: *СЛЕВА – ЖЕНЩИНА / справа – баба* (<https://otvet.mail.ru/question/172502995>, 2016). Грубая сниженно-разговорная лексема *баба*, имеющая ярко выраженную семантику женскости, используется продуцентом в качестве инвертированной номинации для обозначения лица мужского пола. Анонимный автор противопоставляет нейтральное общепринятое обозначение *женщина* и сниженное маркированное *баба*, при этом ретранслируется общепринятое представление об эталоне маскулинности, при котором мужчина не должен и не может применять физическую силу против женщины. Тот, кто нарушает это правило, исключается из числа мужчин, не может называться мужчиной. В другом демотиваторе в роли визуального компонента выступает постановочная фотография, на которой изображены мужчина и женщина (по всей видимости, семейная пара) перед зеркалом, при этом мужчина наносит макияж, а женщина бреется. Вербальный компонент представлен следующим текстом: *ГЕНДЕР/ чем женственней мужчины, тем мужественней женщины* (<http://srn.su/?p=7533>, 11.03.2016). Вероятно, забота о собственной внешности воспринимается как признак феминности, однако в этом конкретном тексте она является символом каких-то более глобальных поведенческих изменений, при этом феминизация мужчин представляется причиной маскулинизации женщин. Лаконичность текста демотиватора, а также невозможность уточнить или понять из окружающего контекста, что именно автор имел в виду, способствуют возникновению эффекта множественности потенциального истолкования, при котором каждый реципиент вкладывает в текст свои собственные смыслы, основанные на его собственном личностном опыте. Подобный текст может быть приглашением к дискуссии, побуждением к обсуждению гендерных вопросов.

В составе кратких афористических высказываний, часто выступающих в роли вербального компонента в составе текстов с минимальной креолизацией, нередко идет речь о том, что женщина может *стать*, *быть* или *побыть* мужчиной, причем в разных высказываниях подобные обороты могут апеллировать как к одобряемым, так и к порицаемым характеристикам маскулинности. Одним из самых популярных афоризмов подобного рода является

цитата из книги Марты Кетро «Горький шоколад. Книга утешений»: «*Мы сами стали теми парнями, за которых в юности мечтали выйти замуж*». Интернет-пользовательницы часто приписывают это высказывание голливудской актрисе Шерон Стоун и используют его в разного рода цифровых открытках с ее изображением, а также в качестве статусов в социальных сетях и в личных подписях в ветках форумов. Другой достаточно распространенный афоризм звучит следующим образом: «*Женщина периодически устает быть мужчиной*» (s30246402118.mirtesen.ru/blog/43601637841/Myi-sami-stali-temi-parnyami,-o-kotoryih-mechtali...?utm_referrer=mirtesen.ru&page=2#42098965697, 2016). В обоих случаях имеется в виду, что женщины становятся носителями одобряемых мужских личностных качеств и, вероятно, берут на себя ряд традиционных мужских функций, при этом характер высказываний свидетельствует о том, что сам факт подобной маскулинизации является вынужденной мерой, обусловленной необходимостью и безысходностью, и воспринимается с некоторым сожалением. В обоих высказываниях актуализированы социально одобряемые мужские качества, в других же интернет-текстах актуализируются антиценности, ассоциируемые с мужчинами, например: «*Бывают такие дни, когда даже самой сильной женщине хочется побыть простым слабым мужиком*» (<https://www.liveinternet.ru/users/auzirinka/post390616002/>, 12.05.2016); «*Решила по дому мужскую работу сделать сама – легла на диван, смотрю телевизор, тяжело, не спорю, но надо...*» (<https://askee.ru/question/196>, 06.04.2019). Эти тексты часто повторяются, становясь вербальными компонентами разных креолизованных текстов, при этом в роли визуальных составляющих подобных мультимодальных единств используются фотографии, рисунки, карикатуры, изображающие отдыхающего на диване человека (мужчину или женщину). Здесь эксплицируется представление о мужской лени в бытовых вопросах, в комической форме порицается нежелание и неспособность мужчин заниматься работой по дому.

Развлекательные интернет-порталы размещают отдельные серии однокомпонентных комиксов, снабженных общим заголовком «*Если бы мужчины и женщины поменялись местами*». Каждое изображение является самостоятельным сюжетным текстом и может функционировать как само по себе, так и в составе серии картинок, в нем утрированно изображается какая-то типичная конфликтная ситуация, возникающая в супружеской паре, и актуализируется одно стереотипное представление и поведении мужчины или женщины. Одна из таких серий имеет следующий подзаголовок: *Как только поменяешь местами привычные стандарты поведения мужчин и женщин, так сразу бросается в глаза, что в этом обществе не так. И с теми, и с другими* (<http://soulpost.ru/esli-by-muzhchiny-i-zhenshhiny-pomenyalis-mestami-v-kartinkax/>). Это могут быть как специально созданные цифровым художником рисунки, так и схематичные фотографические изображения партнеров, находящихся в состоянии ссоры, при этом основной фокус внимания сосредоточен на вербальном поведении типичного мужчины или типичной женщины. Реплика персонажа носит утрированный характер и является признаком некой типичной поведенческой характеристики. Так, мужские персонажи говорят следующее:

– *В смысле найти работу? Хочешь, чтобы все думали, что ты не в состоянии содержать своего парня?* (<https://bugaga.ru/pictures/1146761932-esli-by-vse-muzhchiny-velisebya-kak-zhenschiny.html#ixzz6Hgl8z2OK>, 11.08.2017);

– *Ну поцарапал сковородку? Ну и что? Главное же, что я не пострадал!* (там же);

– *На выходных ничего не планирую. Повезешь меня с батей на футбол* (там же).

Реплики женских персонажей выглядят следующим образом:

– *Дорогой, где моя помада? Где мои очки? Куда подевалось мое розовое платье?* (<https://gdepapa.ru/forum/dating/radost/topic19132/>, 28.01.2017);

– *Сколько можно выбирать? У тебя уже миллион таких деталей!* (там же).

В подобных креолизованных текстах осуждаются такие типично мужские черты, как нечуткость, отсутствие эмпатии, неспособность обслужить себя на бытовом уровне, склонность к изменам, неуважением к женщине в спортзале или на дороге, и такие женские поведенческие особенности, как меркантильность, нежелание работать и делать финансовый вклад в благополучие семьи, эмоциональная нестабильность, потребность в эмоциональной и материальной опеке. Происходит атрибуция предметов к мирам мужского и женского. Посуда, косметика, одежда – это то, чем обычно пользуется женщина, – в то время как к вещному миру мужских предметов относятся инструменты, детали и автомобили.

Рассмотренные тексты способствуют распространению социально значимой информации, которая без возможности размещения пользовательского контента никогда бы не стала доступной широкому кругу читателей. Подобные образцы низового примитивного творчества выполняют терапевтическую функцию, помогая пользователям избавиться от эмоционального напряжения, высказать негативные эмоции и поделиться наболевшим с единомышленниками и единомышленницами. Однако подобные речевые произведения обладают значительным рискогенным и конфликтогенным потенциалом, поскольку с их помощью происходит ретрансляция сексистских образов и смыслов, создаются негативные образы как маскулинности, так и фемининности, что может способствовать возникновению гендерно-обусловленных конфликтов.

Литература

1. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты : монография. М. : Ин-т социологии РАН, 1999.
2. Кооистра Л. Е., Щипицина Л. Ю. Особенности проявления русских и немецких гендерных стереотипов в анекдотах о женщинах // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 1. С. 48–53.
3. Hentschel T., Heilman M., Peus C. The Multiple Dimensions of Gender Stereotypes: A Current Look at Men's and Women's Characterizations of Others and Themselves // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 1. P. 1–19. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00011>
4. Tabassum N., Nayak B.S. Gender Stereotypes and Their Impact on Women's Career Progressions from a Managerial Perspective // *IIM Kozhikode Society & Management Review*. Vol. 10. Iss. 2. P. 1–17. <https://doi.org/10.1177/2277975220975513>

Каймаразова А.К.
*Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия*

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: КРЕАТИВНОСТЬ, ОБРАЗНОСТЬ, ЯЗЫКОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. Статья посвящена анализу современного рекламного текста с позиций лингвокультурологического подхода, представлению важнейших свойств языка рекламы – креативности, оригинальности и образности. Рассматриваются вопросы взаимосвязи в рекламном тексте национального языка, языковой картины мира, менталитета и культуры; креативность интерпретируется как важнейший фактор формирования высокоэффективного рекламного текста.

Ключевые слова: артефакт, лингвокультурология, рекламный текст, креативная лингвистика, креативность, рекламный образ, менталитет, язык

Kaimarazova A.K.
*Kuban State University,
Krasnodar, Russia*

ADVERTISING TEXT THROUGH THE PRISM OF LINGUOCULTUROLOGY: CREATIVITY, IMAGE, LANGUAGE POTENTIAL

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern advertising text from the standpoint of a linguoculturological approach, to the presentation of the most important properties of the language of advertising – creativity, originality and imagery. The issues of interconnection in the advertising text of the national language, language picture of the world, mentality and culture are considered; creativity is interpreted as the most important factor in the formation of a highly effective advertising text.

Keywords: artifact, linguoculturology, advertising text, creative linguistics, creativity, advertising image, mentality, language

Современная реклама как социокультурное явление, как социокоммуникативный феномен характеризуется многообразием типов, видов и жанров рекламных текстов, калейдоскопичность которых отражает поликоммуникативный статус их функционирования в лингвокультурном пространстве общества. В рекламном тексте в органичном единстве воплощены фундаментальные мегасубстанции – Язык и Культура, взаимосвязь и взаимовлияние которых изучает по определенной методике направление лингвокультурологии.

Е.И. Зиновьева разработала следующее определение лингвокультурологии: это филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса. Это должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка» [Зиновьева 2016, с. 12].

Лингвокультурология изучает особенности национальной культуры и менталитета в их языковой реализации, а также «единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре» [Маслова 2001, с. 36].

Лингвокультурология как комплексная многопрофильная наука решает ряд взаимосвязанных и взаимообуславливающих друг друга проблем: «1) как культура участвует в образовании языковых концептов; 2) к какой части значения языкового знака прикрепляются “культурные смыслы”; 3) осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии; 4) существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы» [Маслова 2001, с. 31].

При рассмотрении лингвокультурной специфики рекламного текста обнаруживается, что в нем как в национально-языковом конструкте определяющими аспектами выступают менталитет и языковая картина мира в целом: менталитет отражает культурную сторону восприятия мира, а ЯКМ – лингвокультурную сторону [Соседова 2013, с. 275]. Объектами рекламирования в текстах различных типов всегда являются артефакты, которые представляют собой результат познания и эволюции культуры в исторических цивилизационных процессах. В конкретном социуме языковая репрезентация артефактов культуры в пространстве рекламного текста неразрывно коррелирует с ментальностью носителей языка, с ментальными установками потенциальных потребителей рекламных продуктов.

В условиях глобализации при возрастающей конкуренции международных и отечественных рекламных фирм важнейшим фактором создания эффектно-эффективного рекламного текста выступает **креативность**. Существуют следующие актуальные для нашего исследования определения понятия «креативность»: 1. Креативность – (англ. create – создавать, creative – созидательный, творческий) – творческие способности, характеризующиеся готовностью к созданию принципиально новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления, и входящие в структуру одаренности в качестве независимого фактора, а также способность решать возникающие внутри статичных систем [Ремчукова 2016]. 2. Креативность (лат. creative – творческий, лат. creatio – создание) – термин Дж. Гилфорда – «способность порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации. К. измеряется по показателям продуктивности, подвижности, оригинальности решения тестов творческого мышления, разработанных П. Торренсом» [Козловский 2002, с. 25]. Ученые отмечают, что этот термин номинирует умственные процессы, которые обуславливают возникновение различных идей, ведут к решениям, осмыслениям, способствуют созданию уникальных художественных форм, теорий или любых продуктов, являющихся новыми и эксклюзивными.

В разработке теории лингвокреативности особое значение имеет когнитивная область лингвистики. Наиболее выдающимися когнитологами считаются Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Хомский, Ж. Фоконье и М. Тернер. В отечественной науке проблемами креативной лингвистики занимаются В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Д.О. Добровольский, Е.Н. Ремчукова и другие исследователи.

Лингвисты приходят к выводу о том, что мощност суггестивного воздействия в рекламном тексте «зависит от творческого потенциала его разработчиков, от уровня креативности мышления и владения ресурсами национального языка. Образность, символность, эмотивность рекламных продуктов создают особую картину мира – рекламную, которая сродни виртуальной картине мира: в ней в идеальном пространстве живут идеальные люди,

потрясающие своей красотой, успешностью, здоровьем и благополучием. Реклама внушает, что для того, чтобы приобщиться к этому социальному слою, стоящему на вершине социальной лестницы, нужно всего-навсего купить то, что предлагает рекламный текст. Сильнейшим суггестором в рекламном дискурсе выступает Слово [Буянова, Жукова 2018, с. 89].

Центром каждого рекламного текста, независимо от его типа, выступает **рекламный образ** как знак-субститут рекламируемого артефакта (товара), содержание и символический смысл которого может примерно одинаково пониматься и восприниматься носителями языка. Проблема дефиниции термина «образ» до настоящего времени достаточно сложна в силу его многоплановости. В рамках рекламного дискурса наиболее адекватным мы считаем следующее определение понятия «**образ**» посредством синонимического ряда: это «вид, изображение, облик; отражение, отображение, представление; символ, тип; способ, стиль» (Тезаурус русской деловой лексики). Рекламный образ неотделим от той материальной формы, в которой он воплощен. Это качество характерно для любого творческого произведения. Но, в отличие от произведений искусства, восприятие которых, как правило, предполагает соответствующую установку реципиента, рекламное сообщение неразрывно связано с тем контекстом, в который оно попадает. Создание уникального креативного рекламного образа опирается на такие языковые процессы, как языковая игра, языковая рефлексия, метафоризация, гиперболизация, окказионализация, деривационная модификация и др. Результаты этих процессов репрезентируют неисчерпаемый потенциал национального языка, свидетельствуют о широких возможностях и безграничности вербального семиозиса в целом. К примеру, в рекламном тексте креативным является использование формы сравнительной степени имени прилагательного (**формы компаратива**), слов и словосочетаний для номинации разных уровней и степени признака: «**Ягоднее ягод**» (реклама морса). Такая необычная модель формы компаратива представляет собой важное средство квалификации рекламируемого товара. Особой креативностью обладают в рекламе **прецедентные тексты**, базирующиеся на аллюзии, потому что каждый из них активизирует в мышлении носителя языка особые эмоционально-экспрессивные и ассоциативные связи, дополненные смысловыми приращениями. **Окказиональная деривация** – один из эффективнейших креативных языковых процессов, делающих рекламные тексты максимально суггестивными. Например, слоган в рекламе магазина «Красный куб» отличается высокой креативностью: «**оХРЮенный Новый Год**», где окказионализм «**оХРЮенный**» акцентирует внимание на подарках, которые следует дарить именно в **Год свиньи**.

Язык рекламного дискурса отличается креативностью, оригинальностью моделируемых конструктов, семиотическим потенциалом, что отражает его эволюционный потенциал развития не только рекламного, но и национального языка.

Литература

1. Буянова Л. Ю., Жукова П. Д. Языковая креативность как фактор эволюции рекламного дискурса // Актуальные вопросы современной филологии : материалы III Международной научно-практической конференции (докторантов, аспирантов и магистрантов). Краснодар : КубГУ, 2018. С. 88–91.
2. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. СПб. : СПбГУ, 2016. 182 с.
3. Козловский В. И. Креативные основы рекламной коммуникации. М., 2002.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие. М., 2001. 208 с.
5. Ремчукова Е. Н. Креативная лингвистика. URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/disc/?id=3316&rasd_id=98611&v=1630.
6. Соседова В. С. Соотношение понятий «менталитет» и «языковая картина мира» в современной лингвистике // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 275–279.
7. Тезаурус русской деловой лексики URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/business-vocabulary/fc/slovar-206-1.htm#zag-715> (дата обращения: 01.06.2022).

Камкова Е.Ю.
*Волгоградский государственный медицинский университет,
г. Волгоград, Россия,*
Арчебасова Н.А.
*Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. Основываясь на новейших концепциях и личном опыте, авторы представили специфику использования цифровых технологий в обучении иностранных студентов российских вузов русскому как иностранному. Содержательная линия статьи построена на сравнительном анализе пяти важных индикаторов цифровой грамотности преподавателей и обучающихся.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая грамотность, цифровые аборигены, русский как иностранный, высшее образование

Kamkova E.Yu.
*Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia,*
Archebasova N.A.
*Volgograd State University,
Volgograd, Russia*

DIGITAL TECHNOLOGIES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. Based on the latest concepts and personal experience, the authors presented the specifics of using digital technologies in teaching Russian as a foreign language and other educational courses to foreign students of Russian universities. The content line of the article is based on a comparative analysis of five important indicators of digital literacy of teachers and students.

Keywords: digital technologies, digital literacy, digital natives, Russian as a foreign language, higher education

Парадоксом современной системы образования в каждом государстве является необходимость использования в учебном процессе цифровых технологий преподавателями, относящимися в соответствии с «Теорией поколений» [Ядов, 2005] У. Штрауса и Н. Хау к людям не моложе поколения Y (1980–1999 годы рождения), применительно к обучающимся, относящимся к поколению Z (после 2000 года рождения). Между ними возникает проблема общения «цифровых иммигрантов» с «цифровыми аборигенами» [Пренски, 2001]. Первые видят в цифровых технологиях учебную цель, идут к ней по пути овладения цифровой грамотностью дополнительно к общим профессиональным компетенциям. Для вторых они являются привычным образом жизни, приоритетной технологией познания мира, современной ноосферой. Для выстраивания педагогического общения требуется достижение достаточно высокого уровня цифровой грамотности в первую очередь у преподавателей.

Цифровую грамотность преподавателей можно измерять в пяти важных индикаторах.

1. **Отношение к инновациям.** Внутреннее сопротивление изменениям приводит к преобладанию традиционалистского подхода в преподавании предмета, когда с обучающимися «цифрового поколения Z» не удастся эффективно говорить на «одном» языке. В ситуации с преподаванием русского языка как иностранного можно говорить о наличии дополнительного языкового барьера. Напротив, открытость к инновациям с учетом основополагающего способа обучения в «Пирамиде обучения» Э. Дейла – обучение других – поможет преподавателям легче относиться к образовательной помощи обучающимся и активно использовать методы взаимообучения [О профессоре ...].

2. **Уровень компьютерной грамотности преподавателя** определяет принципы взаимодействия с учебной аудиторией и выбор цифровых оболочек педагогического общения, скорость и избирательность в переключении опций, характеристики интерфейсов

пользователей. При работе с иностранными студентами из разных стран требуется учитывать технологические возможности и особенности применительно к каждой стране. Этот фактор особенно проявил себя в условиях дистанционного обучения иностранных студентов российских вузов в период пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19. Стабильность интернет-соединения, доступность программ видео-конференц-связи, качество аудио сигналов и пр. требует от преподавателя либо постоянного сопровождения специалистами технической службы поддержки, либо владения навыками использования взаимозаменяемыми компьютерными технологиями обучения.

Для более полной картины возможностей применения дистанционных технологий в образовании мы обратились к собственному опыту преподавания. Использование контента YouTube весьма полезно, так как во время занятий на расстоянии у преподавателя нет возможности продемонстрировать на своем примере правильную артикуляцию звуков русского языка. Данные видео позволяют студентам понять и осознать, как правильно произносить те или иные звуки.

Онлайн-инструменты платформы Google Meet можно использовать на любых этапах занятия. Виртуальная доска позволяет создавать надписи в виде стикеров, а возможность передавать студентам управление мышью, позволяет им самостоятельно выполнять манипуляции на экране. Например, при изучении рода существительных в верхней части доски преподаватель размещает слова «он», «она», «оно»; дополнительно создаются стикеры, на каждом из которых записаны слова; студенты по очереди должны распределить слова по группам. Такого рода задания можно вводить с первых дней обучения.

Для работы с лексическим материалом мы использовали сервис «Quizlet». Это бесплатная, хорошо проработанная платформа, в которой возможно создавать лексические учебные сеты. Работу с лексикой можно осуществлять в разных режимах. Например, в режиме «Произнести» отрабатывается понимание русской речи; режим «Соответствия» позволяет научиться сопоставлять графический вид слова с его значением; режим «Тест» состоит из письменных сопоставительных вопросов.

Для реализации контроля на разных этапах занятия хорошо зарекомендовал себя формат тестирования. Тест позволяет не только установить уровень успешности обучения, но и выявить недостатки в ходе овладения учебным материалом. Здесь на помощь могут прийти бесплатные платформы, онлайн-конструкторы тестов (<https://www.natest.ru>, <https://www.testwizard.ru>, <https://onlinetestpad.com>, <https://master-test.net>, <https://madtest.ru> и др.).

Более подробно остановимся на сервисе Online Test Pad. С его помощью можно создавать различные виды тестов, опросы, логические игры, кроссворды онлайн и др. Для работы студентам не нужно регистрироваться, а преподавателю достаточно отправить ссылку на тест в мессенджере. В настройках теста можно ограничить время прохождения или назначить его на определенное время. Важно отметить, что современные дистанционные технологии не требуют от преподавателя РКИ специальных навыков программирования, чтобы создавать свои авторские онлайн-курсы [Богомолов, 2008].

3. **Медиаграмотность** основана на понимании информационного многообразия, использования различных каналов и форм распространения новостного контента, постоянном изучении новых «цифровых» слов в живом русском языке. Так, в 2022 году произошло первое крупное обновление «Русского орфографического словаря РАН». В него включили сразу сто пятьдесят новых слов, из которых тринадцать относятся к сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Например, «погуглить», «ретвикнуть», «медиафейк» и пр. Для преподавателей русского языка как иностранного объяснение иностранным студентам значения данных неологизмов даже с использованием языка-посредника английского представляется сложным. [РАН, 2022]. Актуализация содержания учебных дисциплин в условиях работы вузовских преподавателей со студенческими академическими группами, включающими иностранных студентов разных стран, является важным направлением развития современной системы образования. Накопленный преподавателями русского языка как иностранного опыт необходимо широко диверсифицировать и адаптировать.

4. **Коммуникативная грамотность** связана со способностью находить нужную теоретическую и практическую информацию, изменять ее объем (особенно сжимать, аннотировать), грамотно оперировать ею. «Цифровой серфинг» и «Цифровые кочевники» [Цифровые, 2022] являются условиями жизни, учебы и работы реальными для поколения Z (сленговый эквивалент – «поколение большого пальца» [Поколение ..., 2018]) и в большей степени

фэнтезийными для предыдущих поколений университетского сообщества. Однако ученые прогнозируют, что к 2030 году потребности поколения Z станут определяющими для человечества, так как они станут самой крупной составляющей его численности. Тогда, игровые технологии обучения, в которые вовлечены преподаватели и студенты позволят обыграть возможные поведенческие с статусные роли каждому участнику образовательного процесса. Авторы считают, что роль индивидуальных гаджетов в качестве средств обучения в вузе постоянно увеличивается и требует включения в дидактическо-методическое планирование учебных занятий.

5. **Коммуникативная грамотность** является базисом современных обязательных профессиональных компетенций преподавателей и обучающихся в области ИКТ-технологий. Она, пожалуй, единственная, где лидируют преподаватели. «Цифровое поколение» подвергается значительным рискам социальной изоляции из-за погружения в виртуальную среду [Lyman, 1998]. Им угрожает интернет-зависимость, facebook-депрессия, хейтерство, номофобия и прочие цифровые неприятности, лечение которых напрямую связано с возвращением в живое межличностное общение. Мобилизационный перевод системы образования в дистанционный, цифровой пандемический формат привел к пролонгированному эффекту зависимости от «диванного обучения» [Как ..., 2020].

Таким образом, при использовании цифровых технологий в обучении иностранных студентов на русском языке необходимо правильно оценивать навыки обучающихся и собственные и использовать педагогику сотрудничества. Это поможет достичь высоких результатов в формировании универсальных, общекультурных и профессиональных компетенций будущих выпускников вузов России.

Литература

1. Ядов В. А., Магун В. С., Семенова В. В. и др. Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России : монография. М. : Новое литературное обозрение, 2005.
2. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // NCB University Press. 2001. Vol. 9. No. 5, October; Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants, Part II: Do They Really Think Differently? // NCB University Press. 2001. Vol. 9. No. 6, December.
3. О профессоре Дейле, его «конусе опыта» и «пирамиде обучения», предложенной его последователями: статья // Открытый урок: сайт. URL: <https://www.openlesson.ru/?p=16822>.
4. Богомоллов А. Н. Научно-методическая разработка виртуальной языковой среды дистанционного обучения иностранному (русскому) языку : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2008.
5. РАН внесла в орфографический словарь русского языка 13 новых «IT-слов // D-RUSSIA.RU: сайт. URL: <https://d-russia.ru/ran-vnesla-v-orfograficheskij-slovar-russkogo-jazyka-13-novyh-it-slov.html> (дата публикации: 12.09.2022).
6. Цифровые кочевники: кто это такие и что стоит учесть при выборе такого образа жизни: статья // Нетология: сайт. URL: <https://netology.ru/blog/01-2022-digital-nomads> (дата публикации: 17.01.2022).
7. Поколение БОЛЬШОГО пальца! Новое поколение деградирует! // Дзен: интернет-портал. URL: <https://dzen.ru/media/id/5a6c25f2581669832e0b6059/pokolenie-bolshogo-palca-novoe-pokolenie-degradiruet-5a6dbf0aad0f223ee3889825> (дата публикации: 28.01.2018).
8. Lyman H. The promise and problems of english on-line: a primer for high school teachers // English Journal. 1998. № 87(1). P. 56–62.
9. Как не стать диванным экспертом для своих учеников? // Сайт НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/ma/mps/news/382611551.html> (дата публикации: 27.07.2020).

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022 гг., рук. В.В. Катермина).

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению метафорических групп с отпредметным и цветовым компонентом в англоязычном дискурсе на материале неологизмов. В тексте проводится анализ новых слов, отражающих коммуникативно-прагматические характеристики англоязычного дискурса. В статье подчеркивается, что набор ценностных концептов определяет прагматический аспект создания новой лексики, которая получает свою форму благодаря сочетанию аксиологических и когнитивных установок.

Ключевые слова: неологизм, метафора, язык, культура, коммуникация, цвет, предмет, аксиология

Katermina V.V.
Kuban State University, Krasnodar, Russia

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF ENGLISH METAPHORICAL NEOLOGISMS

Abstract. The article is devoted to the study of metaphorical groups with non-objective and color components in the English discourse on the material of neologisms. The text analyzes new words that reflect the communicative and pragmatic characteristics of the English discourse. The article emphasizes that a set of value concepts determines the pragmatic aspect of creating new vocabulary which gets its form through a combination of axiological and cognitive attitudes.

Keywords: neologism, metaphor, language, culture, communication, colour, object, axiology

Проанализировать актуальные тенденции процесса генезиса новых слов в языке можно с помощью единого когнитивно-прагматического подхода к изучению новой лексики. «Изучение влияния познания постоянно изменяющегося окружающего мира на формирование новой лексики позволяет рассмотреть проблемы формирования языковой картины мира. Рассмотрение когнитивных и прагматических аспектов порождения новой лексики позволяет выделить ряд закономерностей, характерных для современной стадии развития языка» [Катермина, Липириди 2021, с. 59].

Люди живут в условиях постоянного речевого воздействия, оказываемого на них современным обществом. Метафора служит одним из сильных средств такого воздействия и является не просто образным средством, а способом познания, структурирования и объяснения мира, имеющим значительный прагматический потенциал. Человек мыслит метафорами, создавая их с помощью мира, в котором живет. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «наша понятийная сфера носит преимущественно метафорический характер, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 387].

Ученые называют метафору фундаментальным чувством, помогающим понимать мир, они говорят о метафоре как о средстве оформления реальности. Метафора предстает как ключ к пониманию основ мышления и процессов сознания национально-специфического видения мира [Арутюнова 1999]. План содержания метафоры, а также закрепленные за ней коннотации сами становятся знанием, то есть источником когнитивного освоения. Именно поэтому образно-мотивированные слова (метафоры) становятся экспонентами культурных знаков [Маслова 2001]. Таким образом, метафора по своей природе антропометрична,

создавая новое знание, «она соизмеряет разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей; она отражает фундаментальные культурные ценности, ибо основана на культурно-национальном видении мира» [Маслова 2001, с. 91].

Метафора понятна культурно-национальной личности, иностранец зачастую испытывает определенные трудности ввиду того, что «на вход метафоры поступают различные виды идеального – эмоции, экстралингвистические знания, житейский опыт носителей языка, иногда случайные впечатления, наблюдения, утилитарные оценки» [Арутюнова 1979, с. 173].

Материалом исследования послужили следующие электронные лексикографические источники: Cambridge Dictionaries Online Blog и Urban Dictionary.

Единицы с отпредметным компонентом возникают в языке как экспрессивные синонимы существующих обозначений, а значит, выражают определенное к нему отношение. Следует особо отметить при этом, что признак, лежащий в основе семантической структуры отпредметных наименований, зависит от тематики исходного обозначения предмета (например, признак «тупость, бесчувственность» как сема дериватов от названий деревянных заготовок или предметов).

Из данной группы неологических единиц мы выделили следующие основные тематические группы: продукты питания и напитки; предметы одежды и обуви; полезные ископаемые.

Группа единиц, имеющих в своем составе компонент «**напитки и продукты питания**», а также «**фрукты и овощи**», является частью виртуального дискурса: *breadcrumbing – in online dating, sending messages which suggest that you're still interested in someone, when in fact you're very unlikely to want to meet or have a relationship with them; juice jacking – stealing data from a portable device that is plugged into a hacked public charging station; link juice – the number and quality of links between websites.*

Одержимость человека зарабатывать большое количество денег характеризуется при помощи ядерного компонента *bread* в сочетании с соматизмом *head* (*breadhead – someone who is obsessed with making a lot of money*). Можно предположить, что выбор именно этой лексемы связан с существованием в английском языке единицы *breadwinner – the person who earns the money to support a family – человек, зарабатывающий деньги для того, чтобы содержать семью.*

Гастрономический дискурс представлен единицей *mermaid toast – toasted bread topped with cream cheese that has been brightly coloured with ingredients such as algae powder, beetroot and turmeric and sometimes with other ingredients on top*, а неологизм *word salad – a sequence of words and phrases that means nothing* входит в состав бытового дискурса.

Группа неологизмов, с компонентом «**предметы одежды и обуви**», включает в себя единицу, входящую в состав дискурса моды (*ear jacket – a type of earring with a decorative part that curves under the lobe from behind*), а также неологизмы компьютерного дискурса (*black hat – someone who engages in criminal activity on the Internet, such as an illegal hacker; white hat – someone who engages in computer security*).

Немногочисленная группа с компонентом «**полезные ископаемые**» отражает тенденции и проблемы, присутствующие в современном обществе, связанные с гендерным дискурсом (*bronze ceiling – the fact that most public statues represent men rather than women; brass ceiling – the difficulty that women face in rising to high positions in the military*).

Исследователи выделяют четыре этапа понимания людьми цветовой лексики: замена объектами цвета – сравнение объекта с цветом – абстракция или символизация цвета – метафоризация цвета [Чэнь Цзясю, Цинь Лэй 2003, с. 75–77]. Цвет является важным доменом для восприятия мира людьми. Е. Н. Алымова рассматривает цветообозначение как «одну из значимых когнитивных категорий в осмыслении окружающего мира человеком, а также как емкий культурный код» [Алымова 2007, с. 4]. И. Г. Рузин считает, что цвет является наиболее отличительной визуальной особенностью человеческого восприятия и имеет важное значение для людей [Рузин 1994]. Можно сказать, что невозможно воспринимать мир без различных цветов.

Обозначение неологизмов с использованием цветокомпонента отражает особенности восприятия и мироощущения в англоязычном дискурсе.

Компонент **green** входит в состав большого количества англоязычных неологизмов. Данный цвет определенным образом связан с окружающей средой, символизируя жизнь и природу: *green screen – a large steel grid densely covered with ivy thought to act as a barrier to air pollution;*

green care – the therapeutic use of nature, especially for people with mental health issues; greenhouse – the part of a car that includes the roof and windows; light green – describes a financial product that invests only in companies that have a positive ethical and ecological bias; green skeleton – the parkland, gardens, playing fields, and recreation areas that course through a city or region.

Компонент **grey** и **silver** обозначают возраст: *grey tsunami – the high number of elderly people in the world in the 21st century, caused by people living longer and by the “baby boomer” generation now reaching old age; silver striver – someone who continues to work after they have passed the typical retirement age; grey gapper – a person of retirement age who takes a year out of their normal life to go travelling; silver alert – a public notification that provides information on, and asks for help in locating, a missing senior, particularly one who has a cognitive impairment such as dementia or Alzheimer’s disease; silver splitter – someone who divorces or separates from his/her partner in late middle age.*

Компонент **blue** ассоциируется с водными просторами и в своей семантической структуре несет исключительно положительную коннотацию (*blue food – food that comes from the sea, such as fish, shellfish and seaweed; blue economy – the wealth created through the use of the world’s oceans, such as through jobs in the oil and fishing industries; blue belt – an area of protected coastline*).

Компонент **black** является активным обозначением, выражающим разнообразные переносные смыслы.

В негативном смысле **black** может выступать как маркер катастрофы или нелегальности, незаконности каких-либо действий или явлений (*black sky event – a serious event, such as a cyberattack or a natural disaster, that causes a widespread power cut; black hat – someone who engages in criminal activity on the Internet, such as an illegal hacker*).

Данный цветокомпонент входит в состав метафор киноиндустрии: *Nordic noir – crime fiction or TV programmes that come from Scandinavian countries, with dark stories and realistic social settings; chick noir – a style of literature written for women which has a crime or other serious and compelling theme.*

Компонент **white** в английской неологии символизирует поддержку, подкрепление, улучшение, защиту (*the flat white economy – the network of media, internet and creative businesses that are bolstering the UK economy; white hat – someone who engages in computer security*). Семемами, усиливающими положительную коннотацию, являются *bolster – to make something stronger or more effective* и *security – safety from attack, harm, or damage*.

Таким образом, неологизмы англоязычного дискурса отражают реалии современного общества, становятся индикатором радикального изменения картины мира. Смысловое содержание номинаций отображает ценностные установки участников дискурса.

Литература

1. Алымова Е. Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2007.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999.
3. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1979. С. 147–173.
4. Катермина В. В., Липириди С. Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса : монография. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Издательский центр «Академия», 2001.
7. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именованности: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79–100.
8. Чэнь Цзясю Классификация основных цветов в китайском языке и их метафорическое значение // Вестник Хэнаньского педагогического университета. 2003. № 2. С. 75–77.
9. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionary.blog.cambridge.org>. (дата обращения: 03.08.2022).
10. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 03.08.2022).

Ковшикова Е.В., Шиндряева И.В.
*Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Россия*

О КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается роль русского языка в современных условиях. Проведен контент-анализ Концепции государственной языковой политики Российской Федерации. С целью иллюстрации особое внимание уделено примерам новой языковой ситуации, которая, прежде всего, характеризуется правовым закреплением статуса титульных и нетитульных языков в странах ближнего зарубежья.

Сделан вывод о том, что русский язык, являясь одним из наиболее распространенных языков в мире, языком международного общения, государственным языком Российской Федерации, языком межнационального общения и важным инструментом взаимодействия на пространстве бывшего СССР, средством этнокультурной и языковой самоидентификации соотечественников, проживающих за рубежом, нуждается в системной поддержке государства, обеспечивающей его развитие и функционирование, как языка государственного и межнационального общения.

Ключевые слова: концепция, государственная языковая политика, развитие русского языка

*Kovshikova E.V., Shindryaeva I.V.
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia*

ABOUT THE CONCEPT OF THE STATE LANGUAGE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article examines the role of the Russian language in modern conditions. The content analysis of the Concept of the state language policy of the Russian Federation is carried out. For the purpose of illustration, special attention is paid to examples of a new language situation, which, first of all, is characterized by the legal consolidation of the status of titular and non-titular languages in neighboring countries. The conclusion is made that the Russian language, being one of the most widespread languages in the world, the language of international communication, the state language of the Russian Federation, the language of interethnic communication and an important tool of interaction in the former USSR, a means of ethnocultural and linguistic self-identification of compatriots living abroad, needs the systematic support of the state, ensuring its development and functioning as the language of state and international communication.

Keywords: concept, state language policy, development of the Russian language

В 2021 сотрудниками Института языкознания РАН, Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Института лингвистических исследований РАН и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН был разработан проект Концепции государственной языковой политики Российской Федерации (далее Концепция), который вызвал определенный резонанс в профессиональной среде лингвистов и юристов, подготовивших ряд замечаний и экспертиз по данному документу.

Поскольку указанная Концепция на данный период сохраняет статус проекта, то, проделав определенную аналитическую работу, приняв во внимание события, произошедшие в мире за истекший период с 2021 по 2022 год, считаем необходимым сформулировать ряд умозаключений по данному документу, приобретающему в перспективе еще более важные по своим последствиям характеристики.

В части 1 (Общие положения) Концепции постулируется системный подход к рассматриваемым явлениям, процессам и понятиям («настоящая Концепция представляет собой систему взглядов на современное состояние, стратегические национальные приоритеты, цели и задачи государственной языковой политики...», «государственная языковая политика РФ – система стратегических приоритетов и совокупность мер...» и др.). Тем не менее

системность в подходах к рассматриваемым явлениям, процессам и понятиям не просматривается, взаимосвязи и взаимозависимости не прописаны, поэтому не контурируются те самые стратегические приоритеты национальной языковой политики, что дает поле для широких интерпретаций идей Концепции.

В части 2 (Современное состояние языковой политики в Российской Федерации) Концепции основной контекст сфокусирован на развитии политики языкового и культурного многообразия, сохранении двуязычия проживающих в национальных республиках и регионах граждан (без указания добровольности такого выбора граждан и их детей), тогда как вопросы функционирования русского языка как государственного ограничиваются упоминанием о необходимости обеспечения его функционирования.

Идеи развития русского языка как государственного в данной Концепции не сформулированы. Оговоримся, что сохранение норм русского литературного языка в публичном пространстве не единственное направление его развития.

Расставленные таким образом акценты в проекте Концепции государственной языковой политики Российской Федерации приведут, с большой долей вероятности, к разработке и финансированию обширного количества государственных Программ по развитию языкового многообразия в стране и практически полному отсутствию интереса к развитию русского языка как государственного.

Представляется актуальным включение в Концепцию идеи последовательной политики балансирования устойчивого развития русского языка как государственного и сохранения культурно-языкового многообразия проживающих на исторической территории Российской Федерации народов.

Также актуальными для отражения в данной Концепции являются тенденции и направления процессов функционирования и развития русского языка как языка международного общения в ближнем и дальнем зарубежье.

Процессы, происходящие с русским языком на внешнем контуре России в последнее десятилетие, свидетельствуют о курсе ряда ближайших государств – соседей России на сокращение его функционирования в своих странах. Тенденция этого сокращения является очевидным негативным фактором как взаимодействия на уровне государств, так и на уровне межнационального взаимодействия. Меры по преломлению данных тенденций должны, как мы представляем, также быть постулированы в указанном документе.

После распада СССР русский язык сохранил свой статус во многих странах, ранее входивших в состав Советского Союза. Русский язык обладал статусом второго государственного языка в Белоруссии (референдум 1995 г.), являлся официальным языком Казахстана (Конституция 1995 г.), Молдавии, Киргизии (Конституция в редакции 2007 г.) наряду с Азербайджаном, Таджикистаном (Конституция 1994 г.) и Туркменистаном (Конституция 1992 г.).

В настоящий период же в Армении, Грузии, Литве (Закон о ратификации Европейской Хартии 2003 г.), Узбекистане, Украине русский язык признан языком национального меньшинства, но по факту является иностранным, а в Азербайджане, Грузии, Армении он, по сути, является иностранным языком [Постановление Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481].

Указанные процессы в перечисленных странах возведены в ранг государственной языковой политики и задокументированы, что можно проиллюстрировать следующими примерами. В частности, Верховная рада Украины 23 февраля 2014 г. проголосовала за отмену закона «Об основах государственной языковой политики», лишив русский язык статуса регионального. Также Парламент Украины в 2017 г. утвердил редакцию закона «Об образовании» поэтапно запретив использование русского языка в школах Украины к 1 сентября 2023 г.

25 апреля 2019 года Верховной радой Украины принят закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», прямо направленный на ограничение и последующее исключение возможности использования в стране русского языка. Попытки сохранения многоязычия трактуются в документе как действия по насильственному изменению или свержению конституционного строя.

Тревожные для русского языка события происходят и в Прибалтике. В настоящий период Сейм Латвии принял к рассмотрению проект закона «Об обеспечении статуса единственного государственного языка латышскому языку».

Законопроект запрещает коммуницировать «на языке, который не является официальным языком ЕС» (т.е. на русском языке; прим. Авторов) муниципальным и государственным учреждениям, коммерсантам, оказывающим общественные услуги: коммунальные услуги, услуги

электронной связи, кредитования, общественного транспорта, сбора мусора, услуги домоуправляющих. Документ предписывает запрет общения на русском языке в сфере транспортных услуг (аэропорты, железнодорожные вокзалы, автовокзалы, такси), услуг информирования, все виды рекламы, счета, договоры.

Нарушения будут караться наказаниями согласно Кодексу административных нарушений. Законопроект в настоящий период не принят и находится в стадии рассмотрения, но само наличие такого проекта государственной власти иллюстрирует перспективы языковой политики данной страны [DELFI ... 2022].

В Литве русским языком владеет более 60 % литовцев, но его статус на законодательном уровне не определен. В 2018 году оппозиционная партия «Союз отечества – Христианские демократы Литвы» предложила поправки к закону об образовании, о преподавании на литовском языке в школах нацменьшинств (русские и др.) к 2023 году 60 % учебных дисциплин. По мнению сторонников законопроекта, это необходимо для нейтрализации «влияния Российской Федерации» на жителей Литвы, в которой за последние 30 лет количество общеобразовательных учреждений с русским языком сократилось с 85 до около 30. Окончательное решение по этой поправке пока не принято, однако это вопрос времени.

В Эстонии русскоязычные жители составляют примерно 322 тыс. из 1,3 млн (24 % населения). Русский язык – второй по распространенности после эстонского (государственного) – в 1991 году был лишен статуса официального языка и объявлен иностранным.

В стране действует закон о языке, позволяющий штрафовать трудоспособных граждан за незнание или недостаточное владение государственным языком (штрафы могут достигать до €640). Преимущественно санкциями подвергаются сотрудники русскоязычных учреждений. Надзор за исполнением закона осуществляет Языковая инспекция Эстонии.

В Молдавии в 2018 г. Конституционный суд признал устаревшим, антиконституционным и отменил закон «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», который закреплял за русским языком особый статус языка межнационального общения.

В Казахстане принята Государственная Программа по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 гг.

В ней предусмотрены модернизация казахского языка на основе латинографического алфавита, совершенствование, унификация и кодификация отраслевой терминосистемы казахского языка на основе латинографического алфавита, а роль русского языка ограничена функционированием в коммуникативно-языковом пространстве. Таким образом, роль русского языка как официального языка республики Казахстан была прекращена, а переход с кириллицы на латиницу, очевидно, по замыслу разработчиков Программы, должен ускорить разрыв исторической связи казахстанцев с русским языком.

Данная картина не является исчерпывающей, однако она обозначает тенденции вытеснения русского языка и традиционного для него ареала достаточно полно.

1 июня 2022 г. Министерство иностранных дел РФ опубликовало на своем сайте доклад «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах» [О нарушениях прав ... 2022]. В докладе внешнеполитическое ведомство говорится, что за прошедший год «положение дел многократно ухудшилось», к характерным проблемам прошлых лет добавилась «шокирующая своей дикостью тотальная дискриминация россиян».

Еще несколько десятилетий назад вряд ли кто-то мог представить, что русский язык ожидает трудная судьба. Накануне распада СССР в 1990 г. число владевших им достигало наивысшего показателя – 312 миллионов человек. События 1991 г. привели не только к распаду СССР, но и к утрате Россией прежнего экономического, технологического и геополитического влияния в мире, что отразилось и на положении русского языка. И тому есть документальные подтверждения.

В 2019 г. по поручению Министерства просвещения РФ было проведено комплексное исследование положения русского языка в мире. Были собраны и проанализированы новые статистические и социологические данные о функционировании русского языка в 176 государствах ближнего и дальнего зарубежья. И они показывают, что по степени распространенности, то есть общему числу людей, владеющих русским языком как родным, вторым или иностранным, наш великий и могучий, занимавший четвертое место в мире в 1990 г. после китайского, английского и испанского, в 2018 г. передвинулся на десятое место. На момент проведения последнего исследования им владело, по разным оценкам, около 239,2 млн человек.

Обозначенные процессы требуют усилий со стороны Российской Федерации по защите русского языка как языка межнационального общения в странах проживания русскоязычного населения, к которым, прежде всего, относятся страны бывшего СССР.

Представляется, что текст рассматриваемого документа – Концепции государственной языковой политики Российской Федерации – должен быть дополнен формулировками мер по преодолению вышеописанной практики борьбы с русским языком на постсоветском пространстве. Это могут быть меры культурно-просветительского, правового характера, административные шаги создания либо преобразования ныне действующих специальных институтов по защите русского языка, призванных не только констатировать происходящие события, но и влиять на них на мировой арене.

Литература

1. DELFI: не официальный язык ЕС – в Латвии подумывают ограничить русский язык в коммуникации и реклам. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2022-09-16/DELF-ne-oficialnij-yazik-ES>.
2. О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1815559/?clear_cache=Y.
3. Постановление Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481 «О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016–2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 мая 2015 г. № 21. Ст. 3118.

Коннова О.В.

*Астраханский государственный медицинский университет,
г. Астрахань, Россия*

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Процесс глобализации расширил горизонты взаимодействия разных народов. Мы стремимся соответствовать стандартам общения, изучаем особенности коммуникации, развиваем навыки межкультурного общения для достижения поставленных целей. Но процесс общения оказывает огромное влияние на представителей тех или иных культур. Происходит конвергенция и ассимиляция культур во всем мире. В данной статье рассказывается о процессах, происходящих в русском языке под влиянием межкультурной коммуникации: изменения культурных ценностей, грамматические и лексические изменения языка и др.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, глобализация, англицизмы, русский язык

Konnova O.V.

*Astrakhan State Medical University,
Astrakhan, Russia*

TO THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION ON THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The process of globalization has expanded the horizons of interaction between different peoples. We strive to meet communication standards, study the features of communication, develop intercultural communication skills to achieve our goals. But the process of communication has a huge impact on representatives of certain cultures. There is a convergence and assimilation of cultures all over the world. This article describes the processes taking place in the Russian language under the influence of intercultural communication: changes in cultural values, grammatical and lexical changes in the language and so on.

Keywords: intercultural communication, globalization, anglicisms, Russian language

На сегодняшний день проблемы межкультурной коммуникации являются одними из наиболее актуальных, но наряду с другими вопросами лингвистики именно этот аспект требует более сложного подхода к рассмотрению, поскольку затрагивает не только языковые нормы и правила поведения, но и социальные и психологические особенности менталитета

того или иного народа. Здесь же необходимо упомянуть и об особенностях идентификации этнической принадлежности, что затрагивает и философские проблемы языкознания.

Сегодня мы имеем относительную свободу общения, постоянно сталкиваемся с необходимостью владения навыками межкультурной коммуникации, но при постоянном общении и культурном взаимодействии границы культурной идентификации становятся все более неопределенными.

Мы живем в век глобализации и испытываем невероятное влияние средств массовой информации на формирование национального менталитета. И мы наблюдаем деформацию наших социальных взглядов, культурно-нравственных ценностей и, конечно, наиболее явно все эти процессы отражаются на состоянии языка. Ведь язык – это зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [Тер-Минасова 2006].

Мы видим, как отсутствие моральных принципов и духовных ценностей заменяется на слепое подражание малоизвестным культурам без особого понимания самого факта восприятия. Культ денег стал основным направлением движения «культурных масс», а ведь это направление в свою очередь сформировалось под влиянием капиталистических европейских государств.

Мировоззрение жителей нашей страны ориентировано на Запад, желание подражать образу жизни, моде, культурным направлениям европейских государств приводит к деформации нашего сознания. Приходя в магазины или в аптеки, мы отдаем предпочтение товарам или лекарствам, названия которых написаны на иностранном языке, чаще всего на английском. И, конечно, все эти изменения проявляются в языковой сфере. Мы наблюдаем невероятное количество слов, которые не просто проникли в русский язык, мы видим, как русские слова активно заменяются иноязычными. На сегодняшний день нет ни одной научной сферы, где бы не употреблялись англицизмы с различной степенью ассимиляции:

– общенаучные термины: *digital-профессия, фасилитация, рендировать, мониторинг, скрининг, воркаут;*

– экономические: *интерлайнинг, офф-шор, шипчандлер;*

– медицинские: *джетлаг, стил-синдром, кофактор, клэд;*

– спортивные: *кроссфит, слэклайн, вотерлайн;*

– музыкальные: *лаундж, хэви метал, хард бит;*

– лингвистические: *коллокация, контрастивный;*

– педагогические: *вебинар, челендж, кейс, тренинг, интенсив.*

И это лишь небольшой перечень терминов, которые широко используются в русском языке. Характерной чертой современного состояния языка является именно стремление к использованию англоязычных терминов как показателя грамотности и профессионализма. Мы наблюдаем обесценивание навыка владения русским языком. Безграмотное написание тех или иных лексических единиц становится нормой, а люди, пытающиеся указать на ошибки, подвергаются критике и агрессивным высказываниям.

Еще одна тенденция в современном русском языке – это изменение значений слов под влиянием англоязычной культуры. За последние несколько десятков лет такие простые слова как «трава» и «голубой» приобрели новые значения, слова «контроль» и «производные» (*контрольный, контролировать*) приобрели дополнительные значения, связанные с понятиями управление, распоряжение (например, *контрольный пакет акций*; ср. англ. A controlling share); портфель встречается в выражении *портфель инвестора* (ср. англ. An investor's portfolio) [Данн 2015].

В орфографической системе нашего языка также происходят изменения. Дефисное написание слов стало довольно часто встречаться в русском языке: тест-драйв, веб-сайт, бизнес-курс и т.д. Такое написание весьма характерно для германских языков, и это очень удобно, поскольку позволяет избежать связывающих их грамматических конструкций (tea-break, mother–daughter relationship, writer-illustrator), но, как видно, полюбилось и в русском языке: Президент-отель, онлайн-опрос, конференц-зал, поп-звезда.

Система обращений русского языка также претерпела изменения. В средствах массовой информации перестали употребляться отчества даже у высших государственных чинов и представителей культуры. Например: «Премьер-министр России Михаил Мишустин проводит совещание с правительством по ситуации в Республике Саха» или «Об этом заявила

официальный представитель МИД РФ Мария Захарова в эфире телеканала "Россия 1"» [<https://ria.ru/politics/>] Ранее это было допустимо только в отношении актеров или певцов.

Однако процесс коммуникации – это всегда двусторонний процесс, поэтому нельзя не отметить некоторые явления, происходящие в европейских языках под влиянием русского. Например, появление слоговых аббревиатур, довольно характерных для русского языка (*роддом, начмед, завхоз*), стало отмечаться и в английском (*sitcom – situation comedy, Britpop – British pop music, Oxfam – Oxford Committee for Famine Relief*), и в итальянском языках (*Polfer – Polizia ferroviaria, Unipol – Unica polizza*). К тому же русский язык «подарил» миру такие слова, как «олигарх» и «силовики».

Что же происходит с русским языком и культурой? Большинство лингвистов не высказывают опасений на этот счет. В истории нашей культуры уже были подобные периоды, когда русский язык испытывал на себе влияние других культур, ведь язык является отражением истории развития народов. Сегодня, в эпоху господства информационных технологий и технократизации социокультурной сферы, язык остается ключевым компонентом как внутрикультурной, так и межкультурной коммуникации, но семантика языка, его многовековые традиции, дух должны бережно сохраняться [Свириденко 2006, с. 176].

Литература

1. Джон Данн. Языковая глобализация и русский язык // ТРОИЦКИЙ ВАРИАНТ. 2015. № 19. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432771/Yazykovaya_globalizatsiya_i_russkiy_yazyk (дата обращения: 10.08.2022).
2. Свириденко А. А. Русская культура и отечественная школа. Русская культура и отечественная школа // Философия отечественного образования: история и современность : II Всероссийская конференция. Пенза, 2006. С. 176–177.
3. Тер-Минасова С. Г. К вопросу о норме в языке и культуре. 2006. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubMinas.html>.
4. URL: <https://ria.ru/20220815/mishustin-1809606987> (дата обращения: 10.08.2022).
5. URL: <https://tutorblog.ru/uprazhneniya/5-pravil-upotrebleniya-defisa-v-anglijskom.html> (дата обращения: 12.08.2022).

Кудряшов И.А.
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ И СОГЛАСОВАНИЕ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ В РЕПОРТАЖНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Аннотация. Цель данного доклада заключается в том, чтобы на материале масс-медийных репортажных текстов проследить устойчивую взаимосвязь между категорией времени и выражаемой точкой зрения на освещаемую событийность. Воспроизводя актуальные факты из объективной действительности, журналисты, как правило, эксплицитно / неявно обнаруживают субъективную точку зрения иных лиц, которые обладают соответствующей компетенцией для интерпретации этих фактов, или участников воссоздаваемой событийности. В результате в репортажном сообщении реализуется баланс между аутентичностью и драматичностью изложения, задействуются разнообразные типы воспроизведения речи и мыслей участников события и официальных / неофициальных лиц, которые обладают знаниями, необходимыми для интерпретации произошедшего.

Ключевые слова: репортажное сообщение, точка зрения на актуальное событие, ментальное пространство, концептуальная интеграция

Kudryashov I.A.
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

THE CATEGORY OF TIME AND THE COORDINATION OF POINTS OF VIEW IN THE REPORTAGE NARRATIVE

Abstract. The purpose of this report is to trace the stable relationship between the category of time and the expressed point of view on the covered event on the basis of mass media reportage texts. Reproducing actual facts from objective reality, journalists, as a rule, explicitly / implicitly

publish the subjective point of view of other persons who have the appropriate competence to interpret these facts, or participants in the recreated event. As a result, a balance between authenticity and dramatic presentation is realized in the reportage, various types of speech and thoughts of the participants of the event and official/non-official persons who have the knowledge necessary to interpret what happened are involved.

Keywords: reportage, point of view on an actual event, mental space, conceptual integration

Репортаж определяется преимущественно как комплекс мер, являющийся необходимым для производства журналистских новостей: сбор фактических данных, их освещение и интерпретация с учетом коммуникативных техник и требований, предъявляемых к озвучиванию (в широком смысле этого слова) информационного текста журналистским сообществом.

В частности, репортаж представляет собой:

1) суть массмедийного дискурса, выявление не только актуальных фактов, но и их причинно-следственных связей;

2) воспроизведение актуального факта, ситуации или события, в основе которого лежит журналистский взгляд на происходящее;

3) освещение не факта или последовательности фактов, а изучение предмета рассмотрения (социально-политической, экономической или культурной проблематики) с определенной точки зрения;

4) рассмотрение факта в конкретном контексте в имманентной связи с предшествующими, последующими или взаимосвязанными фактами в форме эссе [Лазарев 2020, с. 32], [Лазарев 2021, с. 25].

Данные характеристики выявляют базовое назначение репортажа как разновидности журналистской профессиональной деятельности, лежат в основе его трактовки как своего рода детализации, более глубокого освещения фактов, которые обнародуются в новостях (ср. первую и вторую характеристики). В третьей характеристике репортаж репрезентируется как независимый журналистский жанр. Четвертая характеристика комбинирует содержание трех других характеристик. Разрабатывается типология репортажных текстов, в том числе, с учетом их жанровой специфики. Репортаж реализуется в следующих журналистских форматах, а именно как:

- повествование об актуальных фактах текущей повседневности: как и в жанре новостных текстов, событийность освещается как логическая последовательность фактов, которые следуют друг за другом в порядке их актуальности для целевой аудитории;

- динамическое повествование: сообщение об эмоционально неоднозначных фактах, при этом приоритет отдается наиболее эмоциональным фактам и их последующей детализации; журналисты освещают события в субъективно-личностной перспективе, а адресату предлагается наглядное (вербально визуализированное) отображение данных;

- повествование, конструируемое с опорой на цитацию суждений компетентных лиц: документальное и беспристрастное воспроизведение события, мнения непосредственных участников и аналитиков, оформленные в виде прямой или косвенной речи, выполняют функцию аргументов авторского взгляда на происходящее.

При исследовании текста репортажа необходимо принимать во внимание такое понятие, как профессиональные возможности журналиста, под которым понимается способность вычленять из повседневности факты, потенциально вызывающие повышенный интерес со стороны целевой аудитории. Репортаж сосредотачивает внимание адресата на субъектах, участниках актуального события, а не на новых актуальных фактах; в репортаже превалирует определенный взгляд на повседневный мир, соответствующий редакционной политике.

Лингвистическое конструирование категории времени и точки зрения представляют собой две взаимосвязанные сферы когнитивного исследования [Цыбенко, Ковальчук, Володина 2019, с. 76; Цыбенко, Кузьмина 2021, с. 13]. В дискурсе СМИ эта взаимосвязь является следствием сложной архитектоники, в основе которой фиксируются три темпоральные плоскости, а именно временной интервал событийности, отражаемой в сообщении, время реализации сообщения журналистом и время восприятия этого сообщения читательской аудиторией. В контексте сообщения может содержаться система референций на одну из указанных темпоральных плоскостей.

В результате по мере развертывания сообщения выражаются различные точки зрения на актуальное событие, которые могут содержать как сходную, так и диаметрально

контрастную оценку произошедшего. Например, в следующем сообщении фокус внимания читателя постепенно смещается от настоящего времени (и объективного положения дел) к прошедшему времени, отражению субъективной точки зрения на произошедшее событие: *«В прошлом году компания «Евромед» открыла уже девятнадцатую клинику проектной мощностью обслуживания 35 тыс. человек... в год, что является еще одним позитивным примером сотрудничества государства и бизнеса. «Она будет нам приносить около 25 миллионов рублей выручки в год и окупится за два-три года... Есть также проект Минздрава “Полис” по строительству частных мини-поликлиник в новых микрорайонах и малодоступных местах, где государство само не справляется с социалкой. Взамен инвесторам гарантируют минимальный годовой бюджет из ОМС... Это тоже своего рода новая ниша, мы ее постепенно займем»*, – рассказывает Александр Абдин» [Калянина 2020, с. 30].

Темпоральная характеристика глагольных предикатов, фиксирующих актуальную событийность, смещается от прошлого времени к будущему времени. В свою очередь, указанное смещение отражает сдвиг в точке зрения на произошедшее событие, который маркируется обстоятельством с временной семантикой: (1) сочетаниями *в год* и *за два-три года*, фиксирующие точку отсчета от настоящего времени, в формате которого освещается объективный факт (открытие новой клиники); (2) предикатным сочетанием *Есть проект*, которое предопределяет перспективу развития ключевого события. Суждения респондента детализуют ту информацию, которая представлена журналистом в начальном предложении, формирующем абзац. Точка зрения респондента, компетентного лица в обсуждаемой социальной сфере, гармонирует с исходным журналистским суждением.

Актуальность изучения взаимоотношений между категорией времени и выражаемыми точками зрения предопределяется потребностью многоаспектного анализа жанровой специфики репортажного повествования, статус которого можно объяснить, в частности, в терминах художественного повествования. Оба этих повествовательных типа квалифицируются в качестве сферы обмена коммуникативными актами между автором и читателем, что, в свою очередь, становится основанием для проецирования дейктического центра развертывания текста, который не совпадает с внешним объективным миром. В когнитивной лингвистике данное явление определяется как «ментальное пространство», в рамках которого воспроизводятся образы действующих лиц, обладающих уникальным дейктическим центром. В художественном повествовании эти центры отличаются воображаемым характером, поскольку автор проецирует фикциональную реальность, которая базируется на субъективно интерпретируемых автором категориях пространства и времени. В репортажном повествовании, напротив, все дейктические центры предстают имманентной частью объективной действительности. Точкой отсчета временного разворачивания репортажного повествования становятся описываемые актуальные события, которые произошли в недавнем прошлом. Эта точка отсчета интегрируется с координатами «здесь и сейчас» журналистского повествования. Темпоральное развертывание художественного повествования связывается с временной рамкой, в которой происходят воображаемые события. В контексте художественного повествования воспроизводится субъективная точка зрения на образ воображаемого персонажа, которая принадлежит рассказчику или иным персонажам. В репортажном повествовании реализуется точка зрения реального лица, журналиста или участника описываемого события.

В данном исследовании анализируются англоязычные репортажные повествования в терминах использования категории времени и проецирования темпорального дейксиса. Исследовательское внимание фокусируется на процессах смещения от новостного пространства, в котором реконструируются недавно произошедшие события, к объективному пространству как сфере активации «здесь и сейчас» журналиста и читателя. Устанавливается, что в контексте репортажного текста временные сдвиги и иные показатели времени с необходимостью расщепляют базовое повествовательное пространство на ядерное новостное пространство и промежуточное пространство, которое также характерно для других повествовательных жанров. В ходе изучения репортажного повествования анализируются более общие проблемы проецирования ментальных пространств с учетом авторской реконструкции актуальной событийности и читательской интерпретации целостного текста. В частности, прослеживается устойчивая взаимосвязь между пространствами, имплицитными разнообразными точками зрения на произошедшие события, и системой репрезентации категории времени в целостном журналистском тексте. Теоретически эта взаимосвязь может моделироваться вариативными способами, к которым мы относим следующие типы:

(1) несколько темпоральных пространств инкорпорируются в одно пространство, выражающее единую точку зрения на произошедшее событие (в последнем пространстве наблюдается прогрессия разворачивания события на временной оси);

(2) темпоральное пространство и пространство, выражающее точку зрения на воспроизводимое событие, совпадают, между этими пространствами формируются однонаправленные взаимоотношения: индивидуальная точка зрения связывается с определенной временной точкой развития событийности (действенной оказывается и обратная взаимозависимость);

(3) несколько пространств, выражающих разнообразные точки зрения на актуальное событие, интегрируются в одно темпоральное пространство: временные координаты разворачивания событийности ассоциируются с параллельно репрезентируемыми точками зрения на произошедшее (в повествовании с необходимостью воспроизводится промежуточное пространство, поддерживающее динамику и драматизм сообщения).

В контексте репортажного повествования наречия с темпоральной дейктической функцией и временная характеристика предикатов размещаются в одном из двух базовых пространств, отражающих (1) журналистское сообщение об актуальной событийности и (2) объективную реальность. Сдвиги от одного пространства к другому пространству с необходимостью определяют появление промежуточного пространства, в котором воспроизводится актуальное событие, послужившее предметом для репортажного освещения. Произведенный анализ показал, что глагольные предикаты в условном наклонении оказываются средством формирования факультативных ментальных пространств, которые разворачиваются во времени, настоящем для журналиста-рассказчика. Именно факультативные пространства поддерживают правдоподобность и достоверность сообщений об актуальной событийности. Сдвиги от настоящего к прошедшему времени сигнализируют о том, что точка зрения, выражаемая на актуальное событие, перемещается из новостного пространства в пространство объективной действительности. Дейктический центр автора репортажа приближается к настоящему времени, отдаляясь от прошедшего времени, в котором имело место актуальное событие.

Использование моделей ментальных пространств способствует объяснению того, как читатели в когнитивном плане перерабатывают репортажные повествования, выражают точку зрения, являющуюся альтернативной той, которая манифестируется в тексте. Воспринимая текст репортажа, читатели формируют точку зрения на произошедшее событие посредством целостного осознания временной канвы разворачивания описываемой ситуации, активируя фоновые знания о текущей событийности и эксплицируя авторскую неявную информацию. Таким образом, анализ формирования ментальных пространств в репортажном повествовании дает возможность проследить всю сложность читательской переработки журналистского произведения, представить пространство повествования не только как дискурсивную репрезентацию актуальной событийности, но и как концептуальный конструкт.

Литература

1. Калянина Л. С новым продуктом и без долгов // Эксперт. 2020. № 4. С. 27–32.
2. Лазарев В. А. Англоязычный экономический дискурс, реализуемый в медийном пространстве: лингвостилистический и переводческий аспекты. Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2020.
3. Лазарев В. А. Медийное пространство американского социума как портретирование национально-культурной информации. Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2021.
4. Цыбенко Э. О., Ковальчук Н. В., Володина М. С. Лексические и грамматические единицы и понятия научно-лингвистических категорий в профессиональной деятельности (английский язык). Ростов-на-Дону : ДГТУ, 2019.
5. Цыбенко Э.О., Кузьминова И.А. Коммуникативная лингводидактика в рамках делового общения на английском языке. Ростов-на-Дону : АкадемЛит, 2021.

СВЯЗАННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С СЕМАНТИЧЕСКИ ПУСТЫМ (ОСЛАБЛЕННЫМ) ЗВЕНОМ В ЗАВИСИМОЙ ЧАСТИ

Аннотация. В этой статье речь пойдет о таких связанных словосочетаниях, как «действовать странным образом», «отказать (кому-то, в чем-то) в грубейшей форме», «мешать всевозможными способами», «остановить (игрока) недозволенным приемом», «вести себя в неприличном виде», «испытывать (кого?) таким манером», «представлять в лучшем свете», «воздействие особого свойства» и др.

Ключевые слова: словосочетания, семантика, материал, конструкция, падеж

Kazimov K.Sh., Agayev M.I.
Lenkoran State University, Lenkoran, Azerbaijan

RELATED PHRASES WITH A SEMANTICALLY EMPTY (WEAKENED) LINK IN THE DEPENDENT PART

Abstract. This article will focus on such related phrases as "acting in a strange way", "refusing (someone, something) in the rudest form", "interfering in all sorts of ways", "stopping (a player) with an illegal technique", "behave in an indecent manner", "test (whom?) in such a manner", "present in the best light", "impact of a special property", etc.

Keywords: phrases, semantics, material, construction, case

Эта разновидность связанных словосочетаний включает зависимую часть (т.е. (a+b)) в разных падежных формах. Зависимая часть связанной конструкции может быть выражена не только родительным или творительным падежами (как в конструкциях, построенных по модели А ←(a+b), но и предложным падежом. В плане формы выражения, как видно, диапазон этих словосочетаний несколько шире.

Более того в зависимой части этих словосочетаний задействован компонент с ослабленным лексическим значением, что выражается в отсутствии возможности самостоятельного понятийного употребления этих лексем в отмеченных падежных формах. Иначе говоря, слова из разряда *формы, приема, способа, света, манеры, свойства, положения, образа* и т.п. выступают в том своем значении, которое вне сочетаемости с определенными словами выглядят семантическими «пустышками»; а это означает, что эти слова приобретают специфический смысл только в названных падежных формах и только в сочетании с определенными словами:

– *Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими желтенькими, пыльными... обоями* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание, ч. 1, гл. 3).

Слово *вид* в одном контексте не может иметь самостоятельного понятийного значения, кроме как в сочетаниях с другими словами. Поэтому сочетание «*иметь вид*» нуждается в лексическом восполнении: какой вид?, вид чего? И подобное восполнение обязательно для полноценной смысловой ясности: – *Сами подличают, а вот-с, извольте взглянуть на них: вот они в самом своем привлекательном виде-с!* (Ф. Достоевский, там же, ч. 2, гл. 1); *Славный, брат, он малый, чудеснейший в своем роде* (Там же, ч. 2, гл. 3).

Сказанное лучше всего иллюстрируется материалом словосочетаний, включающих словоформу «образом»:

– *И посмотрел он на молодого барина как-то странным образом* (И.Тургенев. Дворянское гнездо, гл. 12); *Вопрос был решен самым неожиданным образом* (Московский комсомолец, № 67 – 2016); *Этим двусмысленным образом Пекторалис ответил на всю трагическую суть своего положения...* (Н. Лесков. Железная воля, гл. 12).

Функцию обстоятельственного члена предложения выполняет сочетание *странным образом, неожиданным образом*, синонимичные с наречиями «*странно*» и «*неожиданно*».

Словоформа «образом» является во всех своих функциональных употреблениях связанной. Об этом говорят не только анализируемые нами конструкции, в которых обнаруживается

семантическая «пустота» данной словоформы, но и те сочетания которые признаются фразеологическими: *главным образом, коренным образом, надлежащим образом, некоторым образом, никоим образом* [Федоров 2008, с. 428].

Как видно, даже во фразеологизмах словоформа «образом» обязательно сопровождается определительными словами, в сочетании с которыми данная словоформа приобретает способность выражать то обстоятельственное значение, которое специфично для нее.

Однако следует признать, что эти сочетания двух слов (типа «странным образом») функционально равнозначны самостоятельным наречиям, которые выполняют свою обстоятельственную функцию в морфологизованном виде, т.е. типологически первично. А связанные словосочетания выполняют функцию члена предложения как заполнение синтаксической его позиции неморфологизованным путем, средствами вторичной номинации, каковыми, на наш взгляд, являются и связанные словосочетания различных видов. Так, например, синонимичность наречия «*странно*» и словосочетания «*странным образом*» в сочетании с глаголом (опорным словом) «*провожали*» в особых пояснениях не нуждается:

– *Вот чьи глаза меня так странно провожали...* (А. Блок. Нет, никогда моей... не будешь).

Такого же пояснения функциональной оценки требует употребление слов *состояние, положение* и т.п., которые без своих определительных уточняющих слов в тексты не вводятся:

– *Ну, словом, можно встретить здесь / Различных состояний смесь* (А. Блок. Возмездие, гл. 1) = *Она находилась в самом что ни есть дурном состоянии духа* (А. Герцен. Былое и думы, ч. 2, гл. 3); *Чепкун... положил кобылице на спину свой халат и бешмет, а сам на нее брюхом вскинулся и таким манером поехал...* (Н. Лесков. Очарованный странник, гл. 5) = *поехал таким образом.*

Особенно интересны случаи употребления словоформы «в положении».

– *И вот понимаешь, Наташа тогда была в положении. Зачем же ей-то было за копач браться?* (Ф. Абрамов. Сосновые дети) = *К сожалению, он не может танцевать с молодой женою: интересное положение Надеженьки заставляет ее сидеть на одном месте* (А. Григорович. Проселочные дороги) = *Семья наша тогда находилась чуть ли не в положении банкротства* (А. Писемский. Тысяча душ, ч. 1, гл. 11).

Сопоставление значений отмеченной словоформы «в положении» в этих трех контекстах еще раз убеждает в высокой степени связанности сочетаний модели «прилагательное + словоформы «в положении», в том, что данное сочетание уже переживает процесс» окончательной фразеологизации (в фразеологических словарях фиксируются единицы «в положении» и «интересное положение») [Федоров 2008, с. 498]. Это говорит о том, что словоформа «в положении» в сочетании с определяющим ее распространителем на современном этапе используется либо в качестве компонента фразеологизма, либо же в функции элемента связанного словосочетания: свободного самостоятельного употребления у этого слова не может быть именно в силу его неопределенной семантики, которая определяется только в сочетаниях. Об этом свидетельствует лексикографическое описание данного слова: в словаре С.И. Ожегова слово положение семантизируется в объеме восьми значений. Во всех значениях (даже во фразеологическом) данное слово объясняется через те или иные словосочетательные конструкции [Ожегов, Шведова 2003, с. 555].

Такое понимание семантической структуры слова говорит еще и о другом. Семантическая несамостоятельность и постоянное сочетание с тем или иными определительными словами придали этим словосочетаниям характер высокой степени устойчивости, которая привела к формированию однолексемного фразеологизма «в положении» в значении «временности» [Шмелев 1976, с. 49].

Однако этот фразеологизм является результатом опять-таки редукиции словосочетаний «в интересном положении», «в щекотливом положении», которые употреблялись как эвфемистические обозначения во избежание слов «непорожняя», «с ношею», «с прибылью», «брюхатая», «чреватая» и др. из разговорного языка:

– *Подполковница Вихрина в интересном положении, и по этому случаю я обязан ежедневно заезжать к акушерке и приглашать ее приехать* (А. Чехов. Трагик по неволе).

Таким образом, устойчивость сочетаний со словоформой «в положении» достаточно ясно проявляется в редуцированных формах этих связанных словосочетаний, когда словоформа «в положении» получает возможность употребляться без своего определительного распространителя. Однако в таком условном изолированном употреблении ее поддерживают всегда опорные глагольные слова, которые должны быть и по правилам всегда поясняются

цельными словосочетаниями с компонентом «в положении»: *думать о таком безысходном положении, находится в трудном положении* и т.п. Но существование словосочетаний типа «(найти) выход из положения» и т.п. должны быть восприняты именно с точки зрения редукции определенного элемента: *найти выход из трудного (сложившегося, удручающего, тяжелого и т.п.) положения*.

Здесь мы наблюдаем тот же процесс нормативной редукции, которая происходит в некоторых количественно-именных словосочетаниях, когда главное, количественное слово, ввиду его устойчивой закреплённости в данных позициях, опускается, а родительный падеж зависимого слова выполняет функцию и семантику всего словосочетания: – *Ни одного слова вашего, ни одного движения вашего я не забуду никогда...* (Л. Толстой. Анна Каренина, ч. 1, гл. 30). Ср.: *Старик тоже не сказал ни слова* (Л. Толстой. Поликушка, гл. 15).

Разобранные нами разновидности связанных словосочетаний дают основание сказать, что корпус связанных словосочетаний и семантико-синтаксические процессы, которые происходят в этой сфере единиц малого синтаксиса, являются одним из бесспорных источников возникновения фразеологических сочетаний в русском языке.

Для иллюстрации сказанного достаточно, кроме вышеотмеченных фактов, просмотреть сочетаемостные возможности словоформы «в порядке», которая также участвует в формировании связанных словосочетаний (следовать в особом порядке, расставить в нужном порядке и т.д.), которые порождают фразеологизмы «в пожарном порядке», «в порядке вещей», «в спешном порядке», «своим порядком», «(наводить) новые порядки» [Федоров 2008, с. 510].

Семантико-синтаксические функции вышеотмеченных словоформ (*в порядке..., в положении..., образом..., ...размера, в... время, в ... пору, в ... место, по причинам..., в обстоятельствах..., в виде..., в состоянии..., в форме, ... способами, в свете..., с ... стати* и т.п.) в формировании разновидностей связанных словосочетаний и, особенно фразеологических единиц требует, на наш взгляд, отдельного серьёзного исследования.

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003.
2. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд. М. : АСТ-Астрель, 2008.
3. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М. : Наука, 1976.

Лапицкая Н.И.
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурологический подход в преподавании русского языка как иностранного. Названное направление несомненно повысит интерес иностранных граждан к изучению русского языка, так как такое направление поможет им познакомиться с особенностями культуры страны изучаемого языка.

Ключевые слова: лингвокультурология, методика, лингвокультурологический подход, учебный материал, лонгрид

Lapitskaya N.I.
Francysk Skaryna Gomel State University,
Gomel, Republic of Belarus

LINGUOCULTUROLOGICAL APPROACH IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article discusses the linguoculturological approach to teaching Russian as a foreign language. This direction will undoubtedly increase the interest of foreign citizens in the

study of the Russian language, since this direction will help them get acquainted with the peculiarities of the culture of the country of the language being studied.

Keywords: cultural linguistics, methodology, cultural linguistic approach, educational material, longread

За последние годы значительно выросло число работ, свидетельствующих об интересе и стремлении лингвистов к исследованию языковых явлений в широком экстралингвистическом контексте. Появился ряд работ, в которых делаются попытки обнаружить обусловленность языка в самом значении лексических единиц, выделить так называемый “культурный” компонент значения, вскрыть лингвистическую природу “фоновых” знаний, показать особенность и своеобразие их функционирования в каждой из рассматриваемых языковых общностей. Теоретическое осмысливание данной проблемы неразрывно связано с целями и задачами науки лингводидактики: стремление ученых-методистов найти наиболее рациональные методы преподавания иностранного языка, целесообразностью обучения культуре иноязычной страны через призму языка, его национальное содержание.

В настоящее время в прикладных (лингвометодических) целях осуществляются исследования национально-культурной специфики языковых единиц, то есть изучение зафиксированного в языке отображения особенностей духовной и материальной культуры того или иного народа.

В лингвометодическом плане такие исследования позволяют выявить языковой материал, актуальный для лингвокультурологического описания в учебных целях для практики преподавания русского языка как иностранного.

Существуют различные определения понятия «лингвокультурология»: «лингвокультурология – научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией» [Воробьев 1997, с. 32]; «наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Красных 2002, с. 28]; «та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Маслова 2001, с. 217]; «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Телия 1996, с. 12]; «современная лингвокультурология — это научная дисциплина, изучающая способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алиференко 2010].

Наиболее емким и полным нам представляется определение Е. И. Зиновьевой, которая пишет: «Лингвокультурология – лингвистическая филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса. Это должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка. При этом важно учитывать информацию энциклопедического характера, коррелирующую собственно языковым значением, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии» [Зиновьева 2016, с. 12].

Одно из направлений работы по лингвострановедению, о котором следует говорить на занятиях по РКИ, является работа над безэквивалентной лексикой.

Безэквивалентная лексика – это лексические единицы, вошедшие в словарь, которые невозможно перевести, так как они не имеют соответствия в родном языке, как не имеют соответствия в культуре, обслуживаемой этим языком, явления, названные ими. Например, сюда относятся:

1. Слова, обозначающие предметы и явления дореволюционного русского быта: *бала-лайка, тройка, хоровод*.

2. Слова историзмы, которые должны подвергаться лингвистической семантизации: *бригадир, будочник, городничий, кольчуга, палата* и др.

3. Фразеологические обороты, не имеющие эквивалентов в других языках и нуждающиеся в комментариях: *ни пуха, ни пера; подводить под монастырь; подавать карету* и др.

В связи с наличием в любом языке подобных слов на занятиях по методике подробно рассматриваются приемы семантизации подобных слов и новых слов в целом: использование наглядности, использование описания, перечисления, указание на родовое слово, использование сильного семантизирующего контекста. Для безэквивалентной лексики все эти приемы должны использоваться в совокупности.

Кроме названного вида работы, студенты знакомятся с другими видами работы по лингвострановедению:

1. Чтение текстов. Это могут быть тексты, связанные с культурой, искусством, образованием, выдающимися деятелями Беларуси. Например: «Минск», «Беларусь», «Озеро Нарочь», «Троицкое предместье», «Максим Богданович».

2. Составление диалогов на заданные темы. Например: «В поликлинике», «На рынке», «В авиакассе», «В кафе», «В библиотеке». Задавая вопросы друг другу, студенты учатся на уроках воссоздавать жизненные ситуации, с которыми они сталкиваются каждый день.

3. В рамках внеклассной работы проводятся экскурсии и другие мероприятия, в ходе которых иностранные студенты познают историю, географию.

4. Просмотр иллюстраций на определенную тематику способствует лучшему усвоению материала.

5. Лингвострановедческий комментарий текстов.

Работа с такими текстами особенно сложна. Данный тип текстов требует обязательно лингвострановедческого комментария, а следовательно, поиска определенной информации. В связи с этим на занятиях по методике студентами изучаются конкретные приемы работы над текстами, содержащими страноведческую и лингвострановедческую информацию.

При работе над текстом в лингвострановедческом плане следует начать с *наводящего* метода.

Еще до прочтения текста можно дать *краткую энциклопедическую справку* (если она нужна). Например, повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» посвящена событиям крестьянской войны 1773–1775 годов, предводителем которой был Емельян Пугачев. Поэтому можно сообщить учащимся сведения об этой войне и об этом человеке:

Во время чтения текста можно использовать *усиление отдельных фрагментов текста*: дать добавочную информацию к отдельному слову, фразе, выражению. Например, в «Капитанской дочке» читаем:

«Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон».

Комментарий: *Встречать с хлебом и солью* – старинный русский обычай. Когда гость дорог хозяевам, то они выносили ему навстречу на блюде каравай хлеба и соль. Колокольным звоном встречали важного и дорогого гостя. В колокола звонили в дни народных торжеств.

После прочтения текста следует продумать вопросы по его содержанию. Далее можно попросить кого-либо пересказать текст.

Таким образом, значительный круг проблем, намечающиеся перспективы исследований расширяют границы лингвокультурологии и делают его науку комплексной.

6. Просмотр кинофильмов.

7. Крайне важным представляется тот факт, что в последнее время по объективным причинам все большее внимание преподавателей РКИ и методистов стало обращено на создание целых УМК на базе различных электронных платформ. Это может быть также создание так называемых лонгридов. По определению лингвистов Т. А. Дьяковой и Ж. И. Жеребцовой, учебный лонгрид – это способ организации отдельных креолизованных текстов учебно-научной сферы в форме линейного цифрового массива, который выполняет функцию единицы и средства обучения, дискретно репрезентирует одну тему и интегрирует образовательно-просветительский контент сторонних сайтов, сервисов, хостингов и другие возможности цифровой среды [Дьякова 2021, с. 117].

Так, на платформе Core учебный лонгрид может быть собран из следующих блоков: «Текст», «Медиафайл», «Изображение», «Документ», «Тест», «Открытый вопрос», «Вопрос с автопроверкой», «Заполни пропуски», «Диалоговый тренажер», «Опрос». В зависимости от выбранного наполнения подача материала может иметь интерактивный характер и сопровождаться автопроверкой с отображением результатов в аккаунте преподавателя. Приведем пример материала, который можно включить в учебный лонгрид.

Урок развития речи **Как удлинить жизнь**

1. Предтекстовые задания

Задание 1. Найдите значение слов геолог, геология, путешественник. Понятны ли вам эти слова?

Задание 2. Найдите на карте районы Сибирь и Средняя Азия (прикрепить карту).

Задание 3. Посмотрите на портрет М.А. Обручева. Каким вы представляете этого человека (предлагается портрет ученого).

2. Притекстовые задания.

Задание 1. Познакомьтесь с романами В. А. Обручева (ссылка). Назовите эти книги.

Задание 2. Прочитайте текст.

Как удлинить жизнь

Владимир Афанасьевич Обручев был известным геологом, путешественником, писателем. Им исследованы многие районы Сибири и Средней Азии. В России его считают создателем научной геологической школы. Но кроме научных трудов, академик написал увлекательные научно-фантастические романы. Их читает уже не одно поколение. Ученый хотел многое успеть сделать в жизни, поэтому им была разработана своя система занятий. День делился им на 3 части. С утра до обеда он занимался научными трудами по геологии. От обеда до ужина писал рецензии, статьи, деловые письма. От ужина до сна ученый сочинял очередной научно-фантастический роман. Всего им было написано шесть романов.

Академик был организованным человеком. Много лет он собирал картотеку по всем интересующим его темам геологии. Помогало ему и то, что в кабинете был всегда порядок. В конце дня нужные ему материалы раскладывались по своим местам, книги ставились на полки, рукописи убирались в стол, карточки возвращались в картотеку. Утром ничего не надо было искать. Ученый считал, что благодаря такой организованности удлинится его жизнь.

3. Послетекстовые задания

Задание 1. Перескажите текст, используя вопросы в качестве плана.

1. Кем был Владимир Афанасьевич Обручев?
2. Зачем ученый разработал особую систему занятий?
3. Чем ученый занимался с утра до обеда, от обеда до ужина, от ужина до сна?
4. Что помогало ученому активно работать?
5. Что, по мнению академика, удлиняло его жизнь?

Задание 2. Посмотрите фильм «Земля Санникова» Понравился ли Вам фильм? Расскажите о своих впечатлениях.

Задание 3. Подготовьте в качестве домашнего задания рассказ о своем распорядке дня. Согласны ли Вы с основным тезисом текста, что «благодаря организованности можно продлить жизнь».

Таким образом, преподавание русского языка как иностранного на основе лингвокультурологии приобретает в настоящее время огромное значение и находит новые пути развития.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие. URL: http://lingvocult.ru/lingvo/Nikolay-Fedorovich-Alefirenko_Lingvokulturologiya-TSennostno-smyslovoeprostranstvo-yazyuka-uchebnoe-posobie-/4.shtml (дата обращения: 15.12.2021).

2. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.

3. Дьякова Т. А., Холодкова М. В., Жеребцова Ж. А. Учебный лонгрид как способ организации цифрового образовательного интернет-ресурса по русскому языку как иностранному // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2021. Т. 26, № 194.

4. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике : учебник. СПб. : СПбГУ; Нестор-История, 2016.

5. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002. 284 с.

6. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.

7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

КАТЕГОРИЯ «СВОЕ – ЧУЖОЕ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОНОМИНАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются фразеологические неологизмы – репрезентанты категории «Свое – Чужое». Внимание сосредоточено на устойчивых сочетаниях, построенных по модели «инокультурный компонент + болезнь» (*английская болезнь, китайская болезнь, японская болезнь* и др.), у которых в современном массмедийном дискурсе обнаруживается обновление семантики, не закреплённой в литературных словарях.

Ключевые слова: категория «Свое – Чужое», фразеологический неологизм, фразеологическая неологизация, межкультурная коммуникация

Lapteva M.L.
Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

THE CATEGORY "ONE'S OWN – ANOTHER'S" IN PHRASEOLOGICAL NEONOMINATION

Abstract. This article discusses phraseological neologisms – representatives of the category "Own – Alien". Attention is focused on stable combinations built on the model of "foreign cultural component + disease" (*English disease, Chinese disease, Japanese disease, etc.*), in which the modern mass media discourse reveals an update of semantics that is not fixed in literary dictionaries.

Keywords: category "Own – Alien", phraseological neologism, phraseological neologization, intercultural communication

Одна из задач лингвистической науки – фиксировать преобразования речевых структур, происходящие под воздействием социокультурных факторов, и делать выводы о том, какие из них затрагивают языковые процессы и влияют на них, а какие представляют собой единичные явления. В современную эпоху язык продолжает оставаться и оружием, с помощью которого разворачиваются информационные войны, и орудием, которое выполняет созидательную функцию, позволяя устанавливать контакты, налаживать связи, строить отношения. Все не случайным событием становится, например, выход в свет «Словаря актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» [Леонтьева 2021], авторы которого дают толкования словам, характеризующим процесс общения с точки зрения реализации стратегий согласия (сотрудничества) и конфронтации, особенно актуальных для сферы межкультурной коммуникации.

Действительно, граница между «своим» и «чужим», «своими» и «чужими» проходит в социокультурном пространстве все более отчетливо, и данная архетипическая двучленная категория представляется, прежде всего, как противопоставление (дихотомия) «своей» культуры и «чужой» культуры в самом широком понимании слова «культура» (ментефакты и артефакты, традиции, обычаи и обряды, ценности, продукты художественного творчества и мн. др.). При этом не только лексическая, но и фразеологическая система языка чутко реагирует на изменения, происходящие в общественном сознании, и отражает их, аккумулируя уже в языковом сознании мировидение и мировосприятие, а главное – отношение носителей языка к «своим» и инокультурным объектам.

В данной статье обратимся к анализу фразеологических неологизмов, которые являются репрезентантами категории «Свое – Чужое» в системе русского языка. Для более точной квалификации отдельных фразеологизмов как неологизмов подчеркнем, что такие фразеологизмы не успели получить фиксацию в литературных фразеологических словарях, были либо заимствованы, либо образованы по «работающим» в языке моделям, но обновили содержание под действием внеязыковых факторов и сохраняют оттенок новизны, что обязательно и для лексических единиц, претендующих называться неолексемами в конкретный, хронологически ограниченный период. Данные утверждения не противоречат концепции фразеологической неологизации [Вальтер 2008].

Нами используется терминологическое обозначение «фразеологическая неономинация», поскольку в фокусе исследования находятся новые устойчивые сочетания слов, которые номинируют социокультурные явления или объекты, ставшие актуальными в последние годы и не успевшие пока найти отражения в лексикографических источниках. Причем речь идет о фразеологизмах не только заимствованных, но и созданных «на русской почве», в русском лингвокультурном пространстве, хотя и являющихся результатом восприятия «чужого» мира и осмысления инокультурной действительности: *голливудская улыбка*, *грузинский мост*, *итальянский синдром* и др. [Лаптева 2021]. Семантика некоторых выражений меняется под воздействием экстралингвистических факторов: источником порождения таких сочетаний является интернет-публицистика, где пишут на злобу дня, выпуская самый актуальный, отражающий межкультурное и международное взаимодействие материал. Например, семантическим трансформациям подвергаются фразеологизмы, построенные по модели «этнокультурный компонент + болезнь». В качестве инокультурного компонента в данной модели выступает имя прилагательное с исходным оттопонимическим (или отэтнотонимическим) значением: *французская болезнь*, *английская болезнь*, *китайская болезнь*. Данные единицы зафиксированы в познавательном словаре-справочнике «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве» [Лаптева 2019]. Заметим, что этнокультурный компонент является по сути инокультурным, поскольку указывает на отнесенность к «чужой» культуре в целом.

Однако если в словаре-справочнике, вслед за «Большим словарем русских поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, отмечается устаревшее значение устойчивого сочетания *английская (аглицкая) болезнь* – ‘рахит’ [Мокиенко 2013, с. 19], то его современное употребление в средствах массовой информации позволяет фиксировать иное значение – ‘футбольное хулиганство’: *Основной тенденцией является «английская болезнь» – стремление проявить себя в кулачных боях и уличных беспорядках* (К российским футбольным клубам приставят офицеров МВД // Lenta.ru, 2007.05. URL: <https://ruscorpora.ru/>). Как отмечается на сайте sport.ru, беспорядки, которые устраивали футбольные фанаты в Англии, к концу 80-х годов XX века достигли небывалого масштаба и в результате получили в прессе определение «английская болезнь» (URL: <https://www.sports.ru>). Хулиганское движение развивалось и в советское, и в постсоветское время, проблема «хулиганской субкультуры» не исчерпала и не изжила себя, поэтому в русском публицистическом дискурсе сочетание *английская болезнь* применительно к агрессивным футбольным фанатам встречается и в текстах, датированных началом XXI века. Например, такой заголовок имеет статья газеты «Известия», вышедшая в свет 19 июля 2004 года и посвященная вопросам обеспечения порядка и безопасности на трибунах во время футбольных матчей. Кроме того, в одном из выпусков «Московского Комсомольца» от 28 мая 2007 года находим: *«Так называемая английская болезнь футбольных фанатов перекинулась, как отмечают в МВД России, на наших болельщиков»* (URL: <https://www.mk.ru/old/article>). Сравним: *«Английская болезнь» околофутбольного насилия акклиматизировалась в наших широтах и теперь становится экспортным товаром* (Фанатские драки оплачивают политики? // Комсомольская правда, 2004.12. URL: <https://ruscorpora.ru>).

Таким образом, есть основания полагать, что устойчивое сочетание *английская болезнь* может быть названо спортивной фразеологической неономинацией, генетический дискурс которой – британская лингвокультура. В данном случае происходит обновление именно плана содержания выражения, когда переосмыслению подвергается и адъективный компонент, который указывает на заимствованный характер появления данного социального явления, и компонент «болезнь», за счет которого фразеологизм дает этому явлению негативную оценочную характеристику.

Следует заметить, что семантический потенциал устойчивого сочетания *английская болезнь* более емкий, нежели представлено в данных выше примерах. Употребляясь в различных дискурсивных пространствах, фразеологизм активно используется для обозначения «болевых точек» в той или иной области. Так, во французском языке выражение *la maladie anglaise* (букв. английская болезнь) употребляется для номинации проблем, возникших в английской экономике, а в 1970-е годы названное выражение распространяется в международной журналистике для обозначения депрессивного состояния британского общества, вызванного политическими изменениями (распадом Британской империи, утратой колоний).

Уже в 2020 году, в период распространения коронавирусной инфекции, в том же спортивном дискурсе сочетанием *английская болезнь* номинируется ковид, поразивший игроков

разных английских клубов. Сравним: **«Английская болезнь: вирус ломает календарь. Последний тур английской премьер-лиги в уходящем году прошел под диктовку пандемии»** (URL: <https://news.sportbox.ru>).

И все же наиболее частотное фразеологическое обозначение для коронавируса – *китайская болезнь*. Влияние внеязыкового фактора в данном случае налицо, поскольку заболевание возникло в китайском городе Ухань. Тем более, что характеристика пневмонии именно как китайской болезни фиксируется в средствах массовой информации не в последние два года, а гораздо раньше – атипичная пневмония получила распространение в России в 2002–2003 годах. Тогда же появляется устойчивое сочетание *китайская болезнь*: **«Неужели все же атипичная пневмония добралась до России?!» – гадают медики. 4 мая в Амурскую областную инфекционную больницу был госпитализирован 25-летний молодой человек, состояние которого вызвало у медиков серьезные подозрения в том, что он заражен «китайской болезнью»** (Московский комсомолец, 06.05.2003).

Нами не отмечено ни одного примера употребления сочетания *китайская болезнь* в период с 2003 до 2019 год, но с началом пандемии, т.е. с начала 2020 года, данный оборот актуализируется в публицистическом дискурсе:

«Загадочная китайская болезнь распространяется по всей стране» (24.01.2020 г.) (URL: <https://wsjournal.ru>);

«Симптомы новой китайской болезни: какие изменения в здоровье должны наступить» (25.01.2020 г.) (URL: <https://pronedra.ru>);

«Китайская болезнь косит не только людей, но и сами основы современной экономики» (05.02.2020 г.) (URL: https://78.ru/articles/2020-02-05/koronavirus_i_ekonomika) и мн. др.

Во фразеологической системе рассматриваемая нами модель является достаточно продуктивной, о чем свидетельствует активное образование по указанной структуре фразеологизмов, которые «обрастают» новыми смыслами, каждый раз «заряжаясь» происходящими общественными, политическими или культурными изменениями, разворачивающимися в «своем» и «чужом» культурном пространстве. В современных массмедийных дискурсах можно отметить следующие речевые употребления:

1) **японская болезнь** – экон. 'дефляция', например: **«Еврозона как огня боится японской болезни. С 1999 по 2013 года дефлятор валового внутреннего продукта, являющийся общим показателем уровня цен, снизился на 1,2 %»** (URL: <https://fortrader.org>); **«Некоторые экономисты полагают, что в будущем «японская болезнь» может угрожать и Европе – в Евросоюзе уже несколько раз фиксировалась дефляция»** (URL: <https://anews.com/>);

2) **голландская болезнь** – 'спад производства, зафиксированный в Нидерландах после открытия там большого месторождения газа', например: **«Экономике России нельзя поставить диагноз «голландская болезнь», но отдельные симптомы этого недуга все же присутствуют»** (URL: <https://iq.hse.ru/news/>);

3) **египетская болезнь** – 'ситуация, когда большая часть населения стремится в столицу страны' [Универсальный дополнительный практический толковый словарь...] и др.

Закономерно встает вопрос о том, что сейчас именуют *русской болезнью*. Обратим внимание, что, детально описывая лингвокультурологическое поле «Русская национальная личность», В.В. Воробьев называет немало лингвокультурем, которые отражают национальное познание мира, раскрывают личность русского человека в аспекте духовной и материальной культуры. Среди них: *русский характер, русская женщина, русский дух, русская идея, русская община; русские блины, русская водка, русское масло, русская рубашка* и др. [Воробьев 2008]. Полагаем, что можно включить в этот список и лингвокультурему *русская болезнь*, которой в народной культуре называется алкоголизм, разгильдяйство, лень; в классической литературе – и обломовщина (А.И. Гончаров), и хандра (А.С. Пушкин), и любовь-самопожертвование (А.П. Чехов), т.е. болезнь душевная. Как о массовой социальной депрессии о русской болезни рассуждают в последние десятилетия на страницах различных сайтов и блогов, пытаются разобраться в причинах, установить истоки этой «нематериальной сущности». Однако, к примеру, 20 июня 2014 года газета «Ведомости» публикует статью с заголовком **«Зависимость от ресурсов: русская болезнь»** (URL: <https://kpfu.ru/news/analitika/russkaya-bolezn-81522.html>), и посвящена она проблеме зависимости российской экономики от экспорта энергоресурсов. Заголовок «Русская болезнь» дается, например, и в журнале «Огонек» № 43 (5588) от 05.11.2019 года одной из статей, которая также затрагивает проблему сырьевой зависимости экономики России. Исходя

из содержания некоторых газетных публикаций, появившихся в последние годы, можно сделать вывод, что такое экономически окрашенное звучание оборот *русская болезнь* приобретает по аналогии с упомянутым выше выражением *голландская болезнь* (1977). Следовательно, обновление семантики фразеологизма *русская болезнь* связано с его активным использованием в институциональных политическом или экономическом дискурсах. Причем данный факт не исключает того, что данный оборот, как и все другие одноструктурные, остается оценочным, так как отрицательная коннотация передается через номинативный компонент «болезнь».

Итак, в настоящей статье были рассмотрены только отдельные фразеологические неологизмы, построенные по модели «этнокультурный компонент + болезнь», являющейся, на наш взгляд, продуктивной базой образования единиц, располагающихся на оценочной шкале «Свое – Чужое» и вышедших далеко за пределы медицинской тематики. Подводя итог, скажем, что процесс реновации фразеологического корпуса русского языка в ее фрагменте, отражающем проекцию лингвокультурных маркеров «своего» и «чужого», есть процесс непрекращающийся и динамичный, связанный с постоянными культурно-языковыми контактами стран и народов, а также обусловленный единым сетевым пространством, ускоряющим образование фразеологических неологизмов, которые при этом не всегда успевают становиться языковыми знаками, так как отражают в большинстве своем актуальные лишь для определенного временного периода события и явления «своей» и «чужой» действительности.

Литература

1. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Источники фразеологической неологии // *Komparacja systemy i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. 3. Frazologia. Redakcja naukowa Walerij Mokijenko i Harry Walter. Uniwersitet Greifswald Instytut for Slawistik, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. Opole, 2008. С. 39–44.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М. : РУДН, 2008.
3. Лаптева М. Л. «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве: познавательный словарь-справочник. Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2019.
4. Лаптева М. Л. Новое «чужое» в русском фразеологическом пространстве // *Гуманитарные исследования*. 2021. № 3 (79). С. 28–32.
5. Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург : Ажур, 2021.
6. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013.
7. Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Мостицкого. URL: https://mostitsky_universal.academic.ru/ (дата обращения: 11.04.2022).

Леонтьев Э.П.

*Основная общеобразовательная школа, Улзийт (Монголия)
Томский государственный педагогический университет,
г. Томск, Россия*

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МОНГОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты изучения художественной литературы в монгольской школе в рамках учебного предмета. Проведен анализ учебного комплекта по литературе «Уран зохиол» в контексте включения для изучения русской литературы в обязательный минимум, а также изучения русских и монгольских сказок с целью формирования у монгольских школьников лингвокультурологических компетенций.

Ключевые слова: литература, учебный комплект, родная и русская литература, русская и монгольская сказка

Leontyev E.P.

*Comprehensive School, Ulziit (Mongolia)
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia*

STUDYING RUSSIAN LITERATURE AT THE MONGOLIAN SCHOOL

Abstract. The literature learning kit “Уран зохиол” (Uran zohiol) is analyzed in the context of incorporation in mandatory minimum for the study of Russian literature, and incorporation of the

study of Russian and Mongolian fairy tales in order to form linguistic and cultural competences of Mongolian pupils.

Keywords: literature, learning kit, native and Russian literature, Russian and Mongolian fairy tale

Одной из основных задач современной монгольской школы является воспитание культуры межнациональных отношений в контексте формирования личности обучающегося и его читательского опыта; воспитание, которое формирует поликультурное мышление. Такое формирование возможно и в полной мере зависит от социально-культурной среды, в которой находится школьник. В связи с возрастающей миграцией, в частности, переезд русских в Монголию, монголов в Корею, Китай, США, формируется культура нового общества, так называемого информационного, в котором проявляются процессы более тесного взаимодействия между культурами – русской и монгольской.

Опираясь на это, можно утверждать, что возрастает необходимость изучения зарубежной классики (русской классической литературы) в монгольской школе с целью приобщения монгольских обучающихся к мировому культурному опыту, что обуславливает целесообразность изучения родной монгольской литературы параллельно с русской. Осваивая такой опыт, монгольский школьник сможет ориентироваться в меняющихся современных условиях жизни, осознавая ответственность перед будущими поколениями [Ким 2016, с. 62].

В программе и учебном комплекте по литературе (Уран зохиол) в монгольской школе представлены всего три произведения русской литературы: «Слово о полку Игореве», «Праведный судья» Л.Н. Толстого и «Хамелеон» А.П. Чехова [Уран зохиол 2017, 2018]. Учебный комплект для 6–12 классов издан Азиатским банком развития (Asian Development Bank (ADB)) в рамках проекта «Качество образования во времена экономических трудностей» – «Эдийн засгийн хүндрэлийн үед боловсролын чанар, хүртээмжийг сайжруулах төсөл». Но даже такой выбор не дает полную картину при изучении творчества писателя, не затрагивая биографию писателя, основные темы творчества. Основу курса по литературе составляют монгольский эпос или эпическая поэзия (туули) – «Сокровенное сказание монголов» или «Тайная история монголов», «Джангар» и «Гэсэр», исполняемые на народных инструментах морин хуур и товшуур, а также отечественная монгольская классика и современная монгольская литература, в частности:

6 класс: Данзанравжаа, Д. Нацагдорж, П. Бадарч, Ж. Дашдондог, С. Дулам, З. Түмэнжаргал, П. Хорлоо, Д. Давааням, Ч. Лодойдамба, Л. Одончимэд, Л. Түдэв;

7 класс: Б. Ринчен, Л. Түдэв, Ц. Түмэнбаяр, Д. Нацагдорж, Г. Мэнд-Ооео, П. Пурэвсүрэн, Д. Пурэвдорж, Т. Галсан, Д. Цоодол, Д. Нямаа, Д. Сумьяа, Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэвэгмид;

8 класс: Б. Ринчен, С. Дулам, О. Дашбалбар, Б. Явуухулан, Д. Намдаг, Ж. Барамсай, П. Лувсанцэрэн, Ч. Ойдов;

9 класс: Б. Лхагвасүрэн, Д. Нямсүрэн, Б. Ринчен, Ж. Лхагва, Д. Мягмар, Д. Цэдэв, Ч. Лодойдамба;

10 класс: Д. Нацагдорж, Д. Намсрай, Д. Равжаа, Б. Явуухулан, Д. Нацагдорж;

12 класс: Б. Явуухулан, П. Бадарг, Ш. Сүрэнжав, Ч. Дагвадорж, Ц. Чимиддорж, Т. Галсан, Ц. Хулан, Ш. Гаадамба, С. Эрдэнэ, С. Дашдооров, Л. Өлзийтөгс, Д. Намдаг, Ч. Галсан, Ч. Лодойдамба, Л. Түдэв, Д. Нацагдорж, Б. Лхагвасүрэн, Д. Норов.

Включение русской литературы в контексте зарубежной в курсе по литературе (Уран зохиол) в монгольской школе представлено следующим образом:

6 класс: сказания и легенды о Лакшми, Волшебная щетка (китайская народная сказка), Сказка о короле Синдбаде (арабская сказка), Л.Н. Толстой «Праведный судья» – «Шударга шүүгч» (далее – выделено нами), О. Уайльд, Кейко Тани, Изабель Финн;

8 класс: мифы и легенды Древней Греции, Гомер;

9 класс: Шри Харидас Шастри;

11 класс: Махабхарата, Слово о полку Игореве – Игорийн хорооны үг, Омар Хайям, Мацуо Басе, Ф. Петрарка, Оноре де Бальзак, А. Доде, А.П. Чехов «Хамелеон» – «Хамелеон», Софокл.

Опираясь на опыт преподавания в монгольской школе и работе с монгольскими учителями русского языка в рамках просветительско-гуманитарного проекта «Российский учитель за рубежом» («Гадаадад орос багш») в Увурхангайском аймаке, можно констатировать, что этих трех произведений русской литературы недостаточно для позитивного и креативного восприятия ценностей другой (русской) культуры, возможности включения монгольских школьников в ситуации осмысления тех ценностей, которые характерны для русской культуры, а также

возможности выявления мотивированного отношения к ним через призму собственной монгольской культуры.

В рамках программы по литературе на занятиях систематически проводится работа по изучению прецедентных текстов (урьдчилсан текстүүд), в которых актуализируется лингвострановедческий материал, отражается национальный менталитет и характер народа, утверждается традиционный нравственный идеал и поведенческие модели. Особой популярностью у детей пользуются занятия по изучению фольклорных текстов, народных сказок, как русских, так и монгольских, сказок народов России. Основная цель таких занятий не только изучение языка, невербальных форм общения, ориентирование в явлениях и событиях чужой иноязычной культуры, но и формирование «способности и готовности принимать участие в диалоге культур, т.е. в условиях межкультурного общения на основе принципов сотрудничества, взаимного уважения, терпимости к культурным различиям и преодоления культурных барьеров» [Кусков 2013, с. 236–239].

Сказки наиболее полно освещают представление о мире каждого народа, несут в себе представление об аксиологических концептах и духовных ценностях культуры. Читая и анализируя сказки, монгольские школьники погружаются в культуру русского народа, начинают понимать и принимать его ментальность и отождествлять внутренний мир русского человека со своим собственным, сравнивая со своей родной культурой. Разноплановое изучение сказок народов России и Монголии в рамках учебного предмета «Уран зохиол» (рассматриваются сказочные персонажи, прецедентные имена, образы (тэмдэгт, хэргэмийн нэр, зураг); рассматриваются сюжеты сказок (улгэрийн талбай), проводят аналогии (хэлбэртэй), находят различия (хий үг); обращение к значению чисел (тоонуудын үнэ цэнийг давж заалдах), обращение к образам животных (амьтны зураг дээр давж заалдах); рассматриваются в методическом плане (аргаийн төлөвлөгөө) и с точки зрения лингвистического компонента (хэл шинжлэлийн бүрэлдэхүүн хэсэг) и т.д. (комплексное изучение русской и монгольской сказок представлено в нашей работе) [Горских, Леонтьев 2022, с. 507–509]) позволяет формировать у монгольских школьников лингвокультурологические компетенции, что дает им возможность достигать взаимопонимания с представителями русской культуры и решает задачи коммуникативно-культурологической направленности.

Литература

1. Горских О. В., Леонтьев Э. П. Обучение инофонов русскому языку: специфика организации педагогических дискурсов // Пандемия-22: преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков. Т. 2: монография / кол. авторов; под ред. И. И. Климовой, М. Э. Конурбаева, Н. А. Козловцевой. М. : РУСАЙНС, 2022. С. 499–510.
2. Ким М. В. Культурологический аспект преподавания литературы // Педагогический ИМИДЖ. 2016. № 2 (31). С. 62–65.
3. Кусков М. И., Безмен С. Г., Бируля Т. П., Платонова Э. Е. Культурный компонент в формировании межкультурной компетенции // Асноўныя тэндэнцыі развіцця сучаснай беларускай культуры: мат. навук. канф. (Мінск, 23-24 ліст. 2011 г.) / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. Мн., 2013.
4. Уран зохиол VI: Ерөнхий боловсролын 12 жилийн сургуулийн 6 дугаар ангийн сурах бичиг / Одсүрэн П., ба бусад; ред. С. Дулам, Тех. ред. Р. Нямцэрэн. УБ. 2018.
5. Уран зохиол VII: Ерөнхий боловсролын 12 жилийн сургуулийн 7 дугаар ангийн сурах бичиг / Нандинбилиг Г., ба бусад; ред. С. Дулам, Тех. ред. С. Норжинлхам. УБ. 2018.
6. Уран зохиол VIII: Ерөнхий боловсролын 12 жилийн сургуулийн 8 дугаар ангийн сурах бичиг / Нандинбилиг Г., ба бусад; ред. Бигурмаа Р. Тех. ред. Норжинлхам С. УБ. 2017.
7. Уран зохиол IX: Ерөнхий боловсролын 12 жилийн сургуулийн 9 дүгээр ангийн сурах бичиг / Одсүрэн П., ба бусад; ред. Дулам С. УБ. 2017.
8. Уран зохиол X: Ерөнхий боловсролын 12 жилийн сургуулийн 10 дугаар ангийн сурах бичиг / Нандинбилиг Г. ба бусад; ред. Цэндсүрэн Ө. УБ. 2017.
9. Уран зохиол XI: Ерөнхий боловсролын 12 жилийн сургуулийн 11 дүгээр ангийн сурах бичиг / Одсүрэн П., ба бусад; Ред. Норжинлхам С., тех. ред. Томтогтох Г. УБ. 2017.
10. Уран зохиол XII: Ерөнхий боловсролын 12 жилийн сургуулийн 12 дүгээр ангийн сурах бичиг / Байгалсайхан С., ба бусад; ред. Энхбаяр С., Тех. ред. Мягмаржав У. УБ.

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ ПРИДАТОЧНЫХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ И ОБОСОБЛЕННЫХ ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫХ ПРИЧАСТНЫМИ ОБОРОТАМИ

Аннотация. В статье рассматривается синтаксическая синонимия в простом и сложном предложениях. На материале художественной литературы описываются простые предложения, осложненные причастными оборотами, и сложноподчиненные конструкции с придаточными определительными. Между этими предложениями отмечается синтаксическая синонимия, однако в некоторых случаях семантическое тождество невозможно, что обусловлено структурой и семантикой языковых единиц, а также особенностями поэтического текста.

Ключевые слова: синтаксическая синонимия, сложное предложение, простое предложение, причастный оборот

Logacheva A.A., Mohmed Raheesh
Orel State University named after I.S. Turgenev,
Orel, Russia

TO THE QUESTION OF SYNTACTICAL SYNONYMY OF SUDDENDENT DETERMINANTS AND SEPARATE SEMI-PREDICATIVE MEMBERS OF A SENTENCE EXPRESSED BY PARTICIPIAL TERMS

Abstract. The article deals with syntactic synonymy in simple and complex sentences. On the material of fiction, simple sentences complicated by participial phrases and complex structures with attributive clauses are described. Syntactic synonymy is noted between these sentences, however, in some cases, semantic identity is impossible, which is due to the structure and semantics of linguistic units, as well as the peculiarities of the poetic text.

Keywords: syntactic synonymy, compound sentence, simple sentence, participle turnover

В современном русском языке основной единицей общения и выражения мыслей является слово. Известно, что выразительность языка и речи связана прежде всего со словом. Многие слова в русском языке употребляются в разных значениях. Это многозначные слова. А некоторые слова близки по своему значению, но они отличаются по написанию и звучанию. Такие слова называют синонимами.

Синонимия как языковое явление изучается на разных уровнях языковой системы. В настоящее время в лингвистике и лингвометодике современного русского языка наиболее подробно описана лексическая синонимия. Так, например, в лексическом составе русского языка выделяются различные типы синонимов (полные, семантические, контекстные и др.). Однако синонимы могут быть на других уровнях языковой системы. Конструкции, тождественные по значению, но разные по форме, встречаются в синтаксисе русского языка. Это синтаксическая синонимия.

Обратимся к синтаксису как высшему уровню языковой системы. По определению В.В. Бабайцевой, «система языка – упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих единиц (элементов) языка, выступающих как целостное образование» [Бабайцева 2010, с. 32]. В синтаксисе «работают» единицы всех других уровней (фонетики, лексики, морфологии), которые представляют собой неразрывное соединение. Основной единицей синтаксиса наряду со словосочетанием и текстом является предложение.

«Предложение – основная синтаксическая единица русского языка, средство формирования, выражения и сообщения мысли, передачи эмоций и волеизъявления» [Касаткин 2006, с. 347]. Известно, что в русском языке выделяются предложения простые и сложные, которые, в свою очередь, классифицируются на различные типы.

В рамках данной работы мы рассматриваем единицы одного уровня (синтаксиса): простое предложение с обособленными определениями, выраженными причастными оборотами и сложноподчиненные предложения (далее – СПП) с придаточными определительными.

По структуре это разные синтаксические построения. «Простое предложение – основной структурный тип предложений, обладающий одной предикативной основой» [Касаткин

2006, с. 357]. Простые предложения могут быть осложнены обособленными членами предложения, к которым относится причастный оборот. «Причастный оборот – это полупредикативная синтаксическая единица, включающая стержневое причастие и его распространители» [Бабайцева 2011, с. 435]:

О скальд России вдохновенный,

Воспевший ратных грозный строй (А.С. Пушкин).

В приведенном примере действительное причастие прошедшего времени, входящее в состав причастного оборота, относится к имени существительному *скальд*.

В СПП выделяются различные типы придаточных предложений. Наши научные интересы сосредоточены на изучении СПП с придаточными определительными. Это конструкции, в которых «определятельная придаточная часть всегда относится к существительному главной части» [Ширяев 1989, с. 255].

*Это просто были крестьянские ребяташки из соседней деревни, **которые** стерегли табун* (И.С. Тургенев.)

По структуре это СПП с придаточным определительным, которое находится в постпозиции по отношению к главному предложению. Обе части предложения соединены при помощи союзного слова **которые**. Средством связи в СПП с придаточными определительными выступают союзные слова (**которые, какой, чей, кто, что**), местоименные наречия (**где, откуда, когда, куда**) или союзы (**будто, как, словно, точно**).

Итак, простые предложения с причастными оборотами и СПП с придаточными определительными предложениями имеют разные структурные схемы, но их семантика может быть тождественна. В этом случае мы говорим о синтаксической синонимии между этими конструкциями. Приведем примеры.

*Чуть слышится ручей, **бегающий** в сень дубравы* (А.С. Пушкин).

*Чуть слышится ручей, **который** бежит в сень дубравы.*

Первый пример представляет собой простое предложение с обособленным определением, выраженным причастным оборотом. Однако смысл этого предложения можно передать с помощью сложной конструкции. Второй пример оформлен как СПП с придаточным определительным. По структуре это разные синтаксические конструкции, но они тождественны по смыслу. Здесь явление синтаксической синонимии на уровне простого и сложного предложений. Однако такая трансформация возможна не всегда.

*Перед самым отъездом из Лондона я был в одном доме, **куда** собралось особенно много народа* (И.А. Бунин).

Приведенный пример представляет собой СПП с придаточным определительным: *Перед самым отъездом из Лондона я был в одном доме, **куда [в котором]** собралось особенно много народа.*

Эту конструкцию нельзя трансформировать в простое предложение с обособленным определением, выраженным причастным оборотом. Если придаточное определительное предложение присоединяется к главному при помощи местоименных наречий **где, куда, когда, откуда** с обстоятельственной семантикой, то синтаксическая замена невозможна:

*В высоком тростнике, **где** частым жемчугом*

Вздывалась пена вод серебристых,

Коллебясь тихим ветерком,

Покров красавицы стыдливой,

Небрежно кинутый, у берега лежал (А.С. Пушкин).

Придаточное определительное присоединяется к главному предложению при помощи союза **где** со значением места. Союз относится к имени существительному *в тростнике*, поэтому здесь можно выделить определятельные отношения: *В высоком тростнике, **где [в котором]** частым жемчугом Вздывалась пена вод серебристых.*

Синонимическая замена невозможна в следующих случаях:

*И **той, которую** дышу,*

Рукой любовника счастливой

Внизу я имя подпишу (А.С. Пушкин).

Придаточное определительное присоединяется при помощи союзного слова **которою**, выполняющего синтаксическую функцию косвенного дополнения. Синтаксическая синонимия возможна только в том случае, если формальные средства (союзные слова) **которые, какой, что** входят в состав подлежащего или являются прямым дополнением:

Даже пассажиры, что смотрели в пол, приободрились и ожили (Б.С. Житков).

Союзное слово **что** в данном случае относится к подлежащему, поэтому сложную конструкцию можно трансформировать в простое предложение с обособленным определением, выраженным причастным оборотом: *Даже пассажиры, **смотревшие** в пол, приободрились и ожили.*

Невозможность синтаксической замены иногда может быть обусловлена позиционно:

*Под амбарами же нашли мы и многочисленные гнезда бархатно черных с золотом шмелей, присутствие **которых** под землей мы угадывали по глухому, яростно грозному жужжанию (И. А. Бунин).*

Союзное слово **которых** относится не к субстантиву в главном предложении, а отделяется от него другими словами.

В некоторых случаях синтаксическая замена будет неудачной с точки зрения структуры, что обусловлено особенностями языка лирики:

Подпершился локотком,

Чуть Светлана дышит (В.А. Жуковский).

Известно, что язык лирики отличается особой поэтической формой, наличием рифмы, стихотворного размера, ритма. Поэтический текст, по мнению Ю. М. Лотмана, представляет «совокупность кодовых систем» [Лотман 1996, с. 77], которые читателю необходимо расшифровать. Поэтическая форма создает возможности для передачи множественных смыслов авторского замысла и выражения лирического «я», экспрессии. В таких предложениях может быть пропуск субстантива, к которому относится причастный оборот:

*Скачет, **блещущий** глазами,*

Дико голову склонил (Н. М. Языков).

Это предложение можно трансформировать следующим образом: *Скачет [он] **блещущий** глазами, Дико голову склонил.*

Здесь под влиянием законов стихосложения структура предложения «ломается», подвергается модификации, но информативность лирического произведения возрастает.

Таким образом, синтаксическая синонимия определяется на основе семантического тождества и конструктивного различия. Мы предприняли попытку описать СПП с придаточными определительными и простые предложения с обособленными определениями, выраженными причастными оборотами. Во многих случаях между этими конструкциями существует синтаксическая замена, однако, как показал материал исследования, образование синтаксических синонимов не всегда возможно. Это обусловлено семантикой и структурой предложений, а также особенностями языка лирики. В поэтическом тексте допускается «разрыв» строки, пропуск подлежащего, сказуемого или другого члена предложения. Лирическое произведение выражает авторское мировосприятие, побуждает читателя вступить в диалог с автором и с самим собой.

Литература

1. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке : монография. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011.
2. Бабайцева В. В. Система языка как целостное образование // Избранное. 2005–2010 : сб. научных и научно-методических статей / под ред. К. Э. Штайн. М.; Ставрополь : СГУ, 2010. 400 с.
3. Касаткин Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку. М. : Высшая школа, 2006.
4. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. С.-Петербург : Искусство-СПБ, 1996.
5. Русский язык : учебник для студ. : в 2 ч. / под ред. Л. Ю. Максимова. М. : Просвещение, 1989. Ч. 2. Состав слова и словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация.

Логунова Е.А.
*Калининградский государственный технический университет,
г. Калининград, Россия*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА НА ТЕМУ «JOB SHARING»

Аннотация. На основе методики когнитивно-дискурсивного анализа выполнен поэтапный анализ дискурса бизнес-форума на тему "Job Sharing". Используемая методика позволила определить базовый концепт, отразить концептуальную картину исследуемого дискурса и продемонстрировать, как выстраивается речевая стратегия участников общения изучаемого бизнес дискурса.

Ключевые слова: дискурс, бизнес-дискурс, концепт, когнитивно-дискурсивная парадигма знания, когнитивно-дискурсивный анализ

Logunova E.A.
*Kaliningrad State Technical University,
Kaliningrad, Russia*

COGNITIVE ASPECTS OF DISCOURSE RESEARCH BY THE EXAMPLE OF THE TOPIC "JOB SHARING"

Abstract. A step-by-step analysis of the economic discourse "Job sharing" was carried out based on the cognitive-discursive analyze methodology. The used technique allowed us to identify the basic concept, to reflect the conceptual picture of the investigated discourse and to show how a strategy of communication is organized.

Keywords: discourse, business discourse, cognitive discursive paradigm, concept, cognitive discursive analysis

Термин *дискурс* (англ. discourse) является одним из наиболее широко употребляемых терминов современной лингвистической науки. Дискурс, реализуемый на бизнес-форумах, мы понимаем как речь в когнитивно-дискурсивном аспекте, имеющую письменную фиксацию, выраженную в текстах, обусловленную экстралингвистическими факторами, интерактивностью и интердискурсивностью. Тексты бизнес-форумов всегда динамичны и современны, воспринимаются участниками дискурса в контексте конкретной ситуации происходящих событий, поэтому являются интереснейшим объектом для исследователей [Логунова 2011, с. 19].

Форум (компьютерная конференция) – сервис для создания виртуальных областей с целью решения/обсуждения различных вопросов. Основной единицей форума является сообщение, именно оно задает тему коммуникации. Дискурс The Business Forum Online представлен монологической речью, которая, в свою очередь, репрезентирована гипертекстами.

Изучение бизнес-дискурса форумов целесообразно проводить в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, положения и задачи которой заключаются в выяснении следующих вопросов: 1) как репрезентирован мир в сознании человека и какие форматы/структуры знания можно выделить в представлении опыта взаимодействия человека со средой; 2) как протекают у человека процессы упорядочивания поступающей к нему по разным каналам информации; 3) через какие акты концептуализации и категоризации мира происходит подобное упорядочивание и что отличает указанные акты; 4) как соотносятся между собой в любом из перечисленных актов (процессов) мыслительной деятельности данные из разных областей других когнитивных наук со сведениями из языка [Кубрякова 2006, с. 27–28].

Исследование бизнес-дискурса на форумах включает следующие обязательные составляющие: анализ текста, репрезентирующего дискурс, идентификацию единиц электронного текста, выявление концептов, а также анализ фоновых знаний, непосредственно относящихся к рассматриваемому типу дискурса.

Проанализируем фрагмент дискурса на тему «Job sharing» [URL: <http://www.businessforum.com>].

Тема содержит основной концепт – «Job sharing». В данном примере авторы задают тон обсуждения и решают следующие задачи: как небольшие фирмы могут заинтересовать, удержать талантливых людей и повысить производительность таким образом, чтобы остаться конкурентоспособными (How can smaller businesses attract and retain top talent and

increase productivity to keep themselves competitive?..). Отмечается, что решение подобных вопросов не всегда является затратным для фирм (However not all solutions are expensive or reliant on contractors).

В обсуждении предлагается способ решения, к которому относится разделение рабочего места между несколькими работниками – «Job sharing».

Обратимся к дефинициям понятия «Job sharing»:

– ситуация, когда двое людей делят работу, нагрузку и оплату за нее (a situation in which two people share the work, hours, and pay of one job) [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/job%20sharing?src=search-dict-box>];

– договоренность для двух людей разделять рабочий график и оплату за одну работу (an arrangement for two people to share the hours of work and the pay of one job) [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/jobsharing?q=job+sharing>];

– разделение работы между двумя или более людьми таким образом, чтобы каждый выполнял одну и ту же работу определенное количество часов в день либо недель (the division of a job between two or more people such that each covers the same job for complementary parts of the day or week) [<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/job-sharing>].

В обсуждении на форуме отмечаются положительные моменты, которые возникают при такой системе работы. Данный вид занятости – единственный гибкий вид занятости, который позволяет работать иначе, является предпочтительным путем в ситуации безработицы (is the only flexible work arrangement, by its very nature, allows..; also gives, is a preferred way, it provides).

Очевидно, что авторы позитивно оценивают предлагаемый вид работы, достаточно хорошо знают его изнутри, осведомлены о положительных и отрицательных сторонах. Так, отмечается, что существует ряд конкретных вопросов, которые вызывают беспокойство (...the most common concerns include...). Определив их, авторы останавливаются подробнее на каждом, чтобы разъяснить, как действовать в конкретной ситуации. Например, отмечают, на что стоит обратить внимание при создании «Job sharing команды», как грамотно распределить прибыль/доход и как в целом управлять такой необычной формой разделения труда.

Дискурс содержит призыв к поиску работодателей, которые на практике используют данный подход в работе (Look for employers who exhibit a similar approach), к созданию такой программы (Establish a program...).

В итоге делается вывод о том, что такой вид занятости находится в своей начальной стадии, но может стать превосходным способом формирования команды (This is only the beginning. A job share program can be a great recruitment tool).

Анализ дискурса, выполненный в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, позволяет структурировать концепт «Job sharing». В исследованном фрагменте, репрезентированном электронным текстом, отражено, как можно разделить работу, выполняемую зачастую одним работником, между двумя и более людьми. Данный вид разделения труда целесообразно использовать для увеличения числа занятых либо как меру создания удобного графика для определенных работников (например, для женщин с маленькими детьми), что в свою очередь позволит обеспечить гибкость в управлении персоналом.

В итоге дискурс-обсуждение заканчивается призывом определить лучших людей, мотивировать их и «изъять» из конкуренции (Get the best people, keep them motivated, keep them longer and take them from the competition).

Таким образом, проведенный анализ показал, что структура и содержание концептов выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты [Болдырев 2000, с. 31]. Объем содержания концепта выходит за рамки дефиниции вследствие когнитивного опыта участников общения, а использование когнитивно-дискурсивного подхода позволяет комплексно изучить и проанализировать речевую стратегию участников общения, а также, выявить, что стоит за терминами, используемыми в конкретном дискурсе.

Необходимо отметить, что The Business Forum Online относится к форумам для профессионалов, поскольку темы формируются учеными-исследователями, для форума характерно большое количество специальной терминологии, он отличается по стилю/строению. Важной особенностью является отсутствие вопросно-ответной формы, которая присутствует на большинстве форумов, ориентированных на широкую аудиторию.

Литература

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000.
2. Кубрякова Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов 27–28 сентября 2006 года / гл. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. С. 26–31.
3. Логунова Е. А. Реализация интерактивности на интернет-сайтах экономических форумов: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011.
4. Collins Free Dictionary. URL: <http://www.collinslanguage.com> (дата обращения: 17.05.2022).
5. Oxford Learner's Dictionaries: URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/wto?q=WTO> (дата обращения: 17.02.2022).
6. The Business Forum Online. URL: <http://www.businessforum.com> (дата обращения: 16.05.2022).
7. Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <http://www.m-w.com> (дата обращения: 17.05.2022).

Лукина Н.В.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ

Аннотация. Язык средств массовой информации постоянно находится в поле зрения лингвистов. Автор статьи, рассматривая газетные тексты региональных изданий, приходит к выводу, что функционирование разговорной лексики зависит от темы текста, его жанра, цели его создания.

Ключевые слова: разговорные слова, публицистика, газетный текст, тема текста, заметка

Lukina N.V.

*Perm State National Research University,
Perm, Russia*

FUNCTIONAL AND SEMANTIC SPECIFICITY OF COLLOQUIAL VOCABULARY IN THE TEXTS OF REGIONAL NEWSPAPERS

Abstract. The language of mass media is constantly in the field of view of linguists. The author of the article, considering the newspaper texts of regional publications, comes to the conclusion that the functioning of colloquial vocabulary depends on the topic of the text, its genre, and the purpose of its creation.

Keywords: spoken words, journalism, newspaper text, text subject, note

В наше время средства массовой коммуникации играют очень важную роль в жизни общества, кроме того, они оказывают существенное влияние на языковое сознание носителей русского языка, для которых печатное слово, вопреки всему, остается своеобразным эталоном правильной речи. Язык средств массовой коммуникации показывает современное состояние русского языка, изменения, которые в нем происходят. «Язык средств массовой информации находится в центре современных исследований. Пристальное внимание к функционированию массмедиа-языка объясняется множественностью факторов, в числе которых изменяющийся статус публицистического стиля, снижение уровня культуры в использовании литературного языка, расшатывание границ речевых норм, смена коммуникативной парадигмы от монологической к диалогической» [Власян 2013, с. 108].

Использование разговорной лексики в текстах печатных СМИ многократно обсуждалось лингвистами. Например, Т.Г. Винокур отмечала как общую тенденцию «изменение соотношения

устности и письменности, книжности и разговорности», указывая при этом на актуализацию средств разговорного стиля. Язык газетных текстов отражает данную тенденцию [Рогова 2018, с. 247]. Использование средств разговорного стиля дает журналистам возможность приблизиться к читателю, сделать свои тексты более понятными, создать у читателя впечатление использования не книжной речи. В этом случае употребление лексических средств разговорного стиля носит риторический характер, на что указывала О.Б. Сиротина [1998].

Исследователи публицистического стиля отмечают среди прочих такие его стилиевые черты, как понятность текста, выразительность, эмоциональность изложения, стремление автора выразить свою точку зрения, призывность, агитационность, воздействующая направленность текста. Все это достигается разными средствами, в том числе – использованием разговорной лексики.

Однако представляется важным вопрос о том, как использование и функционирование разговорной лексики в газетном тексте зависит от типа издания, от жанра текста, от его темы, от типа передаваемой информации.

В данном исследовании особое внимание было уделено информационному жанру заметки в региональных изданиях газет «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда» (конец 2021 – начало 2022 гг.). Тексты заметок были посвящены различной тематике: науке, туризму, здоровью, спорту, новостям Пермского края. Данные тексты располагались в соответствующих рубриках. Объем заметок и их тип были неоднородными.

Было проанализировано несколько разновидностей заметок:

- событийная заметка, содержащая сообщение о каком-либо событии или положении дел в какой-либо сфере;
- анонс, сообщающий о предстоящих культурных мероприятиях, выставках, концертах, открытии новых сооружений;
- мини-обозрение, представляющее собой фактологическую заметку, в которой описано не одно событие, а некоторая совокупность событий, объединенных временем или темой;
- мини-история, предметом отображения в которой является какая-то семейная, любовная, профессиональная или иная жизненная интрига, построенная на взаимоотношениях людей;
- мини-совет, содержащий информацию программного типа, например, советы по хозяйству, поддержанию здоровья;
- новостная заметка, сообщающая о событиях конкретного региона.

Заметки должны содержать актуальную информацию, ее форма должна отличаться точностью, краткостью и ясностью изложения.

Согласно полученным данным можно сделать вывод, что тема публицистического текста не оказывает существенного влияния на наличие в нем разговорной лексики. В каждом из указанных разделов было обнаружено примерно одинаковое количество разговорных слов: «Наука» – 21, «Спорт» – 24, «Туризм» – 21, «Здоровье» – 22.

Внутри каждой рубрики присутствуют тексты, в которых разговорные слова отсутствуют. Это связано, на наш взгляд, целеустановкой и объемом текста. Если заметка небольшого объема, ее темой является что-то новое в какой-либо области и цель автора – лишь сообщить читателю данный факт, то разговорные слова либо отсутствуют в тексте, либо содержатся в небольшом количестве (одно-два).

Наибольшее количество разговорных слов обнаружено в заметках значительного объема, авторы которых не только сообщают информацию, но и стремятся воздействовать на читателя. К таковым относятся заметки, посвященные темам здоровья и туризма.

Общеизвестно, что основная функция разговорной лексики – функция общения, которая заключается в непосредственной передаче информации.

Функции разговорной лексики в исследованных текстах, помимо передачи информации, были обнаружены следующие:

- привлечение внимания читателя;
- упрощение речи, ориентированной на массового читателя региональной прессы;
- придание нужных эмоциональных оттенков высказыванию;
- воздействие на читателя.

Например, все вышеперечисленные функции можно отметить в одной из заметок рубрики «Здоровье». Автору нужно не просто информировать читателя, ему необходимо эмоционально воздействовать на него, призвать последовать совету.

«Если все время тянет съесть что-то вредное: семь способов заглушить аппетит.

*Мы рассказывали, что зверский голод могут вызывать серьезные заболевания и в этом случае неукротимый аппетит – повод обратиться к врачу. Но сейчас речь о простом желании съесть что-то **вкусненькое** и **вредненькое**, которое просыпается в каждом из нас, стоит только решить контролировать свое питание...*

*Поэтому попробуйте неторопливо выпить стакан чистой негазированной воды комнатной температуры. Подождите 10-15 минут. Возможно, **отпустит**...*

*Попробуйте позвонить студенческому другу/подруге и **поболтать**, вспомнить прошлое, посмеяться или **всплакнуть**...*

*Негативные новости вызывают выплеск гормонов стресса, а их хочется немедленно **зажевать**! А реклама вкусных **вредностей** в перерыве заставит мозг желать именно их...*

*То есть мозг не поймет, что организм уже сыт и потребует **«догона»** в виде чая с печеньем...*

*Самый простой способ заглушить внеурочный голод – почистить зубы **«термо-ядерной»** мятной пастой. После этого любой **супервкусный** продукт покажется отвратительным. А уж **морковка** вместо конфеты и **вовсе!**...» (КП 8 февраля 2022).*

Среди значений проанализированных лексем выявлены единицы, у которых разговорное значение является его прямым значением, например, глаголы *взбудоражить*, *взгромоздиться*, *переманить*, *забраться*, *прикинуть*, и единицы, у которых развилось разговорное значение в результате переосмысления одного из основных значений. Таковыми являются, например, следующие слова: «Ужасный, -ая, -ое; -сен, -сна. 1. Вызывающий ужас (в 1 и 3 знач.). **Ужасный** рассказ. **Ужасный** вид. **Ужасно** (в знач. сказ.) **остаться** одному... 3. Крайний в своем проявлении, чрезвычайный (разг.). **Ужасный** ветер. **Ужасно** талантлив...» [СОШ, с. 828].

«Ватрушка, -и, ж. Род открытого пирога, пирожка с творожной начинкой» [СОШ, с. 69]. Но в тексте это слово имеет значение «перен., разг. надувные санки в виде бублика для катания по снегу с горки».

«Поглощать, несов. 1. что. Принимать, вбирать в себя. Почва поглощает влагу... 4. Съесть или выпить много (разг., ирон.). **Поглощать** огромное количество пирожков...» [СОШ, с. 530].

Отметим, что среди проанализированных лексем соотношение разговорных слов с производным значением и слов с прямым значением равно 1 : 4.

«Разговорная лексика хотя и нежелательна, но возможна в сфере письменно-книжного общения и нарушает при этом лишь стилистические нормы (и то не всегда: употребление разговорных слов вполне оправданно в публицистике, даже в научной полемике, не говоря уже о художественной литературе). Известно, что для современного русского литературного языка характерна тенденция распространения средств разговорной речи в различных сферах общения» [Кожина 2008, с. 234].

Наше исследование подтвердило данное утверждение: использование разговорной лексики в газетных текстах не всегда может быть показателем нарушения речевых норм. Функционирование этих слов может быть оправдано целеустановками автора текста, темой текста, его жанром.

Литература

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М. : Наука, 2007.
2. Власян Г. Р. Экспансия разговорности в современных средствах массовой информации // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 21. С. 108–111.
3. Евтюгина А. А. Функциональная стилистика : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018.
4. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : учебник. 4-е изд., стереотип. М. : Флинта : Наука, 2008.
5. Рогова К. А. Устная речь в текстах печатных СМИ // Медиалингвистика. 2018. Т. 5, № 3. С. 346–353.
6. Сиротинина О. Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М. : Наследие, 1998. С. 348–353.

Лучкина Н.В., Мирзоева С.А., Проценко И.Ю.
Ростовский государственный медицинский университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

ТЕКСТ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ДИДАКТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

Аннотация. В статье суммируются основные требования к учебным текстам по РКИ и объясняется, какими прагматическими стратегиями руководствовались авторы учебного комплекса «Мы учимся в России» при отборе и составлении текстового материала. Теоретические положения проиллюстрированы конкретными примерами.

Ключевые слова: РКИ, учебный текст, критерии отбора

Luchkina N.V., Mirzoeva S.A., Protsenko I.U.
Rostov State Medical University,
Rostov-on-Don, Russia

TEXT AS AN ESSENTIAL DIDACTIC COMPONENT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article summarizes the main requirements for educational texts in Russian as a foreign language and explains what pragmatic strategies guided the authors of the training manual «We study in Russia» in selecting and compiling the text material. The theoretical points are illustrated with concrete examples.

Keywords: Russian as a foreign language, educational text, selection criteria

В сегодняшних условиях в связи с изменением реалий современного мира: обострением международной обстановки; появлением новых технологий представления и получения информации; прагматикой изучения языка, диктующей порой необходимость быстрого овладения им; увеличением коммуникационных контактов между людьми, принадлежащими к разным культурам и т. д. – проблема методического обоснования и создания эффективных учебных пособий по русскому языку как иностранному становится все более актуальной.

Особая роль в дидактической системе обучения РКИ принадлежит учебным текстам, которые рассматриваются как основное средство для постижения лингвистических и культурных особенностей страны изучаемого языка. В современной лингводидактике текст понимается как «методически целесообразный, аутентичный *фрагмент культурно-языкового пространства*, в рамках которого моделируется взаимодействие обучаемого посредством управляемой текстовой деятельности» [Мазунова 2001, с. 72]. Методикой преподавания РКИ выработаны требования, предъявляемые к учебному тексту, и подходы, которые должны быть реализованы в процессе их изучения. Назовем основные требования, которым должен отвечать учебный текст.

Во-первых, он должен служить эффективным средством формирования в сознании обучаемых образа страны и народа, говорящего на этом языке. На занятиях происходит постижение образа русского мира в языке, создаются возможности для формирования у иностранных учащихся национальной концептосферы, языковой картины мира русского народа, рождается понимание культурных доминант российского общества и системы его ценностей. Мы разделяем мнение Е.В. Ардовой о том, что учебник русского языка для иностранцев должен служить средством формирования позитивного образа страны изучаемого языка [Ардатова 2015].

Во-вторых, содержание текста должно быть интересным и провоцировать эмоциональный отклик при работе над ним.

В-третьих, необходимо при выборе учебных текстов ориентироваться на субъектный опыт учащихся, чтобы реализовать личностный подход в процессе обучения, сопоставляя реалии современной российской действительности с тем, к чему они привыкли в своих родных странах. На практических занятиях по РКИ осуществляется диалог культур, и зачастую исподволь происходит анализ сходства и различия между двумя культурами: русской и родной.

В-четвертых, учебный текст должен являться не только носителем важной лингвокультурологической, страноведческой информации, но и обеспечивать интерактивность, желание высказаться по обсуждаемой теме, служа основой для формирования языковой, речевой, социокультурной и межкультурную компетенций.

На кафедре русского языка № 1 подготовительного факультета по обучению иностранных граждан Ростовского государственного медицинского университета разработан учебный комплекс под названием «Мы учимся в России», состоящий из трех частей: первая часть обеспечивает элементарный уровень владения языком (A1); учебный материал второй части тематически и по степени трудности соответствует предпороговому (базовому) уровню A2; третья часть имеет своей целью достижение порогового уровня (B1), предполагающего такую степень сформированности коммуникативной компетенции, которая позволит иностранным учащимся удовлетворять свои основные коммуникативные потребности в социально-бытовой, социально-культурной и учебно-профессиональной сферах общения, и положит начало формированию русской языковой картины мира и пониманию аксиосферы носителей русского языка.

Учебные тексты первой части комплекса содержат сведения о правилах речевого этикета русских людей в наиболее типичных ситуациях повседневного общения, а также страноведческие сведения, облегчающие адаптацию иностранных учащихся к новой для них языковой и культурной среде [Лучкина 2018].

Тексты второй части учебного комплекса отличаются уже жанровым и стилистическим разнообразием: здесь есть тексты художественного и публицистического стилей, оригинальные (в небольшом количестве) и адаптированные. Тексты различаются по объему и степени трудности, что позволяет преподавателю индивидуализировать обучение, отбирая нужный материал в зависимости от уровня подготовки учащихся.

Скажем, какими прагматическими стратегиями руководствуются преподаватели нашей кафедры при отборе и составлении текстового учебного материала. Прежде всего учебные тексты должны быть насыщены значимыми для русской культуры смыслами и иметь эмоциональный потенциал, что позволяет создать дидактический контекст, способствующий выражению собственного отношения к обсуждаемым проблемам.

В качестве примера учебного текста, предназначенного для чтения в I семестре первого года обучения (это вторая часть учебного комплекса «Мы учимся в России»), который называется «Золотая рыбка» [Лучкина 2019, с.186]. Сюжет его заключается в том, что восьмилетняя девочка, с детства любящая «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, верит в чудо исполнения сильных желаний, и, когда отец покупает ей золотую рыбку для аквариума, загадывает свое самое главное желание: чтобы ее родители никогда не расставались. И это чудо происходит: ссорившиеся до этого родители с радостью сообщают дочери о предстоящем рождении брата. В этом тексте 245 слов, однако его небольшой объем и незамысловатое содержание позволяют провести многоплановую работу: произнести на занятии имя А.С. Пушкина; рассказать, что его произведения охотно читают не только взрослые, но и дети; вспомнить сюжет сказки, а также обсудить проблему человеческой жадности и нескончаемых желаний. Этот текст позволяет ввести в иерархию ценностей, постигаемых учащимися в процессе обучения, такую безусловную ценность для российской культуры, как семья. Неизбежно надо будет объяснить учащимся актуальность для России проблемы неполных семей, поэтому страх маленькой девочки, что ее родители могут расстаться, вполне реален. На занятии может быть затронута еще одна важная сторона человеческого общежития – благодарность за сделанное добро. В нашем тексте девочка дает брату имя Саша в честь великого русского поэта, написавшего ее любимую сказку. Как правило, беседа по содержанию текста в конце обсуждения перетекает в личностную плоскость. Учащиеся вспоминают, какое у них было самое главное желание в детстве; о чем они мечтали, когда были маленькими; какие сказки они любили в детстве и почему. Возникает повод обсудить семейные проблемы, существующие в странах, откуда прибыли учащиеся. В целях знакомства с российскими культурными традициями уместно будет вспомнить о существовании всероссийского праздника, отмечаемого 8 июля – Дня семьи, любви и верности.

Тексты третьей части, в настоящее время находящейся в процессе издания, продолжают обеспечивать учащихся богатым лингвострановедческим и культурологическим багажом знаний. Зачастую в том разделе урока, который носит название «Для тех, кто хочет

знать больше», тексты представляют собой отрывки из художественных произведений без адаптации. В том числе некоторые из них взяты из произведений писателей-классиков. Материал третьей части учебного комплекса предназначен по времени для второго семестра, что позволяет рекомендовать для изучения тексты высокого уровня трудности. Безусловно, к текстам прилагается комплекс заданий, позволяющий снять разного рода трудности и обратить внимание на важные моменты в постижении российских реалий. Так, при изучении во втором семестре лексико-грамматической темы «Внешность человека и его характер» учащимся предлагаются отрывки из произведений М.Ю. Лермонтова и И.С. Тургенева: описание внешности и характера главных героев романов «Герой нашего времени» и «Накануне» – Печорина и Елены Стаховой.

Коллективом авторов учебных пособий используются художественные тексты и современных прозаиков. Например, в раздел учебного пособия, знакомящего иностранных учащихся с особенностями получения высшего образования в России, включен отрывок из рассказа Е. Гришковца «Дарвин». Этот текст позволяет познакомить иностранных учащихся с краткой историей жизни одной семьи, обсудить проблему выбора будущей профессии, рассказать о такой российской реалии, как день открытых дверей в вузах. В процессе работы над текстом речь идет о личном опыте учащихся, осуществивших выбор своего профессионального пути. Кроме того, текст дает нам представление о значимости личности учителя: в описании дня открытых дверей в разных учебных заведениях учащиеся видят реализацию формального подхода, когда задержаться в стенах этого вуза у них желания не возникает, и ситуацию, когда в процессе знакомства с преподавателем у абитуриента возникает стремление у него учиться. Михаил Николаевич Дарвин, доцент кафедры теории литературы, произносит краткую речь, так как честно признается, что попал на встречу с абитуриентами случайно, специально не готовясь, но его искренность и магия, исходящая от его облика, оказываются важнее подробного рассказа об обучении на филологическом факультете.

Авторы учебных пособий учитывают профессиональную ориентацию наших учащихся, поэтому многие тексты связаны с их будущей профессией, с медициной. На занятиях по русскому языку они знакомятся с именами известных ученых-медиков: Н.И. Пирогова, С.П. Боткина, И.П. Павлова, И.И. Мечникова и др., а также с текстами медицинской тематики: о секретах долголетия, о правильной организации труда, о сохранении здоровья и т. д.

Содержание текстов, повествующих об известных людях России, о тех, кем гордится наш народ: ученых, писателях и поэтах, врачах, композиторах, космонавтах и т.д. – призвано концептуализировать такие значимые для российского общества человеческие качества, как трудолюбие, увлеченность своим делом, целеустремленность, профессионализм, талантливость и т.д.

Для понимания иноязычной культуры и успешного межкультурного общения необходимо постижение особенностей национального юмора, который представляет собой сложный социально-культурный и психологический феномен. Вот почему все три части учебного комплекса «Мы учимся в России» содержат шутки, анекдоты, забавные истории и т.д. Понимание того, над чем смеются люди, принадлежащие к другой культуре, служит путем к сближению и взаимоуважению, ликвидирует барьеры в межкультурной коммуникации. Анекдоты и шутки обладают значительной эмоциогенностью и могут служить ценным дидактическим материалом, позволяющим исподволь знакомить учащихся с некоторыми сторонами российской действительности, которые остаются скрытыми, скажем, от иностранных туристов, приезжающих в Россию на непродолжительное время.

В заключение суммируем критерии отбора текстового материала и скажем, что учебный текст как важный лингводидактический инструмент в обучении РКИ должен быть информативным, интересным; не только отражать реалии российской действительности, но и позволять обращаться к субъектному опыту учащихся, провоцировать выражение собственного отношения к проблемам, затрагиваемым в тексте, вызывать эмоциональную и оценочную реакцию у учащихся, учить лучше понимать народ страны изучаемого языка и систему его ценностей, уважительно относиться к ним.

Литература

1. Ардатова Е. В. Образ России в современных учебниках по русскому языку как иностранному // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-v-sovremennyh-uchebnikah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (дата обращения: 14.09.2022).
2. Лучкина Н. В., Мирзоева С. А., Проценко И. Ю. и др. Мы учимся в России : учебное пособие. Ростов н/Д. : РостГМУ, 2019.
3. Лучкина Н. В., Проценко И. Ю., Прокудайло Т. Н. и др. Мы учимся в России: учебник для иностранных учащихся подготовительных факультетов. Ростов н/Д. : РостГМУ, 2018.
4. Мазунова Л. К. Текст как культурно-языковое пространство и единица обучения иностранному языку // Вестник Башкирского университета. 2001. № 4.

Мандрикова Г.М.

*Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия*

«МЫСЛИМ КРИТИЧЕСКИ»: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РКИ

Аннотация. В статье обсуждается проблема внедрения современных инновационных технологий в образовательную деятельность путем их использования в обучении будущих преподавателей ИЯ / РКИ еще на этапе вузовской подготовки. Речь идет о преподавании лингводидактических дисциплин с помощью таких технологий, как развитие критического мышления, обучение в сотрудничестве, case study, портфолио, проектная деятельность.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, инновационные образовательные технологии, развитие критического мышления, подготовка будущих преподавателей РКИ

Mandrikova G.M.

*Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia*

“THINKING CRITICALLY”: THE EXPERIENCE OF USING INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE TRAINING OF FUTURE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEACHERS

Abstract. The article discusses the problem of introducing modern innovative technologies into educational activities by using them in the training of future teachers of a foreign language / Russian as a foreign language even at the stage of university training. We are talking about teaching linguodidactic disciplines by using technologies such as the development of critical thinking, collaborative learning, case studies, portfolios and project activities.

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, innovative educational technologies, development of critical thinking, training of future Russian as a foreign language teachers

Размышления о важности использования новых образовательных технологий велись с незапамятных времен и особенно активизировались в последнее десятилетие (см. об этом [Ндяй Манету 2020]).

С одной стороны, этому способствовали новые образовательные стандарты (ФГОС 3, ФГОС 3+, ФГОС 3++), то требующие перехода от «знаниевой» модели обучения на так называемую компетентностную, в рамках которой вместо знаний и умений должно формировать у студента разного рода компетенции (от общекультурных до профессиональных), то прямо указывающие на необходимость формирования, к примеру, системного критического мышления, командной работы и лидерства. С другой, – в самом обществе происходили серьезные технологические изменения, позволяющие использовать различные гаджеты практически в любой деятельности, в том числе и в образовательной. Большой шаг вперед в использовании современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) был

сделан практически вынужденно: случившаяся пандемия потребовала дистантного обучения «здесь и сейчас», практически закрыв дискуссию о возможности / необходимости такой формы образовательной деятельности.

Отметим, что традиционное (репродуктивное) обучение с его методами и давно устаревшими формами (лекция – семинар – практическое занятие) не предполагало активной деятельности на занятии. Личностно-деятельностный подход в обучении на практике не применялся, поскольку реализовать его в аудитории на 50–100 человек (лекция) или даже 20–25 (семинар / практическое занятие) оказалось невозможным.

Лингводидактика в целом и методика преподавания РКИ в частности, в отличие от других наук (точных / технических) в их ипостаси учебных дисциплин, всегда стремились к поиску новых методов, приемов, форм обучения и изучения своего предмета. Обучение иностранным языкам (ИЯ) изначально было в лучшем положении – обычно количество обучаемых в группах не превышало 10–15 человек, а в случае обучения иностранцев русскому языку – и того меньше. Методика обучения ИЯ, начиная с 90-х гг., получила доступ к передовому зарубежному опыту, преподаватели и студенты – возможности стажировок в странах изучаемого языка, высокую мотивацию, к тому же наметился быстрый рост различных интернет-ресурсов и т.п. – все это, несомненно, способствовало и способствует повышению качества преподавания ИЯ в вузе.

Понятно, что в обучении ИЯ / РКИ нет традиционных лекций и семинаров, поскольку (по Л.В. Щербе) реализуется практическая (главная) цель обучения, однако проблем, связанных с формированием языковой, речевой и коммуникативной компетенций, более чем достаточно.

Мы начали с того, что во многих публикациях по проблемам обучения иностранным языкам и иностранцев русскому языку обсуждается вопрос о внедрении / использовании активных форм работы. К большому сожалению, многие методисты-теоретики и преподаватели-практики рассматривают данную проблему, имея в виду только и исключительно онлайн-обучение: предлагаются различные формы работы с интернет-ресурсами, с аутентичным языковым материалом, делается опора на просмотр видеоматериалов и т.д. В связи с этим возникает ощущение, что преподаватели ищут посредников между собой и учащимися, а активность и новизну видят не в выстраивании познавательной деятельности в формате «преподаватель – студент(ы)» или «студент – студент», а во взаимодействии «студент – компьютер / смартфон и т.п.».

Действительно, появление новых технических средств коммуникации привело к возникновению и активному использованию ИКТ в образовании. Понимая всю важность такого рода технологий для методики обучения (вспомним забытую ныне аббревиатуру ТСО (технические средства обучения), обозначающую важный раздел методики обучения иностранным языкам), считаем развитие и внедрение ИКТ в образовательную практику важным и нужным делом. Все это, однако, не отменяет внедрения инновационных образовательных технологий в учебный процесс, проходящий в обычной, не мультимедийной, аудитории. Только вот вопрос: кто будет внедрять эти современные технологии? Где обучают таким технологиям? Будут ли они поддерживаться руководством вуза? Готовы ли студенты обучаться по-новому? Иначе говоря, насколько вузовские преподаватели иностранных языков готовы к применению новых активных приемов и форм образовательной деятельности?

То образование, которое получают филологи и лингвисты – а именно они преподают языки в вузе, ориентировано, скорее, на предмет («чему учить»), чем на то, как это делать в соответствии с современными требованиями, предъявляемыми к преподавателю не только руководством вуза и Министерством образования, но и рынком труда, на который выходят их выпускники.

Опыт работы на факультете повышения квалификации НГТУ (программы «Современные образовательные технологии в высшей школе» и «Коммуникативная методика в преподавании русского языка как иностранного») и проведения методических тренингов и семинаров в языковых центрах и школах позволяет говорить о том, что в подавляющем большинстве преподаватели ИЯ / РКИ не могут объяснить, в чем специфика применения того или иного метода, даже если они и знают его название, что такое коммуникативность в обучении, как должен строиться этап тренировки и применения изученного материала, что такое актуализация и т.п. К сожалению, зачастую преподаватели вообще не думают о том, «в рамках какой методики они работают, потому что они работают ПО УЧЕБНИКУ, не понимая того,

что урок учебника и аудиторное занятие – это разные методические категории, да и далеко не всякий учебник можно сегодня использовать в аудитории» [Мандрикова 2015]. Следовательно, использование современных образовательных технологий не должно происходить в ситуации, когда преподаватель плохо подготовлен в методическом отношении, слабо владеет методическими знаниями, преподает язык, что называется «без отрыва от учебника».

Следующая проблема, которая неизбежна при рассмотрении вопроса о внедрении в учебный процесс любых методических новаций: что такое современные / инновационные образовательные технологии в обучении языку? Если ИКТ мы оставили в стороне, то что же остается? Анализ различных публикаций на эту тему показал, что, говоря о современных технологиях, авторы понимают под ними какие-то отдельные приемы и способы или формы работы с учебным материалом, т.е. не дают себе труда разобраться в том, чтобы осмыслить это понятие, хотя сегодня данная тема хорошо разработана в научной литературе. С другой стороны, многие преподаватели-практики «выдают» за новации уже известные в учебной практике «методические находки», взятые из модных нынче бизнес-тренингов, курсов риторики и личного роста.

Если говорить в целом об активном обучении, то стоит назвать уже зарекомендовавшие себя не только в мировой, но и в отечественной практике, наиболее известные технологии активного обучения, такие, как развитие критического мышления, портфолио, обучение в сотрудничестве, case study (кейс-стади), проектное обучение. Все названные технологии активно используются в практике обучения иностранным языкам, в том числе и русскому. Многие преподаватели-практики делятся своим опытом применения такого обучения в собственной преподавательской деятельности (см., например, [Активные...]).

В настоящий момент преподаватель ИЯ / РКИ, желающий работать с вышеназванными технологиями, должен или искать такие курсы повышения квалификации, или работать с методической литературой самостоятельно, что успеха вовсе не гарантирует: курсы могут «завывать» модным названием, а на деле – все те же «лекции о ...» вместо обучения с помощью освоения новых технологий в качестве студентов с последующим методическим разбором («распаковкой») и показом возможностей применения той или иной технологии с вашими студентами, в вашем вузе и с вашими условиями обучения. Что же касается самостоятельной подготовки, то, прочитав даже самую интересную статью о современных подходах / методах / приемах / формах обучения, не всегда возможно разобраться в том, как же перенести все это в собственную преподавательскую практику, да и надо ли это делать в условиях вашего вуза.

Готовя будущих преподавателей РКИ в рамках одной из специализаций профиля «Прикладная филология» (направление «Филология») и в программе магистратуры на факультете гуманитарного образования НГТУ, мы строим обучение методике РКИ, применяя практически все вышеназванные технологии активного обучения. Начиная с первой дисциплины специализации «Основы методики РКИ», студенты / магистранты ведут свое «методическое» портфолио, которое к концу обучения представляет собою то, что и отвечает цели работы в данной технологии – создание своего «личного» учебника по методике РКИ, при этом они, разумеется, хорошо представляют себе то «языковое» портфолио, которое будет вести их ученик-иностранец.

Отвечая одному из требований к уроку ИЯ / РКИ – «максимальная вовлеченность...», студенты-РКИсты достаточно часто осваивают свою будущую профессиональную деятельность в рамках технологии совместного обучения, постоянно работая в малых группах (тройках / парах), что позволяет им освоить в первую очередь не саму форму (групповая работа), а методические «правила» ее проведения (от распределения ролей до взаимозависимости и ответственности за результат, и от формирования командных навыков (в том числе и лидерских) до коммуникативных умений).

Технология развития критического мышления в нашем обучении имеет статус базовой, поскольку модель проведения любого занятия по освоению методики РКИ («вызов» – «осмысление» – «рефлексия») переносится в структурную схему классического аудиторного занятия по РКИ («актуализация» – «формирование нового знания» – «организация тренировки и практики»). Особое место в нашем обучении занимает работа с графической организацией информации, приемы которой разработаны (системно описаны) в первую очередь в технологии развития критического мышления (кластер, кольца Венна, фишбоун, сюжетная таблица, синквейн, диаманта и мн. др.) [Мандрикова 2022].

Проектная деятельность реализуется в обучении наших студентов / магистрантов методике РКИ, во-первых, как форма практики (совместно с китайскими вузами – онлайн-переписка, дистантная разговорная практика), причем обучение / общение проходит в парах «русский – китаец», во-вторых, как форма контроля (зачеты/экзамены). Активно применяется и case study – разбор различных учебных ситуаций, выбор оптимальных методических решений и под.

Таким образом, будущие преподаватели РКИ не только осваивают активные технологии в процессе получения ими профессиональных знаний, умений, навыков, но и понимают, как правильно их применять в практической работе с иностранцами – в этом мы убеждаемся, наблюдая за ними как в процессе учебной и производственной практик, так и в их уже реальной профессиональной деятельности. Однако более важным считаем формирование у наших студентов / магистрантов не только критического, но и методического мышления, выражающегося не только в творческом подходе к своей деятельности в качестве преподавателя РКИ, но и в активной рефлексии по поводу практической работы с иностранцами по освоению ими русского языка. Именно поэтому в название данной статьи внесен такое словосочетание – «Мыслим критически».

Подводя итоги, хочется сказать о том, что, прежде чем говорить, писать и размышлять о том, как внедрить в учебный процесс что-то методически новое и современное, преподавателю необходимо самому осмыслить и освоить новую методику, интересный прием в обучении, новую образовательную технологию – если они действительно позволяют сделать процесс освоения языка более успешным. Мы предлагаем начинать это методическое осмысление еще в процессе профессиональной подготовки будущего преподавателя, иначе разговоры о необходимости внедрения новых технологий в практику обучения ИЯ / РКИ так и останутся разговорами.

Литература

1. Активные и интерактивные формы обучения : межвуз. сб. науч. тр. Новосиб. гос. тех. ун-т. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013. 160 с.
2. Мандрикова Г. М. Листая страницы учебника // Языковое образование в вузе: теоретический и прикладной аспекты: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 15–16 янв. 2015 г.). Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. С. 282–286.
3. Мандрикова Г. М. Технологии активного обучения // Эффективные образовательные технологии : учебное пособие / под ред Л. А. Мориной. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2022. С. 7–61.
4. Ндяй Манету, Нгуен Ву Хьонг Ти, Грунина Е. О. Инновационные технологии в преподавании русского языка как иностранного // Русистика. 2020. Т. 18, № 1. С. 7–38.

Мосейко О.А.
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации лингвокультурологического аспекта в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» с помощью авторского поэтического текста. Рассматривается проблема работы с текстами современных авторов. Уделено внимание методологическому способу изучения вокативных обращений в поэтическом тексте с использованием концептов в русском языке. Особое значение занимает методика работы с авторским текстом как способом представления прозаического текста. Обосновывается идея о том, как нужно вводить константы русской культуры с помощью ритмического текста на материале романа Е.Г. Водолазкина «Лавр».

Проанализированы способы работы с поэтическим текстом на основе сюжетных линий романа. Показано место романа в современной языковой интерпретации русской культуры. Также приведены примеры работы с поэтическим текстом по теме «Вокативные обращения». Современное изучение национальных лингвокультур особенно ярко просматривается

в прозе современных писателей, одним из представителей которых является Е. Водолазкин и его «неисторический» роман «Лавр».

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, лингвокультурология, поэтический текст, вокативные обращения, предтекстовые и притекстовые задания

Moseiko O.A.
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

KEY CONCEPTS OF RUSSIAN CULTURE AT RFL LESSONS (LINGUO-CULTUROLOGICAL ASPECT)

Abstract. The article examines the linguocultural aspect representation peculiarities in the E.G. Vodolazkin's novel "The Laurel" with the author's poetic text help. The modern authors problem of working with the texts is considered. Attention is paid to the methodological approach of studying vocal appeals in a poetic text using concepts in the Russian language. The methodology of working with the author's text as a way of presenting a prose text is of particular importance. The idea of introducing the Russian culture constants with the help of a rhythmic text based on the material of E.G. Vodolazkin's novel "Laurel" is substantiated.

The ways of working with poetic text based on the novel's plot lines are analyzed. The place of the novel in the Russian culture modern linguistic interpretation is shown. There are also examples of working with a poetic text on the vocative appeals topic. The modern study of national linguistic cultures is especially clearly seen in the modern writers prose, one of whose representatives is E. Vodolazkin and his "unhistorical" novel "Laurel".

Keywords: concept, conceptual metaphor, linguoculturology, poetic text, vocative appeals, pre-text and pre-text tasks

Любые изменения, происходящие в жизни, истории и культуре, закономерно находят отражение в концептах, значение которых сформировано и отражено в языке, что становится важным материалом для исследования, поскольку появляется возможность проследить все те изменения, через которые проходило человеческое сознание. Концепт – одновременно единица сознания и культуры, основные представления людей, заложенные в их сознание культурой, религией, воспитанием, социальным общением. Такие исследователи, как В.Н. Телия, Д. Лакофф и М. Джонсон, говорят о том, что концепт сформирован в результате когнитивных процессов человеческого сознания [Чудинов 2001, с. 106]. Исследования по семантике слов в когнитивном аспекте А.Н. Баранова, А.П. Чудинова, а также работы по лингвокультурологии А.П. Чудинова, А. Вежбицкой, Т.Г. Скребцовой доказывают, что главную роль в когнитивных процессах играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. В современной когнитивистике метафору принято определять как основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [Скребцова 2018, с. 93].

Концепт как когнитивная метафора отражает тонко-семантические поля подсознания отдельного человека на основе его представления об общей картине мира, сиюминутном настроении, представлении о народе, стране и о себе самом, открывая на не подсознательном уровне устойчивые представления о мире в целом [Лакофф и Джонсон 2001, с. 132]. Мы рассматриваем роман Евгения Германовича Водолазкина «Лавр» как яркий пример концептуального мира русской культуры.

Языковая личность (ЯЛ) Е. Водолазкина складывается из общеязыковой картины мира, национальных особенностей видения этого мира и из индивидуальной картины мира, которая присуща каждой отдельной личности в силу социальных, психологических и национальных особенностей.

Концептуальным полем мы называем способность писателя излагать роман в кольцевых смысловых связях, наделяя его взаимосвязанными повторяющимися концептами, звукописью концептуальных моделей и историческим, а также научным знанием у Е. Водолазкина в романе «Лавр».

В романе Е. Водолазкина «Лавр» широко используются заданные межтекстовые связи, к которым относятся цитаты и аллюзии. Они отсылают читателя, главным образом, к библейским текстам, ораторскому красноречию, сюжетной литературе, молитвам, агиографии

и другим жанрам словесности русского средневековья, без знания которых понять и верно интерпретировать содержание романа весьма сложно.

Используя все языковое репрезентационное концептуальное поле романа, мы разработали авторский поэтический текст, используя образы русской культуры, интонацию средневекового времени, чтобы познакомить иностранных студентов с произведением современного автора, так как это является неотъемлемой частью при изучении русского языка как иностранного.

В данном поэтическом тексте мы показываем, как средства языка, его фонетическая и синтагматическая структура участвуют в развертывании когнитивных задач в романе через вокативные обращения, через обращения к читателю, что формирует языковую интуицию и мотивацию к изучению иностранного языка.

Целевая аудитория: иностранные студенты филологического или лингвистического профиля, владеющие русским языком на уровне В1–В2.

Также данный текст можно использовать для отработки причастных и деепричастных оборотов, также как работу с поэтическим текстом (изобразительно-выразительные средства языка).

Преподаватель погружает студентов в языковую среду и коммуникативную ситуацию, показывает фрагмент спектакля.

Предтекстовая работа. Работа с лексико-грамматическим материалом поэтического текста «Арсений». Преподаватель может варьировать материал и способ подачи в соответствии с уровнем иностранных студентов. Преподаватель проводит работу с сочетаниями, которые встречаются в контексте, с обращениями и семантизирует их с помощью словарей и сюжетной визуализации: *горящей от любви, как якорь блистает, свечением крепчает, надрывно прыгает, увечья, угрюмые мысли.*

Притекстовая работа. Чтение текста фрагментами с интонационными паузами (вокативные обращения – особенность поэтического текста).

Снегами лес метет, как с поднебесной,
Не видно ног в сугробе тесном.
И, пробираясь сквозь тернов замерзших игл,
Дрожит за миром свет ночных игр...
Толкнув сапог из-под себя лениво,
Он рыщет в толпе любви ревниво.
А за струящейся лесной игрою
Стоит Устина с поникшей головою.
Я слабо помню, что в судьбе моей случилось:
То ль я проснулся, то ль сплю на милость!
То запаха целебного цветка в кармане я ищу!
То записи свои знахарские я чту.
*Не знаю... Что ж меня метелью замело,
К тебе, горящей от любви, так унесло!*
*Устина..., в голове, как якорь, все блистает
И у избы свечением крепчает!*
А красная бечевка все так же на рубaxe виснет.
В глазах зеленый луг моей земли,
А в кистях черный снег несбывшейся мечты.
Прощенья... прощенья нет—судачит голова!
Но рвение к свету у меня как никогда!
Устина, я прошу тебя не покидай меня!
Ох, как надрывно прыгает свеча
От этих мыслей и тонких рук холодного костра.
И снег метет—стирает лица бытия
Стирает свет твой, незаконченного дня.
А где сапог? А где сюртук угрюмый?
Лишь дух мой греет тело трюмно!
Уже остался, уж давно тот луг зеленый
Где рыжим цветом кудрей усыпался он кровный.
Иду, скрипя зубами звонче снега.

Но нет прощенья мне у илистого берега.
 Глаза давно наверх не поднимаю
 Ведь знаю, гнева нет и милосердно опускаю...
 Чью сторону внутри я принимаю?
 Ах, *Арсений, прости уж, я сам не знаю!*
 Арсений мысленно столкнув сюртук угрюмый
 И не хотя, оставил все, обдумав.
 Рукой коснусь я изголовья дня
 Пока вдали я вижу свет тебя!
 Ох, *ты Арсений, если б знал мои увечья*
Они лишь от твоих угрюмых мыслей вечно.
 Как мне хотелось бы тебе свеченьем сердце разогреть,
 А не туман раздумий подарить!
 Иллюзию обиды греешь ты на Бога,
 Но молча, ровно, не склоняя ногу.
 Чернеет голова от тени древа,
 Но красный круг луны всего на время!
 Рассвет. Весна. Запахло рукотворным.
 И снова путь, и снова я в глазах твоих притворных.
 В Иерусалим со смуглым отроком идя учтиво,
Я попрошу прощенье твое, Устина.
 Бечевка красная уже не держит дух...
 Я снова имя твое произношу вслух.

Задание 1. Найдите обращения. Как они представлены в тексте (раздаточный материал с выделенными фрагментами). Визуализируем каждый фрагмент текста с помощью изображений языковых ситуаций.

Задание 2. Как называются скрытые сравнения, которые подчеркивают эмоциональность интонационной передачи обращений(метафоры). Преподаватель подчеркивает, что они передают мысли, чувства и волеизъявления в контексте с обращениями (вокативные предложения)

Задание 3. На основе ответов к предыдущим заданиям заполните таблицу.
 (Пример заполненной таблицы)

Обращение	мысли, чувства и волеизъявления
Устина...	в голове как якорь, все блистает И у избы свечением крепчает!
Устина,	я прошу тебя – не покидай меня! Ох, как надрывно прыгает свеча
..., Арсений, ...	Ах, прости уж, я сам не знаю!
..., ты Арсений, ...	Ох, ..., если б знал мои увечья Они лишь от твоих угрюмых мыслей вечно.

Послетекстовая работа

Задание 1. Ответьте на вопросы:

1. Почему автор использует и имя в обращении и местоимение «Ты»? (для яркости чувств и силе мысли)
2. Насколько важен этикет общения друг с другом, можно ли на «ты» обращаться к преподавателям, взрослым людям? Когда можно обращаться друг другу на «ты»?
3. Как обращается Устина к Арсению? Как обращается Арсений к Устине? Устина – живой человек?

Задание 2. Выпишите обращения. Поставьте вместо местоимения «ты», местоимение «вы», что меняется?

Задание 3. Работа в паре. Составьте вокативные обращения друг к другу, используя эмоциональную лексику и просьбы в предложениях.

Задание 4. Придумайте ситуацию, в которой может быть употреблен то или иное обращение. В какой ситуации уместны данные обращения?

Пример:

Арсений, я так переживаю за тебя! Арсений Викторович, вы сегодня будете на работе? Устина, иди допиши статью. Устина Сергеевна, спросите об этом декана вашего факультета.

Домашним заданием рекомендуется раздать фрагменты текста с обращениями, а также придумать поэтический фрагмент с рифмой так, чтобы в нем было обращение к другу или к незнакомому человеку, к преподавателю или к ребенку.

Знакомство с литературой современных авторов позволяет иностранным студентам изучать язык в «живой» коммуникации, что является первостепенной задачей преподавателя РКИ. Изучение синтаксических единиц, грамматических и стилистических особенностей в поэтическом тексте позволяет сформировать лингвокультурологический аспект практически на любом уровне владения иностранным языком, так как воспринимать ритмически организованную речь студентам гораздо проще и интересней: активизируются определенные речевые средства, снимаются трудности текста.

Литература

1. Водолазкин Е. Г. Лавр. М., 2019. 440 с.
2. Водолазкин Е. Г. Всемирная история литературы в Древней Руси на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв. М., 2000. 569 с.
3. Журавлев А. П. Звук и смысл. М. : Просвещение, 1991.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
6. Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики / под ред. В. И. Аннушкина. 3-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2003.
7. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011.
8. Степанов Ю. С. Константы русской культуры. М. : Академический проект, 2004.

Мостовая Л.А.

*Каспийский институт морского и речного транспорта
имени генерал-адмирала Ф.М. Апраксина –
филиал Волжского государственного университета
водного транспорта, г. Астрахань, Россия*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА АСТРАХАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В. ХЛЕБНИКОВА И А. БЕЛЯНИНА В РАМКАХ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО И РОДНОГО (РУССКОГО) ЯЗЫКА

Аннотация. На уроках русского языка и родного (русского) языка осуществляется духовно-нравственное развитие личности. Основой такого воспитания должен стать краеведческий компонент. В статье обобщается опыт использования творчества астраханских писателей В. Хлебникова и А. Белянина в рамках проектной деятельности.

Ключевые слова: русский язык, родной русский язык, краеведение, проектная деятельность, творчество астраханских писателей, В. Хлебников, А. Белянин

Mostovaya L.A.

*The Caspian Institute of Sea and River Transport
named after general-admiral Fyodor Matveyevich Apraksin –
the branch of the Volga State University
of Water Transport, Astrakhan, Russia*

USING THE CREATIVE WORK OF ASTRAKHAN WRITERS V. KHLEBNIKOV AND A. BELYANIN IN THE FRAME OF PROJECT ACTIVITY AT THE RUSSIAN AND NATIVE (RUSSIAN) LANGUAGE LESSONS

Abstract. The spiritual and moral development of the individual is carried out at the Russian language lessons. The local lore component should become the basis of such education.

The article summarizes the experience of using the creative work of Astrakhan writers V. Khlebnikov and A. Belyanin in the frame of project activity.

Keywords: Russian language, the native Russian language, local lore, project activity, creative works, Astrakhan writers, V. Khlebnikov, A. Belyanin

Духовно-нравственное развитие личности – неотъемлемая составляющая образовательного процесса, направленного на формирование духовного мира человека, обеспечивающего гармонию человека с внутренним миром, природой, социумом, поиск смысла жизни и своего места в ней, определение критериев добра и зла, оценку по ним людей и событий, формирование мотивов поведения в согласии с общечеловеческими принципами нравственности [ФГОС СОО, п. 9.1, 9.2]. Духовно-нравственное развитие должно осуществляться на каждом уроке и во внеурочной педагогической деятельности согласно триединой образовательной цели. Предметы гуманитарного цикла, среди которых особое место занимают русский язык, родной язык и литература, дают неограниченные возможности воспитания нравственных качеств обучающихся.

Основой духовно-нравственного воспитания должен стать краеведческий компонент. Но общеобразовательная программа не предусматривает часов для изучения краеведческой литературы, произведений и творчества местных писателей и поэтов. И только последнее время с введением предмета родной язык / родная литература появилась такая возможность. Многолетняя практика преподавания в среднем профессиональном звене образования выявила множество проблем, для устранения которых был сформирован новый подход к преподаванию. Он заключается в использовании метода проектов на уроках русского и родного языка.

Метод проектов считается наиболее эффективным методом обучения для освоения практических навыков. Это является особенно актуальным в наше время, т.к. в полной мере реализует современные стандарты профессионального образования. Особенность метода проектов заключается в ориентации деятельности на заранее спланированный, практический, социально значимый результат. Проектирование необходимо для выработки самостоятельного, критического мышления с опорой на знание фактов, формирование умения практически применять полученные знания, принимать аргументированные решения, выбирать эффективные пути достижения цели.

Хочется отметить, что эта модная технология не всеми понимается правильно. Многие преподаватели сводят проекты к реферированию или к подготовке презентации, точнее к сообщению информации с использованием программы PowerPoint, забывая, что целью проекта является деятельность, направленная на создание чего-то нового, а результатом проекта должен стать общественно-значимый продукт.

В учреждениях среднего профессионального образования выполняются разнообразные проектные работы. Наиболее распространенными являются учебные проекты. Их можно предложить в качестве обобщения пройденного материала, творческого задания на дом или самостоятельной работы по теме урока. Защита проектов нередко организуется как отдельное мероприятие на предметных неделях вместо сухих и скучных студенческих конференций.

Другим видом проектной работы, который стал обязательным для выполнения всеми студентами факультета СПО Каспийского института морского и речного транспорта, является индивидуальный проект. Он выполняет функцию первого этапа подготовки учащихся к написанию курсовых проектов и дипломного проекта. Значение этой работы определяется еще и тем, что в качестве Государственной итоговой аттестации во многих учреждениях СПО используется защита дипломного проекта. Свобода выбора индивидуального проекта в данном случае ограничивается выбором предмета, преподавателя и темы. Сведения о защите индивидуального проекта и оценка вносятся в зачетную книжку.

Также среди обучающихся средних профессиональных учебных заведений г. Астрахани проводится конкурс проектов по разным дисциплинам. Он организуется на уровне городских методических объединений преподавателей СПО. Студенты не только собирают, анализируют и оформляют в презентацию собранный материал, но и готовят яркое выступление. Богатый материал для студенческих проектных работ можно почерпнуть из творчества астраханских писателей В. Хлебникова и А. Белянина.

Второй год подряд преподавателями русского языка и литературы Каспийского института морского и речного транспорта совместно с Домом-музеем В. Хлебникова организуется

проект «Мир Велимира». Хранители музея проводят для курсантов лекции о том, что Велимир был не только поэтом-футуристом, но и лингвистом, орнитологом, математиком, филологом. Творчество «Председателя Земного Шара» актуально для современного читателя и исследователя. Оно побуждает создавать новые формы искусства. Так сотрудники музея познакомили курсантов с необычным арт-проектом Б. Трофимова, профессора Института бизнеса и дизайна, и его учеников. В ходе лекции были продемонстрированы фильм «Неологизмы Велимира Хлебникова в визуальном прочтении», новое двуязычное издание сверхповести «Зангези», а также галерея портретов творческого круга Хлебникова (Маяковского, Бурлюка, Мандельштама и др.). Курсантам предлагается также принять участие в игре «Лицетворец» и создать футуристический портрет из деталей набора, которые выбираются случайно, по воле брошенного игрового кубика. А в самом музее организована интерактивная программа с использованием планшетов для виртуального погружения в пространство творчества поэта.

Хлебников объяснял: «Словотворчество – враг книжного окаменения языка и, опираясь на то, что в деревне около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем» [Хлебников, п. 1]. Ребята, продолжая дело речетворца Хлебникова, занимаются словотворчеством: придумывают новые слова и объясняют их значение. Задания, которые выполняют курсанты в музее, можно использовать для повторения и закрепления знаний сразу по нескольким темам курса русского языка: Лексика (значение и происхождение слова, неологизмы и окказионализмы), Словообразование (состав слова). Для курса родного языка здесь важен региональный компонент: история и культура родного края. Для курса литературы: поэзия Серебряного века, Футуризм, Жизнь и творчество В. Хлебникова (хотя этой темы, к сожалению, в программе нет). Причем результаты выполнения заданий могут быть оценены. В качестве домашнего задания предлагается написать отчет о посещении музея или отзыв об этом музейном занятии.

В рамках открытой недели цикловой комиссии языкознания (русский язык) Каспийского института морского и речного транспорта подготовлен и проведен ряд мероприятий по творчеству современного астраханского писателя-фантаста А. Беянина. Курсанты приняли участие в конкурсе выразительного чтения стихов А. Беянина наизусть, рисовали иллюстрации к его книгам, оформляли стенгазеты, популяризирующие его творчество. Преподаватели провели внеклассные мероприятия: брейн-ринг по книге А. Беянина «Яжмаг» и бук-слэм «Читаем Беянина». А итогом этой недели стала творческая встреча с писателем.

Следует отметить, что для проведения конкурса выразительного чтения стихов А. Беянина наизусть была подготовлена методическая разработка, для которой были отобраны стихотворения поэта, рекомендуемые для заучивания учащимися. Среди них стихи о родном городе (например, стихотворение «Счастливый сон»); стихотворения на историческую тему (например, «Петр I в Астрахани», причем это стихотворение было использовано для выступления на международной научно-практической конференции обучающихся средних общеобразовательных учреждений и учреждений среднего и высшего профессионального образования VII Догадинских чтениях, для которой проводилось исследование гравюры астраханского художника М.Ф. Мартынова «Петр I в Астрахани»); стихи об известных личностях (например, о Лермонтове, Денисе Давыдове, Врубеле, Гумилеве); стихи на морскую тематику, соответствующие будущей профессиональной деятельности курсантов.

По книге А. Беянина «Яжмаг» были составлены разноуровневые задания, в которых четко прослеживаются межпредметные связи (русский язык, литература, музыка, изобразительное искусство, спорт). Так, например, в романе на стр. 99 и 131 автором «обыгрываются» грамматические нормы русского языка (тапка-тапок), на стр. 167 и 181 присутствуют примеры оксюморона (сильная слабость, к себе в мою спальню), а на стр. 173 и 183 используется тавтология как игра слов (истиной Истиной, вечная Вечность). В тексте романа много литературных имен, например, на стр. 182. автор рассуждает о творчестве В.Хлебникова, родившегося в Астраханской области, называя его «словотворноблудным чаромагоколдуном» (попробуйте разобрать эти слова по составу!). А в перечне «известных чародеев слова, как Ломоносов, Пушкин, Тютчев, Лесков, Булгаков» автор не называет Л.Толстого, Ф. Достоевского, М. Лермонтова. Почему? Чем обоснован этот список? (это может стать темой исследовательского проекта обучающихся). Интересные вопросы общекультурологического характера возникают по прочтении романа: «купание черного кота» – стр.125,

«Рафаэль, Микеланджело, Леонардо и Донателло» очень любят пиццу (черепашки-ниндзя носят имена итальянских художников эпохи Возрождения) – стр. 126, отец главного героя – мастер спорта по пятиборью (какие виды спорта туда включаются) – стр. 87, амулет героя – трикветр в круге (славянский языческий амулет) – стр. 231 и т.д. [Белянин 2021, с. 181].

Таким образом, на уроках русского языка и родного русского языка, а также во внеурочной деятельности используются разнообразные формы проектной работы. Проектная деятельность по изучению краеведческой литературы в целом и исследованию творчества конкретного писателя становится хорошей базой для духовно-нравственного развития детей. Этот опыт может стать примером для проведения аналогичных мероприятий другими преподавателями и использоваться в практике преподавания, для организации внеклассной внеурочной работы со школьниками и студентами, для популяризации творчества астраханских писателей В.В. Хлебникова и А.О. Белянина.

Литература

1. Белянин А. О. Яжмаг: Фантастический роман. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2021.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (10–11 класс). URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo>.
3. Хлебников В. Наша основа. URL: <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/proza/articles/nasha-osnova.htm>.

Нередкова С.С.
Луганский государственный университет имени В. Даля,
г. Луганск, Россия

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ В ДОНБАССЕ

Аннотация. Работа посвящена изучению языковой агрессии в условиях военного конфликта. Гибридная война спровоцировала появление нового дискурсивного оружия с набором манипулятивных технологий, носящих деструктивный характер. Социальные сети стали не только средством массовой коммуникации, но и механизмом конструирования коммуникативного пространства.

Ключевые слова: гибридная война, манипуляция, манипулятивные технологии, дискурсивное оружие, средства массовой информации

Neredkova S.S.
Lugansk State University named after V. Dahl,
Lugansk, Russia

MANIPULATIVE TECHNOLOGIES IN THE CONDITIONS OF HYBRID WAR IN DONBASS

Abstract. The work is devoted to the study of language aggression in the military conflict. The author states that the hybrid war caused the emergence of new discursive warfare with a set of manipulative technologies that are destructive in nature. Social networks have become not only a means of mass communication, but also a mechanism for constructing a communicative space.

Keywords: hybrid warfare, manipulation, manipulative technologies, discursive warfare, mass media

Современное измерение войны имеет гибридный характер и происходит на разных уровнях: в физическом пространстве – за территориальные, материальные и человеческие ресурсы; в информационном пространстве – за контроль над формированием и продвижением информационных потоков; в социально-психологическом пространстве – борьба за поддержку общественным мнением ценностей, наставлений и нормативов страны, начавшей войну. На смену классическим мировым войнам с противостоянием армий, их вооружений, противостоянием держав и коалиций, как это было в Первой и Второй мировых войнах, пришла глобальная перманентная, или гибридная война.

Научная и публицистическая литература неоднозначно трактует феномен гибридной войны, используя ряд концептов исследования, собственно, и само понятие «гибридная война» не содержит единого термина, ее называют «нелинейной», «неконвенционной», «гибридной», «смешанной».

Первым попытался концептуализировать дефиницию «гибридные войны» Ф. Хоффман. Она использовалась для определения мультимодальности форм войны: «в мире больше не существует отдельных видов угроз или отдельных способов и методов ведения войн, таким образом, задействованы все формы и методы ведения войн: конвенционные (традиционные), иррегулярные, террористические методы, действия криминальных группировок повстанцев и другие виды» [Hoffman 2009].

По мнению Д. Ласика, основой ведения «гибридных войн» является их информационно-психологическая составляющая, а объектом воздействия инициатора «гибридной войны» становится, прежде всего, общественное сознание, а не вооруженные силы или инфраструктура; «гибридные угрозы» имеют нечеткую форму и информационно-психологическую составляющую [Lasica 2009].

Для явления гибридной войны вопрос понимания и восприятия событий является особенно значимым, поскольку конфликт интерпретаций используется как разновидность информационного оружия наряду с другими немилитаризованными компонентами гибридных действий. Происходит своего рода столкновение нарративов с противоположными версиями. «Битва нарративов» и «битва в физической реальности» отличаются не только характеристиками структур, которым наносится ущерб, но и длительностью течения и последствиями [Ministry of Defence 2011].

Новейшая форма гибридной войны вызвала появление новейшего оружия – дискурсивного. Существенной его чертой является феномен манипуляции. Исследование места и роли манипулятивных технологий средств массовой коммуникации как инструмента информационной составляющей гибридной войны предусматривает необходимость признания их ключевой детерминантой и структурным элементом становления особой информационно-манипулятивной системы политических технологий. Конструирующие сегменты информационного пространства включают информационное поле гибридной войны, подмену реального содержания и целей войны, а также создание плоскости для манипуляций общественным мнением для оправдания своих действий в условиях глобального информационного пространства. Под манипуляцией следует понимать систему средств идеологического и духовно-психологического воздействия на массовое сознание с целью навязывания определенных идей, ценностей [Почепцов 2000, с. 153], разжигания вражды в обществе, недоверия.

Характерной особенностью манипуляций является скрытое влияние на эмоциональную, подсознательную составляющую человеческой психики, которая и выделяет ее среди других средств политического влияния.

Таким образом, для реализации поставленной цели в рамках ведения гибридных войн активно используются технологии, носящие сугубо деструктивный характер, то есть их использование направлено только на дестабилизацию институтов общества и государства в целом. Для деструктивных технологий характерны приоритетность ценностей над фактами, преобладание воздействия над просто информированием, эмоционального над рациональным. Применение этих технологий направлено на снижение критичности восприятия гражданами распространяемой информации, навязывание общественному мнению однозначных оценок (положительных или негативных) относительно тех или иных событий, дискредитацию правящей элиты в той или иной стране, культурных и исторических достижений нации, языка, исторических событий и т.п. [Фролов 2005].

Манипулятивные технологии средств массовой коммуникации – это предварительное конструирование, планирование и организация информационных потоков, во время которых происходит процесс активных политических манипуляций общественным мнением.

Анализируя манипулятивные технологии средств массовой коммуникации, нужно отметить, что они направлены на общество и основной их целью является манипулирование сознанием, а соответственно и выбором граждан, поэтому можно говорить и о том, что волеизъявление народа не является полностью самостоятельным и независимым, на него можно легко повлиять, зная определенные технологии и средства внедрения и реализации.

Яркой иллюстрацией указанных положений является современная гибридная война на Донбассе. Если сравнивать украинские пропагандистские технологии, то не трудно заметить,

что, начиная с весны 2014 года, уровень эмоциональности, агрессивности и экспрессии СМИ намного выше по сравнению с предыдущим периодом.

Остановимся на наиболее показательных общих составляющих анализированных текстов, предоставленных автору для лингвистической экспертизы МГБ ЛНР на предмет наличия противоправных действий, размещенных оппозиционной стороной в сети Интернет.

Фиксируем распространение ложных заявлений, например: «Недавно был в Костеле, тот же Иисус, тот же крест, та же библия, те же христианские символы и ценности! Так в чем же разница? А ОТЛИЧИЯ В ВЕРЕ! Христиане верят в мир, РПЦ в экстремизм и войну (в данном примере и далее сохранены орфография и стиль авторов). В исследуемых материалах содержится ложное утверждение – вера РПЦ в экстремизм и войну. Отметим, что ни один из видов экстремистской деятельности, зафиксированных в Законе ЛНР «О противодействии экстремистской деятельности» [Закон ЛНР 2018] нельзя соотнести с деятельностью Московского Патриархата, следовательно, распространение ложных заявлений демонстрирует отношение автора к МПЦ РП как крайне негативное, автор обвиняет РПЦ в экстремизме с целью создания негативного образа и формирования ненависти и вражды к РПЦ.

Все манипулятивные технологии играли определяющую роль в создании конфликта на Донбассе. И не только в его начале, но и сегодня они его активно поддерживают и провоцируют.

Гибридная война не ограничивается боевыми действиями, это война в информационном пространстве, война символов, образов, смыслов, информационный контекст которой направлен на ослабление патриотических настроений в обществе, например, через активную демонизацию России, дискредитацию российских героев, истории и культуры РФ, ЛНР и ДНР в целом. Примером использования инструментов стратегии, апеллирующим к национальному самосознанию и патриотизму могут служить манипулятивные технологии: создание образов и ассоциаций, ложные утверждения, искажение фактов, псевдокомментарии, выборочная правда, дезинформирование и т.п.

Литература

1. О противодействии экстремистской деятельности : закон ЛНР от 2 февраля 2018 г. № 209-II. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/5739/>
2. Почепцов Г. Г. Информационные войны. М. : Рефл-бук, 2000. 576 с.
3. Фролов Д. Б. Информационная война: эволюция форм, средств и методов // Социология власти. 2005. № 5. С. 121–146.
4. Lasica D. T. Strategic Implications of Hybrid War: A Theory of Victory, monograph. – 2009 [online]. URL: https://archive.org/details/DTIC_ADA513663/mode/2up.
5. Hoffman F.G., Hybrid Warfare and Challenges. 2009. Вып. 52, 1 кв. P. 34–39. URL: <https://smallwarsjournal.com/documents/jfqhoffman.pdf>.
6. Ministry of Defence Strategic Communication: The Defence Contribution, Joint Doctrine. – 2011. P. 2–10. URL: http://www.mod.uk/NR/rdonlyres/7DAE5158-63AD-444D-9A3F-83F7D8F44F9A/0/20110310JDN111_STRAT_COMM.pdf.

НОВОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ОСВОЕНИЕ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. Все лексико-семантические процессы отличаются сейчас чрезвычайной интенсивностью. Анализ динамических процессов, происходящих в современном русском языке, особенно в его лексической системе, имеет принципиальное значение для объективной оценки современной языковой ситуации и является необходимым условием успешного обучения русскому языку иностранных учащихся.

Ключевые слова: лексико-семантические процессы, словообразование, семантическая деривация, заимствование, жаргонизация

Nesterskaya L.A., Nikolenko E.Yu.
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

THE NEW SEMANTIC SPACE OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE AND ITS MASTERING IN A FOREIGN AUDIENCE

Abstract. All lexico-semantic processes are now extremely intense. The analysis of dynamic processes occurring in the modern Russian language, especially in its lexical system, is of fundamental importance for an objective assessment of the modern language situation and is a prerequisite for the successful teaching of the Russian language to foreign students.

Keywords: lexico-semantic processes, word formation, semantic derivation, borrowing, jargonization

В современном русском языке происходят активные языковые изменения, которые, безусловно, вызывают исследовательский интерес. Глубокие социальные, экономические и политические перемены в обществе ускорили процессы языковой эволюции на всех уровнях. Все лексико-семантические процессы: словообразования, семантической деривации, политизации, заимствованной, калькирования и др. отличаются сейчас чрезвычайной интенсивностью. Необычайно активны процессы словосложения. Появились новые словообразовательные форматы, такие, как *видео-, аудио-, эко-, нарко-, секс-* (*видеопиратство, наркобизнес, сексменьшинства*). В обществе последние годы активно формируется новое языковое сознание, которое отражают многочисленные составные слова: *пиар-компания, бизнес-партнер, секс-бизнес, акционерно-биржевой, медиа-брокер, рок-тусовка*. Интересно отметить, что милицейская аббревиатура БОМЖ (лицо без определенного места жительства), за короткое время вошла в русский язык как существительное *бомж* и дала серию производных от него: *бомжиха, бомжевать, бомжатник*.

В настоящее время наблюдается активизация иноязычной лексики, происходит очередная подъем процесса заимствований. С одной стороны, этот процесс и его активизация неизбежны, когда нет нового понятия в русском языке: *маркетинг, интерактив, риэлтор, слоган, стартап*. С другой стороны, происходит вытеснение, замещение русских слов иностранными: *креативный* – творческий, направление – *тренд*, бонус – премия.

Вошли в современный русский язык и активно употребляются такие заимствованные слова, как *гуглить* (от англ. Google) – искать информацию в интернете с помощью Google.

Дресс-код (англ. Dress+code) – форма одежды, требуемая при посещении определенных мероприятий.

Супервайзер (англ. supervisor) – наблюдатель, инспектор, руководитель.

Фэйк (англ. fake) – подделка, фальшивка.

Тренд (англ. trend) – направление, течение, тенденция.

Интенсивность заимствований, их массовый характер часто вызывает крайне негативную оценку тех членов общества, деятельность которых связана со словом, иногда речь идет даже о разрушении современного русского языка, его системы при помощи огромного

количества заимствований. В этой связи хочется заметить, что массив заимствований обусловлен экстралингвистическими причинами и прежде всего открытостью современного русского общества для международных связей и контактов. Современный язык – устойчивая система, которая не только хорошо адаптирует чуждые элементы, но и приспособливает их для своих нужд, к своим лингвистическим системам.

Насыщение современного русского языка сниженной лексикой разных источников, его интенсивная жаргонизация привела к формированию интержаргона. Демократизация языка на фоне отмены цензуры стала причиной того, что потоки сниженной, жаргонной, а иногда даже уголовной и нецензурной лексики стали достоянием всех жанров речи, нуждающихся в особой экспрессии: публицистических выступлений, политических дебатов, газетных и телевизионных репортажей, художественных текстов. *Ксива* – паспорт, *беспредел* – беззаконие, *обуть* – ограбить, обмануть, *навар* – доход, *замочить* – убить, *взять на понт* – обмануть.

Жаргонизмы теперь уже, как правило, не поясняются в текстах, что свидетельствует о том, что они «если еще и не вошли, то уже ворвались в речевой обиход образованного общества [Костомаров 1994, с. 63]. Совершенно очевидно, что ни заимствования, ни жаргонизмы так активно не использовались бы в современном русском языке, если бы не были востребованы обществом, не обслуживали бы его насущные потребности.

Упомянем еще об одной тенденции в развитии современного русского языка – лавинообразном и почти неуправляемом процессе словообразования. Е.А. Земская писала о том, что современное словообразование, «используя морфемный состав языка, выполняет заказ общества на создание необходимых для коммуникации наименований» [Русский язык... 1996, с. 90].

Часто новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно, а стремительно в соответствии с потребностями языкового коллектива. В том случае, когда какая-нибудь лексема обнаруживает системную активность, можно с уверенностью говорить о значимости и актуальности в жизни общества обозначаемого этим словом явления. Например, сформировалось и продолжает расширяться словообразовательное гнездо при слове *наркотик*: *наркомания*, *наркозависимость*, *наркобизнес*, *наркодилер*, *наркобизнесмен*.

Следует отметить активизацию словообразовательных аффиксов в современном русском языке: *пост*, *после*, *де*, *раз* и др.

постковидный, *постперестроечный*, *послеоперационный*, *послесталинский*, *постсоветский*, *деполитизация*, *десоветизация*, *деструктивный*.

В русском языке появилось новое слово – *ковид*. Это очень актуальное явление сегодняшней жизни. У этого слова также сформировалось словообразовательное гнездо: *ковидный*, *постковидный*, *ковидник*. Следует остановиться еще на одном явлении в ряду языковых изменений лексики. Слова основного фонда, базовая лексика современного русского языка подвергаются глубоким семантическим преобразованиям. Происходит расширение сочетаемости лексических единиц, образуются новые значения, в том числе переносные, происходят стилистические изменения, меняются оценочные характеристики. Именно сочетаемость как основа семантической деривации особенно характерна для современной языковой ситуации. Лексическая единица меняет свою семантику, отходит от типовой узуальной сочетаемости, обозначает другой объект в языковой картине мира. Привычные слова, выходя за пределы своих традиционных значений, начинают функционировать в новых свободных словосочетаниях, образуют серию устойчивых сочетаний, что убедительно свидетельствует об актуализации этих лексических единиц. Слово *экология* такое традиционное в своем употреблении.

Из толкового словаря С.И. Ожегова:

1) *Наука об отношениях растительных и животных организмов друг к другу и к окружающей их среде.*

2) *Состояние организмов, населяющих общую территорию, их отношение друг к другу и окружающей среде.*

В современном языке лексическая единица расширила свое значение, появляется термин *глобальная экология* – наука о взаимодействии трех систем: природы, человеческого общества, порожденной человеком техники. У слова *экология* в этом значении появляются необычайно широкие возможности сочетаемости: *сельхоз-экология*, *социальная экология*, *экономическая экология*, *экология языка*, *экология слова*, *экология культуры* (термин

Д.С. Лихачева). Появились новые слова со значением “выгода”: *экопродукты, экоматериалы, экокультура, экослужбы, экоуборка, экобизнес, экомаркет, экосумка*.

Прилагательное *гуманитарный* актуализировалось в современном языке и вышло за пределы традиционных значений. Появились словосочетания *гуманитарная интервенция* и *гуманитарная война* со значением “применение военной силы против иностранного государства для предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида местного населения”.

Гуманитарные технологии – совокупность технологий влияния на отдельного человека или группу людей, их часто называют технологиями “мягкого” влияния.

В лексике современного русского языка отмечается тенденция к усилению мобильности единиц: происходит актуализация одних лексических единиц и дезактуализация других.

Возвращается в языковой обиход конфессиональная лексика, историзмы, которые выступают в функции номинации новых реалий современной жизни: *вера, вероисповедание, добро, добропорядочность, милосердие, меценат, меценатство, праведность, духовность, призрение, благотворительность*.

Возвращается с периферии общественного языкового сознания и активно употребляется лексика, обозначающая общественные явления: *атаман, гильдия, гимназия, градоначальник, губернатор, костоправ, кадет, кадетский корпус, казак, казачество* и др.

Язык постоянно приспосабливается к изменяющемуся отображению мира. Подтверждением этому служит широко представленная в языке современных СМИ политическая метафора, которая является не только образным представлением окружающего мира, но и способом воздействия на читателя, зрителя, слушателя. Темы болезни, апокалипсиса, войны, криминала, театра, цирка являются основой для создания политической метафоры и отражают состояние современного общества: *визовая война, правовой маразм, политический цирк, трясина кризиса, финансовое вторжение, финансовый коллапс* и пр.

Происходит активизация механизмов процесса интенсивного словопроизводства, что свидетельствует о динамике языкового сознания современного человека.

Для современной языковой ситуации чрезвычайно характерно изменение сочетаемости лексической единицы. Сочетаемость в том смысле, когда слово, обращенное к другому объекту мира, меняет свою семантику, одновременно меняя для говорящего сам фрагмент языковой картины мира. Об актуализации лексической единицы свидетельствует образование серий устойчивых сочетаний.

Слово *деньги* выражает одно из актуальных понятий современности, что вызвало к жизни обширную группу словосочетаний, в том числе и терминологических: *быстрые деньги, горячие деньги, грязные деньги, длинные деньги (кредиты на длительный срок), живые деньги (наличные), пластиковые деньги (карты), черные деньги (скрытые от налогообложения)*.

Если вернуться к вопросу об актуализации лексики в современном русском языке, то можно констатировать, что современная языковая ситуация отличается чрезвычайным динамизмом изменений на разных уровнях языковой структуры. Следует отметить, что именно лексико-семантическая система в периоды социальных катаклизмов подвержена наиболее существенным трансформациям.

Актуализированная лексика, по определению И.А. Стернина, – это лексические единицы, повысившие в новейший период развития русского языка свою функциональную значимость и частотность употребления вследствие актуализации обозначаемых и явлений [см. об этом: Стернин 1998, 2000].

Все вышеперечисленные явления, в том числе так называемая актуализированная лексика, чаще всего встречаются в текстах СМИ, изучение которых составляет важный аспект овладения русским языком как иностранным. Поэтому работа по ознакомлению и усвоению данной лексики составляет важную часть на занятиях по лексике СМИ.

Таким образом, анализ динамических процессов, происходящих в современном русском языке и особенно в его лексической системе имеет принципиальное значение для объективной оценки современной языковой ситуации и является необходимым условием успешного обучения русскому языку иностранных учащихся.

Литература

1. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

2. Заварзина Г. А. Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80–90-е годы XX века (на материале словарей и газетной публицистики) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998.

3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.

4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1990.

5. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж – Пермь, 1998.

6. Стернин И. А. Что происходит с русским языком? Очерк изменений в русском языке конца XX века. Туапсе, 2000.

Новоселецкая Д.И.
*Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко,
г. Краснодар, Россия*

ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНСТРУКЦИЯ КАК ТЕКСТ ОСОБОГО ТИПА: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Анализируется текст инструкции к бытовым техническим приборам, устройствам как элемент технико-технологического дискурса; исследуется его вербально-прагматические, частеречные и когнитивно-организационные параметры. Показано, что современные технические инструкции могут различаться по таким характеристикам, как длина текста, его частеречная организация, тип и количество терминологических единиц, композиционное строение, функциональное описание технических параметров бытового прибора.

Ключевые слова: жанр, текст технической инструкции, прагматика, технический термин, частеречная дистрибуция, императив, частотность

Novoseletskaia D.I.
*Krasnodar Higher Military School named after General
of the Army S.M. Shtemenko, Krasnodar, Russia*

TECHNICAL INSTRUCTION AS A SPECIAL TYPE TEXT: SEMANTIC-PRAGMATIC ASPECT

Abstract. The text of instructions for household technical appliances and devices is analyzed as an element of technical and technological discourse; its verbal-pragmatic, part-of-speech and cognitive-organizational parameters are studied. It is shown that modern technical instructions may differ in such characteristics as the length of the text, its part-of-word organization, the type and number of terminological units, the compositional structure, and the functional description of the technical parameters of a household appliance.

Keywords: genre, technical instruction text, pragmatics, technical term, part-of-speech distribution, imperative, frequency

В современной текстологии представлены и классифицированы по разным параметрам тексты научные, научно-популярные, художественные, пиар-тексты, дидактические, учебные, юридически-правовые и многие другие, репрезентирующие соответствующие тематико-информационные пространства. Как показывают наблюдения, текст инструкции технических артефактов, технических бытовых приборов и механизмов исследован еще недостаточно полно, что объясняется как экстраязыковыми, так и интраязыковыми причинами. При исследовании текста технической инструкции (ТТИ) важна его интерпретация как целенаправленной последовательности знаков, номинирующих технический объект бытового, утилитарного характера.

В лексикографической практике лексема «**инструкция**» определяется следующим образом: 1) «Руководящие указания, подробное наставление, свод правил для выполнения чего-н.» [Большой словарь иностранных слов 2009]; 2) «1. Свод правил, устанавливающий порядок и способ осуществления чего-л. ... 2. Руководящие указания, наставления» [Кузнецов 1998]; 3) «Руководящие указания, подробное наставление, свод правил для выполнения

чего-нибудь» [Ушаков 1935-1940]; 4) «1. Свод правил, устанавливающих порядок и способ осуществления, выполнения чего-н. ... 2. Вообще указания» [Ожегов 2015]; 5) «Совокупность правил осуществления определенных видов деятельности, проведения работ, служебного поведения, изложенных в специальных нормативных документах (инструкциях)» [Райзберг 2019] и т.п. Лексемами-идентификаторами в представленных дефинициях выступают единицы «**указание**», «**наставление**», «**правило**», «**описание**» и др. Дефиниции термина «инструкция» также различаются в зависимости от типа словаря: в толковых словарях преобладает идентификатор «**указания**», а в терминологических – «**совокупность правил**».

Форма, композиция, содержание и даже графика текстов инструкций в условиях рыночной экономики за прошедшие десятилетия претерпели кардинальные изменения. Исследователи отмечают, что в настоящее время текст инструкции представляет собой одновременно и «визитную карточку» фирмы; в нем присутствуют элементы рекламного дискурса, что отражает тенденцию к выполнению функций презентации и воздействия на потенциального покупателя.

Исходя из аргумента, что любое завершённое и записанное вербальное сообщение может идентифицироваться как текст [Кубрякова 2004], считаем актуальным выделить особый жанр технико-технологического дискурса – текст технической инструкции по применению и/или использованию конкретного технического бытового прибора, устройства, механизма. Этот тип текста характеризуется особой семиотико-прагматической установкой и структурированной языковой организацией. Анализ вербального основания текста технической инструкции показывает, что в нем существует определенная частеречная дистрибуция, обусловленная прагматическими факторами.

В когнитивной лингвистике различным частям речи уделяется серьезное внимание, так как каждая из них представляет собой вербализованный в той или иной форме когнитивный опыт человека, зафиксированный в системе знаков национального языка. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «проекция онтологических свойств мира в язык заметнее всего и яснее всего проявляется в факте создания частей речи как объективирующих структуры знания, принадлежащие разным онтологическим категориям и потому в категориальном или содержательном планах нетождественные. Части речи объективируют через своих представителей дифференциацию воспринятого, познанного и оцененного человеком. В их основе, несомненно, лежат именно когнитивные характеристики, связанные с той или иной онтологической категорией и приписываемые ее отдельным членам» [Кубрякова 2004, с. 286].

Установлено, что тексты технических инструкций к различным бытовым приборам могут существенно различаться по таким параметрам, как длина текста, его частеречная организация, тип и количество терминологических единиц, композиционное строение, описание бытового прибора. Существует прямая связь между типом и предназначением конкретного бытового прибора и содержанием, композицией, языковыми средствами оформления текста технической инструкции. Так, например, инструкция к прибору «**Кофеварка рожковая**» торговой марки «DEXP» в композиционном отношении состоит из следующих разделов: 1. Обращение к пользователю. 2. Меры предосторожности. 3. Схема устройства. 4. Перед первым использованием. 5. Инструкция по эксплуатации. 6. Обслуживание и уход. 7. Технические характеристики. 8. Возможные проблемы и их решение. Текст этой инструкции содержит общеупотребительную лексику и технические термины, которые выполняют прагматическую функцию технического информационного инструктажа: **вилка, индикатор, капучинатор, кнопка включения/выключения, устройство, шнур, сеть питания, электрический ток, электрошнур, рожок, сопло, резервуар, уплотнитель кофе, насос, регулятор подачи пара**.

Глаголы в тексте этой инструкции обозначают категорию действия и выступают в форме императива, что обозначает стремление анонимного составителя инструкции каузировать пользователей совершить необходимые, нужные в данной ситуации действия для достижения запланированного результата. Императив – это специализированная глагольная форма в инструктивных текстах самых различных социокоммуникативных сфер.

В текстах технических инструкций разные глаголы имеют различную частотность, что характеризует способы пользования тем или иным техническим устройством с точки зрения актуальности и значимости для достижения эффекта. По нашим подсчетам, из всех глаголов, функционирующих в инструкции к устройству «**Кофеварка рожковая**» торговой марки «DEXP», самым частотным является глагол «**нажать**» с индексом частотности 27; на втором месте – глагол «**использовать**» с индексом частотности 18. Последовательность расположения глаголов

в текстах технических инструкций отражает последовательность необходимых действий, порядок осуществления пользователем нужных для работы устройства манипуляций.

К техническим инструкциям относятся следующие обязательные требования: конкретность, точность, ясность изложения, максимальная полнота информации обо всех параметрах технического устройства, наличие общенаучных терминов, понятных каждому пользователю, доступность стиля изложения, краткость синтаксических конструкций. Специфика тематического и композиционного моделирования текста технической инструкции обусловлена его прагматикой, воздействием текста на потенциального пользователя таким образом, что от правильного, однозначного понимания и интерпретирования информационного компонента каждого из разделов инструкции зависит здоровье и даже жизнь потребителя. Модальность текстов технических инструкций нового поколения обусловлена передачей значений *необходимости*, что связано с возможностью прямого воздействия на потенциального пользователя.

Литература

1. Большой словарь иностранных слов. М., 2009.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 1998.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004.
4. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. М., 2019.
5. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. М., 2015.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Орлова Г.В.

*Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия*

УЧЕБНАЯ ЭКСКУРСИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Аннотация. Для успешного усвоения русского языка как иностранного необходимо формирование социокультурной компетенции, способствующей адаптации студентов в инокультурной среде. Обращение к темам, актуальным для учебной и социальной жизни обучающихся, использование в процессе обучения материалов учебной экскурсии для формирования навыков всех видов речевой деятельности, способствуют выстраиванию диалога культур, облегчению процесса вхождения иностранных студентов в новую для них лингвокультурную среду.

Ключевые слова: кулинарный код культуры, социокультурная компетенция, хлебные традиции, регионоведческий потенциал, учебная экскурсия, диалог культур

Orlova G.V.

*A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia*

EDUCATIONAL EXCURSION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE IN THE DIALOGUE OF CULTURES

Abstract. In addition to the successful assimilation of the Russian language in the learning process, it is necessary to form a socio-cultural competence that contributes to the adaptation of students in a foreign cultural environment. Addressing the topic relevant to the educational and social life of students, the use of educational materials and educational materials

Keywords: culinary code of culture, socio and cultural competence, bread traditions, regional potential, educational excursion, dialogue of cultures

Одной из самых актуальных и востребованных тем при изучении русского языка как иностранного является тема еды, питания, посещения кафе, ресторанов, визита к друзьям, приема гостей. Тема еды объединяет множество ситуаций в культуре повседневности. По мнению М.В. Капкан, стереотипы, связанные с темой еды, «оказываются важным элементом межкультурных взаимодействий, в котором содержится комплекс информации о представителях другого народа» [Капкан 2010].

Отношение к еде и приему пищи – вечный ценностный ориентир в любом обществе, рассматриваемый также в контексте современных социокультурных трансформаций. Поэтому «в развитом обществе пища становится составным элементом большого числа ситуаций, передающим определенную информацию».

По мнению Г.Д. Гачева, в основе любой национальной культуры лежит паттерн взаимоотношения народа – земли, символизирующий связь между матерью-землей и сыном-народом. Поэтому в идее об этнической идентичности, имеется в виду изначальное, сакральное пространство национальной кухни – это продукты, выращенные в конкретных национальных условиях (земля, климат, география), а также традиционные способы возделывания земли, ведущие к формированию баланса между человеком и природой.

В каждой национальной гастрономической культуре имеется свой корпус выдающихся блюд. Но главным брендом множества этнических кухонь был и остается хлеб. Восточная хлебная традиция более древняя по сравнению с европейской. Хлеб востока – лепешка, пита. В стране – законодательнице высокой хлебной традиции – Франции в настоящее время популярен *багет а л'ансиенне* (багет по-старинному). В Италии большой ассортимент видов хлеба, очень разных по составу и месту происхождения: *брускетта*, *микетта*, *пане казаречьо*, *розетта*, *фокачча*, *чиабатта*, *чирьола*, и другие. В Германии существуют сотни сортов хлеба, самый известный и популярный среди них – бамбергский *фладен*, выпекаемый по семейному рецепту. В Мексике в День Мертвых выпекают *pan de muerto* – хлеб мертвых, сладкий хлеб с апельсином. У христиан хлеб символизирует Тело Христово и упоминается в главной молитве «Отче наш»: «хлеб наш насущный даждь нам днесь...».

Хлебные традиции России становятся объектом изучения иностранных студентов сразу после пересечения границы. В настоящее время основная цель обучения русскому языку как иностранному в первую очередь предполагает достижение коммуникативной компетенции, сочетающей языковую и социокультурную компетенции. Формирование и развитие социокультурной компетенции с учетом регионоведческого потенциала музейного пространства Санкт-Петербурга обеспечивает высокую эффективность учебного процесса в условиях поликультурного города.

Не вызывает сомнений, что для развития у социокультурной компетенции у иностранных студентов необходимо целенаправленно включать в содержание занятий лингвострановедческий материал [Верещагин, Костомаров 1990, с. 2]. При этом важно, чтобы аудиторная и внеаудиторная работа составляли единый процесс формирования коммуникативных умений, навыков и компетенций.

Эффективной формой внеаудиторной работы является учебная экскурсия, которая не только стимулирует интерес к изучению русского языка и русской культуры, но способствует адаптации иностранных учащихся в новой культурной и языковой среде.

Площадкой для форсирования социокультурной компетенции иностранных обучающихся можно назвать музей Хлеба в Санкт-Петербурге. История России, культура русского быта, хлебопекарные традиции Санкт-Петербурга и всей страны находят свое отражение в выставочных залах музея, который был основан в 1988 году для привлечения внимания к профессии пекаря и стал одним из самых посещаемых историко-бытовых объектов Санкт-Петербурга. Большой интерес у студентов-иностранцев вызывает экспозиция «Хлеб в традиционной культуре восточных славян», где представлены предметы быта, а также интересные факты об обрядах, ритуалах и хлебных традициях славян. Особое внимание уделяется посещению зала блокадного Ленинграда, где главный экспонат – кусочек темного хлеба весом 125 г.

Подготовка и проведение экскурсий – это сложный и трудоемкий процесс, включающий три основных этапа: подготовительный этап, этап проведения/участия в экскурсии и заключительный этап.

Подготовительный этап направлен на подготовку студентов к восприятию звучащего текста/экскурсии, а также на знакомство с новой лексикой и необходимым культурным и историческим комментарием. Лексический материал содержит следующие единицы: *хлеб*,

булка, кирпичик, круглый, калач, каравай, бабка, сайка, бублик, баранка, печь/выпекать, пекарь, пекарня и др. Лингвокультурологический комментарий необходим для объяснения следующих слов: *купец, бурлак, баржа*, названий предметов быта, утвари и посуды по материалам музейной экскурсии и различных инсталляций.

Для эффективного восприятия звучащего текста экскурсии необходимы фонетические упражнения для развития аудио-произносительных навыков. Тренировочным материалом могут быть детские чистоговорки:

Жок-жок-жок – это пирожок.

Шки-шки-шки – мама жарит пирожки.

Шки-шки-шки – мы любим пирожки.

Жок-жок-жок – кушай Женя пирожок.

Ач-ач-ач – вот калач.

Чи-чи-чи – пекутся в печке калачи.

Также в работу могут привлекаться известные скороговорки, также имеющие в своем составе лингвокультурологический материал:

Бублик, баранку, батон и буханку пекарь из теста испек спозаранку.

Хлеб ржаной, батоны, булки не добудешь на прогулке.

Завершающий этап – беседа по результатам экскурсии. Беседа включает в себя ответы на вопросы, составление монологов по тематике экскурсии, написание эссе, проектное задание «Мой любимый русский хлеб. Где купить и сколько стоит», «Хлеб моей родины».

В качестве дополнительного материала можно предложить использовать русские пословицы и поговорки о хлебе, которые станут связующим звеном в межкультурной коммуникации. Например: *Хлеб – всему голова. И обед – не обед, коли хлеба нет. Покуда есть хлеб да вода – все не беда.*

Цель заданий – используя материал экскурсии и материалы учебных пособий по разговорным темам «Магазин», «В гостях», «В кафе, в ресторане», подвести студентов уровня ТРКИ-1 к формированию навыков аудирования, продуцирования устной монологической и диалогической речи при условии усвоения синтаксических, морфологических и лексических единиц обучения. Одновременное развитие всех навыков речевой деятельности обеспечивается при отборе моделей и речевых образцов, соотнесенных с темами и ситуациями общения.

В сложившихся условиях дистанционного обучения на сайте музея есть возможность осуществить интерактивную экскурсию, что повышает интерес обучающихся к изучению языка, делает занятия интересными, продуктивными и практикоориентированными.

Известно, что успешное обучение иностранному языку возможно с использованием исключительно аутентичных материалов, которые сформированы культурой народа. Звучащая речь экскурсовода способствует развитию навыков восприятия иностранной речи, экскурсионная информация повышает интерес и мотивацию студентов-иностранцев, позволяя им применить на личном опыте навыки, полученные на занятии. Использование такого вида обучения как экскурсия помогает выстроить диалог культур, сформировать социокультурную компетенцию, необходимую для адаптации к новому культурному пространству, облегчить сложный процесс вхождения иностранных обучающихся в новую лингвокультурную среду.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение 4-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1990. С. 2.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИДИК, 1999. С. 22.
3. Капкан М. В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX–XX веков) : дис. ... канд. культурологии / Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2010. С. 79.
4. Писанова Т. В. Глуттонический дискурс в жанровом пространстве постмодернистского романа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 6 (639). С. 119–129.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВАРВАРИЗМОВ В МОЛОДЕЖНОМ ДИСКУРСЕ С ПОЗИЦИИ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматривается функционирование варваризмов в молодежном дискурсе как с позиции экологии языка, так и в аспекте ценностной ориентации, интенций коммуникантов, лексико-грамматических предпочтений. Показано, что анализ любой проблемы, связанной с экологией языка, необходимо начинать с выявления основных признаков молодежного дискурса, к которым относится противопоставленность официальной речи, коннотативный аспект, экспрессивность, экономия языковых средств. На основании учета этих признаков проведенный анализ варваризмов позволил сделать выводы относительно их функционирования в молодежном дискурсе. Самой яркой чертой современного языка являются заимствования из американского варианта английского языка. Делаются выводы относительно того, что функционирование варваризмов основывается на принципе экономии языковых средств, для кодировки общения, на принципе следования языковой моде, с позиции демонстрации владения определенной группой лексем и причастности к данной форме коммуникации. В функциональном аспекте варваризация молодежного дискурса осуществляется по номинативному, фатическому и экспрессивному направлениям, где каждая из функций может превалировать над остальными в зависимости от ситуации коммуникации. С лексико-грамматической точки зрения, в качестве языка-источника используется английский язык и проявляется неоднородность по количественному параметру грамматической принадлежности: наиболее динамичной можно назвать группу глаголов, менее задействованы существительные и прилагательные. В семантическом аспекте варваризмы представлены в двух позициях: наблюдается процесс дублирования русского синонима либо варваризм используется для номинации реалии, не имеющей русского эквивалента в виде отдельной лексемы. С тематической точки зрения большая часть лексики перешла из компьютерной терминологии в бытовую сферу и активно используется молодежью в разговорном стиле. С деривационной точки зрения, все заимствования адаптируются по законам русского словообразования. В заключении обосновывается мысль, что функционирование варваризмов в молодежном дискурсе есть отражение ментальности современного поколения.

Ключевые слова: молодежный дискурс, заимствованная лексика, варваризмы, экология языка, коннотация, экспрессия, экономия языковых средств

*Pavlovskaja O.E., Fedotova T.V.
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia*

FUNCTIONING OF BARBARISMS IN YOUTH DISCOURSE FROM THE PERSPECTIVE OF LANGUAGE ECOLOGY

Abstract. The functioning of varvarisms in youth discourse is considered both from the point of view of the ecology of the language and in the aspect of value orientation, communicant intentions, lexico-grammatical preferences. It was shown that the analysis of any problem related to the ecology of the language should begin with the identification of the main signs of youth discourse, which include the opposition of official speech, the connotative aspect, expressiveness, and savings in language means. Based on these features, the analysis of barbarisms had led to conclusions regarding their functioning in youth discourse. The most striking feature of the modern language is borrowing from the American version of the English language. It is concluded that the functioning of varvarisms is based on the principle of saving language funds, for encoding communication, on the principle of following the language mode, from the point of view of demonstrating the possession of a certain group of lexes and involvement in this form of communication. In the functional aspect, the barbarization of youth discourse is carried out in nominative, fatal and expressive directions, where each of the functions can prevail over the rest depending on the situation of communication. From a lexico-grammatical point of view, English is used as a source

language and heterogeneity in the quantitative parameter of grammatical affiliation is manifested: the most dynamic can be called a group of verbs, nouns and adjectives are less involved. In the semantic aspect, barbarisms are presented in two positions: there is a process of duplication of the Russian synonym or barbarism is used to nominate a reality that does not have a Russian equivalent in the form of a separate token. From a thematic point of view, most of the vocabulary has moved from computer terminology to the household sphere and is actively used by young people in a conversational style. From a derivational point of view, all borrowings are adapted according to the laws of Russian word formation. The conclusion justifies the idea that the functioning of barbarisms in youth discourse is a reflection of the mentality of the modern generation.

Keywords: youth discourse, borrowed vocabulary, barbarisms, language ecology, connotation, expression, language savings

В последние десятилетия в русском литературном языке наблюдаются процессы, которые можно охарактеризовать как либерализацию, так как «они затрагивают не только народные пласты общенационального русского языка, но и образованные, оказавшиеся чуждыми литературному канону» [Костомаров 1999, с. 5]. Данный факт приводит к активизации интереса к проблемам языка и его современному функционированию.

Общеизвестно, что язык есть зеркало мира человека и создаваемой им культуры. Соответственно, падение культуры речи, снижение языкового вкуса напрямую связаны с падением духовности человека. Эта взаимосвязь восходит еще к идеям В. Гумбольдта и И.А. Бодуэна де Куртенэ, утверждающим мысль о том, что язык должен рассматриваться в тесной связи с сознанием (мышлением) человека, его психической сущностью и духовным миром [Маслова 2015, с. 77]. Главная идея заключается в том, что нельзя исследовать природу языка вне его связи с человеком.

Современные исследования рассматривают генезис феномена обозначенной взаимосвязи с позиции отражения культурно-исторических ценностей в процессе этизации общественного сознания [Сковородников 1996, с. 5]. Быстро изменяющаяся языковая ситуация складывается под влиянием социальных преобразований в стране. Появляется такая отрасль языкознания, как эколингвистика, включающая экологию языка и экологию речи [Копнина 2014].

Проблемам лингвоэкологии посвящены работы многих современных отечественных лингвистов, например, П. Григорьева, С.И. Виноградова, В.В. Колесова, Ю.Н. Караулова, В.К. Журавлева, В.Г. Костомарова, А.П. Сковородникова и др. Основные вопросы, рассматриваемые в работах этих лингвистов, посвящены прежде всего бюрократизации языка и речи, росту заимствований, жаргонизации и вульгаризации речевого общения, легализации сквернословия.

Эколингвистические проблемы наиболее ярко проявляются в речи молодого поколения, а именно жаргонизация и употребление иностранных слов. Так, А.П. Сковородников в своей работе «О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка» пишет о повышении числа варваризмов в речевом общении, употребление которых не мотивировано никакими психосоциальными причинами, а характеризуется исключительно таким фактором, как мода на все иностранное [Сковородников 2016, с. 207].

Для составления и анализа словника варваризмов был использован экспериментальный метод, который предполагал анкетирование по принципу ответа на вопрос «Какие иностранные слова Вы используете в бытовой коммуникации?» с обязательным указанием соответствующего синонима из русского языка. В эксперименте участвовали более 500 первокурсников Кубанского государственного аграрного университета. В результате был составлен словник, включающий около 150 слов-варваризмов, которые активно используются молодежью в неофициальной ситуации как устной, так и письменной коммуникации (смс, интернет-форумы и т.д.).

Говоря об использовании заимствований в молодежной среде, следует отметить, что речь идет не о тех словах, которые практически «обрусели» в русской языковой среде, несмотря на наличие русского эквивалента: *тренд*, *конверсия*, *консенсус*, *имидж*, *презентация*, *плюрализм*, *пилотный* и т.д., а о варваризмах, словах, не освоенных русским языком и нарушающих его чистоту.

Цель данного исследования – выявление и анализ грамматических и функциональных особенностей варваризмов в молодежном дискурсе, а также анализ психологических установок говорящих при использовании заимствований в коммуникации.

«Молодежный дискурс» понимается нами как речевые особенности молодого поколения, выделяемые по признакам общности возраста, отдельных социокультурных параметров субъектов коммуникации. В исследованиях лингвистов относительно молодежного дискурса [Касумова 2013, с. 20], отмечается, что функционирование в речи молодежи варваризмов, а также иных нестандартных по отношению к общепринятым языковым нормам средств языка, можно охарактеризовать как некий код информационного обмена, сигнализирующий о психо-социокультурных факторах коммуникации в молодежной среде.

Основными интенциями коммуникаторов для закодированности информации в молодежной среде выступают следующие: противопоставленность официальной речи; определенное тематическое пространство; коннотативный аспект; экспрессивность; экономия языковых средств.

Данные факторы равнозначны в функциональном аспекте как для жаргонной лексики, так и для заимствованной. И в том, и в другом случае, закодированная лексика молодежного дискурса – лингвистический феномен, который характеризуется набором условных слов и выражений, а также экспрессивно-стилистической окраской [Акимова 2011, с. 187].

По результатам анкетирования можно сделать вывод о функциональной мотивации использования варваризмов, к которым относим эмоционально-оценочную коннотацию для привлечения внимания, уход от клише, смягчение негативного восприятия, снижение пафосности высказывания, создание дружеского тона общения и т.д. [Федотова 2019, с. 154]. В соответствии с этим, можно определить основные цели функционирования варваризмов в молодежной коммуникации: экономия языковых средств, нестандартность общения, языковая мода, демонстрация владения определенной группой лексем и причастность к данной форме коммуникации. Таким образом, основными функциями варваризации молодежного дискурса являются номинативная и фатическая, которые превалируют над экспрессивной.

Кроме того, по мнению Л.П. Крысина, использование заимствованного слова (при наличии исконного) имеет больший социальный престиж, которое именуется как явление, которое может быть названо повышением в ранге: слово, которое в языке-источнике именуется обычным, рядовой объект, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному. Например, английское слово *shop* в русском языке имеет рамки функционирования, так как может использоваться в применении лишь к магазинам, который торгует престижными товарами, преимущественно западного производства. Обычный продавец никто шопом не назовет! [Крысин]. Хотя тенденции последнего времени отражают и иную позицию: «пошопиться» – просто пройти по магазинам.

С грамматической точки зрения, в качестве заимствований берутся лексемы, имеющие значения действия, признак какого-либо явления, результат определенного процесса.

1. Основную часть всех приведенных участниками эксперимента заимствований составляют глаголы, не имеющие никакой экспрессивной окраски, а лишь характеризующие то или иное действие: **чилить** (от англ. *chill* «расслабляться») – в молодежном дискурсе значение расширяется: «отдыхать, развлекаться, валяться в расслабленной позе, вести не обременяющие диалоги, тупить в интернете»; **войсить** (от англ. *voice* «голос») – отправлять голосовые сообщения в мессенджерах (иногда используется вариант «отправить войс (голосовое сообщение)»); **шеймить** (от англ. *shame* «стыд») – стыдить, позорить кого-либо; **байтить** (от англ. *bait* «приманка, заманивать») – первоначальное значение: копировать стиль исполнения у другого исполнителя; в настоящее время понимается как «спровоцировать на какое-либо действие»; **хайповать** (от англ. *hype* «шумиха») – поднимать шумиху, ажиотаж вокруг чего-то, подстегивая интерес к чему-либо; **флексить** (от англ. *flexible* «гибкий») – в молодежной речи значение изменилось на «хвастаться и выпендриваться, выставлять свои ценности напоказ»; **чекнуть** (от англ. *to check* «проверить») – помимо значения «проверить», активно используется для пользователей социальных сетей как «следить за фотографиями, постами и комментариями определенного профиля или проверить информацию»; **фолловить** (от англ. *to follow* «следовать») – также относится к пользователям социальных сетей и употребляется в значении «подписаться на кого-то в инстаграме или твиттере и следить за новостями которые связаны с этим человеком» и т.п. Сюда же относятся и популярные в последнее время такие заимствования, как *донатить*, *спавнить*,

оффнуться, триповать, дефать, рашить, скипать, рейджить, апать, агриться, гамать, тильтовать, скроллить и т.п.

Безусловно, большая часть лексики относится к интернет-жаргону, но часто используется с переосмыслением первоначального значения. Деривационный аспект данных глаголов представлен моделью, характерной для русского языка, а именно «основа англ. слова + ТЬ» с последующим применением всех форм изменения русского глагола: *чекни, чекнишь, чекну* и т.д.

2. Группа существительных представлена меньшим количеством. По тематике эта группа достаточно разнообразна: выражение отношения к себе, эмоции, деловые отношения, экономика, транспорт, путешествия и т.п. Анализ таких слов дает основание утверждать, что заимствуются они по причине того, что в русском языке нет короткого аналога, т.е. заимствованное слово переводится в русском языке набором фраз или целым предложением. Таким образом, экономия языковых средств – одна из главных причин заимствований в молодежном дискурсе. В качестве примера можно привести такие слова, как **краш** (от англ. *crush* «давить, раздавливать») – слово было заимствовано из фразы *to have a crush on somebody* «влюбиться в кого-то», соответственно **краш** приобрело значение «человек, который безумно нравится, объект желаний»; **вайб** (от англ. *vibe, vibration* «вибрация»; *good vibes* «позитивные вибрации») – эмоциональное состояние, возникающее при общении с кем-либо, контакте с чем-либо; атмосфера, настроение, создаваемое каким-либо местом; **олды** (от англ. *old* «старый») – используется для обозначения лиц старшего поколения или старых, вышедших из моды вещей; **лойс** (искаженное, насмешливое выражение от англ. *like* «нравится») – активно используется в социальных сетях; имеет альтернативные вариации написания слова: *лайс, лайз, лоис, лойз*; **фуду** (от англ. *foodie* «гурман») – в молодежной коммуникации употребляется в значении «человек, питающий особый интерес к еде и напиткам, считающий их более значимыми вещами, чем простое удовлетворение физических потребностей; также целое движение, активно набирающее свою популярность, своего рода субкультура, объединяющая людей, отличающихся от других в своем отношении к еде».

Этот список можно дополнить еще не менее 30 словами, которые стали популярными в молодежном дискурсе в последнее время: хейтер, фейл, драфт, кластер, флоат, майнинг, нейминг, лоукост, краудфандинг, нетворкинг, сквиши, подкаст, плампер, мист, аутфит, бельтбэг, дастер, скорт, тоут, фидбэк и др. Как видно из примеров, варваризмы затрагивают все сферы жизнедеятельности человека. Помимо языковой экономии, к не менее важной причине появления их в речи относятся новые виды деятельности в интернете, которые не имеют синонимов в русском языке и могут интерпретироваться только через многословное выражение; появление новой продукции в сфере косметологии, одежды, аксессуаров и т.п. Появление большинства рассмотренных слов оправдано, исходя именно из этой позиции.

3. Группа прилагательных – самая немногочисленная. Можно привести такие примеры, как **трушный** (от англ. *true* «настоящий») – используется в значении «правильный, настоящий, истинный»; **узи** (от англ. *easy* «легкий, простой, удобный») употребляется в аналогичном значении; **фейковый** (от англ. *fake* «фальшивка») – что-либо ложное, недостоверное, сфальсифицированное и т.д. Деривационный аспект представлен традиционными для русского языка моделями образования имен прилагательных, а именно «основа англ. слова + -ов- / -н-», т.е. все варваризмы проходят грамматическую адаптацию в соответствии с нормами русского литературного языка. В связи с тем, что данные варваризмы имеют аналогичные по значению синонимы в русском языке, можно предполагать, что употребление заимствований в молодежной коммуникации объясняется языковой модой, связанной с ориентацией на западные ценности, американизацией нашей жизни. В письменной коммуникации все представленные варваризмы передаются с помощью русской графики.

В результате анализа группы варваризмов, присутствующих в молодежном дискурсе, можно сформулировать следующие основные признаки данной лексики в аспекте психологических, грамматических и функциональных особенностей:

– варваризмы неоднородны по функциональной нагрузке; в зависимости от ситуации они могут выполнять номинативную, фатическую и экспрессивную функции, причем можно наблюдать превалирование одной функции над другой по результату коммуникативной установки;

– к основным интенциям говорящих можно отнести желание закодировать речь, эмоциональную окрашенность, экономию языковых средств и языковую моду, престиж иноязычного слова;

– с лексико-грамматической точки зрения, в качестве языка-источника используется английский язык и проявляется неоднородность по количественному параметру грамматической принадлежности: наиболее динамичной можно назвать группу глаголов, менее действуют существительные и прилагательные;

– процесс заимствования очень динамичен; большая часть представленной лексики заимствована в последние 3–4 года;

– в семантическом аспекте варваризмы представлены в двух позициях: дублирование русского синонима либо обозначение реалии, не имеющей русского эквивалента в виде отдельной лексемы; большая часть лексики перешла из компьютерной терминологии в бытовую сферу;

– все заимствования адаптируются по законам русского словообразования.

Таким образом, функционирование варваризмов в молодежном дискурсе есть отражение ментальности современного поколения. С точки зрения экологии языка, по утверждению Л.И. Скворцова, необходимо прививать широкой публике элементарную терпимость и уважение к правам ближнего [Скворцов 1988]. Не нужно входить в крайность: полностью отвергать либо принимать такое массовое увлечение заимствованиями молодежью. Во всем нужна мера. В русском языке соблюдается некая норма поглощения иностранных слов. Это естественный процесс. Стремление молодого поколения зашифровать свою речь проявлялось на всем протяжении развития русского языка. Другое дело, что раньше это были жаргонизмы, созданные в результате использования русской лексики (шнурки – родители). Американизация нашей жизни, рост интереса к изучению английского языка явились результатом огромного числа заимствований, которые активно используются в молодежном дискурсе. В лингвистике закрепилось терминологическое сочетание «инволюция в языке». Так, В.П. Даниленко в статье «Инволюция в языке: варваризация и вульгаризация» отмечает, что явление варваризации, как правило, связано с нестабильными периодами в жизни общества, и приводит точки зрения других лингвистов, которые единогласны в том, что создавшаяся современная иноязычная оккупация имеет корни в открытой ориентации на Запад в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки [Даниленко 2002]. Отсюда и огромный поток заимствований, так как в языке отражается сознание народа, которое, в свою очередь, формируется под воздействием социальных перемен в стране.

Литература

1. Акимова Т. И. Студенческий жаргон и словообразование. Явление лексической моды в студенческой среде // Вестник МГУП. 2011. № 6. С. 187–191.

2. Даниленко В. П. Инволюция в языке: варваризация и вульгаризация. 2002. URL: <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/varvar.htm>.

3. Касумова М. Ю., Касумов А. Х. Заимствованные жаргонизмы в молодежном дискурсе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovannye-zhargonizmy-v-molodyozhnom-diskurse>.

4. Копнина Г. А. Экология языка и экология речи как разделы эколлингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 78–86.

5. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб. : Златоуст, 1999. 320 с.

6. Крысин Л. П. Иноязычие в нашей речи – мода или необходимость. URL: <http://www.gramota.ru/index.html>.

7. Маслова В. А. Учение И. А. Бодуэна де Куртенэ о природе языка и его сущности // Вестник ТГГПУ. 2015. № 2 (40). С. 76–79.

8. Скворцов Л. И. Культура языка и экология слова // Русская речь. 1988. № 4. С. 3–9.

9. Сковородников А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск – Ачинск : Красноярский ун-т, 1996. С. 5–9.

10. Сковородников А. П. Экология русского языка : монография. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. 388 с.

11. Федотова Т. В. Психологические мотивы формирования прозвищ-жаргонизмов по гендерному принципу // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (136). С. 153–157.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Аннотация. В статье исследуется категория эвиденциальности и ее маркеры в русском языке на материале современных медиатекстов. Анализ эмпирического материала показывает, что эвиденциальность теснейшим образом связана с категорией модальности, поскольку тоже выражает отношение к высказыванию и к объективной действительности. Кроме этого, с ее помощью говорящий эксплицирует свое отношение к источнику информации не только грамматическими, но и лексическими средствами.

Ключевые слова: категория эвиденциальности, модусная информация, достоверность, авторизация, медиатекст

Permyakova T.N.
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia

REPRESENTATION OF THE CATEGORY OF EVIDENTIALITY IN MODERN MEDIA TEXTS

Abstract. The article examines the category of evidentiality and its markers in the Russian language based on the material of modern media texts. The analysis of empirical material shows that evidentiality is closely connected with the category of modality, since it also expresses an attitude to the utterance and to objective reality. In addition, with its help, the speaker explicates his attitude to the source of information not only by grammatical, but also by lexical means.

Keywords: category of evidentiality, modus information, reliability, authorization, media text

Категория эвиденциальности (от англ. *evidentiality*) стала объектом пристального внимания лингвистов сравнительно недавно. Такой исследовательский интерес к данной категории не случаен, поскольку, являясь важным параметром коммуникации, она связана как с источником информации, так и со способами его представления.

Заметим, что среди исследователей вопрос о выделении категории эвиденциальности в русском языке остается спорным не только потому, что она представлена далеко не во всех языках мира, но еще и потому, что репертуар способов репрезентации этой категории очень разнообразен и часто пересекается с другими категориями и явлениями языка.

Развитие «особой концептуальной основы» категории эвиденциальности, по мнению О.А. Кобриной, обусловлено функциональным предназначением самого языка: все сказанное определяется наличием источника и адресованности кому-то [Кобрина 2005, с. 87–88]. Эвиденциальность относится к числу тех категорий, которые при описании объективной реальности выражают некое субъективное начало с помощью разных языковых средств.

Напомним, эвиденциальность – особая лингвистическая категория, используя средства которой говорящий, в том числе и журналист, в описании события определяет свою роль: либо непосредственного свидетеля, либо передатчика чужой информации. С помощью такой информации журналист может грамотно воздействовать на массы.

Н.А. Козинцева, опираясь на работы Р.О. Якобсона, одна из первых обратилась к проблемам типологического анализа эвиденциальности, разделив ее на: а) прямую засвидетельствованность – говорящий сообщает о событии, основываясь на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти); б) косвенную засвидетельствованность – говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо лица, на снах (сведения, получаемые путем откровения), на догадках (предположительные сведения) [Козинцева 1994].

На наш взгляд, именно журналистские тексты лучшим образом позволяют рассмотреть, пронаблюдать активное функционирование средств выражения категории эвиденциальности. Прагматический потенциал такого текста раскрывается благодаря модальной, оценочной и эмоциональной информации, содержащейся в нем. Функции публицистического текста, как известно, заключаются в информировании и воздействии на читателя, для чего автором ставится определенная цель и выбираются соответствующие стратегии ее достижения. Выбор языковых средств для реализации эвиденциального значения в высказывании

зависит от уверенности автора в достоверности информации, которую он сообщает. Это позволяет выделить следующие типы достоверности: простую, проблематичную и категоричную достоверность.

Основываясь на изложенных выше положениях, мы обратимся к анализу фрагментов журналистских текстов, в которых реализуется категория эвиденциальности. В ее основе лежит бинарная оппозиция свое / чужое (личный опыт / цитируемый источник информации), которая обуславливает существование модусов прямой и косвенной эвиденциальности.

Например: *Редактор нашей рубрики «Идеи» Максим Трудолюбов рассказывает, как из привилегии гражданство превратилось в инструмент манипуляций, который явно нуждается в замене* («Meduza», 31 января 2022).

В данном примере реализуется прямая эвиденциальность, в которой источником информации выступает личный авторский опыт, основанный на умозаклчениях. В данном фрагменте сочетание *Максим Трудолюбов рассказывает* маркирует не только категорию эвиденциальности, но и такие модусные категории, как авторизация и достоверность. Автор текста на какой-то момент проявляет себя, используя местоимение *наша* (рубрика), и в то же время дистанцируется от сообщаемой информации, обозначая «источник рассказа»; уверенность в достоверности высказывания обеспечивается здесь самим именем собственным (оно известно в журналистских кругах) – *Максим Трудолюбов* – и должностью, занимаемой данным лицом.

Контексты, когда журналист ссылается на собственные сведения, не являются частотным в нашей выборке, однако эти примеры интересны тем, что здесь категория эвиденциальности является достаточно очевидной, например: *Как мы помним, при замене дельты на омикрон в нашем городе, где заболели все невакцинированные люди, в больницу попадают только 30 человек* («Meduza», 17 февраля 2022).

В данном примере мы наблюдаем прямую засвидетельствованность (по Н.А. Козинцевой), иными словами, говорящий сообщает о событии, основываясь на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти). При этом достоверность высказывания, которая выражает уверенность адресанта в сообщаемом, поддерживается формой глагола *помним* (настоящее время несовершенного вида). Также употребление личного местоимения *мы* выражает категорию авторизации, с одной стороны, а с другой, – большую уверенность адресанта в предоставленной информации, то есть автор подчеркивает достоверность вовлечением читателя в описываемую реальность.

Чаще всего журналистом в материалах описывается то, что происходит и говорится за пределами проведенного им эксперимента или личного опыта, поэтому в большей части статей используется именно косвенная засвидетельствованность: *Пресс-служба Центрального района заявила, что учительницу «никто не вынуждал, не увольнял, и тем более не запрещал Хармса и Введенского»* («Meduza», 8 февраля 2022).

Типичный пример эвиденциальности, характерный для текстов СМИ, где журналист ссылается на источник, тем самым делает акцент не на самом факте сообщения, а на точности источника, сообщающем информацию. Часто в косвенной эвиденциальности используется цитирование или же пересказывание с цитированием, а также используются такие лексемы, как *заявила, сообщают, подчеркнули, рассказали*.

В современных медиатекстах журналист отражает свое участие в ситуации, которая послужила поводом для создания текста, с помощью средств выражения эвиденциальности (часто используются зрительные/слуховые предикаты – глаголы физического действия, вводящие актуальные сообщения), при этом не используя напрямую свое личное мнение, которое может вызвать негативную реакцию читателей.

Категория, рассматриваемая в работе, действительно помогает журналисту частично снимать с себя ответственность за достоверность информации посредством указания на источник полученных данных, а вот уже прямое указание позволяет оценить правдивость сообщения в зависимости от уровня ответственности источника.

Рассмотрим еще примеры. Часто в своих текстах журналист выступает наблюдателем определенных событий, после чего устанавливает определенную связь между ними, что и будет являться сообщаемым фактом. Говорящий может выступать как непосредственный наблюдатель, так и выдавать информацию, основываясь на логических умозаклчениях. В речи такие конструкции реализуются с помощью лексических единиц, передающих мыслительную деятельность человека. Лексика, отражающая интеллектуальную деятельность

человека достаточно разнообразна, особое место в ней занимают глаголы: *думать, помнить* и подобные. Например: «**Думаю**, что мы еще не раз увидим такие сценарии: в голову приходит тот же [сын продюсера Яны Рудковской] Гном Гномыч, который еще не пошел в школу, но уже стал мемом. Или самая популярная тиктокерша США Чарли Д'Амелио, которая открыто говорит о серьезных проблемах с психическим здоровьем, но ее родители продолжают снимать об этом шоу», – **рассуждает** культуролог Екатерина Колпинец» («Meduza», 7 января 2022).

В данном примере реализуется сразу три уровня маркирования категории эвиденциальности. Во-первых, журналист использует цитирование, закавычивая речь героя для того, чтобы информация выглядела более достоверной и убедительной благодаря речи третьего лица или участника самой ситуации. Во-вторых, глагол мыслительной деятельности *думаю*, относящийся к категории инференциальности указывает на то, что герой не был участником событий и лично не наблюдал за ними, но он строит умозаключения, основываясь на результатах ситуации. И третьим уровнем выступает глагол *рассуждает* в конце цитирования, обозначающий факт сообщения. Он еще раз подчеркивает, что журналист передает чужую речь, так как все вышесказанные умозаключения относятся не к его личным выводам, а отсылают к конкретному лицу. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что с точки зрения говорящего эту информацию можно оценить как неполную, но субъективно достоверную.

Еще одной из форм выражения эвиденциальности является выражение презумптивного значения. Показатель одного из источников информации, когда говорящий судит о ситуации на основании логических соображений общего характера. Презумптив отображает пересказывательность, то есть передает чужую речь. Чаще всего данная категория имеет семантику предположения и вероятности, а также такие формы могут использоваться для передачи повеления:

– *Подавленного Путина, который уже было собирался даже начать подрабатывать извозом, утешил его друг Алексей Кудрин. Он тоже работал у Собчака заместителем, но к тому времени устроился в Москве главой Контрольного управления президента. «Приезжай, говорит, посмотрим, что можно сделать, одну должность ликвидировали, но не все же», – рассказывал Путин в книге «От первого лица», вышедшей зимой 2000 года. Путин приехал. И узнал, что есть должность начальника управления по связям с общественностью, ее и предложил ему Чубайс* («Meduza», 20 октября 2021).

В данном примере реализуется цитирование высказывания со значением пересказывательности, в данном случае оно сопряжено со значением целесообразности повеления – это характеризуется конструкцией: «*Приезжай, посмотрим*». Слова автора после «повелительной» конструкции указывают на то, что речь в первой части ведется от другого лица, а также глагол *говорит* усиливает презумптивное значение.

Помимо косвенной засвидетельствованности, показатели эвиденциальности могут маркировать неожиданность ситуации для говорящего. Эта категория, входящая в состав эвиденциальности, имеет значение модальности, так как выражает эпистемическую оценку, а именно противоречие ожиданиям говорящего. Она не указывает на источник информации, но выражает значение удивления и используется посредством интонации:

Женщине пришлось обращаться за помощью лично к Яровой. «С ней даже не захотели разговаривать, и ответственности у них никакой нет. Человек должен был прийти до Москвы, чтобы решить этот вопрос. И когда я пригласила к разговору уже министров всех региональных и представителя «Камчатсккоммунэнерго», оказывается, все можно же делать. Можно идти людям навстречу», – посетовала она (НКРЯ).

Данная категория демонстрирует чувственное восприятие ситуации. Журналист передает речь интервьюируемого, в которой отражается выражение удивления по поводу неожиданного обнаружения факта, имеющего место в момент речи, и даже некоторой иронии. По мнению Е.В. Падучевой, использование вводного *оказывается* в подобных контекстах обозначает изменение состояния и предполагает не одного субъекта, а, возможно, двух. Возникает основа для сложной интерференции «голосов» [Падучева 2014, с. 532]. В нашем примере говорящий (Яровая) является и субъектом нового знания, и субъектом удивления. Кроме этого лица, в ситуацию может входить и другое лицо, являющееся источником сведений-знаний, поскольку узнают информацию чаще всего от кого-то. В данном случае источник информации находится «за кадром». Автор же текста в данном случае, используя прямую речь и четко обозначая ее автора, как бы «самоустраняется».

Таким образом, проведя небольшой анализ показателей категории эвиденциальности в текстах СМИ, мы еще раз убедились в том, что она не только указывает на источник исходящей информации, но и передает дополнительные сведения о цели высказывания, его мотивах и, отчасти, дает характеристику описываемой ситуации. Наш эмпирический материал показал, что данная категория теснейшим образом связана с такими модальными категориями, как авторизация и достоверность, что сближает ее с категорией модальности, поскольку, повторим, выражает отношение к высказыванию и к объективной действительности. Общность этих категорий проявляется и в разнообразии форм выражения, и в отсутствии четких границ, и в возможности имплицитного или эксплицитного выражения в высказывании.

Литература

1. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1 (004). С. 87–88.
2. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
3. Падучева Е. В. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, № 3.

Петросян М.С.
*Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия*

АКСИОЛОГИЯ БИБЛЕИЗМОВ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. В статье изучается ценностный аспект библеизмов в медицинской терминологии, рассматривается влияние Библии на медицинскую терминологию и на основные принципы врачевания на всем протяжении истории христианства.

Ключевые слова: Библия, библеизмы, медицина, медицинская терминология, аксиология

Petrosyan M.S.
Kuban State University, Krasnodar, Russia

AXIOLOGY OF BIBLICAL EXPRESSIONS IN MEDICAL TERMINOLOGY

Abstract. The article examines the axiological aspect of biblical expressions in medical terminology, discusses the influence of the Bible on medical terminology and on the basic principles of healing throughout the history of Christianity.

Keywords: Bible, biblical expressions, medicine, medical terminology, axiology

На протяжении столетий к Библии обращаются не только религиозные деятели, но и художники, писатели, ученые, архитекторы и представители других сфер человеческой деятельности. Библия оказала влияние на становление медицины, на формирование медицинской терминологии. Это и неудивительно, поскольку история медицины тесно связана с Библией и монастырями, научными центрами средних веков, где развивалось научное знание. Первую большую христианскую больницу построил Василий Великий в Кесарии в 370 году. Идея изоляции прокаженных от общества и методах их лечения принадлежит монахам ордена святого Лазаря. Первые приюты для душевнобольных стали появляться при христианских монастырях в Византии в IV в. Очки изобрел монах Джордано да Риальто, хранитель библиотеки доминиканцев (XIII век). Первую в России книгу по научной анатомии перевел монах Чудова монастыря Епифаний Славинецкий.

Таким образом, становится очевидным влияние Библии, библеизмов на формирование медицинской терминологии. В процессе обсуждения профессиональных вопросов, ученые, как правило, оперируют устоявшимися в науке понятиями, обозначаемыми специальными словами, т.е. терминами. В том случае, когда медицине не хватало диагностических инструментов для исследования и окончательного определения основных причин многих заболеваний, использование библеизмов, также как и мифонимов, давало врачам краткую метку

для ряда симптомов по сравнению с каталогизацией многочисленных системных особенностей, которые характеризовали пациента.

Библеизм, по определению О.С. Ахмановой, – «библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык» [Ахманова 1966, с. 64]. В Национальной социологической энциклопедии библеизм толкуется, как «библейское слово или выражение, вошедшее в ряд языков. Вид языковых интернационализмов» [Осипов 1998, с. 34].

Библеизмы представлены в медицинской терминологии как отдельными словами, словосочетаниями, так и в виде фразеологизмов. Среди фразеологизмов выделяются, образованные от имен библейских персонажей или географических названий; фразеологические сочетания, отражавшие реалии библейского сюжета, а также цитаты из проповедей Христа.

Для данного исследования использовался материал Библии, медицинских энциклопедий, словарей: «Краткий словарь библейских фразеологизмов», «Словарь медицинских терминов», «Справочник практического врача» и т.д.

Приведем ряд патологий, названных в честь библейских персонажей.

Синдром Агасфера. Агасфер – персонаж Библии, мимо дома которого нес свой крест Иисус. Он попросил ремесленника прислониться к стене, чтобы немного отдохнуть. Опасаясь наказания, он отказал Иисусу. За этот поступок, согласно легенде, сам он скитается теперь по свету. Говорят, до второго пришествия он так и не сможет найти себе покой. В психиатрии и наркологии этот синдром обозначает пациентов, которые скитаются по аптекам и больницам, выпрашивая всеми правдами и неправдами лекарства: наркотические, спирто-содержащие, болеутоляющие.

Парадокс Соломона. Термин «парадокс Соломона» появился в исследовании ученого Итана Кросса, профессора психологии из Мичиганского университета. Он обозначает ситуацию, когда человек может давать мудрые и эффективные советы другим людям, но сам в критические моменты не может абстрагироваться, дать себе самому совет и последовать ему. Можно часто услышать словосочетание «*соломоново решение*», ставшее крылатым выражением. Из глубины веков до наших дней дошел образ царя Соломона как персонажа множества легенд и притч. Во всех сказаниях он выступает как мудрейший из людей и справедливый судья, прославившийся своим хитроумием. Однако о парадоксе Соломона немногие знают. Вот в справедливости этого выражения сомневаться не приходится. Когда дело касалось самого царя, то мудрость покидала его. О том, что кольцо не работало, говорит череда недаленовидных решений, которые привели к распаду царства: сотни налогов, хвастовство своим богатством, пренебрежение воспитанием сына (который в дальнейшем стал тираном), расточительство государственной казны.

Комплекс Каина (по имени старшего сына Адама и Евы, убившего своего брата Авеля из зависти) – это совокупность враждебных эмоций, основанных на зависти брата к брату. В психоанализе данный комплекс рассматривается как результат обделенности одного из детей, в отличие от других, родительской любовью. Также может являться причиной возникновения неврозов.

Имя *Лазарь* не единожды упоминается в медицине. Например, *лазарет* – больница для бедных, больных проказой. Произошло от имени Лазаря, прокаженного нищего в евангельской притче. Святой Лазарь считался защитником прокаженных. Собственно имя *Lazzaro* «Лазарь» обозначает «бог помог». *Воскресение Лазаря* означает выздоровление после тяжелой болезни. *Сказав это, он (Иисус) воззвал громким голосом: "Лазарь! Иди вон" (Евангелие от Иоанна 11 стих). И вышел умерший (на пятый день после смерти).*

Как видим из вышеперечисленных примеров, в медицинской терминологии активно использовались ценности, ценностные смыслы, которые вырабатывались под влиянием Библии, библейских персонажей, библейских сказаний. Погружение в аксиологический контекст медицинского дискурса, а именно библеизмов, позволяет выявить и позитивный, и негативный характер библеизмов. Недаленовидность в случае Соломона, злоба и зависть в случае Каина, доброта, желание помочь в случае Лазаря – это важные понятия в жизни любого общества.

В самом начале XX века Эрнест Джонс, основатель британского психоаналитического общества и биограф Зигмунда Фрейда описал в своей работе «Очерки прикладного психоанализа» такое явление, как «комплекс Бога» – крайнюю степень нарциссической патологии у психотически организованной личности. Завышенная самооценка, мания величия, нарциссизм – все эти характеристики применимы к этому синдрому. И в данном примере можем заметить аксиологический заряд.

В медицинской терминологии также можно встретить термин *херувизм* – редкое генетическое заболевание, вызывающее дефект нижней части лица в виде симметричного утолщения нижней челюсти или обеих челюстей, при котором лицо округляется и становится похожим на изображение херувима (*Херувим* – упоминаемое в Библии крылатое небесное существо, является самыми близкими к Богу).

Поясним, что не только Бог, имена ярких библейских персонажей, великомучеников увековечены в названиях различных болезней. Названия христианских святых тоже нашли свое место в медицинских энциклопедиях. Например, **Иерусалимский синдром** – относительно редкое психическое расстройство, вид бреда величия и бреда мессианства, при котором турист или паломник, находящийся в Иерусалиме, воображает и чувствует, что он владеет божественными и пророческими силами и как будто является воплощением определенного библейского героя, на которого возложена пророческая миссия по спасению мира. Данное явление считается психозом и ведет к госпитализации в психиатрическую больницу. Особенностью этого синдрома является то, что туристы или паломники, страдающие им, проделывают долгий путь через весь мир до Иерусалима, и когда добираются до него, начинают вести себя на городских площадях и святых местах так, словно обладают божественными или пророческими силами. Театральность, характеризующая их поведение, привлекает внимание окружающих. Иногда их поведение доходит до крайностей и представляет опасность для них самих или окружающих, так что появляется необходимость в насильственной госпитализации, пока не минует период опасности их поведения. Среди страдающих от этого синдрома наблюдались как иудеи, так и христиане, у которых долгожданная встреча со святыми для них местами (например, исторические места присутствия Иисуса Христа, Храм Гроба Господня или Стена Плача) вызывает значительное ухудшение состояния. Христианско-православные же Церкви считают этот синдром разновидностью духовной прелести.

Комплекс Бога (Теомания) – когда больным свойственна мания величия. На ее фоне могут развиваться серьезные психические отклонения. Человек ощущает себя реальным божеством, повелителем судеб. Он сам Бог, реже его посланник. Это редкое психическое заболевание, которое тяжело поддается лечению. Зачастую оно проявляется на фоне других ментальных заболеваний.

Библейские фразеологизмы прочно вошли в нашу жизнь. Сегодня в русском языке встречается более 200 устойчивых выражений, которые связаны с текстом священной книги христиан.

Фразеологизмы нашли свое место и в речи медиков, делая ее более яркой и выразительной, а порой более деликатной и щадящей.

Выражение *“Язык мудрых – врачует”* – это известная медицинская поговорка, взятая из Священного писания. Сейчас вероятнее услышать *“Слово лечит”*, что еще раз подтверждает факт влияния Библии на врачебную этику.

Живого (целого) места нет – нет цельного, здорового, нетронутого. В Библии: *«Нет целого места в плоти моей от гнева Твоего»* (Псалом 37). *Здоровье дороже денег*. В Библии мы находим: *“Здоровье и благосостояние тела дороже всякого золота и крепкое тело лучше несметного богатства”* (Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова, глава 30 стих 15).

Помни последняя твоя. Смысл данного изречения в том, что жизнь не вечна. Библия гласит: *«Во всех делах твоих помни последняя твоя и вовек не согрешишь»* (Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, Глава 7, стих 39). Здесь же можно обратиться к латинскому афоризму, который знают все студенты – медики: *momento mori* – помни о смерти. Выдающийся хирург Н. И. Пирогов говорил: *«Будущее принадлежит медицине профилактической»*. Подобная мысль отражена и в Библии *“Прежде болезни заботься о себе”* (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова глава 18, стих 18). Но в этом вопросе справедливо упомянуть о Гиппократе. **Гиппократ** (около 460 года до н. э., остров Кос – около 370 года до н. э., Ларисса) – древнегреческий целитель, врач и философ, он вошел в историю как «отец медицины». Именно он завещал: *«Болезнь легче предупредить, чем лечить»*. Это доказывает, что в вопросах профилактики испокон веков все придерживались единого мнения. Вот еще один пример того, что основные принципы профилактической медицины были заложены тысячелетия назад и в полной мере, возможно, наивным языком, описаны.

Приведем указания о медицинской диете и ее влияние на здоровье: *“Сын мой, в продолжение жизни испытывай твою душу и наблюдай, что для нее вредно, и не давай ей*

того: ибо не все полезно для всех, и не всякая душа ко всему расположена. Не пресыщайся всякою сластью и не бросайся на разные снеди, ибо от многоядения бывают болезнь, и пресыщение доводит до холеры; от пресыщения многие умерли, а воздержный прибавит себе жизни". (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова глава 37, стих 30).

Изучая историю медицины, студенты-медики часто читают о болезнях, которыми страдали именно богатые слои населения, или люди, страдающие чревоугодием. Бедным врачам средневековья, не имевшим достаточно знаний и умений, приходилось принимать любые меры, чтобы облегчить состояние пациента. Или в современном мире, где наблюдается неуклонный рост определенных заболеваний, иногда достаточно соблюдать диету и проявлять умеренность в еде. Все это просто и доступно было описано много веков назад.

Итак, некоторые библеизмы, используемые в медицинской терминологии, отражают наивную картину мира людей, живших до нас. Не обладая ни опытом, ни достаточным количеством знаний, люди умело выстраивали ассоциативный ряд, основываясь на доступных им ресурсах. Библеизмы, в целом, привносят в медицину яркие цвета, имеют большую культурную ценность и вносят весомый вклад в разностороннее развитие студентов-медиков и практикующих врачей.

Стоит подчеркнуть, что большая часть представленных библеизмов используется в психиатрии, наркологии и неврологии. Этот факт дает основание полагать, что здесь предпринимаются попытки избежать режущих слух названий и, следовательно, поберечь чувства пациентов и их близких.

Также анализ библеизмов показал, что есть понятия, которые не подвластны времени, лидерам, доктринам. Уважение к своему организму, поддержание в чистоте и порядке свои мысли и тело, понимание, что жизнь наша не вечна (латинский афоризм *momento mori* – помни о смерти; слова из Библии – *помни последняя твоя*) делает эту самую жизнь более наполненной и качественной.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская Энциклопедия, 1966.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М. : Эксмо, 2018.
3. Винс П. Большой атлас анатомии человека. М. : Астрель, 2006.
4. Кочедыков Л. Г. Краткий словарь библейских фразеологизмов: Ульяновск : Ульяновский дом печати, 2006.
5. Левин О. С., Штульман Д. Р. Неврология. Справочник практического врача. М. : МЕДпресс-информ, 2016.
6. Молотков А. И. Фразеологический словарь. М. : Русский язык, 1986.
7. Скоромец А. А., Скоромец Т. А., Скоромец А. П. Топическая диагностика заболеваний нервной системы. М. : МЕДпресс-информ, 2017.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА, ИЛИ О ПЕРЕВОДЧЕСКОМ СТИЛЕ И ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

Аннотация. Данная статья представляет собой исследование и сопоставительный анализ переводов стихотворения Уильяма Блейка «Тигр» Константином Дмитриевичем Бальмонтом и Самуилом Яковлевичем Маршаком. В статье рассматривается влияние личности переводчика на перевод художественного произведения, исследуются ритмико-интонационные и лексические особенности переводов стихотворений английского поэта на русский язык, а также отражение личности переводчика в переводе произведений. В качестве объекта исследования выступают два перевода, созданные в разное время в России в XX веке. В статье показаны специальные переводческие приемы, позволяющие преодолеть трудности перевода текстов с метафорическим способом выражения содержания. На основании сопоставительного анализа оригинальных и переводных текстов авторами проводится типологизация этих приемов. Логически обоснованы мотивированность и эффективность использования рассматриваемых приемов. Целью данной работы является рассмотрение роли переводчика и анализ особенностей его работы с художественными текстами. В ходе работы была сделана попытка анализа основных требований к переводу художественного текста, обобщены мнения лингвистов, касающихся верности оригиналу художественного перевода и творческой свободы. Используемые методы: герменевтический, интертекстуальный и метод символической интерпретации. Цель статьи – освещение сложного процесса обучения основам литературного перевода, что требует от преподавателя владения соответствующей методикой. Студентам следует не только знать историю литературы, культуры и традиций страны изучаемого языка, но и освоить принципы воссоздания иноязычного литературного произведения на родном языке. На примере художественного перевода с английского языка на русский в статье разъяснены некоторые важные аспекты данного процесса. Материалы статьи могут использоваться на практике как преподаватели, так и переводчики.

Ключевые слова: перевод поэтический и стихотворный, переводчик, интерпретация, межкультурная коммуникация

Popova A.Yu., Smolina N.G.
Secondary school № 59, Astrakhan, Russia

TRANSLATION DIFFICULTIES, OR ABOUT THE TRANSLATOR'S TRANSLATION STYLE AND PERSONALITY

Abstract. This article is a study and comparative analysis of translations of William Blake's poem "Tiger" by Konstantin Dmitrievich Balmont and Samuil Yakovlevich Marshak. The article examines the influence of the translator's personality on the translation of a work of art, examines the rhythmic-intonation and lexical features of translations of the English poet's poems into Russian, as well as the reflection of the translator's personality in the translation of works. The object of the study are two translations created at different times in Russia in the 20th century. The article shows special translation techniques that allow overcoming the difficulties of translating texts with a metaphorical way of expressing content. On the basis of a comparative analysis of the original and translated texts, the authors carry out a typology of these techniques. The motivation and effectiveness of the use of the methods under consideration are logically substantiated. The purpose of this work is to consider the role translator and analysis of the features of his work with literary texts. In the course of the work, an attempt was made to analyze the main requirements for the translation of a literary text, opinions are summarized linguists regarding fidelity to the original literary translation and creative freedom. Methods used: hermeneutic, intertextual and symbolic interpretation. The purpose of the article is to highlight the complex process of teaching the basics of literary translation, which requires the teacher to master the appropriate methodology. Students should not only know the history of literature, culture and traditions of the country of the language being studied, but also master the principles of recreating a foreign-language literary work in their native language. On the example of literary translation from English into Russian, the article explains some important aspects of this process. The materials of the article can be used in practice by both teachers and translators.

Keywords: poetic and poetic translation, translator, interpretation, intercultural communication

Мы живем в удивительное время практически полного растворения барьеров и границ, еще недавно делающих проблему коммуникации среди жителей разных стран трудноразрешимой. Если XX век – век скоростей, в том числе и космических – позволил с легкостью перемещаться из одной точки земного шара в другую, то век XXI положил начало поистине безграничному общению. Стирая посредством электронных устройств (гаджетов) языковые преграды, современный нам мир приобретает все новые и новые оттенки межнационального общения.

Однако еще каких-то сто лет назад единственным доступным средством познакомиться с зарубежной литературой был перевод с оригинального языка на язык переводчика. В самом деле, Шекспир и Дюма, Драйзер и Байрон разговаривают с нами голосами Бориса Пастернака, Иннокентия Анненского, Татьяны Щепкиной-Куперник и многих других. И тут вполне резонно возникает вопрос: а сколько в авторском переводе непосредственно Автора и какова доля личности переводчика? Что есть перевод: калька с оригинала или вполне самостоятельное литературное произведение? Где проходит столь тонкая грань между своими и чужими мыслями, опытом, чувствами? И почему даже сейчас, когда электронный переводчик за считанные секунды переведет оригинальный текст на любой язык мира, мы все-таки используем его для обмена прозаическими сообщениями, не требующими двойного толкования. И, что греха таить, не всегда и этим самым облегченным переводом бываем довольны, и даже сознательно упрощаем исходный текст, избегая изобразительно-выразительных средств, излишней экспрессии и сложных синтаксических конструкций.

Это исследование посвящено влиянию личности переводчика поэтических текстов на получившееся литературное произведение, а также о том, почему и в XXI веке эта профессия не просто остается востребованной, а по-прежнему требует определенных лингвистических способностей и даже литературного таланта.

Лингвисты различают следующие виды переводов стихотворений: 1) прозаический; 2) поэтический; 3) стихотворный.

И именно стихотворный перевод наиболее полно отражает авторский стиль и позицию. Поэтому при переводе стихотворения переводчику необходимо, прежде всего, проанализировать стихотворение-оригинал, а именно: определить размер стихосложения, рифму, клаузулы, наличие тропов и возможные варианты их адекватного перевода.

Рассмотрим это на примере стихотворения Уильяма Блейка «Тигр», оно состоит из шести строф, в каждой из которых четыре стиха, написанных четырехстопным хореем, соблюдается правило альтернанса – попеременного чередования стихов. Каждая строка завершается мужской клаузулой, то есть ударным слогом. Особую сложность при переводе данного стихотворения составила образность языка Вильяма Блейка, которая не может получить однозначной трактовки и является одной из отличительных черт романтической поэзии той эпохи. Даже само название, такое определяющее, на первый взгляд, не может быть понято однозначно.

Это стихотворение Блейка переводили К. Бальмонт и С. Маршак. Проведенный анализ переводов показал, что К. Бальмонт практически полностью сохранил структуру исходного текста, но достаточно вольно отнесся к основной идее произведения.

Перевод Константина Дмитриевича Бальмонта был сделан в 1900 году. Бальмонт – поэт-символист, и в начале XX века у него было громкое имя маститого и плодовитого переводчика. Однако в обращении с переводимыми им поэтами Бальмонт нередко бывал своен волен до крайности.

Английская поэзия была близка Бальмонту, однако он никогда не стремился к дословности, передавая в своих переводах прежде всего дух подлинника сквозь призму собственного восприятия. Более того, Бальмонт не стеснялся сравнивать перевод с подлинником, считая, что он может получиться даже лучше оригинала. На этих принципах и строится его версия «Тигра». Особенно это заметно в частично измененных третьем и четвертом четверостишиях, растянутом вдвое пятом и вырезанном абсолютно шестом (возможно, его краткая интерпретация вошла в состав третьего), следовательно, здесь мы имеем дело не столько с попыткой передачи индивидуального видения Блейка, сколько его слияния с видением Бальмонта. Исходя из этого, имеет смысл оценивать лишь, насколько удачно Бальмонт сохранил мысли Блейка в их, если можно так выразиться, совместном произведении.

На наш взгляд, перевод Бальмонта не соответствует в полной мере замыслу оригинала. Несмотря на внесенные им изменения, бальмонтковский Тигр олицетворяет те же страх

и огонь, стихию, умышленно воплощенную творцом в живом существе. Но остался ли прежним сам творец?

А вот перевод «Тигра» от Самуила Яковлевича Маршака занял в сознании русских читателей прочное и долговечное место. Он был выполнен в 1915 году – в самом начале его полувекового творческого пути – вслед за К. Бальмонтом.

Начав стихами великого английского поэта свою переводческую деятельность, Маршак не прекращал работу над ними до последних дней жизни. Блейк Маршака и поныне остается событием. Маршак равно далек как от слепого копирования, так и от стремления навязывать читателям «свою собственную особу».

«Настоящий художественный перевод» он сравнивает «не с фотографией, а с портретом, сделанным рукой художника». [Лозинский 1997, с. 92]. Целостное восприятие оригинала и последовательное воспроизведение его индивидуальных примет, пропущенное через осветляющую линзу классической традиции, – вот главная черта метода Маршака, давшая столь долгую жизнь лучшим его переводам. Следует сказать, что Маршак явился одновременно и первым критиком переводов Блейка на русский язык, прежде всего приведенного ранее перевода Бальмонта, как раз за его умышленное несоответствие оригиналу.

Сравнивая переводы Бальмонта и Маршака, мы коснулись и таких аспектов, как:

1. Трактовка образов Тигра, Творца и Агнца.
2. Семантические, синтаксические и лексические отличия в английском и русском языках.
3. Рифма, ритм, размер и структура оригинала и переводов.
4. Авторский подход к замыслу Блейка.
5. Обращение к фольклорным традициям русской литературы.
6. Использование при переводе приема аллитерации.
7. Изобразительно-выразительные средства, предпочитаемые каждым переводчиком.

Мы пришли к выводу, что перевод Маршака наиболее точный к воплощению замысла Блейка, хотя русский переводчик несколько изменил структуру оригинала.

Подведем итоги. Наиболее ранний перевод Бальмонта грешит вольностями, способными извратить для неискушенного читателя изначальный замысел стихотворения. Альтернативой выступает перевод Маршака: в нем почти в равной степени филигранное следование букве оригинала при переносе с одного языка на другой. Максимально предпочтительные варианты при знакомстве с Блейком без знания английского.

Хочется отметить, что, несмотря на порой диаметрально противоположную расстановку акцентов, каждый вариант перевода строен и в отрыве от оригинала воспринимается самостоятельным осмысленным произведением, легко и приятно читаемым.

Говоря упрощенно, если сам Блейк – романтик, то у Бальмонта он вылитый символист, а у Маршака – действительно классик. И все-таки – стопроцентный Блейк в беспримесно чистом виде существует только на английском языке, и каждый новый перевод – всего лишь бесконечное приближение к оригиналу.

Всякий перевод – это некое подобие подлинника. И степень его истинности при переводе зависит от степени свободы, которой руководствуется переводчик. Оригиналу сковывает свободу переводчика. Воспроизводя оригинал в рамках диктуемых им границ, переводчик создает свой текст; чем больше свободы берет переводчик, тем превратнее представление, которое получает об оригинале читатель.

Перевод представляет собой САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ произведение, своеобразный анализ оригинала и попытка «преломить» оригинал через призму другого языка. Полностью идеальный перевод невозможен, и разные переводчики, имея дело с одним и тем же стихотворением, получают разные переводы, на разном акцентируют внимание, по-разному воспринимают и доносят до читателя и свое субъективное виденье.

Но удалось ли Маршаку и Бальмонту достигнуть перевода, эквивалентного оригиналу? Что бы мы ни говорили об адекватном переводе, т.е. о переводе, который максимально полно и без искажений воссоздает оригинал на языке перевода, оригинал – это оригинал, а перевод – это перевод.

Каждый перевод уже есть истолкование. Даже помимо воли и желания самого переводчика неизбежно совершается отбор тех или иных черт оригинала, реконструируемого средствами другого языка по диктатам равноправной творческой личности. Литературный, а тем более стихотворный перевод – несомненно, творческий процесс, не подвластный даже самым современным электронным устройствам. И, конечно же, каждый переводчик – это СОАВТОР.

Литература

1. Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. М. : Прогресс, 2001. С. 361–372.
2. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность. URL: http://samlib.siwatcher.ru/w/wagarow_a_s/poetic-transl.shtml.
3. Павлова А. А. Сравнительное источниковедение: выбор размера перевода поэтического произведения // Источники гуманитарного поиска: новое в традиционном. Белгород : Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2002. С. 65–70.
4. Лозинский М. Л. Искусство стихотворного перевода. Перевод – средство взаимного сближения народов. М. : Прогресс, 1997. С. 91–106.
5. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан : Кордис, 2007.
6. Galignani A. The complete works of Lord Byron. Literary Resource Center, 2007.
7. Blake William. Songs of Innocence and of Experience – Global Language Resources, Inc, 2001.
8. Блейк У. Избранные стихи. Сборник / сост. А. М. Зверев. На англ. и рус. яз. М. : Прогресс, 1982.
9. Блейк У. Песни Невинности и Опыта / пер. с англ. С. Степанова. СПб. : Азбука-классика, 2000.
10. Глебовская А. В. «Предварение». Предисловие к книге «Песни Невинности и Опыта». СПб. : Азбука, 2000.
11. Константин Бальмонт глазами современников / сост. А. Ю. Романов. СПб. : Росток, 2013.
12. Уильям Блейк в переводах С.Я. Маршака. М. : Олма-Пресс, 2000.
13. Чухно В. «Светло горящий и поныне...». Предисловие к книге «Видения Страшного Суда». М. : ЭКСМО-Пресс, 2002.
14. Григорий Паламарь. Тигры Уильяма Блейка, или почему Блейк не Пушкин. URL: <https://www.proza.ru/2009/05/26/782>.

Рахимов Ж.И.

*Ургенчский государственный университет,
г. Ургенч, Республика Узбекистан*

К ВОПРОСУ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВЫМИ СЛОВАМИ

Аннотация. В статье анализируется процесс пополнения лексического состава русского языка новыми словами под воздействием экстралингвистических и интралингвистических факторов. Обогащение лексики происходит за счет заимствования, семантического обновления и образования новых лексических единиц на русской языковой почве.

Ключевые слова: лексическая единица, новое слово, заимствование, неологизм, лексика Интернета

Rakhimov J.I.

*Urgench State University,
Urgench, Republic of Uzbekistan*

ON THE ISSUE OF REPLENISHING THE VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE NEW WORDS

Abstract. The article analyzes the process of replenishment of the lexical composition of the Russian language with new words under the influence of extralinguistic and intralinguistic factors. Vocabulary enrichment occurs due to borrowing, semantic updating and the formation of new lexical units on the Russian language soil

Keywords: lexical unit, new word, borrowing, neologism, Internet vocabulary

На важнейших этапах развития языка происходит закономерное обновление его словарного состава. Данный процесс характеризуется пополнением лексики за счет заимствования,

семантического обновления и образования новых лексических единиц на русской языковой почве [Касьянова 2021, с. 102].

Большинство новых слов сейчас появляется на просторах Интернета, затем перемещается в нашу повседневную жизнь. Начало XXI века, как известно, характеризуется глобальной компьютеризацией, интенсивным техническим прогрессом в области электроники и информатики. Согласно данным узбекских интернет-порталов, развитие глобальных компьютерных сетей в Узбекистане началось в 1990-е годы, уже в 2000 году в стране в течение недели появлялось примерно 8–12 новых сайтов и, соответственно, количество ресурсов и пользователей в глобальной сети удвоилось. Таким образом, сейчас именно социальные сети играют значительную роль в появлении и распространении неологизмов в языке.

В настоящее время русский и узбекский языки подвергаются нашествию иноязычных заимствований. Это связано со свободной возможностью общения носителей разных языков, активным использованием популярных социальных сетей. Именно в коммуникативном пространстве соцсетей получило большое распространение слово *кринж*. Первыми это слово стали использовать геймеры, следом за ними подтянулись и представители различных сегментов интернет-сообщества. В переводе с английского языка данное слово обозначает «съеживаться от страха, содрогаться». Зачастую это слово ставят в один ряд с «испанским стыдом», что позволяет расширить значение и возможные варианты употребления. Так или иначе, *кринж* – это нечто жуткое, нелепое, то, что способно повергнуть в шок или даже вызывать негативные эмоции, не оставляя равнодушными.

Помимо англоязычных неологизмов, в обиход русскоговорящего человека пришли слова разговорного стиля, которые получили новое значение, например, *душный*. Словом в новом значении называют невыносимого зануду, «душного» человека, который нагоняет на собеседников тоску и уныние. Общаться с ним невозможно, но сам он этого не понимает, продолжая надоедать окружающим, мучает собеседников именно своей навязчивостью и постоянным негативным настроением. По нашим наблюдениям, слово стало активно использоваться на просторах Интернета в течение последних десяти лет.

Стремительное развитие информационных технологий и глобализация сети Интернет привели к формированию и систематизации специальной терминологии. Технологический прорыв сопровождается появлением новых сфер занятости, направлений деятельности. Активно формируется киберпространство и расширяется за счет новых сегментов, куда внедряется искусственный интеллект: *киберзащита, кибербезопасность, кибератака, киберполиция*.

Потребности мирового сообщества меняются с небывалой скоростью, возникают новые сферы деятельности, люди адаптируются к новым условиям современного мира.

Коронавирусная инфекция и вызванная ею пандемия обусловили стремительное пополнение многих языков «короналексикой», заставили людей пересмотреть условия работы и жизнедеятельности. Представители различных сфер деятельности ушли на удаленный принцип работы. Так, в сфере образования появились новые реалии, фактически произошла «эвакуация» образования в коронавирусный дистант, стали активно использоваться новые форматы организации учебного процесса, появились новые приложения, способствующие проведению дистанционного образования, такие как *zoom, moodle, moos* и другие. Эти же причины обусловили появление антонимов, обозначающих формат обучения, например: дистанционное, онлайн-образование – традиционное, офлайн-образование.

Пандемия способствовала актуализации слова *удаленка*, пришедшего из разговорного стиля и обозначающего формат работы не в офисе, а дома, то есть удаленно. В новых условиях лексическая единица приобрела новый оттенок значения, реализуемый во множестве контекстов.

В этот период стали развиваться такие виды деятельности, которые раньше были менее актуальными, соответственно появились и новые наименования лиц, например: *вебкамщица, тиктокер* и другие. Примечательно, что эти виды деятельности не требуют от человека особых навыков, необходимо иметь доступ к Интернету и гаджет, который ведет видео- или фотофиксацию. Например, слова *вебкамщица* и *инстаграмщица* обозначают женщину, которая демонстрирует себя на камеру гаджета. Основную часть их аудитории составляют мужчины, которые, в свою очередь, отправляют определенные средства для продолжения просмотра контента. У *тиктокера* процесс заработка денег базируется на действии другого принципа. Он выкладывает заранее отснятое видео в сеть интернет. Потом это видео начинают смотреть и ставить ему *лайки*. Когда наберется определенное количе-

ство лайков, можно будет монетизировать эти «сердечки», то есть *лайки*. Кроме того, *тиктокер* может зарабатывать путем рекламирования различных продуктов. Но прежде у него в наличии должно быть определенное количество «фолловеров», иначе говоря, «подписчиков», поскольку реклама продукции нацелена на большую аудиторию: чем больше «фолловеров», тем выше шансы, что рекламодатель обратится к блогеру с предложением рекламировать свой товар.

Таким образом, обогащение лексического фонда языка обусловлено комплексом экстралингвистических и интралингвистических факторов. При этом влияние экстралингвистических факторов обычно выражено достаточно ярко, непосредственно соприкасается с процессами, происходящими в жизни общества. Интралингвистические же изменения в языке менее заметны, они не однородны как по своей природе, так и по своей функции.

Итак, жизнь языка заключается не только в отражении изменений в мире реальных, тенденций, он приспособливается к потребностям общества в определенный период и совершенствуется как сложный инструмент человеческого общения.

Литература

1. Касьянова Л. Ю. Векторы неологизации русского языка в период пандемии // Русистика и современность : коллективная монография. Рига : Международная Балтийская академия, 2021. С. 102–106.
2. Касьянова Л. Ю. Темпорально маркированная лексика сферы образования // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2014. № 1. С. 65–69.
3. Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов. М. : АСТ-ПРЕСС, 2009.

Родионова И.Г.
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

ГЛАГОЛ С ЧАСТИЦЕЙ *ВСЕ* КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ОБРАЗА ОБЛОМОВА

Аннотация. В статье рассматриваются глаголы с частицей *все*, которые активно используются в романе И.А. Гончарова «Обломов» при характеристике образа главного героя. С помощью названных конструкций, имеющих значение длительного и преобладающего признака, передаются такие черты характера Обломова, как лень, безволие, нежелание перемен в жизни. Отмечается, что глаголы с частицей *все* включены в авторскую речь, в высказывания самого Обломова, а также в речь других персонажей. В речи автора и других персонажей преобладает глагол *лежать* как лексема, называющая наиболее частое состояние героя. В высказываниях Обломова преобладает глагол *думать*, служащий своеобразным самооправданием бездеятельности персонажа.

Ключевые слова: глагол, частица, характеристика, персонаж, длительность

Rodionova I.G.
Penza State University, Penza, Russia

VERB WITH PARTICLE *ALL* AS A MEAN CHARACTERIZATION OF OBLOMOV'S IMAGE

Abstract. The article deals with verbs with the particle *vsjo*, which are actively used in the novel by I.A. Goncharov "Oblomov" when characterizing the image of the protagonist. With the help of these constructions, which have the value of a long and predominant feature, such as Oblomov character traits as laziness, lack of will, unwillingness to change in life are transmitted. It is noted that verbs with a particle *vsjo* are included in the author's speech, in the statements of Oblomov himself, as well as in the speech of other characters. In the speech of the author and other characters, the verb *lie* prevails as a lexeme that names the most frequent state of the hero. Oblomov's speech is dominated by the verb *think*, which serves as a kind of self-justification for the inactivity of the character.

Keywords: verb, particle, characterization, character, duration

При создании образа персонажа автор художественного произведения из всех ресурсов русского языка выбирает такие, с помощью которых он сможет наиболее точно охарактеризовать героя. Помимо лексических средств, при характеристике образа персонажа художественного текста активно используются средства грамматики.

«А я терпеть не могу никаких перемен!» – утверждал главный герой романа И.А. Гончарова «Обломов». Эта жизненная позиция Ильи Ильича Обломова «подкрепляется» грамматическими средствами – использованием при описании образа аналитических конструкций, представляющих собой сочетание глагола несовершенного вида с частицей *все*. Названная конструкция имеет значение «длительного и преобладающего признака, исходящего из прошлого» [Шведова 2003, с. 138]: *Он с громкими вздохами ложился, вставал, даже выходил на улицу и все доискивался нормы жизни, такого существования, которое было бы и исполнено содержания и текло бы тихо.*

Анализ материала показал, что глагол с частицей *все* наиболее активно используется в авторской речи при описании как постоянных действий или состояний, отражающих образ жизни Обломова, так и единичных актов, совершаемых героем.

Среди глаголов, называющих постоянное действие персонажа, наиболее часто используется лексема *лежать*: *Когда он был дома – а он был почти всегда дома, – он все лежал, и все постоянно в одной комнате, где мы его нашли, служившей ему спальней, кабинетом и приемной; Обломов все лежал на диване, веря и не веря смыслу утреннего разговора с Ольгой; Он терялся в приливе житейских забот и все лежал, ворочаясь с боку на бок.*

Помимо глаголов в форме прошедшего времени, с частицей *все* употребляются глаголы в настоящем времени, показывающие, что действие из плана прошлого перешло в план настоящего: *Он печально озирается вокруг и все видит в жизни вред, беду, все мечтает о той волшебной стороне, где нет зла, хлопот, печалей, где живет Милитриса Кирбильевна, где так хорошо кормят и одевают даром.*

Глаголы с частицей *все* в односоставных безличных предложениях отражают неизменность, длительность состояния, которое испытывает герой. С помощью безличной конструкции подчеркивается пассивность персонажа, независимость состояния от его воли. Ср.: «В безличном предложении признак оформляется как полностью самостоятельный, не соотношенный с субъектом-носителем» [Лекант 2007, с. 145]: *Он невольно мечтает о Милитрисе Кирбильевне; его все тянет в ту сторону, где только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей.*

Глаголы несовершенного вида с частицей *все*, называющие длительные единичные действия, разнообразны по семантике. Они характеризуют положение героя в пространстве: *Обломов не мог опомниться; он все стоял в одном положении, с ужасом глядя на то место, где стоял Захар, потом в отчаянии положил руки на голову и сел в кресло*; описывают речемыслительную деятельность персонажа: *Он мысленно вел с ней нескончаемый разговор и днем и ночью. К «Истории открытий и изобретений» он все примешивал какие-нибудь новые открытия в наружности или в характере Ольги; Ночью он спал мало: все дочитывал присланные Ольгой книги и прочитал полтора тома; Он сначала пристально занялся ее наружностью, все рисовал в памяти ее портрет*; называют особенности зрительного восприятия героем окружающей действительности: *Он в самом деле все глядел и не слышал ее слов; У него вихрем неслись эти мысли, и он все смотрел на нее, как смотрят в бесконечную даль, в бездонную пропасть, с самозабвением, с негой*; другие действия: *Он все держал ее за локти, и лицо его было у ее затылка.*

В авторской речи семантика длительного и преобладающего признака, выраженная глаголами несовершенного вида с частицей *все*, усиливается грамматическими средствами, а именно:

а) повтором глагола: *А ребенок все наблюдал да наблюдал;*

б) включением глаголов с частицей *все* в однородный ряд: *А ребенок все смотрел и все наблюдал своим детским, ничего не пропускающим умом; Но он все собирался и готовился начать жить, все рисовал в уме узор своей будущности;*

в) использованием глагола с частицей *все* в предложениях с противительными отношениями, в которых противопоставлены желания Обломова и невозможность их реализовать в силу особенностей характера: *Он и собирался сделать это, но все откладывал, отчасти и потому, что поездка была для него подвигом, почти новым и неизвестным;*

г) включением глагола с частицей *все* в вопросно-ответные конструкции; находясь в позиции ответа, названный глагол актуализирует семантику длительности: *Что ж он делал? Да все продолжал чертить узор собственной жизни.*

Среди лексико-грамматических средств усиления значения длительного и преобладающего признака, названного глаголом с частицей *все* при характеристике образа Обломова, назовем использование неопределенного местоимения, подчеркивающего безрезультатность и даже бессмысленность действий персонажа: *...Еще он был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал многого и от судьбы, и от самого себя.*

Глаголы несовершенного вида с частицей *все*, называющие длительный и преобладающий признак, используются в высказываниях Обломова при самохарактеризации. Если в авторской речи преобладает лексема *лежать*, то в высказываниях Обломова наиболее часто используется глагол *думать*. Персонаж употребляет данную лексему как оправдание своей бездеятельности: [Обломов – Захару] – *Ты, может быть, думаешь, глядя, как я иногда покроюсь совсем одеялом с головой, что я лежу как пень да сплю; нет, не сплю я, а думаю все крепкую думу; – Да... видишь, Ольга... я все думаю, не подоспеет ли письмо?*

«Оправдательный» характер имеют высказывания Обломова, представляющие собой вопросно-ответную форму и содержащие глагол с частицей *все* в ответной реплике: – *Отчего я не встаю так долго? Ведь я вот тут лежал все да думал, как мне выпутаться из беды; – Да где бываю! Мало где бываю, все дома сижу.*

Усиление семантики длительного и преобладающего признака, названного глаголом с частицей *все*, происходит благодаря включению конструкции в односоставное обобщенно-личное предложение. Говоря о себе во втором лице, персонаж обобщает свой опыт и переносит его на другие субъекты. По словам П.А. Леканта, в предложениях такого типа «личный опыт говорящего возводится в закономерность, в правило, установку, и оформлено это таким образом, будто частный, конкретный случай подводится под правило» [Лекант 2004, с. 141]: – *А я, – продолжал Обломов голосом оскорбленного и не оцененного по достоинству человека, – еще забочусь день и ночь, тружусь, иногда голова горит, сердце замирает, по ночам не спишь, ворочаешься, все думаешь, как бы лучше.*

И, наконец, глаголы с частицей *все* со значением длительного и преобладающего признака при характеристике образа Обломова используются в речи других персонажей романа. Наиболее часто названные конструкции употребляет Захар как человек, проводящий с Обломовым значительную часть времени и знающий особенности его характера: – *Вы же ведь все прогоняли меня: завтра да завтра; – А теперь когда станешь убирать? Вы все дома сидите.* Включенные в речь Захара конструкции могут осложняться частицей *не*, вследствие чего высказывание приобретает оттенок длительного, затянувшегося отсутствия ожидаемого действия: – *Они говорят: вы уж с месяц, говорят, обещали, а все не съезжаете; мы, говорят, полиции дадим знать.*

В речи других персонажей при характеристике образа Обломова преобладает глагол *лежать*: [Штольц] – *Вон и у тебя лицо измято, а ты и не бегаешь, все лежишь; [Доктор] – Если вы еще года два-три проживете в этом климате да будете все лежать, есть жирное и тяжелое – вы умрете ударом.* Используются и другие глаголы: *Иван Матвеевич бросил свой двойной взгляд на Обломова и молчал. – Должно быть, все книги читали-с? – с той же покорной усмешкой заметил он. – Книги! – с горечью возразил Обломов и остановился; – Это добрый барин, коли все ругается! – сказал один лакей, медленно, со скрипом открывая круглую табакерку.*

В заключение отметим, что частица *все* употребляется не только с глаголами, но и с их особыми формами – например, с деепричастиями, называющими действие, добавочное к основному: – *Там оставался у нас, – заговорил он [Обломов], все потягиваясь, с расстановкой, – сыр.*

Таким образом, глаголы с частицей *все* активно используются в романе И.А. Гончарова «Обломов» при характеристике образа главного героя. С помощью названных конструкций, имеющих значение длительного и преобладающего признака, передаются такие черты характера Обломова, как лень, безволие, нежелание перемен в жизни. Глаголы с частицей *все* включены в авторскую речь, в высказывания самого Обломова, а также в речь других персонажей. В речи автора и других персонажей преобладает глагол *лежать* как лексема, называющая наиболее частое состояние героя. В высказываниях Обломова преобладает глагол *думать*, служащий своеобразным самооправданием бездеятельности персонажа.

Литература

1. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 2004.
2. Лекант П. А. К вопросу о категории безличности в русском языке // Грамматические категории слова и предложения. М. : Изд-во МГОУ, 2007. С. 142–146.
3. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : Азбуковник, 2003.

Романова И.В.
*Астраханский государственный медицинский университет,
г. Астрахань, Россия*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, С КОТОРЫМИ ПРИХОДИТСЯ СТАЛКИВАТЬСЯ

Аннотация. Термины «культура», «межкультурная коммуникация» являются основной частью современного развивающегося общества. Межкультурная коммуникация является формой коммуникации, которая позволяет распространять информацию среди различных культур и социальных групп. Мы можем справиться с любым конфликтом и сократить его масштабы только на основе межкультурного общения. Статья содержит подробную информацию о введении в понятия культуры, теоретическом подходе к культуре, коммуникации, роли культуры в процессе общения, межкультурной коммуникации как инструмента мирового сообщества. Основная цель работы – критический анализ состояния литературы по межкультурной коммуникации. Данный обзор преследует три цели. Во-первых, в этом обзоре резюмируется то, как зародилась дисциплина, с уделением пристального внимания на ее историю и некоторым ключевым областям исследований. Во-вторых, в данной работе обсуждается, куда развивается дисциплина, с акцентом на то, как она распространяется на новые контекстуальные области исследований. И наконец, в статье излагаются задачи, вопросы и проблемы для будущего обсуждения в области межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, идентичность, компетентность, адаптация, социальные медиа

Romanova I.V.
*Astrakhan State Medical University,
Astrakhan, Russia*

INTERCULTURAL COMMUNICATION: THE MAIN PROBLEMS WE HAVE TO FACE

Abstract. The term of “culture”, “intercultural communication” are main part of modern developing society. Through rapidly development of world, culture is going to change in our daily life. Intercultural communication is a form of communication that purposes to dispense information across various cultures and social groups. We can only be managed and reduced such conflict through intercultural communication. The article contains detailed information about the introduction to the concepts of culture, theoretical approach to the culture, communication, the role of culture in communication process, intercultural communication as tool of world community. The purpose of this review is to critically analyze the state of intercultural communication literature. This review has three purposes. First, this review summarizes where the discipline has been, paying close attention to the discipline’s history and some key areas of research. Second, this review discusses where the discipline is going, with an emphasis on how the discipline is expanding into new contextual areas of research. Finally, the review presents challenges, issues, and areas for future discussion for intercultural communication.

Keywords: intercultural communication, identity, competence, adaptation, health care, social media

При рассмотрении самого термина «межкультурный» нельзя отрицать его сложность. Межкультурная коммуникация обычно определяется как общение между людьми, представляющими

различные национальные культуры. Однако с самого начала своего существования сфера межкультурной коммуникации значительно расширилась. В первом систематическом обзоре теорий межкультурной коммуникации *International and Intercultural Communication Annual* [Gudykunst 1983, с. 68] группа исследователей теоретизировала о межличностном общении между людьми из разных культур. Эти первоначальные теории были подкреплены в 1988 году в последующей публикации эмпирической поддержкой и исследованием коммуникации между людьми из разных культур. Это раннее построение теории межкультурной коммуникации, поддержанное предыдущими работами Холла, Трэгера и многих других, заложило основу для дисциплины сегодня. Однако с тех пор дисциплина резко изменилась.

Сегодня межкультурная коммуникация как дисциплина включает в себя больше теорий, чем когда-либо прежде, все больший акцент на изучение межкультурного в различных контекстах, и растущие дебаты о том, что такое межкультурное в общем.

Глобальная коммуникация, дипломатия и бизнес после Второй мировой войны создали потребность в практических основах коммуникации, основанных не только на лингвистике [Leeds-Hurwitz 1990, с. 273]. Первые шаги были сделаны Уорфом (1940) и Фрейдистской психоаналитической теорией. Затем работа Эдварда Т. Холла произвела революцию в этой области публикацией *The Silent Language* (1959). Первый официальный университетский класс и мастерская были предложены в Питтсбургском университете в конце 1960-х годов. В 1970 году Международная ассоциация связи учредила отдел межкультурной коммуникации, а Ассоциация речевой коммуникации и Ассоциации национальных коммуникаций сделала то же самое в 1975 году. Это были ключевые шаги в развитии отрасли, так как они помогли создать учебники, журналы и другие научные статьи, которые развивали дисциплину [Rogers 2002, с. 25]. После 1980-х годов межкультурная коммуникация стала более развитой по мере того, как исследователи разрабатывали и развивали теории и шкалы измерений для изучения межкультурных характеристик различных наций и культур.

Межкультурная коммуникация развивалась в разных странах по-разному. Эта эволюция зависела от социальной и политической направленности различных стран и обществ, в которых были институционализированы межкультурные программы. Из-за многокультурного характера американского общества интеграция и межкультурное взаимопонимание были отличным стимулом для университетов разрабатывать межкультурные коммуникационные программы. Однако в Японии потребность в коммуникативных навыках в области английского языка и бизнеса обусловила необходимость обеспечения межкультурной коммуникации в этих департаментах [Rogers 2002]. В последнее время больше программ было создано в Китае, Тайване и Сингапуре. Эта новая традиция межкультурной коммуникации пытается дифференцировать культурные характеристики азиатских стран и пересмотреть западные парадигмы межкультурной коммуникации, на которые в основном влияют американские ученые [Kim 2010, с. 169].

Существуют два подхода к идентификации в межкультурной коммуникации: традиционный и современный [Banks 1995, с. 147]. Идентичность представляло собой многомерное понятие, состоящее из психологических и социальных факторов [Merino 2011, с. 89] и обсуждалось до тех пор, пока коммуникаторы не достигли взаимопонимания и согласия относительно идентичности [Ting-Toomey 1993, с. 78]. Однако современная парадигма предполагает, что идентичность является анимированным и динамичным понятием, чья (мульти) форма зависит от социального контекста и времени [Hoffman 1989, с. 34].

Теория социальной идентичности (ТСИ) состоит как из личной, так и из социальной идентичности. Личная идентичность имеет дело с характеристиками идентичности, которые являются личными и не связаны с культурными и социальными группами. Тем не менее, люди сохраняют и подчеркивают идентичность, связывающую их с особыми желаемыми группами, и укрепляют их позитивный образ самого себя [Tajfel 1979, с. 41]. Основным процессом ТСИ является категоризация, подразумевающая, что люди классифицируют других в соответствии с группами, к которым они принадлежат, и, кроме того, «ТСИ утверждает, что определение «своя/вне группы» влияет на самооценку, межгрупповые отношения и, при определенных условиях, на межгрупповой конфликт» [Roosen 2014, с. 171].

Культурная идентичность – это дискурсивное напряжение, которое люди придают своей эмоциональной связи или принадлежности к культуре. Культура – это набор общих значений, символов и норм. Культурная идентичность имеет два взаимосвязанных измерения: ценность и значимость [Ting-Toomey 1993, с. 109]. Ценность относится к ожиданиям, необходимым для оценки культурной идентичности, а значимость – это уровень, на котором

представители культуры чувствуют сильную связь с этой культурой. Культурная идентичность находится под влиянием степени аккультурации, опыта и поколения, культурных потребностей и ценностей, различных ситуаций и среды различных культурных сообществ. Исследования культурной идентичности проводились в связи с широким спектром контекстов, таких как выбор бренда, культурные стереотипы и убеждения, а также политическое представление национальной идентичности и групп меньшинств и это лишь некоторые из них.

Теория этнолингвистической идентичности (ELIT) – социально-психологический подход, касающийся переменных и механизмов, связанных с поддержанием этнического языка в различных социальных условиях [Giles 1987, с. 72] первоначальная форма теории, объясняющая межэтнические условия, в которых конкретные группы лиц выбирают конкретную языковую стратегию, и в то же время она пытается изучить, почему группа людей выбирает иную стратегию, чем другая группа, т.е. они расходятся на внегрупповой язык вместо того, чтобы акцентировать свой собственный. Эта теория предсказывает: «Если человек воспринимает высокую внутригрупповую идентификацию, когнитивные альтернативы внутригрупповому статусу, сильную жизнеспособность группы, и жесткие, близкие границы, межгрупповую дифференциацию. В рамках исследований в этой области изучались различные темы, такие как исследования в области СМИ, национальное строительство и интеграция меньшинств, многоязычие и языковая политика, и образование.

Одной из основных проблем, которую необходимо решить в исследованиях межкультурной коммуникации, является распространение и локализация малоизученных культур. В настоящее время межкультурная коммуникация сильно ориентирована на США и страны Восточной Азии [Kim 2010, с. 178]. Мало того, что большинство исследований в этой области проводится в американском (американском) или восточноазиатском контексте, но и большинство шкал были разработаны американскими исследователями и в первую очередь для американской культуры [Gudykunst 1983, с. 72]. Это имеет ограниченные обобщения и теории, полученные из этого направления исследований. Чтобы построить более всеобъемлющую теорию коммуникации, необходимо изучить разные культуры в разных частях мира, и, следовательно, важно модифицировать существующие шкалы и измерительные устройства, чтобы адаптировать их к этим малоизученным культурам. Например, в контексте Ближнего Востока, Африки или Центральной Азии проведено несколько исследований, которые показывают ограниченные знания межкультурной коммуникации о коммуникации вне американо-азиатского контекста. Будущая работа, скорее всего, будет стремиться заполнить эти пробелы в исследованиях.

В начале 2000-х годов культура становится все более распространенной в различных дисциплинах, а также в повседневных дискуссиях. Эта культурологическая ориентация, в соответствии с которой «культура – или, скорее, культурные различия – в настоящее время считается основным объяснением того, как функционирует человеческий мир, подчеркивает необходимость задавать вопросы и определять способы использования культуры. Таким образом, использование критических подходов в межкультурной коммуникации, вероятно, продолжится в ближайшем будущем в ответ на кажущееся беспрепятственным использование культуры в мире, наполненном растущим неравенством.

Критическая межкультурная коммуникация рассматривает те же самые основные понятия, упомянутые в этой статье (т.е. идентичность, компетентность, адаптация), но ассоциирует их с конкретными контекстами, историческим прошлым и соотношением сил. Аналогичным образом, культура считается пронизанной властными структурами, которые развивались на протяжении всей истории и влияют на пересечение расы, пола, социального класса и национальности [Halualani 2009, с. 25]. Эти изменения в концептуализации основных концепций, используемых в межкультурной коммуникации, открывают новые перспективы для будущих исследований в этой области.

Литература

1. Banks A., Banks S. R. Cultural identity, resistance, and “good theory”: Implications for intercultural communication theory from Gypsy culture // *Howard Journal of Communications*. 1995. № 6. P. 146–163.
2. Giles H., Johnson P. Ethnolinguistic identity theory: A social psychological approach to language maintenance // *International Journal of the Sociology of Language*. 1987. № 68. P. 69–99.
3. Gudykunst W. B. (Ed.). (1983). *International and intercultural communication annual* (Vol. VII). Beverly Hills, CA: Sage.

4. Halualani R. T., Mendoza S. L., Drzewiecka J. A. 'Critical' junctures in intercultural communication studies: A review // *The Review of Communication*. 2009. № 9 (1). P. 17–35.
5. Hoffman D. M. Self and culture revisited: Culture acquisition among Iranians in the United States // *Ethos*. 1989. № 17. P. 32–49.
6. Kim M.-S. Intercultural communication in Asia: Current state and future prospects // *Asian Journal of Communication*. 2010. № 20. P. 166–180.
7. Leeds-Hurwitz W. Notes in the history of intercultural communication: The foreign service institute and the mandate for intercultural training. *Quarterly Journal of Speech*. 1990. № 76. P. 262–281.
8. Merino M., Tileagă C. The construction of ethnic minority identity: A discursive psychological approach to ethnic self-definition in action. *Discourse & Society*. 2011. № 22. P. 86–101.
9. Rogers E. M., Hart W. B., Miike Y. Edward T. Hall and the history of intercultural communication: The United States and Japan. *Keio Communication Review*. 2002. № 24. P. 3–26.
10. Roozen B., Shulman H. C. Tuning in to the RTL: Tracking the evolution of language alongside the Rwandan genocide using social identity theory // *Journal of Language & Social Psychology*. 2014. № 33. P. 165–182.
11. Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // W.G. Austin, S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations*. 1979. P. 33–47.
12. Ting-Toomey S. Communicative resourcefulness: An identity negotiation perspective // R.L. Wiseman & J. Koester (Eds.), *Intercultural communication competence*. 1993. P. 72–111.

Сачкова Е.В., Черникова Е.О., Львова Н.И.
Российский университет транспорта,
г. Москва, Россия

ОПИСАНИЕ ФОРМАЛЬНОЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НЕПРОИЗВОДНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТЕРМИНОЛОГИИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Рассматриваются основные формально-содержательные особенности непроизводных лексических единиц терминологии водного транспорта. Цель исследования – определить национальную специфику функционирования непроизводных терминов водного транспорта, которая наиболее ярко проявляется в употреблении метафорической номинации понятий водного транспорта в двух разнотипных языках. Доказано, что наиболее распространенным приемом терминоположения в обеих рассматриваемых разнотипных терминологиях является семантический перенос значения. На примерах отдельных терминов-метафор продемонстрирована специфика национального мышления русских и немецких специалистов, проявившаяся в терминоположительных предпочтениях, а также в выборе ассоциаций, положенных в основу номинации понятий в области водного транспорта.

Ключевые слова: непроизводные термины, терминология водного транспорта, антропоцентрическая парадигма, термины-метафоры, семантический перенос

Sachkova E.V., Chernikova E.O., Lvova N.I.
Russian University of Transport,
Moscow, Russia

DESCRIPTION OF THE FORMAL AND SEMANTIC STRUCTURE OF SIMPLE LEXICAL UNITS OF WATER TRANSPORT TERMINOLOGY IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Abstract. The article deals with the main features of formal and semantic structure of the non-derivative terminological units in the ecology area of expertise. The aim of the research is to identify the non-derivative terms' national specificity that is most clearly manifested in the usage of metaphorical nomination for water transport notions in multi-structural languages. It is proved that semantic transfer of meaning is the most frequent way of term derivation in two terminologies in question. On the example of various terms it is illustrated that the specifics of Russian and German

national cognition manifested itself in the term derivation preferences as well as in the choice of associations underlying the basis for nomination of water transport notions.

Keywords: non-derivative terms, water transport terminology, anthropocentric paradigm, metaphorical terms, semantic shift

Фундамент любой терминологии, как правило, основан на простых языковых единицах, входящих в состав ее терминофонда. Простые термины традиционно считаются семантическим ядром той или иной терминологической системы и служат для обозначения родовых понятий.

Простые лексические единицы делятся на непроизводные, основа которых совпадает с корнем, и производные, основа которых содержит корень и аффиксы. Под непроизводными мы понимаем термины, образованные, в основном, в результате терминологизации общеупотребительных слов или в результате процессов метафоризации значений. Простые однокоренные термины называют базовые понятия и являются фундаментом, на котором выстраивается терминосистема обоих языков.

Не вызывает сомнений и тот факт, что специфика формально-содержательной структуры простых терминов в определенной сфере научных интересов и конкретной национальной языковой системе передает индивидуальные характеристики познания того или иного этноса в соответствующей профессиональной деятельности, потому как терминообразование представляет собой трудоемкий процесс вербализации реалий объективной действительности. Кроме того, терминотворчество – это процесс выстраивания взаимосвязи между объектом осмысления и языковым знаком, другими словами, это когнитивный прием, дающий возможность установления взаимосвязи между языковым и житейским опытом.

Известно, что любой язык дифференцирует объективную действительность уникальным, характерным для него способом. По этой причине, в разных языках закрепляется индивидуальная картина мира.

Неотъемлемыми компонентами языковой картины мира выступают образные средства, и, в особенности, метафорические трансформации.

Выступая в качестве метода объективизации научно-познавательной деятельности, даже односложный термин может быть использован как орудие познания, терминология же конкретной научной отрасли способствует получению точного представления о понятийной системе того или иного направления, а также помогает раскрыть видение мира определенной нации. В этой связи рассмотрение метафорических терминов в составе терминологии водного транспорта на материале разных национальных языков, русского и немецкого, способствует осознанию функции метафоры в формировании терминологических систем и установлению общего и национально-обусловленного в языковой картине мира разноязычных специалистов, что, в свою очередь, вносит вклад в развитие навыков письменного и речевого межкультурного взаимодействия.

Сравнительно-сопоставительный анализ формальной и содержательной структуры непроизводных языковых единиц, функционирующих в русской и немецкой терминологии, входит в сферу интересов антропоцентрического направления, так как формальное выражение терминов в выбранных языках передает специфику закрепления эволюции научных представлений профессионалов в разных национальных языках.

В отношении научной сферы интересов в области водного транспорта, важно отметить, что на сегодняшний день языковая картина мира данной области знания мало изучена. Несмотря на это, в лингвистической науке неоднократно предпринимались попытки исследований отдельных аспектов транспортной терминологии. Так, в русскоязычной научной литературе следует выделить работу Е.Н. Димитриева, посвященную процессам фразеологизации в английском научно-техническом тексте [Димитриев 2010]; публикации Е.В. Курицкой, в которых автор проанализировала происхождение морских терминов в английском языке [Курицкая 2019]. Попытка анализа корпуса англоязычных терминов подотрасли «морская инженерия» предпринималась в работах Zorica Đurović [Đurović 2021]. Подчеркнем, что в перечисленных исследованиях большинство авторов подошли к изучению транспортной терминологии с позиций традиционного подхода. Кроме того, обращение к существующим лингвистическим работам в исследуемой области показало, что в современном языкознании не была предпринята попытка антропоцентрического исследования разноязычных моноксемных терминов по направлению «водный транспорт».

В данном контексте актуальность терминологии водного транспорта в качестве объекта изучения продиктована несколькими причинами: потребностью исследования эволюции мышления специалистов в описываемой сфере профессиональной деятельности в рамках изображения данного процесса специальной лексикой в разнотипных языках – русском и немецком; необходимостью изучения вопросов, связанных с унификацией и стандартизацией терминологии водного транспорта и относящимся к ним задачам в осуществлении межкультурной научной коммуникации.

С целью установления индивидуальных особенностей формально-содержательной структуры русско- и немецкоязычных терминов водного транспорта, на первом этапе мы сопоставили количество непроизводных терминов в русском и немецком языках, зафиксированных в отечественных и зарубежных лексикографических источниках [Krohmer 2008; Ибатуллин 2021; Пупырев 2008], а также в Национальном стандарте Российской Федерации. Транспорт водный внутренний (Стандартинформ 2014). Исследуемая выборка, составленная методом сплошного просмотра русско- и немецкоязычных словарей, насчитывает 1140 единиц в русской и 1136 лексем в немецкой терминологии.

Согласно проведенному исследованию материала, значительная доля лексических единиц, зародившихся на начальной стадии формирования русской и немецкой терминологии водного транспорта, имеет метафорическое наполнение – в русскоязычной терминологии насчитывается 670 терминов подобного рода, в немецкой – 432 терминоединицы.

Наряду с этим, важно заметить, что непроизводные термины составляют основу терминологии водного транспорта в каждом из национальных языков, поскольку выражают понятия, зародившиеся на этапе становления исследуемой терминологии как самостоятельной научной дисциплины.

Изучение способов терминопредварения простых единиц в рамках исследуемой сферы научных интересов мы продолжим, перейдя к рассмотрению семантического словообразовательного приема.

Среди русских и немецких терминов водного транспорта, созданных на основе подобного метода, наиболее распространенными являются языковые единицы, возникшие в результате метафоризации:

- русский язык – *гребень, колпак, хвосты, крыло, коса, пояс, перо, узел, язык, ложе, колесо, сеть, камера, карман, профиль, горизонт, нос, игла* и т.д.;
- немецкий язык – *Zunge* ('язык ледника'), *Bett* ('ложе реки, канала'), *Schlüssel* ('ключ свода', 'ключ буровых штанг'), *Netz* ('сеть водоотведения'), *Tasche* ('карман', 'форма углубления'), *Profil* ('профиль', 'профиль берега'), *Nadel* ('игла', 'ледяные иглы'), *Schleife* ('петля', 'петля реки'), *Schild* ('щит', 'ледниковый щит'), *Ruderblatt* ('перо руля') и др.

Зарождение большого объема терминов-метафор в рассматриваемой терминологии продиктовано тем, что метафора олицетворяет возможность человека замечать и устанавливать сходство между разными предметами и индивидами.

Необходимо подчеркнуть, что в пределах разных национальных языков терминоединицы, созданные за счет семантического переноса, могут различаться не только по словообразовательному способу, но и с точки зрения признака, положенного в основу ассоциации в рассматриваемых языках [Чернышова, Черникова 2017, с. 108]. Примером подобного рода служит русский метафоричный термин *ветвь* ('ветвь канала'), которому в немецком языке соответствует метафора *Flügel* (буквальный перевод – 'крыло').

При обращении к однословным метафорам, образованным на основе функционального сходства, можно заметить, что их внешняя форма требует более глубокого проникновения в смысловую структуру метафорического обозначения.

Интересным в отношении образования ассоциации по функции в немецкой терминологии водного транспорта может служить языковая единица *Grenze* («поверхность раздела различных геологических образований») – русскоязычный термин *контакт*. В последнем случае в русском языке в основу номинации понятия была положена позитивная коннотация, выраженная в значении «взаимодействие поверхностей», в то время как в немецкой терминологии ассоциация основана на установлении границ. Очевидно, что ассоциация, заложенная в названии термина *Grenze* ('граница'), передает особенность национального мышления и менталитета немецкоязычных специалистов, заключающуюся в отношении немцев к личному пространству. Известно, что в Германии существует тенденция к установлению границ

в личной, общественной и социальных зонах. Вполне естественно, что данная позиция находит отражение в лексике, в том числе в языке для специальных целей.

Согласно результатам сопоставительного исследования разноязычного материала, своеобразие русской и немецкой терминологии проявляется на фоне функционирования антропометрического пласта метафорических терминов. Прежде всего, имеются в виду наименования частей тела человека, его физического и ментального состояния, социальных ролей и т.д. В качестве примеров однословных антропометрических лексических единиц можно привести такие термины, как:

- русский язык: *голова, нос, тело, язык, удар, шок, груз, щеки, глаз, колено, ребро, плечо, скелет, хребет* и пр.;
- немецкий язык: *Körper* ('плавающее тело'), *Zunge* ('язык ледника'), *Knie* ('колено трубопровода'), *Mund* ('устье реки') и т.д.

К другой группе можно отнести термины, отличающиеся признаками, положенными в основу метафоризации в двух языках, а также те термины, которые являются метафорическими в одном языке и неметафорическими – в другом [Чернышова, Черникова 2017, с. 108]. В качестве примера приведем русский термин *коса* и его немецкий эквивалент *Bank* (буквальный перевод – 'скамейка', 'пласт'). В данном примере речь идет о разных мотивационных признаках, но присутствует схожая ассоциативная основа: в русском языке – это ассоциация узкой длинной песчаной полосы с тем, что по внешней форме напоминает косу, а в немецком – песчаный берег, при этом в обоих языках – это узкая длинная полоса из песчаных наносов.

Как показал изученный материал, русские термины обладают большей ассоциативностью и метафоричностью, чем их немецкие аналоги.

Схожесть когнитивной русско- и немецкоязычных специалистов отразилась в предпочтениях при выборе того или иного терминологического метода: в рамках русской и немецкой научной терминологической традиции наблюдается тенденция к использованию такого приема словопроизводства, как семантический перенос.

Наряду с этим, было определено, что число однословных терминов, образованных семантическим переносом в русском языке, превышает число метафорических терминов в немецком языке, что объясняется отражением специальной лексикой характера метафоричности данного национального языкового сознания.

Кроме того, мы установили, что различия в национальном мышлении русско- и немецкоязычных специалистов в области водного транспорта прослеживаются и при исследовании формально-содержательной структуры простых терминов, образованных посредством семантического переноса.

Данный факт еще раз подтверждает тесную взаимосвязь между профессиональным языком и соответствующим естественным языком.

Литература

1. Димитриева Е. Н. Процессы фразеологизации в английском научно-техническом тексте (на материале LSP «эксплуатация водного транспорта»): автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2010.
2. Ибатуллин С. Р. Мультиязычный словарь основных терминов в водном хозяйстве. Washington D.C.: World Bank Group, 2021.
3. Курицкая Е. В. Происхождение морских терминов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 5. С. 292–296.
4. Национальный стандарт Российской Федерации. Внутренний водный транспорт. М.: Стандартинформ, 2014.
5. Пупырев Е. И., Корецкий В. Е., Волковинский В. В. Краткий водохозяйственный словарь. М.: Прима-Пресс Экспо, 2008.
6. Чернышова Л. А., Черникова Е. О. Термины-метафоры в составе экологической терминологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (120). С. 103–111.
7. Krohmer R., Rumjanzev I., Nestmann F. Deutsch-Russisches Wörterbuch für Wasserwirtschaft: Universitätsverlag Karlsruhe, 2008.
8. Đurović Z. Corpus Linguistics Methods for Building ESP Word Lists. Glossaries and Dictionaries on the Example of a Marine Engineering Word List: University of Montenegro. Kotor, 2021. P. 260–282.

Светличная В.Ю.
*Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика*

ЗВУКОВОЙ ПОВТОР КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Публикация содержит анализ научных трудов и работ различных типов, посвященных изучению звукового повтора. Представлены основные взгляды на классификацию и функционирование данного вида повторов, выделены особенности его использования.

Ключевые слова: звуковой повтор; виды и классификации звуковых повторов; функции звуковых повторов; благозвучие

Svetlichnaya V.Yu.
**Donetsk Academy of Management and Public Service
under the Head of Donetsk People's Republic,
Donetsk, Donetsk People's Republic**

SOUND REPETITION AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Abstract. The publication contains an analysis of scientific papers and works of various types devoted to the study of sound repetition. The main views on the classification and functioning of this type of repetition are presented, the features of its use are highlighted.

Keywords: sound repetition; types and classifications of sound repetitions; functions of sound repetitions; euphony

Появление термина *звуковые повторы* в отечественной лингвистике связывают с именем О. М. Брика, который видит сущность данного явления в однократном или многократном повторении некоторых групп согласных звуков «в той же или измененной последовательности, с различным составом сопутствующих гласных» [Брик 1919, с. 58]. Вводя это понятие, О. М. Брик исследовал в звуковой структуре поэтической речи повторы только согласных. На современном же этапе в понятие звукового повтора входит дублирование и сочетание как согласных, так и гласных звуков. В лингвистических трудах описываемое явление определяется как «повтор фонетического уровня» [Москвин 2007, с. 260], «нагнетение одинаковых или сходных звуков с целью выразительности» [Матвеева 2010, с. 112], «общее название фонетико-стилистических приемов, состоящих в построении одинаковых (или сходных) звуков и звуко сочетаний с целью усиления выразительности речи» [Культура русской речи 2003, с. 195].

В зависимости от свойства, заложенного в основу классификации, лингвисты выделяют несколько видов звукового повтора. По формальному признаку фиксируют следующие группы консонантных повторов: 1) двухзвучные, трехзвучные и многозвучные; 2) простые и многократные (т. е. могут повторять основные согласные 1, 2, 3 и более раз); 3) те, которые могут повторять основные согласные в различном порядке (в прямом, обратном и с различным чередованием основных согласных) [Брик 1919, с. 62]. Также ученые классифицируют звуковые повторы по составу повторяющихся звуков (ассонансные, консонантные и смешанные), по месту звукового комплекса в слове (анафорические, медиальные, смешанные), по степени точности (эквифонические (полные) и метафонические (допускающие варьирование)), по количеству повторяющихся звуков (одиночные и комплексные) [Лелис 2012, с. 200] или монофонические (повтор отдельных звуков) и полифонические (повтор звуковых сочетаний) повторы [Москвин 2006, с. 63–69].

Наиболее известной и употребимой разновидностью звукового повтора является рифма – «всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения» [Жирмунский 1975, с. 246]. Являясь в поэтической речи средством создания красоты звучания стиха и выделения значимых в художественном отношении слов, выполняющая важнейшую композиционную роль, в прозе неуместная рифма становится серьезным стилистическим недостатком, порождающим комизм, а намеренное обыгрывание рифмы в прозе, ритмизация речи также может выполнять эмоционально-экспрессивную функцию, помогая автору выделить «звуковым курсивом» значимые моменты, важные для понимания текста чувства, картины, состояния [Голуб 2010, с. 180]. Помимо рифмы, лингвистами

зафиксированы такие повторы фонетического уровня, используемые в поэзии и прозе, как аллитерация, ассонанс, консонанс, обратная рифма, ритм, метр.

Лингвисты отмечают, что сила и заметность звуковых повторов и ассоциаций зависит от количества фонетических аттрактантов (совпадающих звуков в сближаемых словах) и выделяют абсолютно равнозвучные при различной последовательности звуков аттрактанты (*дрова-двора*) и аттрактанты, различающиеся лишь одним звуком (*шило-мыло*). Чем больше звуков повторяется, и более многократным является повтор, тем он сильнее и заметнее. Помимо этого, важно положение звуковых повторов. В позиционном отношении выделяют ассиметричные (не привязанные к определенной позиции в слове или тексте) звуковые повторы (*Лунный луч лениво протянулся*) и симметричные, т. е. привязанные к определенной в слове или тексте позиции (*четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж*). Симметричный повтор более заметен, даже если он монофонический, т.к. является предсказуемым [Москвин 2006, с. 63–69].

По наличию или отсутствию функции различают звуковые повторы случайные и нарочитые, т.е. выполняющие определенные функции и представляющие собой фигуру речи (качественные звуковые повторы – аллитерация, ассонанс и смешанный повтор; количественные – монофония и полифония; позиционные – звуковая анафора, эпифора, симплока, хиазм, подхват и кольцо) [Москвин 2007, с. 260–263].

Звуковой повтор, использованный преднамеренно, выполняет определенные функции: эвфоническую (выполнение «звукового задания» в выстраивании «агрессивного» ритма либо «идиллической» направленности), лейтмотивную (выделение ключевого слова), интегративную (например, поддержание синтаксических связей), изобразительную (миметическую, имитативную, звукоподражательную), а также игровую, стихомаркирующую и функцию поддержания различных смысловых ассоциаций [Москвин 2007, с. 260–263].

Перечисленные возможности звукового повтора давно известны поэтам всех времен и народов и широко ими используются. Так, простейший повтор одинаковых или сходных звуков активно применяется как звукоподражание, создание звукового образа (*В промежутках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от таяния земли* (Л. Н. Толстой), *Полночной порою в болотной глуши / Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши* (К. Бальмонт)). Некоторые звуки намеренно используются авторами произведений с целью создания акустических ассоциаций: «ш» нередко имитирует шум, шелест, шорох, «с» – свист, «ж» – жужжание и т. п. Ошибочным является представление о том, что названные значения вместе со звуками входят в слова, в которых используются, т. к. «никакой отдельно взятый звук поэтической речи самостоятельного значения не имеет. Осмысленность звука в поэзии не вытекает из его особой природы, а дедуктивно предполагается» [Лотман 1970, с. 135]. Однако не стоит отрицать, что при мотивированном (реже непреднамеренном, случайном) использовании звуковое оформление слова либо наличие звукового повтора, не являясь носителем смысла, может послужить толчком для его поиска и средством создания впечатления, ассоциаций из области представлений, чувств и переживаний. Научный интерес к порождению образно-ассоциативных связей посредством звукового орнамента текста в последнее время стремительно возрастает.

Звуковая символика воздействует на реципиента только при условии предварительного подбора компонентов высказывания, что объясняет преимущественное применение знаний из области фоносемантики в художественном и публицистическом стилях. Ассоциации, вызванные звуковым оформлением сообщения, в других функциональных разновидностях речи, являются, скорее, совпадением. Однако при составлении текста (не зависимо от сферы деятельности) всегда важно учитывать «наиболее общее стилистическое требование, предъявляемое к звучащей речи – требование благозвучия» [Голуб, Розенталь 1997, с. 245], т. к. высказывание, построенное с учетом основных принципов и выработанных рекомендаций фоники, способствует пониманию сути произносимого и усилению действенности сообщения. Некоторые правила благозвучия были изложены еще М.В. Ломоносовым в «Кратком руководстве по красноречию».

Благозвучию в лингвистике противопоставлено неблагозвучие (какофония), под которым понимают «такие совпадения звуков или звуко сочетаний на стыке слов, которые оказываются неудобопроизносимыми, неприятными для слуха или вызывающими нежелательные ассоциации» [Ахманова 1969, с. 255]. Отметим, что с неблагозвучными сочетаниями нельзя смешивать случаи повторения одинаковых гласных и согласных, использованных с целью

усиления звуковой выразительности художественной речи. Обусловленные иными принципами фонетической организации текста, такие звуковые повторы должны анализироваться с позиций благозвучия и не должны получать отрицательную оценку при анализе речи произведения [Голуб, Розенталь 1997, с. 251]. Также при оценке высказывания с точки зрения эвфонии следует учитывать, что каждый язык имеет свои фонетические особенности, которые его носителям представляются наиболее удобными, а все, что отличается от характерного данной фонетической системе, воспринимается как неблагозвучие. Потому эвфония рассматривается применительно к конкретному языку.

Большинство трудов, посвященных изучению звуковых повторов, построены на анализе фонетического уровня произведений художественной литературы. И лишь немногочисленные работы содержат описание звуковых повторов в других стилях. Исследователями выявлено, что в рекламном тексте как способ паронимической аттракции с целью создания желаемых ассоциаций достаточно активно используется повтор определенных звуков и элементы звукоподражания, а также рифма и игра слов, построенная на полной или частичной фонетической схожести слов [Мощева 2013]. Не последнюю роль в выборе газетного заголовка, вызывающего желание прочесть именно эту статью, играют как различные стилистические приемы и фигуры речи, так и звуковые повторы (игра слов, основанная на омонимии, аллитерация) [Рогожина 2012]. В молодежном и телевизионном дискурсе повтор на фонетическом уровне реализуется в простом вокальном, простом консонантном и сложном звуковом дублировании в виде длительного звучания и неоднократного воспроизведения и чаще всего вызван трудностью воплощения мысли, речевым сбоем под воздействием экстралингвистических факторов (смущение, волнение, общение с незнакомыми или мало знакомыми людьми) [Громогласова 2011, с. 9–10].

Опираясь на исследования лингвистов, посвященные повторам на фонетическом уровне языка, и дополняя их собственными наблюдениями, отметим, что *звуковой повтор – это преднамеренное (мотивированное) или случайное дублирование одинаковых или сходных звуков и звукосочетаний в условиях заметной тесноты ряда*. Важным условием изучения звуковых повторов является анализ транскрипции, а не графического изображения сообщения, т. к. «звучащая речь является основной формой существования языка. Даже когда мы, читая, не произносим текста вслух, каждое слово воспринимается в его звуковой оболочке» [Голуб 2010, с. 153]. Типы и функции звуковых повторов многообразны и связаны с принадлежностью текста к определенному стилю, прагматическим потенциалом, экстралингвистическими факторами. Наиболее часто звуковой повтор используется в текстах художественного и публицистического стилей, выполняя эвфоническую, лейтмотивную, интегративную, игровую, изобразительную функции и функцию поддержания смысловых ассоциаций. Считаем целесообразным добавить к перечисленным функцию воздействия, т. к. с помощью искусно подобранных, с позиций фоносемантики, звуков, звукосочетаний и их повторов, составители текстов способствуют оказанию желаемого влияния на реципиента, созданию нужного впечатления. Повтор звуков и их сочетаний в научном, разговорном и официально-деловом стилях – явление случайное (непреднамеренное). Обнаружение неуместной избыточности на фонетическом уровне языка в этих стилях, помимо нарушения критерия эстетической приемлемости, может привести к затруднению восприятия основного смысла сообщения, а также вызвать нежелательный комический эффект. Звуковая форма текста (независимо от стиля) должна отличаться сознательным подходом говорящего к построению сообщения, а каждый звуковой повтор быть эстетически мотивированным, отвечать требованию благозвучия либо указывать на что-то важное в содержании высказывания.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1969.
2. Брик О. М. Звуковые повторы. Анализ звуковой структуры стиха // Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. Вып. 1–2. Петроград: 18-ая Государственная Типография. Лештуков, 13. 1919.
3. Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Книга о хорошей речи. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997.
4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М. : Айрис-пресс, 2010.

5. Громогласова Т. И. Повтор в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах (на материале русского и английского молодежного дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2011.
6. Жирмунский В. М. Теория стиха. Ленинград : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1975.
7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М. : Флинта : Наука, 2003.
8. Лелис Е. И. Роль звуковых повторов в формировании подтекстовых смыслов прозаического текста // Многоязычие в образовательном пространстве. 2012. № 4.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970.
10. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов Ростов н/Д : Феникс, 2010.
11. Москвин В. П. О типах и функциях звуковых повторов // Русская словесность. 2006. № 8.
12. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь Ростов н/Д : Феникс, 2007.
13. Мощева С. В. Дискурс массмедиа: звуковые повторы как способ аттракции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60).
14. Рогожина Г. С. Фоносемантика газетного заголовка // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 1.

Скрябина О.А.,
Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО (РОДНОГО) ЯЗЫКА

Аннотация. В статье ставятся и анализируются проблемы современной методики обучения русскому языку (родному), которые актуализируются в сложившемся культурно-историческом контексте современного российского общества и вызовов, содержащих угрозу суверенитету России, разрушающих национальную основу процесса воспитания, образования и развития новых поколений граждан России. В ходе анализа теоретических источников по проблеме исследования и практики обучения русскому языку выдвигается положение, согласно которому для преодоления имеющихся отрицательных тенденций (в частности, продвижение в образование так называемых универсальных западных, глобалистских, постмодернистских ценностей) следует актуализировать потенциал консервативных ценностей, содержащихся в отечественной методической традиции. Автор доказывает необходимость сохранения основ национально ориентированного образования и его реализации в обучении родному языку. В заключение делается вывод: для гармонизации процесса обучения родному языку в современной школе и достижения поставленных образовательных целей следует сопрягать продуктивные методические идеи современных исследований с ключевыми положениями концепций ученых – основоположников российской методической школы, заложивших традицию, ее концептуально значимые положения.

Ключевые слова: русский язык, методика, национально ориентированное обучение, потенциал, традиция, гармонизация

Skryabina O.A.
Ryazan State University named after S.A. Yesenin,
Ryazan, Russia

CURRENT PROBLEMS OF MODERN METHODS OF TEACHING THE RUSSIAN (NOTHER) LANGUAGE

Abstract. The article poses and analyzes the problems of the modern methods of teaching the Russian language (native), which are updated in the current cultural and historical context of modern Russian society and challenges that threaten the sovereignty of Russia, destroying the national basis of the process of upbringing, education and development of new generations of Russian citizens.

In the course of the analysis of theoretical sources on the problem of research and practice of teaching the Russian language, a position is put forward, according to which, in order to overcome the existing negative trends (in particular, the promotion of the so-called universal Western, globalist, post-modernist values in education) it is necessary to actualize the potential of conservative values contained in the national methodological tradition. The author proves the need to preserve the foundations of nationally oriented education and its implementation in teaching the native language. In conclusion, it is concluded that in order to harmonize the process of teaching the native language in a modern school and achieve the educational goals set, it is necessary to match the productive methodological ideas of modern research with the key provisions of the concepts of the founders of the Russian methodological school, who laid the tradition, its conceptually significant provisions.

Keywords: Russian language, methodology, nationally oriented education, potential, tradition, harmonization

Актуальность поставленной проблемы обусловлена, с одной стороны, социально-историческим контекстом, который диктует необходимость критического осмысления настоящего в теории и практике преподавания русского языка, а с другой стороны – продолжение поиска продуктивных методических идей для реализации их в обучении русскому языку в средней общеобразовательной школе. Целью исследования является выяснение особенностей национально ориентированного обучения русскому языку и определение технологий обучения, соответствующих данному подходу. Среди поставленных задач выделяется анализ и обобщение материалов по проблеме исследования из сферы философии образования, истории дидактики, методики обучения родному языку. Теоретическая значимость предлагаемой статьи заключается в постановке проблемы и анализе основных положений национально ориентированного обучения родному языку, практическая значимость определяется наличием предлагаемых методов и технологий обучения.

Среди актуальных проблем современной методики обучения русскому (родному) языку следует назвать те, которые возникли в условиях цифрового общества и увлечения идеями так называемого «западоцентризма», продвигающего во все сферы жизни нашего общества «универсальные» глобалистские и постмодернистские ценности, направленные на «расчеловечивание» личности по гендерному признаку, по принадлежности к вероисповеданию и национальности. Это время, основным признаком которого, по выражению М. Кронгауза, является навязывание способа жизни в «контексте чужой культуры», что, безусловно, касается проблем образования и методики обучения родному русскому языку. Так, в методике обучения русскому (родному) языку отчетливо прослеживается следование «педагогической моде» (И.И. Срезневский), копирование чужих и чуждых нашему языку технологий обучения.

Полагаем, что наиболее значимой в данном контексте является проблема языкового образования, возрастающая роль которого обусловлена целями воспитания человека (заметим: не трансгуманиста и трансгендера, не человека мира), а гражданина, хорошо владеющего родным языком, обладающего глубинными внутренними связями с культурой, историей, языком своего народа. Основанием для противодействия «универсальности» провозглашенных и продвигаемых в образование западных ценностей, «западоцентризма», является сам русский язык – «народный ген» (К.Д. Ушинский), отражающий культуру и этапы духовного развития народа, «великий учитель», который учил русских людей тогда, когда еще не было учебников. Есть довольно веские основания утверждать, что методическая отечественная традиция изучения русского языка, опирающаяся на ментальность и национальный характер русского народа, содержит именно тот потенциал, который так необходим для создания условий, в которых можно успешно реализовать идеи национально ориентированного образования в России. В определенной степени речь идет о суверенитете российского образования, российской школы и своеобразии обучения родному языку. Эта идея не нова. Напомним, что великий дидакт К.Д. Ушинский вынес в название своей статьи тезис «О необходимости сделать русские школы русскими» [Ушинский 2018, с. 365].

Если обратиться к философии образования, то можно убедиться в том, что исследованиях антропоцентрического направления подчеркивается значение гуманитарного образования для воспитания новых поколений граждан. Так, С.И Гессен сопрягал понятия «цели образования» и «цели жизни общества», рассматривая духовную составляющую как доминанту в образовании и воспитании: «Цели жизни современного культурного общества... и есть суть цели образования. Между образованием и культурой имеется точное соответствие.

Образование есть не что иное, как культура индивида. И если по отношению к народу культура есть совокупность неисчерпаемых целей-заданий, то и по отношению к индивиду образование есть неисчерпаемое задание. Образование по существу своему не может быть никогда завершено... Мы говорим об образовании нравственном, научном (или теоретическом), художественном, правовом, религиозном» [Гессен 1995, с. 35]. Цели жизни общества, его задачи заключаются в том, чтобы превратить природного человека в культурного, развить его как высоконравственную, свободную и ответственную личность. Для этого необходимо приобщить человека к ценностям культуры, науки, нравственности, поскольку своеобразие личности «коренится не в природной мощи ее психофизического организма, но в тех духовных ценностях, которыми проникается ее душа» [Гессен 1995, с. 5]. Истинно национально ориентированное образование, по утверждению С.И. Гессена, – это хорошо поставленное нравственное, научное и художественное образование, созидающее, а не разрушающее нацию. Следовательно, в наши дни, заботясь о нации, следует понимать, какая культура и нравственность станут основой «созидающего образования». Безусловно, его основой может стать хорошо поставленное языковое образование.

Мы рассматриваем педагогическую традицию как систему консервативных ценностей, передающихся от поколения к поколению. Ее главный постулат, констатирует А.Д. Дейкина, подчеркивает потенциал родного языка для развития личности, поскольку «язык сросся с личностью каждого», учить родному языку – значит «вместе и развивать духовные способности учащегося» [Дейкина 2018, с. 14]. Следование данному направлению – значит быть хранителями и продолжателями традиции, быть «бусаевцами».

Для нашего исследования весьма значима концепция Е.И. Пассова, которая актуализирует теоретические, методологически значимые аспекты методики обучения русскому (родному) языку. В основание концепции положены постулаты психолога В.П. Зинченко об образовании и философа Б.С. Гершунского. «Образование – это создание образа: себя, мира, своих действий в мире («целого пространства образов» – В.П. Зинченко). Образ-образец может задаваться извне, но лучше, если человек выстраивает его сам, поэтому всякое образование есть, в конечном счете, самообразование: человек пре-образует себя, становится индивидуальностью» [Пассов 2011 (а), с. 43].

Е.И. Пассов разделяет полностью позицию Б.С. Гершунского, доказывавшего приоритет личностных целей в образовании и самого образования как главной ценности: «...личностным целям образования должен принадлежать приоритет во всей междисциплинарной процедуре исследований, связанных с философско-методологическим осмыслением проблемы **«Образование как ценность»**» [Пассов 2011(б), с. 14]. Несостоятельность компетентностного подхода, внедряемого в российское языковое образование, как чужого для языка, культуры и духовности – в целом отечественной методической школы, доказывалась в ряде работ ученого, поскольку «в компетентностном подходе не нашлось места самому главному в образовании – нравственности и духовности», а компетенция есть «неадекватное средство достижения указанных целей» [Пассов 2018, с. 63].

Эта позиция во многом сопрягается с основами отечественной методической традиции, согласно которой главным в образовании должны быть «свои народные начала, на которых следует развить человека и приготовить гражданина для общественной жизни. ... вот тут-то народный язык и должен помочь более, чем какое-нибудь другое средство... Нужно сделать так, чтобы при изучении языка он действовал не только на нашу память или на наш ум, но и на воображение, и на чувства, – словом, на всю нашу душу» [Срезневский 1982, с. 103].

В контексте решения задач национально ориентированного образования особая миссия отводится методике: «...методика как теория и технология образования есть наука, которая создает, охраняет, защищает и развивает генетический код образования» [Пассов 2018, с. 66]. В наши дни, когда умалывается роль родного языка и словесности, когда воздействию чужой культуры подвергаются многие сферы, включая нашу предметную область, возрастает роль методики как науки, которая «охраняет генетический код образования» (Е.И. Пассов). Она охраняет нравственность и духовность, поэтому не заимствует чужое, а «функционирует только на основе своей теории, а не заемной, взятой из других наук. Это устраняет досужий вымысел о методике как прикладной науке» [Пассов 2018, с. 64–65]. Российская школа, убежденно писал И.И. Срезневский, должна «**держаться родного языка как главной основы образования**». Это исключает возможность копирования иностранных, чуждых России образовательных систем и бездумное копирование методов

и приемов изучения русского языка по образцам изучения других языков. Современная методика как преемница отечественной традиции следует ее заветам, отдавая предпочтение в обучении родному языку «гейристической методе», сформулированной Ф.И. Буслаевым и воплощенной К.Д. Ушинским; «естественной методе» познания языка и развития речи, которая обусловлена самой природой, так должен вести себя и учитель в процессе занятий языком, помогая природе (И. Срезневский).

Итак, подведем итог исследованию поставленной нами проблемы:

– самое главное в методической традиции – утверждение, согласно которому образование должно быть национально ориентированным, учитывать ментальность, традиции, культуру и язык русского народа; философское понимание образования как ценности, а воспитания личности как главной цели национально ориентированного образования делает недопустимой возможность копирования иностранных, чуждых России образовательных систем, копирование методов и приемов изучения русского языка по образцам изучения других языков;

– миссия методики преподавания русского языка заключается в защите и развитии «генетического кода образования»; методика обучения и воспитания современных школьников должна опираться на своеобразие языка нашего Отечества, отражающего нравственную и духовную составляющие мировидения и мировосприятия, мировоззрения народа, служить достижению целей национально ориентированного образования;

– «естественную метóду», основанную на единстве языка и мышления, индуктивный метод, принцип природосообразности следует признать основополагающими в системе обучения, воспитания и развития детей средствами родного языка в условиях национально ориентированного образования.

Литература

1. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка // Преподавание отечественного языка : учебное пособие для студ. пед. институтов по спец. «Русский язык и литература». М. : Просвещение, 1992. С. 271.

2. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. И сост. П. В. Алексеев. М. : Школа-Пресс, 1995.

3. Дейкина А. Д. Гуманистическая традиция Ф.И. Буслаева и современные профессиональные ценности учителя // Учитель для будущего: язык, культура, личность (к 200-летию со дня рождения Ф.И.Буслаева): коллективная монография / отв. ред. В.Д. Янченко; сост. И науч. ред. А. Д. Дейкина. М. : МПГУ, 2018. С. 12–18.

4. Пассов Е. И. Духовный потенциал русской словесности (к проблеме создания системы профессиональной подготовки учителя // Учитель для будущего: язык, культура, личность (к 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева): коллективная монография / отв. ред. В. Д. Янченко; сост. и науч. ред. А. Д. Дейкина. М. : МПГУ, 2018. С. 61–69.

5. Пассов Е. И. Пятое колесо в телеге или когнитивность для коммуникативности. Елец : МУП «Типография» г. Ельца, 2011(а).

6. Пассов Е. И. Флогистон для образования или компетенции в роли цели. Елец : МУП «Типография» г. Ельца, 2011(б).

7. Срезневский И. И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте // Текучев А.В. Хрестоматия по методике русского языка: Русский язык как предмет преподавания. Пособие для учителей / сост. А. В. Текучев. М. : Просвещение, 1982.

8. Ушинский К. Д. Моя система воспитания. сост., предисл., коммент. В. О. Гусаковой. М. : АСТ, 2018.

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В МАКРОТЕКСТЕ ЛИРИКИ А. БЛОКА

Аннотация. Мотивный анализ, базирующийся на сопоставлении семантической структуры макрообразов, лежащих в основе модификаций традиционных мотивов лирики М.Ю. Лермонтова и А. А. Блока, позволяет выявить близость двух поэтических систем, их очевидные точки соприкосновения и пересечения, а также проследить пути формирования идиостиля Блока.

Ключевые слова: текст, макротекст, интертекст, мотив, аллюзия словесный образ, образ-интерферент, макрообраз, семантическая структура, семантическая составляющая

Subbotina M.V.
Voronezh State Pedagogical University,
Voronezh, Russia

LERMONTOV 'S INTERTEXT IN THE MACROTEXT OF A. BLOK 'S LYRICS

Abstract. The motivic analysis based on the comparison of the semantic structure of the macroimages underlying the modifications of the traditional motives of the lyrics of M. Y. Lermontov and A. A. Blok allows us to identify the proximity of the two poetic systems, their obvious points of contact and intersection, as well as to trace the ways of forming the idiostyle of the Blok.

Keywords: text, macrotex, intertext, motif, allusion, verbal image, image-interference, macroimage, semantic structure, semantic component

Среди многих поэтов прошлого, чье влияние на формирование идиостиля А. Блока не вызывает сомнения, особое место принадлежит М.Ю. Лермонтову. Приобщение Блока к лермонтовскому наследию, его постижение и проекция на собственное творчество тесно связаны и с личностными особенностями поэта, жившего почти столетие спустя, и с обстоятельствами его частной и общественной жизни.

В иерархии мотивов лермонтовской поэзии одно из важнейших мест принадлежит традиционному мотиву любви, представленному множеством модификаций. На наш взгляд, индивидуально-авторским можно считать субмотив «посмертная любовь».

Выделяя субмотив «*посмертная любовь*» в качестве аллюзивного мы руководствуемся устоявшимся мнением о том, что, несмотря на существование немецких оригиналов стихотворений «Любовь мертвеца» и «Они любили друг друга так долго и нежно...», **макрообраз ментального мира** («мир иного существования»), чрезвычайно важный для постижения лермонтовского этического идеала, – новое понятие в русской и мировой поэтике.

Лексический состав и образный строй стихотворений «Простите мне, что я решился к вам...», «Пускай, быть может...», «Письмо», «Любовь мертвеца», «Они любили друг друга» формируют следующие семантические составляющие макрообраза «**ментальный мир**» у Лермонтова:

1. **абсолютная верность** («*Любви моей не холодит гробница...*»; «О друг! всегда, везде с тобою / Душа моя»; «Но ты не плачь: **мы ближе друг от друга, / Мой дух всегда готов к тебе лететь...**»);

2. **ревность к возможному земному сопернику** («То тень моя безумная предстала, / И мертвый взор на путь ваш навела...»; «Желаю, плачу и **ревную**, как в старину...»);

3. **страдание** («... но вы не знали **мук** моих...»; «**Коснется ль чужое дыханье / Твоих ланит, / Душа моя в немом страданье** / Вся задрожит). Семантическое поле «страдание», воплощающее чувства лирического «я», тесно переплетается с семантическим полем образа-интерферента **пламя**: Случится ль, шепчешь, засыпая,

Ты о другом,

Твои слова, текут, **пылая**,

По мне **огнем** [Лермонтов 1983, с. 71].

Словесные образы семантического поля «пламя» формируют также значение **яркости** и **напряженности** любовного чувства, отсюда соответствующая семантическая составляющая (4);

5. **надежда на встречу** («Узнай в тот миг, что это я из гроба на мрачное **свиданье** прилетел...»); «Наступило за гробом **свиданье**...»).

Использование традиционных слов-образов «призрак», «гроб», «тьма», «дом подземный», «могила», эксплицирующих мотив смерти, приводят к возникновению еще одного значения в семантике макрообраза:

6. **обреченность** («Сойду в мой **дом подземный** навсегда!»).

В формировании семантики макрообраза «посмертная любовь» важная роль принадлежит традиционным символическим образам **память** и **сон**.

Проходя через дистантный макроконтент, слово-образ **память** в лирике Лермонтова выступает как экспликатор символического значения **противостояния** потоку времени, уносящему все в вечность и небытие:

Любви безумного томленья,

Жилец могил,

В стране покоя и забвенья

Я не забыл [Лермонтов 1983, с. 71].

Поэтому следующую семантическую составляющую анализируемого макрообраза можно определить как

7. **незабываемость, неподвластность земным и небесным законам**.

С семантическим полем «**память**» контекстуально связан образ-интерферент **живой мертвец**, важный для понимания глубинной сущности смыслопорождения в лермонтовском макроконтенте: любовь – неодолимая сила, равная самой смерти и сравнимая только с жизнью.

Символический образ **память** (антизабвение), оказавшись на одной синтагматической оси в непосредственной близости со словом-образом **сон** («И милый образ во сне лишь порою видали...»), способствует созданию макрообраза «**ментальный мир**», семантика которого связана с его контекстуальными определениями: страна покоя и забвенья», «мир новый», «страна, где не знают обману» – некое идеальное пространство **утопии** или **сна**, который, как известно, в лермонтовской лирике выступает как условие покоя. Очень важно, что **сон** осмысливается Лермонтовым как переходное состояние, своеобразный путь в инобытие.

Восприятие лирическим субъектом ментального мира амбивалентно: небесная гармония, мир важных и нетленных ценностей не может не привлекать, но небесной красоте противостоит земная любовь, память о «земном упоении».

Анализ текстов А. Блока, помещенных в трех томах его лирики, показал, что семантическая структура макрообраза «ментальный мир» представлена теми же составляющими, что и в лирике М. Ю. Лермонтова:

1. **абсолютная верность** («И будут **души неразлучны**, / И будут сплетены тела...»); «Тоскую и молюсь над погребенным прахом...»);

2. **ревность к земному сопернику** («Тобой ли забытый – из **гроба** / Он встал – и **грозит, одинокий мертвец**, – / И **мы содрогаемся оба**...»);

3. **страдание** («Ответь единый раз болезненному крику...»); «Распахнул я окно – с вышины / Над угасшею тенью **рыдать**...»);

4. **яркость, напряженность чувства** («Ее глубокие **пожары** / **Точили** сердце **мертвеца**...»);

5. **надежда на встречу** («Поверь и я, далекий света, / Давно мечтавший об ином, / К тебе приближусь до рассвета, – / **Мы ночь в объятии проведем**...»);

6. **обреченность** («**Исчезнем в смертном содроганьи**, / Чтоб дня грядущего не знать...»);

7. **неподвластность времени, земным и небесным законам** («**Неразлучно** – будем оба / Клятву Вечности нести, / Поздно встретимся у гроба / На серебряном пути...»).

Семантика символического образа **память** формируется под воздействием многих факторов по мере прохождения его через микроконтексты: на нее оказывает влияние семантика эпитетов, актуализируя смыслы «тревожная», «ирреальная» («Теперь он угас навсегда и во **мгле** / **Туманной, таинственной** скрылся, / Оставив лишь **память** о строгом челе, / Где **страсти** восторг притаился...»); «Уютны мне **черные сны**, / В них **память**

свежеет моя: / В **виденьях седой старины**, / Бывалой, знакомой страны...); семантика углубляется в результате использования лексемы **память** в сравнительных конструкциях («Весь **я – память**, весь я – слух...»); олицетворениях («Все, что **память сберечь мне старается**, / Пропадет в безумных годах, / Но **горящим** зигзагом взвивается / Эта повесть в ночных небесах»), в результате чего память о прошедшем оказывается окрашенной атмосферой таинственности, призрачности, неопределенности, даже фантастичности. Это впечатление усиливается путем использования семантических рядов с соответствующим иррациональным значением:

И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадиллом мечтаний сквозит [Блок 1971, т. 3, с. 122].

Так же, в духе символистской поэтики, осмысливается Блоком и сопряженный с символическим образом **память** традиционный образ **сна – смерти**.

В стихотворении «Вот он – ряд гробовых ступеней...» традиционный образ сна-смерти, помещенный в метафорический ряд, становится у Блока символом, знаком особого состояния на грани жизни и смерти, аллюзивно восходящим к лермонтовскому двухплановому образу сна – смерти, сна – пробуждения в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...». Здесь Блок, на наш взгляд, использует самобытную лермонтовскую мифологию посмертной живой дремы, продолжая традицию так называемого «лермонтовского сомнамбулизма» [Лермонтовская энциклопедия 1981, с. 96].

Очевидно, что Блок вслед за Лермонтовым осмысливает сон как переход (ступень), дорогу в инобытие. Семантика аллюзивного макрообраза «ментальный мир» складывается также на основе семантических полей словесных символов **путь** («Поздно встретимся у гроба / На **серебряном пути**»), **огонь** и **даль**: («Я чуял **розовую** пену / с Ее любимых **берегов**»). Такое словесное воплощение макрообраза «ментальный мир» позволяет определить его как емкую семантическую сущность, в которой соединяются следующие значения: 1) далекий, 2) подчиненный не человеческим, а небесным законам; 3) таинственный; 4) чистый; 5) обещающий новую жизнь.

Три последние значения, по свидетельству М.М. Маковского, могут соотноситься с «понятием огня» [Маковский 1996, с. 240]. Думается, что названные значения поддерживаются семантикой цветowych эпитетов «розовый», «серебряный», «светлый», которые в поэтике Блока осмысливаются как знаки появления Прекрасной Дамы или ее местонахождения.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на большую семантическую сложность макрообраза «ментальный мир» у Блока, по сравнению с лермонтовским макрообразом, основной содержательный элемент одинаков у обоих поэтов: для каждого из них важно, что «иной мир» – мир чистый, истинный, гармоничный. Но если лирический субъект Лермонтова все же привержен земле, земным радостям и страстям, то лирический субъект Блока устремлен вверх, к небу.

Литература

1. Блок А. А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Правда, 1971. Т. 1, 3.
2. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 1.
3. Лермонтовская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1981. 784 с.
4. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН-ПЕРСОНАЛИЙ В СОЗДАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА

Исследование «Симболорий региональной идентичности» выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Аннотация. В статье рассмотрены прецедентные имена, образованные на базе имен персоналий, актуальные для текста тульской региональной культуры. Исследованы особенности семантики прецедентного имени. Установлено, что, становясь знаком культуры, прецедентное имя утрачивает свои энциклопедические признаки и актуализирует те смыслы, которые необходимы для объективации стереотипов и представлений о регионе.

Ключевые слова: язык, культура, симболорий культуры, культурный текст, прецедентное имя

Tokarev G.V.
*Tula State Pedagogical University
named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia*

THE ROLE OF PRECEDENT NAMES-PERSONALIES IN CREATING A REGIONAL CULTURAL TEXT

Abstract. The article considers precedent names formed on the basis of the names of personalities that are relevant for the text of the Tula regional culture. The features of the precedent name semantics are studied. It has been established that, becoming a sign of culture, the precedent name loses its encyclopedic features and actualizes those meanings that are necessary for the objectification of stereotypes and ideas about the region.

Keywords: Language, culture, cultural symbol, cultural text, precedent name

Одним из важных средств региональной идентичности являются прецедентные имена, формируемые на базе имен персоналий. Данные единицы характеризуются широкой распространенностью, общеизвестностью. Прецедентные имена, составляющие симболорий региональной субкультуры, формируются на базе имен выдающихся личностей, родившихся и проживших в данной локации, либо занимавшихся ценностно маркированной деятельностью. Особая группа прецедентных имен включает номинации вымышленных персонажей из культурных историй региона, запечатленных в произведениях устного народного творчества или художественной литературе: *Левша*, *Тычка*. Прецедентное имя используется в качестве эмблемы региона. Употребление номинации в данной функции связано с чувством гордости, которую испытывают представители субкультуры. В наивном сознании представителей лингвокультуры данные персоналии маркируются как свои, формируя региональный культурный текст. Данные единицы в концентрированном виде представляют мифологию региона, формируя общую лингвокультурную историю локации. При переводе имени в разряд эмблемы лингвокультуры редуцируются энциклопедические признаки. Члены лингвокультуры могут не знать имени и отчества. Актуализируется, как правило, один или небольшое количество признаков, которые освещают культурную роль персоналии и генерируют стереотипы о регионе. Номинация переходит в статус лингвокультурных единиц и получает функцию символа или эталона. Прецедентные имена тульской региональной культуры представлены следующими группами.

1. Имена общественных деятелей представлены номинациями Белоусов, Смидович. Имя Петра Петровича Белоусова ассоциируется с центральным парком Тулы, который он основал на месте свалки и который носит его имя, а также рестораном «Петр Петрович», расположенном на территории парка. Имя Белоусова выступает эмблемой городского парка.

Имя Викентия Игнатьевича Смидовича актуализирует смыслы доброго доктора, помощника бедным. Для культурного сообщества актуальна легенда, в которой рассказывается, как

на Смидовича напали бандиты, но узнав в жертве народного благодетеля, вернули все награбленное и проводили до дома. Именем Смидовича названа улица города. Данный знак выступает эталоном доброты и отзывчивости.

2. Группа прецедентных имен представителей науки представлена номинациями Болотова и Хомякова. Имя Андрея Тимофеевича Болотова в сознании современного туляка связано с смыслами «русский просветитель», «распространитель картофеля», «ученый, селекционирующий гибридные растения». С именем Болотова связана история создания парка при дворце Бобринских в Богородицке. Имя Болотова ассоциативно связано с топонимом Дворяниново – именем Болотова, в котором в настоящее время располагается музей, название улицы города.

Имя Алексея Степановича Хомякова актуализирует следующие актуальные для тульской лингвокультуры знания: «мыслитель XIX века», «славянофил». С его именем связаны поселки Хомяково и Богучарово, где находились его поместья. Для научной общественности Тулы имя философа сопряжено с Хомяковскими чтениями, проводимыми в образовательных учреждениях города. Имена Болотова и Хомякова выступают в роли эталонов образованности, патриотизма и культуры.

3. Группа прецедентных имен представителей искусства включает имена Льва Толстого, Василия Жуковского, Викентия Вересаева, Глеба Успенского, Порфирия Крылова, Белобородова. Центральное место этой группы занимает имя Льва Толстого. В ассоциативных отношениях с ним находится название его имения Ясная Поляна. Имя Толстого актуализирует следующие культурные смыслы «великий русский писатель, автор известных романов», «педагог, создатель Азбуки», «общественный деятель», «заступник бедных», «отец большого семейства». Имя Толстого носят улицы, педагогический университет, школа, интернат, больница, издательство, выставочный зал. В городе есть несколько памятников и памятных досок, посвященных писателю. Проводятся фестивали и Толстовские чтения. Актуальна легенда о том, что Толстой босой ходил в Тулу.

Имя Василия Андреевича Жуковского ассоциативно связано с названием уездного города Белева, к которому относилось село Мишенское – место рождения поэта. В коллективном сознании актуальны смыслы «великий русский поэт», «воспитатель царя». Культурная память о персоналии воплощена в названии улицы, памятнике поэту.

Имя Викентия Викентьевича Вересаева актуализирует смыслы «писатель», «переводчик». Культурная память о персоналии воплощается в названии улицы, музее, памятнике, установленном у входа в парк.

Имя Глеба Успенского актуализирует смыслы «писатель», «Растеряева улица». Культурная память воплощена в памятнике, установленном напротив Староникитской улицы, прообразе Растеряевой улицы, мемориальных досках, названии улицы.

Имя Порфирия Никитича Крылова актуализирует смыслы «художник», «Кукрыниксы». Культурная память воплощена в музее художника.

Имя Белобородова актуализирует смыслы «гармонист», «создатель хроматической гармонии», руководитель оркестра. Культурная память воплощена в мемориальных досках, музее.

Группу прецедентных имен святых составляют номинации Евфросиния Колюпановская, Матрона Московская. Имя Евфросинии Колюпановской актуализирует следующие смыслы: «целительница», «святой источник в Колюпаново Алексинского района Тульской области». Имя Матроны Московской фокусируют смыслы «святая», «целительница», «предсказательница будущего». Культурная память поддерживается созданием мемориала и музея Матроны Московской в Кимовском районе Тульской области. Номинации выступают эталонами святости.

4. Имена мастеров, представителей ремесел, производств, конструкторов включают в свой круг следующие номинации: Левша, Тычка, Никита Демидов, Мосолов, Лугинин, Баташев, Грязев, Стечкин, Шипунов, Мосин, Токарев.

С именем Никиты Демидовича Демидова связаны представления об истоках металлургического и оружейного дела в Туле. В коллективном сознании актуальна легенда о знакомстве Никиты с Петром I в 1695 году. В это время Демидов получает у царя разрешение на строительство металлургического завода на реке Тулице. Первый русский император не раз делал заказы орудия Демидову. Бывая в Туле, царь останавливался в доме знаменитого оружейника. Перед началом Северной войны Никита вызвался отлить 500 пушек. За заслуги

перед Отечеством Демидов получил разрешение владеть тульским заводом и передать это право по наследству. Развивая металлургическое производство, Никита занимался и производством оружия. Сыновья Демидова – Акинфий и Григорий – продолжили дело отца. В 1720 году Никите Демидову был пожалован дворянский титул. Похоронен Никита Демидов в Туле около храма Николы Зарецкого. Культурная память о Демидове воплощена в названии улицы Демидовская плотина, торгового центра «Демидовский», названии механического колледжа.

Имена Мосолова, Лугинина, Баташева были забыты тульским культурным социумом в годы советской власти. Однако культурные преобразования начала XXI века вновь актуализировали данные номинации. Этот процесс был связан с актуализацией самобытности региональной культуры, обращению к персоналиям, внесшим значительный вклад в ее развитие.

Имя Лариона Ивановича Лугинина в настоящее время актуализировано в связи с распространением номинации особняка, в котором размещаются некоторые факультеты Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, – Дом Лугинина. В коллективном сознании актуализированы смыслы об общественной деятельности этого человека: он был первым градоначальником Тулы, владелец металлургических заводов, бумажных и полотняных фабрик, доставшихся ему по наследству, имел прозвище «Русский лев вешней торговли». В связи с его именем распространена легенда о его дочери, которая в Париже вышла замуж, не получив благословения отца. По возвращении на Родину дочери Лугинин добился признания этого брака недействительным. Несчастливая дочь была заточена в родительском доме и покончила жизнь самоубийством. По студенческим поверьям, до сих пор в доме живет ее призрак.

Фамилия Баташевых связана с металлургическим производством и строительством самой крупной в Туле самоварной фабрики. Отец семейства Иван Тимофеевич Баташев стоял у истоков развития металлургии в Туле. Историю рода Баташевых сохраняет Баташевский сад, который был частью усадьбы богатейшей фамилии.

Фамилия Мосоловых связана с деятельностью четырех братьев: Алексея, Максима, Ивана Большого и Ивана Меньшого – сыновей Перфилия Григорьевича Мосолова – по созданию металлургических заводов. Имя Мосоловых вновь стало актуальным в сознании современных туляков в связи с возрождением усадьбы городе Дубне Тульской области.

С именами Николая Федоровича Макарова, Игоря Яковлевича Стечкина, Аркадия Георгиевича Шипунова связаны представления о конструкторских разработках оружия. Коллективная память об этих людях воплощена в мемориальных досках, памятниках. Один из факультетов Тульского государственного университета носит имя Н.Ф. Грязева.

Как показывает анализ, включение в региональный симболярый, с одной стороны связано, с тем, что данные персоналии родились в Тульском крае, с другой – ценностями тульского культурного сообщества. Тульский культурный текст воплощает ценности туляка: мастерство, предприимчивость, патриотизм, святость, образованность и культура. Нет сомнения, что данные ценности актуальны и для иных региональных культур. Специфика тульского текста заключается в особенности объективации данных идей прецедентными именами и стоящими за ними лингвокультурными сюжетами.

ЭМОЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам исследования феномена эмоций в политическом языке. Автор статьи рассматривает различные проявления эмоций в политическом языке, а также их ключевую роль, которая заключается в воздействии на аудиторию для достижения политических целей, убеждения, стимулирования к действиям и формирования отношений к политическим реалиям.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональное воздействие, убеждение, политический язык, политическая речь

Uafa L.E.
Kuban State University, Krasnodar, Russia

EMOTIONS IN POLITICAL LANGUAGE

Abstract. The article discusses some aspects of the study on emotions in political language. The author of the article examines various manifestations of emotions in political language and their key role, which focuses on influencing the audience in order to achieve political goals, persuade, encourage to actions and form attitudes to political phenomena.

Keywords: emotions, emotional effect, persuasion, political language, political speech

Точка зрения, согласно которой политический язык сосредоточен лишь на объективном описании происходящих событий без указаний на эмоции, опровергается многими современными учеными. Напротив, в настоящее время эмоции вызывают большой интерес и играют более значимую роль, чем психофизиологическое явление. С давних времен ученые пытаются выделить эмоции, которые формируют и движут политическими процессами, а также воздействуют на аудиторию.

Важным объектом в изучении эмоций является речевая деятельность человека. Л.М. Босова, А.Н. Диденко пишут, что «язык в своей коммуникативной функции служит человеку не только для выражения мысли, но и для выражения его субъективного отношения к высказываемому, именно эмоции являются неотъемлемым фактором в познании человеком окружающего мира» [Босова, Диденко 2018, с. 40]. На коммуникативно-прагматическом уровне необходимо различать эмотивность и эмоциональность. Как считает Т.В. Ларина, эмоциональность – это «инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций, являющееся психофизиологической потребностью человека», а эмотивность – «сознательная, запланированная демонстрация эмоций, имеющая определенную коммуникативную установку». В первом случае «эмоции носят естественный, спонтанный характер, являются открытой демонстрацией чувств; во втором – проявление эмоций носит преднамеренный характер и представляет собой стратегию коммуникативного поведения» [Ларина 2009, с. 37].

Принимая во внимание вышесказанное, остановимся подробнее на роли эмоций в политическом языке. Политический язык – это «ориентированный на сферу политики вариант национального языка» [Чудинов 2009, с. 27], который относят к самостоятельной системе благодаря его коммуникативному воздействию, своеобразным функциям и специфической лексики [Воробьева 2008, с. 7]. Именно язык создает политику, следовательно, политическая деятельность невозможна без речевого воздействия, необходимого для достижения политических целей, продвижения той или иной идеологии, формирования отношений к политическим реалиям.

Безусловно, воздействие имеет многоплановый характер, поэтому может быть как рациональным, так и эмоциональным. Сочетание рационального и эмоционального воздействия достаточно часто применяется политиками [Блох, Резникова 2006, с. 14]. Тем не менее, более эффективным считается эмоциональная сторона в политическом языке, поскольку эмоции позволяют политику не только продемонстрировать заинтересованность или искренность, но и привлекают внимание слушателей, а также вовлекают их в политическую деятельность.

О.В. Нагорных утверждает, что «прибегая к оценочной и эмоционально-окрашенной риторике, политические лидеры задают определенный тон, облегчая интерпретацию определенных событий...» [Нагорных 2018, с. 368]. Говоря об эмоциях в политической сфере, исследователь утверждает, что это «совокупность сознательных и бессознательных реакций субъектов и объектов политической деятельности на внешние и внутренние изменения политической среды, в отношении господства, подчинения, руководства и распределения ресурсов» [Нагорных 2018, с. 371]. Более того, подчеркивается, что при анализе роли эмоций в политической сфере, необходимо понимать разницу между категориями «эмоции» и «чувства». Итак, чувства – это подкласс эмоциональных процессов, их особенность заключается в выраженном характере как результате обобщения эмоций. В то время как, эмоции являются внешними, наблюдаемыми проявлениями чувств, которые часто имеют скрытый характер. Именно через эмоции чувства становятся видимыми, превращаясь из сугубо личного переживания в социальный факт [Нагорных 2018, с. 369].

М.Я. Блох, Н.А. Резникова утверждают, что в лингвистическом плане успех воздействия с помощью политического языка определяется ее стилистической характеристикой, «эффект которой реализуется посредством импрессивной и эмотивной рубрик информации, выдвигаемых в политическом красноречии на первый план и создаваемых при помощи эмотивов и экспрессивов разных уровней языка» [Блох, Резникова 2006, с. 14]. По мнению ученых, в структуре политического языка выделяются политические термины, идеологемы, социологемы и ярлыки, которые в пределах конкретного предложения передают разного рода реалии и являются аспектами эмоционального воздействия. Другим не менее важным аспектом эмоционального воздействия являются тропеические и аранжировочные средства. Политические деятели, как правило, хорошо владеют стилистическими ресурсами языка. Кроме того, эмотивная лексика, принадлежащая к составу общеупотребительной, также является одним из аспектов эмоционального воздействия. При классификации эмотивов ученые исходят из того, что «сема эмотивности может содержаться в денотативном макрокомпоненте при отражении эмоций как объективно существующей реальности. Эмотивный микрокомпонент может также являться частью коннотативного макрокомпонента и содержаться у слов дополнительно к денотативному значению, а может возникать у слов в определенном контексте» [Блох, Резникова 2006, с. 15–17]. Л.М. Босова, А.Н. Диденко согласны с мнением ученых и подобным образом утверждают, что знание и понимание лингвистических особенностей выражения эмоций на всех уровнях языка – лексическом, словообразовательном, синтаксическом и др., важно для политика, чтобы грамотно воздействовать на аудиторию, убедить ее в правильности выдвинутой политической концепции [Босова, Диденко 2018, с. 41].

Подводя итог, отметим, что обращение к эмоциям со стороны политиков зависит от многих факторов, например, от индивидуальных особенностей, конкретной ситуации, аудитории. Тем не менее, если необходимо выделить политические приоритеты, убедить аудиторию, стимулировать к действиям, то в таком случае эмоции занимают центральное место в политической речи. В целом своеобразие политического языка заключается больше не в том, что говорится, а как это говорится, как и с каким эмоциональным эффектом подается.

Литература

1. Блох М. Я., Резникова Н. А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник ТГПУ. 2006. № 9. С. 14–19.
2. Босова Л. М., Диденко А. Н. Эмотивность политического дискурса // Евразийский союз ученых. 2018. № 7 (52). С. 40–42.
3. Воробьева О. И. Политическая лингвистика. Современный язык политики. М. : ИКАР, 2008. 296 с.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 512с.
5. Нагорных О. В. Эмоции в политике как категория социополитических наук: сущность и основные направления исследований // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. № 3 (24). С. 368–372.
6. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация : учебное пособие / отв. ред. А. П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. 292 с.

ДИСКУРС РЕГИОНАЛЬНОГО МАССМЕДИА О БЕЖЕНЦАХ: НАРРАТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТРАХОВ И СТРАТЕГИИ ИХ СНЯТИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» (2022).

Аннотация. В статье рассматривается дискурс регионального массмедиа, который выступает источником страхов в социуме. Средства массовой информации не только создают повестку дня аудитории, но и определяют отношение к тем или иным объектам, явлениям и процессам, то есть к референциальному плану. С одной стороны, сообщая об актуальных событиях, они могут запустить механизм формирования, эскалации и распространения страхов и паники в обществе, с другой – формированию конструктивного опыта как основы преодоления страхов. Цель статьи – описать нарративную репрезентацию страхов и стратегии их преодоления на примере дискурса о беженцах в региональных СМИ.

Ключевые слова: дискурс о беженцах, нарратив, репрезентация, страхи, массмедиа

Fedorov V.V.
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

REGIONAL MASS MEDIA DISCOURSE ABOUT REFUGEES: NARRATIVE REPRESENTATION OF FEARS AND STRATEGIES FOR THEIR REMOVAL

Abstract. The article discusses the discourse of the regional mass media, which acts as a source of fear in society. The mass media not only create the agenda of the audience, but also determine the attitude to certain objects, phenomena and processes, that is, to the referential plan. On the one hand, reporting on current events, they can trigger the mechanism for the formation, escalation and spread of fears and panic in society, on the other hand, the formation of constructive experience as the basis for overcoming fears. The purpose of the article is to describe the narrative representation of fears and strategies for overcoming them using the discourse about refugees in the regional media as an example.

Keywords: discourse about refugees, narrative, representation, fears, mass media

В условиях тотальной медиатизации [Загидуллина 2016, с. 48], или панмедиатизации, именно средства массовой информации влияют на формирование отношения к разнообразным явлениям общественной жизни. Различные типы СМИ специфическим образом конструируют картину мира адресата, культивируя в его сознании различные установки, в том числе страхи и фобии. Особую роль играют региональные медиа, с одной стороны, освещают жизнь рядового обывателя, они становятся каналом публичной презентации повседневных проблем, с другой стороны, такие массмедиа в большей степени зависят от локальной информационной картины, которую часто определяет местная власть, а также могут выступать посредником между различными социальными, демографическими группами, этническими и другими сообществами, существующими в городском пространстве, налаживают связь между горожанами и властью, вовлекая жителей города в общественную жизнь. Таким образом, именно этот сегмент региональных массмедиа в первую очередь включает травмирующее событие в повестку дня аудитории, которое может спровоцировать страхи в социуме, задает первичный сценарий его восприятия, что впоследствии определит основные векторы построения общественного мнения, стереотипные практики говорения о страхах и их осмысления.

К потенциально травматическому событию (ситуации) П. Штомпка относит то, которое становятся причиной социальных изменений: революция (удавшаяся или нет), государственный переворот, уличные бунты; крах рынка, кризис фондовой биржи; радикальная экономическая реформа (национализация, приватизация и т.п.); иностранная оккупация, колониальное завоевание; принудительная миграция или депортация; геноцид, истребление, массовые убийства; акты терроризма и насилия; религиозная реформация, новое религиозное

пророчество; убийство президента, отставка высшего должностного лица; разоблачение коррупции, правительственный скандал; открытие секретных архивов и правды о прошлом; ревизия героических традиций нации; крах империи, проигранная война [Штомпка 2001, с. 9]. Все эти варианты объединяет эффект выхода за пределы социальной нормы: «Травматические события вызывают нарушение привычного образа мысли и действий, меняют, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления» [Штомпка 2001, с. 9].

На уровне жизни региона к травмирующим, или травматическим, как вариант термина, событиям относятся происшествия, которые, с одной стороны, нарушают социальную норму и приводят к социальным изменениям, а с другой стороны, связаны с повторяющимися событиями из повседневности (коммунальное хозяйство, общественное поведение, сферы жизни обывателя: образование, медицина и т.п.). Эта диалектика и передает специфику дискурса регионального массмедиа как источника страхов в социуме: страхи рядового горожанина, влияющие на массовое сознание.

Так, по словам Э.В. Чепкиной, объектом журналистского дискурса является «то, что выходит за рамки обычного, обыденного», то есть часть социального хаоса, ненормы [Чепкина 2000, с. 104]. Однако в «процессе именованности и описания» объект «будет включен в некоторый смысловой ряд и таким образом объяснен» [Чепкина 2000, с. 105], а значит, заданы основы когнитивных и речевых сценариев восприятия объекта, в том числе страхов и угроз, которые воспринимаются не как единичные случаи, а как проявления хаоса. Таким образом, дискурс регионального медиа, с одной стороны, становится источником страхов в социуме, с другой стороны, «встраивает» страхи, вызванные травмирующим событием, в универсальный порядок, определяет социальную жизнь как повторяющееся противостояние хаоса и космоса. Дискурс региональных массмедиа формирует ядро, сердцевину этой мировоззренческой антитезы.

Однако сегодня в локальную информационную картину включаются новые вызовы социальной норме, провоцирующие страхи и фобии. Так, одним из таких травмирующих событий стало вынужденное переселение беженцев с приграничных с Россией территорий в условиях спецоперации. Дискурс о беженцах становится сигналом для обывателя нарушения нормальной и способен потенциально вызывать страхи у населения. Однако массмедиа способны компенсировать этот урон, представить включение беженцев социальные отношения. Цель статьи – описать нарративную репрезентацию страхов и стратегии их преодоления на примере дискурса о беженцах. Материал исследования – публикации с февраля по июнь 2022 года, представленные на челябинском портале 74.ru.

Так, дискурс о беженцах строится на использовании нескольких нарративных сценариев. Здесь речь идет о гуманитарной составляющей этого феномена, то есть о придании институционального статуса. Во-первых, возникает эффект снятия страхов, так как это не просто обезличенные и незнакомые люди, но беженцы, которые встроены в гуманитарные процессы, управляемая «стихия». Здесь следует подчеркнуть, что в статьях упоминаются названия международных организаций и органов, которые занимаются проблемами беженцев, контролируют и помогают решать проблемы, приведена статистика из открытых источников, упоминается исторический контекст, говорится о встречах с конкретными официальными лицами. Например: «...более 5,2 миллиона беженцев с Украины прибыли в соседние страны с начала специальной военной операции РФ. За сутки это число увеличилось более чем на 45 тысяч, сообщило Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев» (74.ru от 25.04.2022). В ряде материалов также упоминаются российские надзорные и правоохранительные органы, которые контролируют поведение беженцев и пресечение ими границы: «Министерство юстиции РФ получило около 2 тысяч запросов на получение российского гражданства от беженцев из ЛНР и ДНР, проживающих в пунктах временного размещения в регионах России» (74.ru от 25.04.2022). Таким образом, ненормативность статуса беженцев компенсируется через апелляцию к авторитету. Однако можно предположить, что в таком варианте нарративной репрезентации страхов и стратегии их преодоления есть и политический смысл: представить бегство населения Украины как типичное явление для военного конфликта, а значит, привлечь внимание мировой общественности.

Во-вторых, преодоление страхов по отношению к беженцам происходит с помощью нарративной репрезентации процесса благоустройства их жизни, приобретения понятной социальной роли и статуса. В этом отношении в подавляющем большинстве материалов рассказывается об устройстве лагерей для беженцев, налаживании их быта, получении

документов и гражданства, что обеспечивает их включенность в новые социальные отношения. В подобных публикациях включенность и инклюзия подчеркиваются на речевом уровне: адаптация, принятие и т. п. Например: «В Челябинской области выросло число беженцев из ДНР и ЛНР. ... В Челябинскую область прибыли 210 беженцев из Донецкой и Луганской Народных Республик <...> Каждому прибывшему оказывается необходимый объем помощи в рамках индивидуальной программы сопровождения и социально-бытовой адаптации: действие в оформлении документов, медицинская помощь, устройство детей в образовательные организации, подбор вакансии» (74.ru от 07.04.2022).

Таким образом, нарративная репрезентация страхов основана на концепции выхода за пределы социальной нормы, а стратегии их снятия базируются на таких принципах, как институционализация, социализация, инклюзия, то есть через приведение к норме общественной жизни, через обращение к традиционным гуманитарным ценностям.

Литература

1. Загидуллина М. В. Ключевые черты медиаэстетики: ментально-языковые трансформации // Челябинский гуманитарий. 2016. № 2 (35). С. 46–54.
2. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
3. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Федотова Е.А.

*Калининградский государственный технический университет,
г. Калининград, Россия*

МЕНТАЛЬНАЯ СХЕМА ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ LSP «ЭРГОНОМИКА»)

Аннотация. В статье рассматривается теория когнитивной модели построения текста, исследуется техника описания ментальных пропозиций. Анализ осуществляется на базе текстов LSP «Эргономика» (на материале немецкого языка).

Ключевые слова: когнитивная модель, построение содержания текста, ментальные пропозиции, аргументы, текстовая база, минитекст, базовые концепты, эргономика

Fedotova E.A.

*Kaliningrad State Technical University
Kaliningrad, Russia*

MENTAL SCHEMA OF THE TEXT (ON THE MATERIAL OF THE ANALYSIS OF GERMAN-LANGUAGE TEXTS LSP "ERGONOMICS")

Abstract. The article deals with the theory of the cognitive model of text construction and explores the technique of describing mental propositions. The analysis is carried out on the basis of the texts of the LSP "Ergonomics" (on the material of the German language).

Keywords: cognitive model, construction of the contents of the text, mental propositions, arguments, text base, minitext, base concepts, special texts, ergonomics

В данной статье мы используем *пропозициональную* ментальную схему для анализа текстов LSP «Эргономика», ориентируясь на теорию Кинча – ван Дейка о построении содержания текста.

На начальном этапе работы исследуемой модели осуществляется стратегическое конструирование пропозиций. Данный этап включает поверхностное структурное декодирование фонетических или графических цепочек. Распознавание слов основывается на семантической интерпретации, порождающей ожидания о возможных значениях и, следовательно, возможных классах слов и общей синтаксической структуре предложения. Пропозиции конструируются в данной модели на основе значений слов, активированных в семантической

памяти, и синтаксических структур предложений. Одно простое предложение выражает одну пропозицию.

Ван Дейк утверждает, что лексические значения соответствуют так называемым атомарным пропозициям, которые организованы в *пропозициональные схемы*. Существительному или местоимению в функции грамматического подлежащего, обозначающему лицо, в схеме приписывается позиция агенса. Сложные предложения соответственно исследуются как сложные пропозициональные схемы, в пределах которых может осуществляться координация и взаимное объединение пропозиций в функциональные категории. В результате поверхностное упорядочивание и иерархия простых предложений являются показателями первичной организации данных сложных пропозициональных схем, хотя другая семантическая информация, содержащаяся в предыдущих предложениях или во всей макроструктуре, способна повлиять на окончательное установление структуры семантического представления предложения [Федотова 2016, с. 315–320].

Установление значимых связей между предложениями текста относится к одной из важных задач. Последовательность данных стратегий В. Кинч и Т.А. ван Дейк называют стратегий *локальной когерентности*. В когнитивной модели факты, обозначенные пропозициями, выражают тождественные референты: индивидуальные объекты или лица. Таким образом, одной из допустимых стратегий является поиск аргументов пропозиции, которые находятся в отношении кореферентности с одним из аргументов предыдущей пропозиции.

Ключевой компонент исследуемой нами модели содержит множество макростратегий. С помощью этих стратегий образуются макропропозиции, имеющие ту же структуру, что и предшествующие пропозиции. Если применять релевантные стратегии вывода повторно, существует возможность извлечь несколько уровней макропропозиций, которые формируют *макроструктуру* текста. Данное теоретическое понятие используется для обозначения того, что называется общим содержанием, темой или топиком текста. Пользователь языка может догадаться о теме текста уже после минимума текстовой информации из первых пропозиций [Федотова 2010, с. 144–151].

Тексты включают в себя макроструктуры, которые могут делиться на микроструктуры, а те в свою очередь представляют связи между пропозициями, служащими фундаментом для конструирования предложений. Макроструктуры являются многоуровневыми. На любом уровне находятся макроструктуры, охватывающие ряд пропозиций до самого наивысшего уровня [Vater 2001, с. 67–70]. Если текст состоит из одного предложения, то микроуровень тождественен макроуровню.

Т.А. ван Дейк утверждает, что «главной задачей говорящего является построение такой макроструктуры, как семантический *план* текста, состоящий из элементов общего знания и в особенности из элементов ситуационной модели, включая модель слушающего и его знания, мотивации, прошлые действия и намерения и коммуникативный контекст. После создания макроплана следующей важной задачей является стратегическое управление текстовой базой на локальном и линейном уровне; отмечается локальная связность и формулируются поверхностные структуры с различными семантическими, прагматическими и контекстуальными данными. Говорящие начинают формулировать предложения до построения полной семантической репрезентации предложения; то же самое происходит на более глобальном уровне, так что частично или ранее сформированные макроструктуры могут быть изменены ввиду локальных информационных ограничений» [Дейк, Кинч 1988, с. 176–178].

Репрезентация текста содержит не только поверхностную – семантическую и прагматическую – информацию, но и схематические суперструктуры. Следовательно, репрезентация текста организована как многоуровневая система, включающая микроструктуры, объединенные посредством линейных связей в терминальные категории. Использование знания в понимании текста означает способность соотносить текст с некоторой имеющейся структурой знания, на основе которого и конструируется модель ситуации.

Значение текста можно представить как иерархически упорядоченный список пропозиций, причем иерархия определена повторением аргументов: пропозиция занимает уровень иерархии, который расположен под тем же уровнем, где впервые упоминались аргументы.

Вышеописанную методику анализа иерархической структуры текстом, или, как пишет Е.С. Кубрякова, минитекстов, мы используем для анализа специальных текстов LSP «Эргономика».

Название «Эргономика» происходит от двух греческих слов: «ergon» – труд, «nomos» – закон. Эргономика – это наука, исследующая взаимосвязь и взаимодействие человека и машины в условиях производственной среды с целью создания для человека оптимальных условий труда.

Е.С. Кубрякова говорит, что в основу категории текста положено понимание текста как информационно самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата [Кубрякова 2004, с. 512]. Исследуемые нами тексты научной отрасли «Эргономика» воплощают такие критерии текста, как *информационная самодостаточность*, они порождают впечатление его содержательности, смысловой завершенности и прагматической целостности и *адресатность*, своего рода ориентацию на определенный круг специалистов.

Рассмотрим минитекст, относящийся к научной отрасли «Эргономика» (Ergonomie), который наглядно выявляет иерархичность пропозиций:

Text:

In der Nähe unter Spannung stehender Teile mit Nennspannung über 50 V Wechselspannung oder 120 V Gleichspannung darf nur gearbeitet werden, wenn ausreichende Sicherheitsmaßnahmen gegen direktes Berühren angewendet werden. Diese Sicherheitsmaßnahmen sind Schutz durch Schutzvorrichtung, Abdeckung, Kapselung oder isolierende Umhüllung und auch Schutz durch Abstand und Beaufsichtigung.

Textbasis:

1. arbeiten (Nähe unter Spannung, Teile)
2. stehende (Teile)
3. Spannung (Nennspannung, Wechselspannung, Gleichspannung)
4. anwenden (Sicherheitsmaßnahmen, gegen Berühren)
5. ausreichende (Sicherheitsmaßnahmen)
6. direktes (Berühren)
7. wenn (3, 4, 5)
8. Schutz (Schutzvorrichtung, Abdeckung, Kapselung, Umhüllung, Abstand und Beaufsichtigung)
9. isolierende (Umhüllung)

Анализируемая текстовая база репрезентативна по нашему мнению. В минитексте непосредственно прослеживается связь пропозиций с помощью придаточного предложения с союзом «wenn». Пропозиция 1, которая занимает первый уровень иерархии, определяет наличие главного аргумента исследуемой текстовой базы – «Spannung». Пропозиции 2, 3, 4, 5 и 6 охватывают второй уровень иерархической структуры. Аргумент «Sicherheitsmaßnahmen» воспроизводится в пропозициях 4 и 5. Пропозиция 6 носит описательный характер, устанавливает условия пропозиций 4 и 5. Пропозиции 7, 8 и 9 конструируют третий уровень иерархии, они принадлежат аргументам второго уровня и непосредственно связаны с ними, что удостоверяют аргументы пропозиции 7. Пропозиции 8 и 9 иллюстрируют содержание предыдущих пропозиций.

Подобная иерархия подразумевает, что чем важнее пропозиция для обработки текста, тем выше уровень иерархии, который она занимает. Иерархическая структура пропозициональной текстовой базы существенна для того факта, что именно запомнится из текста.

Ключевым концептом, отраженным в анализируемой текстовой базе, является концепт «Sicherheitsmaßnahmen», который дополняется подчиненными концептами «Schutzvorrichtung», «Abdeckung», «Kapselung oder isolierende Umhüllung», «Abstand und Beaufsichtigung».

В результате мы установили, что пропозициональная база дает очень конкретную репрезентацию ментальной схемы текста.

Исследуя тексты LSP «Эргономика», мы установили различные закономерности построения содержания данных минитекстов, а также выявили наличие иерархической структуры исследуемых текстовых баз.

Литература

1. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. С. 155–211.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М. : Языки славянской культуры, 2004.
3. Федотова Е. А. Проблема построения содержания текста (на материале анализа специальных текстов отрасли научного знания «Безопасность производства и технологических процессов») // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2010. № 21. С. 144–151.
4. Федотова Е. А. Пропозициональная ментальная схема текста в рамках антропоцентрического подхода (на материале анализа специальных текстов LSP «Безопасность производства и технологических процессов») // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 315–320.
5. Hasse P., Kathrein W., Kehne H. Arbeitsschutz in elektrischen Anlagen. Berlin, Offenbach : VDE VERLAG GMBH, 2003.
6. Rickheit G., Sichelschmidt L., Strohner H. Psycholinguistik. Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2004.
7. Vater H. Einführung in die Textlinguistik: Struktur und Verstehen von Texten. 3. überarb. Aufl. München : Fink, 2001.

Фирсова М.А.

*Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия*

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается метафора, репрезентированная в медиадискурсе. Рассмотренные примеры употребления метафоры иллюстрируют отрицательную оценку, негативные смыслы. Лингвопрагматический потенциал представленных фрагментов, содержащих метафоры, заключается в существенном влиянии на сознание адресатов и наращении эмоционально-экспрессивных оттенков смысла.

Ключевые слова: метафора, медиадискурс, оценочное содержание, манипулятивное средство, негативная образность, речевая агрессия

Firsova M.A.

*Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia*

LINGUOPRAGMATIC POTENTIAL OF METAPHOR IN MEDIA DISCOURSE

Abstract. The article discusses the metaphor represented in the media discourse. The considered examples of the use of metaphor illustrate a negative assessment, negative meanings. The linguopragmatic potential of the presented fragments containing metaphors consists in a significant influence on the consciousness of the addressees and an increase in emotionally expressive shades of meaning.

Keywords: metaphor, media discourse, evaluative content, manipulative means, negative imagery, verbal aggression

Одним из активных процессов в лексико-семантической сфере русского языка новейшего периода является расширение коннотаций и наращение эмоционально-экспрессивных оттенков смысла. Это находит отражение в медиадискурсе, который вследствие своей глубокой

метафоризации способен не только расширять границы воздействующей функции СМИ, но и порождать окказиональные смыслы. По словам Н.Е. Петровой, Л.В. Рацибурской, «речевая метафора в СМИ нередко служит средством экспрессивного, а значит, наиболее действенного выражения оценочного содержания, причем чаще негативного, что объясняется повышенным вниманием СМИ к неблагоприятным сторонам общественной действительности» [Петрова 2011, с. 92]. Метафора рассматривается нами не как отдельная языковая единица, а как составляющая медиадискурса, реализуясь в котором, метафора продуцирует новые значения.

В фокусе нашего внимания находятся метафоры аналитической программы «Однако» (1 канал) М. Леонтьева. Автор и ведущий «Однако» активно прибегает к употреблению метафоры – средству выражения личной позиции говорящего, при которой на первый план выдвигаются негативные смыслы, обладающие высоким прагматическим потенциалом и активно участвующие в формировании концептуальной картины мира реципиентов. Выражение отрицательной оценки, создание негативной образности текста программы посредством метафоры является самоцелью журналиста, а, следовательно, понимается нами как средство речевой агрессии. С этой точки зрения метафора, содержащая негативную оценку, граничит с речевой агрессией и/или переходит в нее за счет порождаемых ею смыслов, а также лексем с прямой негативной семантикой.

Исследованию подверглись выпуски «Однако» за 2021–2022 гг., в которых выявлены метафоры, содержащие оценочную сему при комментировании внешнеполитических событий. Репрезентантом метафорических смыслов в авторском комментарии М. Леонтьева выступает контекст всего выпуска аналитической программы, служащий «зеркалом» для развертывания образных смыслов. Комментируя тему, относящуюся к внешнеполитической деятельности/положению России, журналист вовлекает зрителей в процесс декодирования метафорических смыслов, тем самым актуализирует метафору уже не только как средство выразительности, но и как манипулятивное средство. Рассмотрим и сопоставим следующие примеры.

*Притом, что все это на фоне диких криков, что **Россия душит Европу** и не дает ей газу, сколько она хочет. **Европа и не только Европа задыхаются** не то, что без газа – без **паршивого угля!** **Слушайте**, это же не вчера случилось. 11 лет назад предупреждали* (эфир от 16.11.2021 г.). В данном фрагменте лексем, образующие метафору (*душит, задыхается*), не выходят за раки узуального употребления, но смысл, порождаемый ими, оставляет негативное впечатление по вопросу энергетического взаимодействия между странами Европы и Россией. Кроме того, фрагмент содержит просторечную лексему *паршивого* и разговорное обращение *слушайте*, что позволяет журналисту открыто выразить негативное отношение к предмету речи и снизить тон всего выпуска программы. Тема энергетики образно представлена также в следующем примере: *В радикально русофобской западной прессе стоит скулеж. **Русский генерал Мороз вместе с генералом Голодом наступают*** (эфир от 27.08.2022 г.). Автор образно намекает, что без прежних цен на энергоресурсы странам грозит мороз и голод. Фрагмент дополняет просторечная лексема *скулеж* 'жалоба, нытье', которая негативно номинирует процессы, происходящие за пределами России.

В продолжение темы доступности энергоресурсов журналист комментирует выступление Карин Жан-Пьер, которая допустила оговорку в своем выступлении в слове *облегчить* (vs *обострить*): *А ведь до конца года еще далеко...И вот новая говорящая американская **дура** даже лучше транслирует эту **«историю болезни»**, чем предыдущая: «чтобы обострить, чтобы облегчить...»* (эфир от 25.06.2022 г.). Внешнеполитические вопросы в данном фрагменте обобщенно представлены медицинской метафорой *история болезни*, которая отражает негативное отношение адресанта ко всей ситуации и репрезентирует ее как болезненную. Кроме того, во фрагменте находим просторечную лексему *дура*, выражающую прямую речевую агрессию, относящуюся к американскому представителю.

Следующий пример иллюстрирует развернутую метафору, раскрывающую, по мнению журналиста, особенности взаимоотношений России и Китая: *Особые отношения между Китаем и Россией, (Чайша), как назвал это Пожар, отличаются своей мощью: **это брак между сырьем и промышленностью**, потенциально имеющий контроль над Евразией. Это как если бы один **бесправный супруг** нашел другого, чтобы в отместку создать экономический союз. **Два других супруга** тоже собираются вместе, чтобы создать союз, но этот союз больше похож на **«брак поневоле»*** (эфир от 03.09.2022 г.). Комментируя отношения двух стран, журналист называет их *браком между сырьем и промышленностью*, намекая на причастность к нему третьих лиц, взаимоотношения которых противопоставлены

по своему содержанию данному *браку*. Лингвопрагматический потенциал метафоры заключается в декодировании образных смыслов посредством развертывания сути описываемого явления и идеи, заложенной в нем.

Метафоризации в «Однако» подвергаются и общественные явления, которые автор, например, образно номинирует «кипящей кастрюлей» 'протестом в обществе': *А положение хреновое. Потому что «новая бедность» – это надолго. И если кастрюля не закипит снаружи, она может закипеть изнутри* (эфир от 27.08.2022). Негативной оценке через просторечную лексику *хреновое* подвергается положение общества за пределами России, а происходящие в нем процессы метафорически переосмысляются. Обобщенное метафорическое описание западного общества находим в следующем фрагменте: *Санкции стали гениальным дополнением, выстрелом в голову пресловутой климатической повестке. Теперь вот, результат антикитайских провокаций – это уже выстрел в труп* (эфир от 06.08.2022 г.). Образ смерти репрезентирован при комментировании актуальных внешнеполитических тем, в которых вопросы климата отступают на второй план за счет актуализации более злободневной темы – антикитайской провокации. Образное представление внешнеполитического влияния на Россию посредством метафорической модели, реализованной через образ смерти, представляют метафору как механизм категориального осмысления новостного события, с одной стороны, и как манипулятивное средство – с другой. «В метафоре всегда есть место манипуляции» [Иссерс 2013, с. 179].

Нами отмечено, что актуализация негативных метафорических образов при комментировании новостных событий происходит во всех выпусках «Однако». Речевая стратегия отчуждения направлена на реализацию манипулятивного намерения журналиста, в которых метафора занимает ведущее положение. Например: *Это Европа то горит и сохнет, то замерзает и тонет. Надо понимать – мазохизм теперь тоже входит в перечень базовых европейских ценностей. А шарик, он общий...* (эфир от 06.08.2022 г.). Ряды однородных членов *горит-сохнет, замерзает-тонет* представляют стихийные бедствия, а в рамках одного фрагмента данные лексемы означают бедственное безвыходное положение европейских стран. Далее журналист иронически говорит о мазохизме 'самоуничтожении', который перешел в разряд *ценностей*. Негативное отношение к референту высказывания приводит к деформации аксиологического пространства реципиента, а также к негативизации концепта *ценность*. В данном случае это проявление социальной агрессивности – троллинга, для которого, по словам Л.А. Брусенской, В.В. Барабаш, Э.Г. Куликовой, «характерно огрубление, постоянное формирование «облика врага» и нередко – злобная асоциальная агрессивность» [Брусенская 2022, с. 55].

Как отмечает Н.И. Клушина, оценочная метафора «становится тем обобщающим, ключевым словом, которое ложится в основу номинации и окрашивает окружающий его контекст» [Клушина 1996, 36–42]. Следующий фрагмент иллюстрирует метафору с негативной семантикой *вырезать*, которая создает смысловой центр фрагмента: *Пытаясь вырезать Россию из глобальной финансовой системы, Запад, по сути, ввел санкции против доллара и евро, превратив их в неполноценные, как деликатно выражаются, рискованные валюты* (эфир от 23.07.2022 г.).

Рассмотренные примеры репрезентации метафоры в медиадискурсе имеют яркую оценочную окраску, которая носит преимущественно негативный характер, отражающийся в комментировании внешнеполитических событий. Метафора аналитической программы «Однако» актуализирует прагматические смыслы, которые в образной форме описывают положение России при взаимодействии с другими государствами. Лингвопрагматический потенциал представленных фрагментов, содержащих метафоры, заключается в существенном влиянии на сознание адресатов и наращении эмоционально-экспрессивных оттенков смысла.

Литература

1. Брусенская Л. А., Барабаш В. В., Куликова Э. Г. Этико-речевые нормы современного русского языка : монография. М. : ФЛИНТА, 2022. С. 55.
2. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2013. С. 179.
3. Клушина Н. И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты // Русская речь. 1996. № 5. С. 36–42.
4. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2011. С. 92.

КОНЦЕПТОСФЕРА КАК СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОСНОВА ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Настоящую статью мы посвятили вопросу раскрытия понятия концептосферы как структурно-смысловой основы понимания и интерпретации художественного текста. Концептосфера как совокупность концептов, зафиксированная в культурной памяти социума и/или индивида, составляющая основу национальной когнитивной базы, является источником концептов, ментальными проекциями которых в художественном тексте выступают знаки, символы, образы. В статье мы рассматриваем понятия национальной концептосферы и индивидуально-авторской концептосферы, говорим о том, что представляет собой концептуальный анализ художественного текста, называем стадии анализа концептосферы художественного текста.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, концептосфера, когнитивное пространство, художественный текст, концептосфера художественного текста

Chernova I.V.
Kuban State University, Krasnodar, Russia

CONCEPTOSPHERE AS A STRUCTURAL AND SEMANTIC BASIS FOR UNDERSTANDING AND INTERPRETING A LITERARY TEXT

Abstract. The article is devoted to the issue of revealing the notion of the concept sphere as a structural and semantic basis for understanding and interpreting a literary text. The concept sphere as a set of concepts, fixed in the cultural memory of the society and/or the individual, which forms the basis of the national cognitive base, is the source of concepts, the mental projections of which in the literary text are signs, symbols and images. In the article, we consider the concepts of the national concept sphere and the individual author's concept sphere, we talk about what the conceptual analysis of a literary text is, and we name the stages of the analysis of the concept sphere of a literary text.

Keywords: concept, conceptualization, concept sphere, cognitive space, literary text, concept sphere of a literary text

По метафорическому определению Г. Мерфи, которое ученый дает в монографии "The Big Book of Concepts", "concepts are the glue that holds our mental world together. Our concepts embody much of our knowledge of the world, telling us what things there are and what properties they have" – «концепты – это "клей", который прочно скрепляет наш ментальный мир. Наши концепты воплощают большинство наших знаний о мире, рассказывая нам о том, что из себя представляют окружающие нас предметы и какие свойства они имеют (перевод наш)» [Murphy 2002, с. 1].

Ни один концепт не может существовать изолированно: он становится частью другого концепта, который в свою очередь входит в состав третьего и т. д. Став частью единой системы, концепт постоянно подвергается всевозможным модификациям и уточнениям со стороны других концептов и в свою очередь оказывает на них влияние, что подтверждает мысль о том, что концепты не существуют изолированно друг от друга, а образуют концептуальные структуры и системы, которые Е.С. Кубрякова определяет, как «совокупность всех концептов, данных уму человека» [Кубрякова 1997, с. 94]. Такая совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных концептов образует *концептосферу* определенной национальной или индивидуально-авторской картины мира. Индивидуально-авторская картина мира является частью общезыковой картины мира в той мере, в какой «творческое сознание является частью общенародного сознания» [Бутакова 2000, с. 94], причем особенно важна фиксация индивидуально-авторских концептов, составляющих концептуальную систему крупнейших художников слова.

З.Д. Попова и И.А. Стернин, под концептосферой понимают картину, формирующуюся в результате непосредственного познания мира человеком и включающую как содержательное, концептуальное знание об окружающей действительности, так и совокупность стереотипных представлений индивида, обуславливающих его миропонимание и определяющих его поведение в стереотипных ситуациях. По мнению ученых, *концептосфера* – «это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, сценариев, гештальтов, абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира» [Попова, Стернин 2007, с. 12].

Согласно С.А. Аскольдову-Алексееву, концептосфера языка состоит из значений, через которые образы творений народа как совокупности результатов материальной и духовной сферы (его концепты) входят в семантическое пространство языка [Аскольдов 1997]. По Д.С. Лихачеву, концептосфера народа «по своему наполнению значительно шире семантической сферы, представленной значениями слов языка» [Лихачев 1997, с. 5]. В связи с этим ученый отмечает, что концептосфера находится в прямой зависимости от культурного достояния народа: «чем богаче фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа» [Лихачев 1997, с. 5]. Итак, концептосфера – область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу, а семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур и образуемое значениями языковых единиц [Попова, Стернин 2010].

Концептосфера народа является неотъемлемой частью его сознания и мышления. Национальную концептосферу мы определяем, как совокупность категоризованных, обработанных, стандартизированных концептов в сознании народа. Национальная концептосфера включает в себя наивную картину мира данного языка, формирующую образную составляющую концептов, национальную систему ценностей, образующую оценочную составляющую концептов и определенную сумму информации, необходимую для успешного общения в рамках данной культуры. Эта сумма информации, как научной, так и бытовой, как истинной, так и ложной, формирует понятийную составляющую концептов [Слышкин 2000, с. 141]. При этом вполне логично было бы предположить, что концептосфера принадлежит как народу (нации) в целом, так и каждому представителю этой нации как непосредственному носителю этой культуры.

В рамках одной национальной культуры существуют варианты концептосферы (индивидуальной и коллективной). «Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» [Лихачев 1997, с. 282]. В данной связи возникает вопрос о том, какому типу сознания концептосфера принадлежит – индивидуальному или коллективному. Рассуждая на тему различия индивидуальной и национальной концептосфер, В. В. Красных оперирует термином «когнитивное пространство» и разграничивает «индивидуальное когнитивное пространство» («определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность») и «коллективное когнитивное пространство» («определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все личности, входящие в тот или иной социум») [Красных 2003, с. 61]. Все носители конкретного языка обладают национальным концептуальным знанием, объединяющим и характеризующим их как представителей определенной этнической общности. С одной стороны, индивидуальная картина мира конкретизирует национальную картину мира, отражая особенности ментального мира личности (индивидуума), а с другой – расширяет национальную картину мира, наполняя ее новым смыслом. Без индивидуальных концептосфер национальная концептосфера не смогла бы выстроиться в единую, цельную структуру [Попова, Стернин 2010].

Мы солидарны с мнением ученых, что концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации и соотносима со всем историческим опытом нации, религией, изобразительным и музыкальным искусством. Концептуальная сфера языка постоянно обогащается, если есть достойная его литература и культурный опыт. Поэтому особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям и поэтам, носителям фольклора, отдельным профессиям и сословиям. В нее входят даже названия произведений, которые через свои значения порождают концепты, поэтому концептосфера языка – это в сущности концептосфера культуры [Александрович 2009, с. 21]. Концептосфера, не обладая пространственно-

временными параметрами, имеет определенные количественные и качественные характеристики и меняется с течением времени. Данное утверждение согласуется с мнением В.И. Карасика, который указывает на то, что концептосфера представляет собой «динамическое образование, одним из факторов изменения которой является постоянный импорт концептов, приводящий к постепенному размыванию ее границ» [Карасик 2002, с. 188]. Таким образом, концептосфера – «образование динамичное, в большей степени фиксированное в текстах культуры, в первую очередь, в художественном тексте» [Щукина 2003, с. 34].

Концептуальный анализ художественного текста предполагает выявление и реконструирование его концептосферы, т. е. индивидуально-авторской картины мира, воплощенной в произведении. В результате такого анализа создается своеобразная «виртуальная» модель текста в виде сферы, в центре которой находится базовый концепт или концепты, выделенные языковым сознанием автора. Данный подход соотносится с существующей в науке точкой зрения, согласно которой «система языковых реализаций концепта, концептосфера имеет полевую структуру, ядром которой является когнитивно-пропозициональная структура, в свернутом виде передающая идею концепта» [Карасик 2005, с. 169].

Концептосфера художественного текста трактуется как структурированная совокупность взаимосвязанных лингвокультурных (культурных) концептов, каждый из которых является собой единицу сознания писателя, обладающую следующими признаками:

- во-первых, она создает и оформляет культурное пространство текста, связывая его с глобальными концептами мировой художественной культуры;
- во-вторых, она включает ментальные факты (артефакты, прецедентные феномены, мифопоэтические, фольклорные и религиозные образы и представления), отраженные в сознании народа и репрезентированные в национальной языковой картине мира;
- в-третьих, она отображает осмысление и переосмысление окружающего мира индивидуумом, выражает отношение к нему во внутреннем мире языковой личности, то есть представляет индивидуально-авторскую картину мира, проявляющуюся в особенностях языка и стиля писателя;
- в-четвертых, она является значимой для развития сюжета произведения, особенностей его поэтики и выстраивания образной системы [Кадырова 2013].

Проблема изучения и описания концептосферы художественного текста предполагает анализ биографии писателя, рассмотрение литературоведческих и лингвистических источников, посвященных творчеству писателя, что позволяет получить всестороннее представление об индивидуальной картине мира автора. Далее следует выделение концептов, вошедших в состав концептосферы исследуемого художественного текста, разграничение их по степени значимости на ядерные и периферийные, и, наконец, изучение уровней взаимодействия и взаимовлияния выделенных концептов. Данный анализ позволяет определить, в каких отношениях находятся концепты, образуют ли они антонимичные или синонимичные пары, объяснить их значимость в организации художественного пространства текста. Заключительный этап описания концептосферы художественного произведения состоит в создании наглядных схем, отражающих специфику взаимодействия концептов художественного произведения и дающих представление об организации его концептосферы в целом.

Литература

1. Александрович Н. В. Концептосфера художественного произведения и средства ее объективации в переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и его переводов на русский язык) : монография. М. : Флинта, 2009.
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / гл. ред. В. П. Нерозник. М. : Academia, 1997. С. 267–280.
3. Бутакова Л. О. Человек – мир – речь. Индивидуально-авторская картина мира в творчестве омского поэта Тимофея Белозерова // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка) : в 2 ч. Омск, 2000. Ч. 1. С. 94–19.
4. Кадырова Н. С. Концептосфера романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013.
5. Карасик В. И. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 2.

6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.
7. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
8. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : МГУ, 1997.
9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т народов России, Общество любителей российской словесности; под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia, 1997. С. 280–289.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток-Запад, 2010.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальное сознание. 3-е изд., перераб. и доп. Воронеж : Истоки, 2007.
12. Слышкин Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
13. Шукина Д. А. Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста. СПб. : СПбГИ, 2003.
14. Murphy Gregory L. The Big Book of Concepts. A Bradford Book. The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England 2002.

Чистякова И.Ю.
Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия

РИТОРИЧЕСКИЙ КАНОН КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ СОЗДАНИЯ РЕЧИ

Аннотация. В данной статье исследуется основной закон риторики, в котором отражены пять этапов создания устного публичного высказывания. Подобное исследование позволяет сделать выводы о написании оригинального текста, стилистической его обработке, запоминании и произнесении в аудитории. В статье рассказывается о секретах техники речи, о постановке голоса, о работе над интонацией, мимикой и жестами.

Ключевые слова: риторика, оратор, текст, память, стиль, наука, искусство, мелодекламация

Chistyakova I.Yu.
Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

THE RHETORICAL CANON AS A BASIC CATEGORY OF SPEECH CREATION

Abstract. The article explores the basic law of rhetoric which reflects five stages of oral public statement. Such research allows us to conclude to draw conclusions about the writing of the original text its stylistic processing, memorization and pronunciation in the audience. The article tells about the secrets of speech technology, about voice setting, about working on intonation? Facial expressions and gestures.

Keywords: rhetoric, speaker, text, memory, style, science, art, melody recitation

Вопросы ораторского искусства, секретов успешной речи волновали говорящих личностей еще в древности. Как хорошо известно, в античных источниках рассказывается о божественном происхождении риторики. Так, по известной легенде, Юпитер призвал к себе Меркурия и приказал даровать грекам риторику. По убеждению Платона, Сократа, Аристотеля, публичная речь была призвана обратить в свою веру собравшихся на площади. Греки рассматривали риторику как искусство убеждения. Во времена римской цивилизации главным считалось убеждение посредством стилистического совершенствования речи, ее красоты, эстетики. Выдающимися риториками Древнего Рима были Марк Тулий Цицерон и Марк Катон Старший. Позже, в Средние века и в начальный период эпохи Возрождения риторика тоже трактовалась как искусство украшения речи. Значит ли это, что убеждение было вторичным, а слововыражение, стиль – первичным? Ведь еще Стагирит Аристотель утверждал, что

стиль сильнее содержания и что содержание, мысли оратора зависят от стиля, формы слововыражения. Традиционно считается, что риторика – это искусство красноречия, эристика – искусство спора, а диалектика – искусство доказательства. Все эти три вида искусства необходимы в устном публичном выступлении. Однако от искусства следует перейти к научному пониманию риторики.

При рассмотрении этого вопроса было бы уместным обратиться к известному определению риторики, представленному С. Аристотелем в ряде его работ: риторика – это наука о законах порождения высказывания и способах убеждения. Возникает вопрос: какие еще законы, помимо законов порождения, создания высказывания функционируют в публичном тексте? Законы понимания, толкования высказывания реципиентом. Очевидно, что главная задача риторики (порождение высказывания) осуществляется в двух аспектах – риторическом (убеждение) и герменевтическом (понимание), ибо риторика изучает не все тексты, а лишь тексты, способные к «эффективному функционированию».

Дело в том, что главный закон риторики – это риторический канон, имеющий пятичастную структуру (1. *inventio*, 2. *dispositio*, 3. *elocutio*, 4. *memorio*, 5. *actio*). Таким образом, первый этап создания текста (*inventio*) – это нахождение замысла речи, изобретение, или процесс создания мыслей и слов, а значит, обращение к топикам, топам и аргументам, ответ на вопрос «что сказать».

Следует особо остановиться на каждом этапе создания текста. Изобретение, или *inventio* – это нахождение замысла публичной речи, отвечающий на вопрос «что?». Выбрав тему, мы ищем достойные, солидные источники – энциклопедии, исторические справки, различные свидетельства, факты, примеры, цифровые данные, цитаты. Уже на этом этапе создания публичного выступления формируются доказательства высказываний. Марк Тулий Цицерон подчеркивал: «Найти и выбрать, что сказать, – великое дело: это – как бы душа в теле; но это забота, скорее здравого смысла, чем красноречия, а в каком деле можно обойтись без здравого смысла? Конечно, оратор, в котором мы ищем совершенства, будет знать, откуда извлечь основания и доводы» [Цицерон 1975, с. 273]. Изобретение идей называют центром риторики, поскольку главным является умение развернуть доказательство, представив уместные аргументы, которые примет аудитория, реципиент.

Второй этап создания текста *dispositio*, или разработка замысла речи отвечает на вопрос «где?». Здесь важно понять, где будут располагаться найденные аргументы (сильные – во вступлении, слабые – в основной логической части, а в заключении – самые сильные). При этом необходимо придерживаться классической композиции речи: 1. вступление-предложение, 2. *narratio*, или история вопроса, 3. доказательство, 4. опровержение и 5. заключение. При этом нельзя забывать, что существуют и другие виды композиции.

В многовековой риторической практике накоплено много примеров изобретения новых оригинальных мыслей путем обращения к топикам: 1. причина, 2. сравнение, 3. подобие, 4. пример, 5. свидетельство, 6. обстоятельства, 7. уступление, 8. условие, 9. противное, 10. время, 11. место, 12. признаки, 13. качества, 14. принадлежности, 15. свойства, 16. действие и страдание, 17. имя, 18. целое, 19. части, 20. род, 21. виды, 22. определение, 23. следствие).

Следует помнить, что обращение к топикам – это и есть ответ на вопрос, что сказать. Так, без причины ничто не возникает, сравнение и подобие помогают лучше понять предмет, примеры показывают в деталях исторические события, современные ситуации, факты, противное порождает парадокс, антитезу, время и место – тоже востребованные топики, что подтверждается частым обращением к выражению наших дней – «здесь и сейчас».

Отсюда не сложно сделать переход от топиков к топам как общим местам, ценностным суждениям, созданным на основе авторитетных источников.

Третий этап – *elocutio*, написание текста и стилистическая его обработка – отвечает на вопрос «как?», ибо говорящая личность должна выражать свои мысли индивидуально, неповторимо. Поэтому и необходима стилистическая шлифовка текста в аспекте соблюдения качеств речи, например, точности подобранного слова, уместности слововыражения, стилистической новизны высказывания. Создать свой оригинальный текст – это искусство. Здесь важно не только богатство словаря ратора, но и умение соединять слова в предложении, изобретать фигуры и оттачивать свой индивидуальный, неповторимый стиль. Как известно, Марк Фабий Квинтилиан исследовал более 200 фигур речи и мысли. И все они обнаружены в наших русских текстах, вошедших в мировую литературу.

Четвертый этап создания публичного монолога – *metoio* – так же отвечает на вопрос «как?». Хорошо известно, что древние греки изучали память как составляющую риторического канона. Их интересовала техническая функция памяти – способность воспроизводить опыт прошлого. Греков отличало неодолимое стремление к состязаниям во всех сферах жизни, будь то Олимпийские игры или публичные философские диспуты, сочинение поэм или декламация их наизусть. Специально разрабатывались секреты запоминания текста для актеров и публичных раторов. Аристотель утверждал, что мышление невозможно без конкретных образных представлений, память же состоит из запечатленных образов.

Во времена античности развивали как зрительную, так и ассоциативную память. Убедительной иллюстрацией тому была жизнь знаменитого Демосфена. Память трактовалась греками как творчески осмысленное, глубинное понимание текста, его переживание, настрой души. Следует выяснить, какие же риторические упражнения, совершенствующие ораторскую память, предлагали греки? Это и заучивание наизусть текста и его осмысленное произнесение, с целью обогащения идейной и словесной памяти, и импровизированное воспроизведение высказывания с опорой на картинные образы, символы, впечатления, ассоциации и предметы культурной памяти. При этом важно помнить: оратор заучивает не фразы, а ход мыслей, общее содержание речи и музыкальное построение высказывания.

Следует добавить, что римляне тоже уделяли большое внимание памяти. Вот один из исторических фактов: М.Т. Цицерон заучивал речи, мысленно гуляя по своему дому. Вступление ассоциировалось с входной дверью, тезис речи – с прихожей, другие части – с комнатами дома, менее значительные положения он связывал с различными предметами интерьера. Цицерон восхвалял память Симонида, Феодекта, Гортензия. Римский оратор Гортензий, по упоминанию М.Ф. Квинтилиана, как-то после многочасового аукциона перечислил без ошибок, в правильной последовательности все выставленные на продажу вещи, их цены и покупателей.

Позже духовные риторы, неоплатоники развивали идею божественной памяти. В знаменитой «Исповеди Августина Блаженного» находим метафоризированные рассуждения о памяти: обширные дворцы памяти, кладовые памяти, укромные неопишываемые закоулки памяти, огромные палаты памяти, сокровищница памяти и др. Все это было еще задолго до открытия первых университетов в Европе. В эпоху Ренессанса известными роторами были признаны Ф. Меланхтон, Ю.Ц. Скалигер, Г. Фосс, У.Ф. Гуттен и многие другие. В христианской культуре память связана с традицией, наследованием.

Очевидно, что сейчас живой интерес образованной части общества, ее элиты вызывает телепередача «Линия жизни» на канале «Культура», когда в центре этого почти театрального действия оказывается В. Баринев, В. Лановой, А. Баталов, М. Ножкин, Т. Доронина, М. Казаков – риторы, проповедующие духовные ценности, каждый со своим индивидуальным образцовым стилем, способностью диалектически мыслить, много и блестяще читать наизусть русскую и зарубежную классику.

Не менее важным оказывается последний этап риторического канона – *actio*, который отвечает на вопрос «как?», однако необходимо помнить, что произнесению речи на публике должно предшествовать произнесение готового текста перед зеркалом в нужной интонации, позе, мимике, жестах, разработке музыкальности голоса, его гибкости, подвижности, полетности.

Секреты техники речи, малодекламации представлены в работах известных ученых – В.И. Аннушкина и О.И. Марченко. С помощью правильно поставленного голоса, богатства его природного тембра можно решить поставленные речевые задачи.

Литература

1. Цицерон М. Т. Избранные сочинения. М. : Художественная литература, 1975.

Шейко Е.В.
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
Маркова В.В.
СОШ № 1, г. Новочеркасск, Россия

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАПИСАНИЮ СОЧИНЕНИЯ ПО КАРТИНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются методические основы организации работы по написанию сочинения по картине школьников с задержкой психического развития с учетом их психофизиологических, эмоциональных и интеллектуальных особенностей, определены этапы, формы и способы работы.

Ключевые слова: задержка психического развития, сочинение по картине, психофизиологические особенности, инклюзия, речевое развитие

Sheyko E.V.
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
Markova V.V.
secondary school № 1, Novocherkassk, Russia

METHODS OF TEACHING STUDENTS WITH MENTAL RETARDATION TO WRITE AN ESSAY ON A PAINTING

Abstract. The article discusses the methodological foundations of the organization of work on teaching schoolchildren with mental retardation to write an essay on a painting, taking into account the psychophysiological, emotional and intellectual characteristics of students, the stages, forms and methods of work are determined.

Keywords: mental retardation, composition on the picture, psychophysiological features, inclusion, speech development

Современная российская система образования стремится к инклюзии. Так, «в 2008 году Россия присоединилась к Конвенции ООН о правах инвалидов, государства-участники которой обязуются развивать инклюзивное образование» [Дьяченко, Конониренко 2016, с. 1]. Важно, что инклюзия предполагает не включение особых категорий лиц в общество, а непосредственное изменение данного общества, образования в нем особой инклюзивной культуры. Так, согласно документам ЮНЕСКО, «инклюзия в образовательной сфере рассматривается как динамический метод позитивного реагирования на отношение к индивидуальным особенностям учащихся не как к проблеме, а как к возможностям для обеспечения учебного процесса» [Дзоз, Трифанов, Чеснокова 2013, с. 1]. Все это означает, что в наше время учитель должен обладать особой инклюзивной компетентностью, означающей «готовность педагогов к работе с особенными детьми» [Горюнова, Тимченко 2020, с. 1029].

Одной из категорий лиц, включенных в инклюзивный образовательный процесс, являются школьники с задержкой психического развития (далее – ЗПР). С.В. Петрова определяет этот термин так: «Задержка психического развития – это замедление темпа развития психики ребенка, которое выражается в недостаточности общего запаса знаний, незрелости мышления, преобладании игровых интересов, быстрой пресыщаемости в интеллектуальной деятельности» [Петрова 2021, с. 157]. Иначе определяет задержку психического развития В.П. Дудьев: «Это нарушение нормального темпа психического развития, проявляющееся в замедленном созревании эмоционально-волевой сферы, в интеллектуальной недостаточности» [Дудьев 2008, с. 125].

В указанных выше определениях отмечены важные особенности школьников с ЗПР: такие дети быстро устают, предпочитают обучению игру, плохо справляются со своими эмоциями, обладают низко развитой волевой сферой личности, имеют дефицит или же наоборот профицит знаний в какой-либо области. Важно отметить, что все эти особенности нуждаются в коррекции и особом внимании со стороны педагога, в том числе педагога-филолога, поскольку они напрямую влияют на способность учеников выполнять задания

по заданному образцу, строить устные речевые высказывания, выстраивать пространственно-временные отношения, создавать репродуктивные или продуктивные тексты, усваивать грамматику русского языка, мешают формированию языковой, лингвистической, коммуникативной и культуроведческой компетенций в целом.

Одним из видов учебных работ, сочетающих в себе все эти особенности и представляющих отдельную трудность, является сочинение, особенно сочинение по картине.

Работа над написанием сочинения по картине должна начинаться прежде всего с чтения задания и составления плана работы. Связано это с тем, что школьники с ЗПР плохо выполняют задания по образцу, часто не понимают смысла самого задания, заменяют полученное задание собственным, тем, которое считают более правильным или интересным. [Власова 1981, с. 47]. Так, например, работая со следующим заданием, *«Главный герой картины художника А. Комарова «Наводнение» – заяц. Опишите его: какие у него голова, глаза, уши, шерсть? Где и как он сидит? Расскажите, как случилось, что заяц оказался на дереве. Ваш слушатель – первоклассник, младший братишка. Подумайте, как вы начнете рассказ, как включите в него описание зайца, как закончите свое повествование»*, обучающиеся с ЗПР могут написать сочинение не для первоклассника, а для старшего брата, почитав это более увлекательным.

Отдельное внимание нужно уделить мотивации таких учащихся, поскольку их эмоционально-волевая сфера тоже имеет особенности. Так, учитель-филолог может столкнуться с тем, что школьники с ЗПР не только игнорируют часть задания, но и вовсе отказываются писать сочинение.

Поэтому работа над написанием сочинения должна строиться следующим образом: учителю вместе с учеником стоит прочитать задание, обсудить его. Школьнику может быть предложено ответить на ряд вопросов: О чем будет твое сочинение? Для кого будет написана твоя работа? Что нового узнает первоклассник, когда будет читать твое сочинение? Чем твоя работа поможет ему? Подобные вопросы должны не только сформировать дополнительную мотивацию для учащихся с ЗПР, но и создать ситуацию их успеха, так как, отвечая на вопросы педагога, они могут предположить, что первоклассник, к которому попадет его работа, узнает много нового, потренирует навыки чтения. Чтобы работать было интереснее, ученику с задержкой психического развития можно предложить сопроводить сочинение запиской для первоклассника с пожеланиями хорошей учебы или школьными советами.

Следующая проблема заключается в искаженном восприятии школьниками с ЗПР пространства и времени. Это приводит к особому восприятию картины, по которой создается сочинение. «Дети с задержкой психического развития обычно легко называют то, что изображено на предлагаемой им картинке. Однако не осмысливают признаков изображенных на ней явлений и не устанавливают между ними необходимых связей», – пишет Т.А. Власова [Власова 1981, с. 65]. Так, анализируя предложенную в задании картину А. Комарова «Наводнение», школьники с ЗПР с легкостью отмечают, что на картине изображен потоп и что заяц сидит на ветке дерева, но затрудняются связать два факта и сделать следующее заключение: «Заяц залез на ветку и сидит на ней, чтобы спастись от потопа». Чтобы облегчить обнаружение школьником с ЗПР взаимосвязи данных фактов, учитель может задать наводящие вопросы: Какое опасное природное явление изображено на картине? Где произошло наводнение? Кто живет в этом лесу? Что пришлось сделать животным, чтобы спастись?

Также для школьников с ЗПР характерна замедленность речевого развития, их активный словарный запас имеет значительно меньший, нежели необходимый пассивный, объем [Ризаева, Ибрагимова 2022, с. 2]. Следовательно, следующим этапом работы по написанию сочинения должна стать словарная работа. При этом важно помнить, что школьники с ЗПР обладают низкой мотивацией, а ведущий вид деятельности у большинства таких учащихся – игровой. Для достижения наибольшей эффективности словарную работу можно проводить в виде различных интерактивных и игровых упражнений. Так, например, обучающимся может быть предложен для решения кроссворд, ответами на вопросы которого будут слова, с помощью которых школьник сможет описать зайца. Другим видом работы может стать разгадывание ребусов, расставление слов по порядку, составление из них предложений, поиск лишних слов в строке.

Обязательным шагом в работе над написанием подобного сочинения является составление плана текста, пунктами которого могут служить ответы ученика на наводящие вопросы учителя.

Не следует забывать, что школьники с ЗПР часто имеют проблемы и с грамматикой русского языка. В этой связи особое внимание необходимо уделить написанию слов с непроверяемыми гласными. Для успешной работы можно подготовить ученику красочные памятки с орфограммами, которые могут встретиться чаще других.

Важно понимать, что работа по написанию сочинения, в частности сочинения по картине, – совместная и кропотливая работа ученика и учителя. Именно от последнего в данном виде учебной деятельности зависит успех школьника. Значит, учитель, работающий со школьниками, имеющими задержку психического развития, должен обладать особыми навыками и компетенциями, поскольку такая работа требует от педагога-словесника усиленной подготовки к занятиям, при этом должны быть учтены все психофизиологические, эмоциональные и интеллектуальные особенности обучающихся.

Литература

1. Власова Т. А. Обучение детей с задержкой психического развития. Пособие для учителей. М. : Просвещение, 1981.
2. Горюнова Л. В., Тимченко Е. С., Тимченко И. В. Формирование инклюзивной грамотности студентов в вузе: анализ эффективности организационных моделей учебного процесса // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. № 6.
3. Дзоз В. А., Трифанов С. И., Чеснокова Г. С. Организация инклюзии в системе непрерывного образования // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 2.
4. Дудьев В. П. Психомоторика : словарь-справочник. М. : Владос, 2008.
5. Дяченко Л. А., Конониренко С. А. Инклюзия в образовании: из опыта работы // Проблемы Науки. 2016. № 17 (59).
6. Петрова С. В. Особенности обучения детей с задержкой психического развития // Символ науки. 2021. № 1.
7. Ризаева Э. Н., Ибрагимова А. Р. Особенности речи у детей старшего дошкольного возраста с ЗПР // E-Scio. 2022. № 3.

Шкрабкова И.В., Кулинич Е.Н.
*Кубанский государственный медицинский университет,
г. Краснодар, Россия*

РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье представлена попытка систематизировать имеющиеся знания о религиозном стиле как функциональной разновидности современного русского литературного языка; обобщаются его фонетические, грамматические, лексические особенности. Представлен набор стилистических характеристик (жанровое своеобразие, сфера употребления, цели религиозных текстов, их тематика и содержание, языковые религиозные материалы, адресат и адресант коммуникации, особенности церковного этикета).

Ключевые слова: религиозный стиль, религиозная сфера, особенности коммуникации, религиозная лексика, религиозный текст, языковой материал, жанровая система религиозного стиля

Shkrabkova I.V., Kulinich E.N.
*Kuban State Medical University,
Krasnodar, Russia*

RELIGIOUS STYLE AS A FUNCTIONAL DIVERSITY OF MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Abstract. The article presents an attempt to systematize the available knowledge about religious style as a functional variety of the modern Russian literary language; its phonetic, grammatical, lexical features are summarized. A set of stylistic characteristics is presented (genre originality, scope of use, goals of religious texts, their subject matter and content, linguistic religious materials, addressee and addressee of communication, features of church etiquette).

Keywords: religious style, religious sphere, features of communication, religious vocabulary, religious text, language material, genre system of religious style

Функциональный стиль принято рассматривать как разновидность литературного языка, которая функционирует в определенной сфере общения и имеет определенный набор языковых средств для реализации поставленных коммуникативных задач [Моисеева 2015, с. 105].

Проблема функционирования стилей языка рассматривается не только с позиций определения стилистической принадлежности различных языковых средств. Актуально и раскрытие в базовых категориях языка его возможностей, которые проявляются при определенных условиях и в конкретных ситуациях речевого взаимодействия. Функционирование языка обусловлено исходящей от адресанта к адресату коммуникативной интенцией, локализованной в пространстве и во времени.

Рассматривая основные сферы использования языка, В.А. Аврорин выделил «сферы хозяйственной и общественно-политической деятельности, быта, организованного обучения, художественной литературы, массовой информации, эстетического воздействия, устного народного творчества, науки, всех видов делопроизводства, личной переписки, религиозного культа [Аврорин 1975, с. 76].

После октябрьского переворота 1917 года христианская культура и связанные с ней реалии больше воспринимались как архаизмы, а материальные (церкви, иконы, христианская литература) и нематериальные ценности (молитвы) – как памятники культуры [Цыпин 2000, с. 153–154]. В этот период культурных трансформаций происходит переход активной религиозной лексики в пассивный состав русского языка, который в основном использовался в составе фразеологизмов или афоризмов (*Дом Божий; Земля обетованная; Царства Небесного; святая святых; метать бисер перед свиньями*) [Гулакян 1993, с. 79–83].

В эпоху СССР для ученых-лингвистов было недоступно религиозное пространство, поскольку оно «обслуживается церковнославянским языком, и вся проблема, таким образом, выводилась из сферы компетенции стилистики современного русского языка» [Крылова 2005, с. 192].

В эпоху перестройки вектор культурного развития начал меняться. Общество обратилось к религии. Так, в отношении христианской церкви наблюдались определенные трансформации: служители церкви стали появляться в СМИ, печатается религиозная литература, создаются религиозные телевизионные каналы, отмечаются религиозные праздники на государственном уровне и мн. др. «Все эти виды речевой деятельности характеризуются своеобразием в выборе и использовании словесных и синтаксических средств русского языка» [Крысин 1996, с. 136].

Заметным стало «активное вторжение в язык и культуру реалий, связанных с возрождением большого пласта духовной жизни народа – христианства» [Гулакян 1993, с. 79]. В языкознании конца XX – начала XXI в. наблюдается научный интерес в области исследования языка православной религии (С.В. Булавина, Е.Н. Прибытько, Л.П. Крысин, С.А. Гостеева, О.А. Крылова, Г.А. Агеева, Е.А. Войцев, Р.И. Горюшкина, В.В. Котельников, А.М. Лейчик, О.Ю. Печенкина, О.А. Прохватилова, О.А. Черепанова и др.).

Исследователи отмечают, что языковой материал, принадлежащий религиозной тематике, охватывает все уровни языка:

- графику (написание в светских изданиях с большой буквы слов *Пасха Христова, Рождество, Вход Господень в Иерусалим, Бог, Святой Дух*);
- фонетику (*братья и с[э]стры*; нечеткое произношение звуков);
- орфоэпию (*Алѐксий*);
- лексику (превалируют слова с абстрактным значением (*милосердие, совесть, благо, вера*), использование слов как высокого стиля, так и просторечий, диалектизмов; многозначность (*умереть* – ‘покинуть’, ‘преставиться’); употребление архаически-возвышенной и эмоционально-оценочной лексики (*величайший, уповать на Бога, боголюбивые пастыри, черпать вдохновение, миру горнему, хранить веру отеческую*) и мн. др.);
- фразеологию (*вавилонское столпотворение, вкушать от древа познания, глас вопиющего в пустыне, излить душу, из одной глины, испить горькую чашу, камень преткновеня* и др.);
- словообразование (продуктивность русских и иноязычных приставок *-под, -о, -про,*

-из, -архи: *поддерживать, осознавать, происходить, изгнание, архиепископ*; употребление существительных с отвлеченным значением на *-ость, -ство, -ыня: солидарность, братство, гордыня* и др.);

– синтаксис (использование эмоционально окрашенных конструкций, предложения с однородными членами предложения, причастных и деепричастных оборотов и др.) [Гулакян 1993, с. 79–83; Стаценко 2018, с. 192].

Исследуя религиозную сферу, Л.П. Крысин выделил религиозно-проповеднический стиль [Крысин 1996, с. 135–138]. Однако ряд ученых (И.М. Гольберг, О.А. Крылова, О.А. Прохвятилова и др.) посчитали неудачным данный термин, поскольку проповедь является всего лишь одним из жанров, при этом они указали на отсутствие жанровой составляющей в названиях других стилей [Бугаева 2008].

Рассматривая сферу церковно-религиозной общественной деятельности, О.А. Крылова отметила, что она является двуязычной, поскольку в ней взаимодействуют и церковнославянский язык, и церковно-религиозный стиль современного русского языка [Крылова 2005, с. 194–203]. Однако наименование *церковно-религиозный* также неоднозначно, поскольку указывает на исследование стиля применительно только к христианскому вероисповеданию [Стилистический энциклопедический словарь 2003, с. 612].

В нашей статье мы придерживаемся точки зрения И.В. Бугаевой, которая предложила, на наш взгляд, универсальное наименование – религиозный стиль, имеющий характерные черты:

1. Многоплановость целей передачи информации посредством текстов религиозного стиля (религиозно-просветительская цель, эмоционально-воздействующая, воспитательно-дидактическая).

2. Использование духовной литературы в качестве базовых источников в процессе коммуникации.

3. Использование профетического церковнославянского языка в процессе коммуникации.

4. Архаически-возвышенный характер речи, примером чего являются произведения современных священнослужителей.

5. «Символизация явлений невидимого мира» (например, тропы и фигуры речи).

6. «Модальность несомненности», что обусловлено самим феноменом веры.

7. Оценочность, ориентированная на религиозно-нравственные ценности [Павловская 2009, с. 80–83; Салимовский 2006, с. 104–105; Трошева 2008, с. 134–178].

Религиозный стиль имеет богатую жанровую систему: духовное послание, исповедь, молитва, притча, проповедь, пророчество, житие, поучение, эротологический текст и др. [Гадомский 2008, с. 72–74].

Проблематика религиозных текстов обусловлена религиозной сферой (раскаяние и покаяние, спасение души, церковные праздники, например, Рождество Христово, Пасха и многие другие), а коммуникативная цель их складывается из эмоционального воздействия на адресата, его религиозной образованности и воспитательно-дидактического компонента.

Адресантом проповеди выступает священнослужитель (мужчина), человек образованный и весьма уважаемый. Адресатом проповеди являются прихожане, религиозно настроенные и в основном глубоко верующие люди. Проповеди, которые можно увидеть или услышать в СМИ, рассчитаны на массовую аудиторию.

Особое внимание в данном контексте заслуживает церковный этикет (система правил, принятых Православной Церковью), основой которого стали Священное писание, молитвы, богослужебные книги и др. Любовь и уважение к ближнему, искренность, терпение, деликатность и др. являются главными христианскими принципами. Эталоном речевого поведения христианина являются общеэтические заповеди (смирность, великодушие, терпеливость, всепрощение, доброта). Злопамятность, недоброжелательность, гневливость, злословие всегда считались грехом в православной культуре.

Таким образом, сложность коммуникативной функции, функционирование современного русского языка и церковнославянского, наличие определенного набора стилевых черт, особенности церковного речевого этикета – все это позволяет рассматривать религиозный стиль как функциональную разновидность современного русского языка.

Литература

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
2. Бугаева И. В. Религиозная коммуникация. URL: <http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/russian/591/11723/> (дата обращения: 22.05.2022).
3. Гадомский А. К. О жанровом подходе к изучению религиозного языка // Культура народов Причерноморья. 2008. Т. 1, № 137. С. 72–74.
4. Гулакян Б. Г. Освоение культурно-исторического наследия в современной речевой практике. М., 1993. С. 79–83.
5. Крылова О. А. Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского языка разновидностью газетно-публицистического? // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2001. С. 259–269.
6. Крылова О. А. Толерантность, речевые жанры и функциональные стили современного русского литературного языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М., 2005. С. 194–203.
7. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 287–292.
8. Моисеева И. Ю., Ремизова В. Ф. Трудности определения понятия «Функциональный стиль» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186). С. 101–105.
9. Павловская О. Е., Трошева Т. Б. Религиозный дискурс в учебно-воспитательном процессе высшей школы // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания в школе и вузе. – Киев: Киевнациуниверситет, 2009. С. 80–83.
10. Салимовский В. А. Символизация как стилевая черта церковно-религиозных текстов // Духовные начала русского просвещения. Вып. 3. Великий Новгород, 2006. С. 104–105.
11. Стаценко А. С., Холодионова С. И. Языковые особенности религиозного стиля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. С. 190–194.
12. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта : Наука, 2003.
13. Трошева Т. Б. Русский язык XXI века в его функционально-стилевой парадигме // Научные записки Луганского национального университета. Серия «Филологические науки». Т. 1. Луганск, 2008. С. 127–134.
14. Цыпин В. Русская Православная Церковь в новейший период. 1917–1999 гг. // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 134–178.

Южакова Ю.А., Сомова М.В.
*Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия*

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ «ОПЛОШНОСТИ» В ЛИРИКЕ С.А. ЕСЕНИНА

Аннотация. Статья рассматривает нормы стилистической сочетаемости и их нарушение в поэтическом языке С.А. Есенина. Проанализированы и систематизированы такие «ошибки» в текстах поэта, как псевдонародное словообразование, просторечное формообразование, использование просторечия.

Ключевые слова: нормы стилистической сочетаемости, просторечие, окказиональное словообразование, поэзия, С.А. Есенин

Yuzhakova Yu.A., Somova M.V.
*Ryazan State University
named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia*

STYLISTIC "MISTAKES" IN THE LYRICS OF S.A. YESENIN

Abstract. The article examines the norms of stylistic compatibility and their violation in the poetic language of S.A. Yesenin. Analyzed and systematized such "mistakes" in the poet's texts as pseudo-folk word formation, vernacular formation, the use of vernacular.

Keywords: norms of stylistic compatibility, vernacular, occasional word formation, poetry, S.A. Yesenin

В художественных произведениях и публицистических текстах нарушение норм стилистической сочетаемости может использоваться для усиления выразительности речи. Такой прием позволяет создавать яркие образы, придавать словам новые оттенки смысла. В данной статье мы рассмотрим использование С.А. Есениным просторечной, сниженной, бранной лексики, намеренное грамматически неверное образование форм слов с целью создания народного колорита, передачи чувств лирического героя, описаний действий героев стихов. Нельзя забывать, что Есенин – поэт «народный», поэтому данное «нарушение» является самым распространенным в его произведениях.

Рассмотрим конкретные примеры.

1. Псевдонародное словообразование. С.А. Есенин активно использует лексемы, образованные на базе слов литературного языка по просторечным словообразовательным моделям, для создания деревенского колорита и приближения речи к народной:

*С тех пор и у нас **неуряды*** [Есенин 1995, т. 2, с. 54] –

просторечная форма существительного «неурядицы»;

Тому, кто его оглядывал,

***Приятственны** наши места* [Есенин 1995, т. 2, с. 53] –

с одной стороны, употребление краткой формы «приятственны» вместо «приятны» показывает высшую степень наслаждения, с другой, указывает на то, что места являются «приятелями», старыми знакомыми;

*На смену **царщине***

С величественной силой

*Рабочая предстала **рать*** [Есенин 1995, т. 1, с. 229] –

авторский неологизм, созданный по аналогии со словом «барщина», выражает оценку исторического периода и несет эмоциональную составляющую – негативное отношение к ранее господствовавшему строю;

*Серым веретьем стоят **шалаши**,*

*Глухо **баюкают хлюпь** камыши* [Есенин 1995, т. 1, с. 21] –

лексема «хлюпь», выдуманная автором, созвучна по произношению с глаголом «хлюпать» – «шлепать, бродить, грязнить» или «чвакать» – издавать характерный звук при накачивании волны на берег;

*Голос **громкий и всхлипень** зычный,*

*Как о ком-то **погибшем, живом*** [Есенин 1995, т. 4, с. 173] –

«всхлипень» – неологизм просторечной семантики, передающий печальное и трагичное настроение – окказиональное образование поэта с неожиданным словообразовательным суффиксом «-ень». Литературным синонимом может являться существительное «всхлип», которое встречается в словаре Даля.

*Говорят со мной **коровы***

*На **кивливом** языке.*

***Духовитые** дубровы...* [Есенин 1995, т. 1, с. 52] –

эпитеты представляют собой разговорную форму прилагательного «духовитый» – пахучий, душистый, ароматный – и авторский неологизм «кивливый», который по форме схож с прилагательным «крикливый», что в сочетании с существительным «язык» являлось бы избыточным по семантическим свойствам словом. Такая характеристика обычно приписывается человеку, любящему поговорить, разговаривающему громко. Также, возможно, «кивливый» означает «непонятный для других, чужой», «корявый», но для С.А. Есенина язык является «своим» и доступным, подчеркивает, что «коровы с ним говорят», кивая головами, а поэт понимает.

*Уж он **пьет не пьет, курвяжится**,*

*Оглянется да **понюхает**:*

*«А всего ты, **сила русская**,*

*На тыновье **загодилася**»* [Есенин 1995, т. 2, с. 180] –

«курвяжиться» – просторечная форма глагола «куражиться» со значением «вести себя заносчиво, нагло, хвастаться», передающая характер и поведение героя. «Загодилася» авторская форма глагола со значением «зародилась»;

*Избы **забоченились**,*

*А и **всех-то** пять* [35, 1, с. 60] –

«забоченились» – завалились на бок от какого-либо воздействия или же стоят подбоченясь,

то есть гордо, дерзко, «руки в боки», «фертом».

Деепричастия также могут быть представлены в окказиональных употреблениях:

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,

Так же гнется, как в поле трава [Есенин 1995, т. 1, с.162] –

«не разжелудясь» – незрелый, молодой, не давший плодов – авторский неологизм от существительного «желудь».

2. Просторечное формообразование:

Стихи! стихи! Не очень лефте!

Простей! Простей! [Есенин 1995, т. 1, с. 93] –

просторечная форма сравнительной степени прилагательного «проще»;

*Мне **страх** не нравится,*

Что ты поэт... [Есенин 1995, т. 1, с. 37] –

использование существительного «страх» в роли наречия «страшно», близкого по значению словам «очень», «сильно», выражает крайнюю степень недовольства автора;

В тебе надежды наши

Не сбылись,

И на душе

*С того больней и **горьше**...* [Есенин 1995, т. 1, с. 39] –

«горьше» – просторечная сравнительная степень прилагательного, употребленная вместо литературной «горче», выражает крайнюю степень отчаяния отца от поведения сына;

*Будто жизнь на страданья моя **обречена**;*

Горе вместе с тоской заградили мне путь;

*Будто с радостью жизнь навсегда **разлучена**,*

*От тоски и от ран **истомилася** грудь* [Есенин 1995, т.1, с.41] –

просторечные и диалектные глагольные формы нужны автору для имитации народной речи;

Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,

Подымать глаза... [Есенин 1995, т. 1, с. 132-133] –

«подымать» – разговорная, устаревшая форма глагола «поднимать»;

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:

*«Ты прощай ли, моя радость, я **женюся** на другой».*

*Побледнела, словно саван, **схолодела**, как роса.*

Душегубкою-змею развилась ее коса [Есенин 1995, т. 1, с. 21] –

«женюся» – просторечная форма глагола «женюсь». «Схолодела» – авторский глагол со значением «похолодела», что близко к семантическому словосочетанию «похолодеть от страха, ужаса»;

*Алым венчиком кровинки **запеклися** на челе,*

Хороша была Танюша, краше не было в селе [Есенин 1995, т. 1, с. 21]

– «запеклися» – глагол с несвойственным словообразовательным возвратным суффиксом -ся. Литературной формой будет являться глагол «запеклись».

3. Использование просторечной лексики:

Ведь недаром с давних пор

Поговорка есть в народе:

Даже пес в хозяйский двор

Издыхать всегда приходит [Есенин 1995, т. 1, с. 167] –

употребление поговорки из обиходного стиля подчеркивает народность самого поэта, его крестьянское (грубое) происхождение; просторечное слово «издыхать» также может выражать бесхозность пса, его «беспородность».

*На кой мне **черт**,*

Что я поэт!..

*И без меня в достатке **дряни**.*

*Пусть я **сдохну**,*

Только...

Нет,

Не ставьте памятник в Рязани! [Есенин 1995, т. 1, с. 221] –

«черт», «дряни», «сдохну» – стилистически сниженные слова с сильной эмоциональной окраской, бранные, подчеркивают категоричность высказывания, повышенную эмоциональность.

4. Разговорная лексика:

Метель ревела.

Под оконцем

Как будто бы плясали мертвецы [Есенин 1995, т. 1, с. 155] –

«метель ревела» – олицетворение с использованием многозначного глагола, имеющего разговорную окраску, что создает впечатление страха от силы бури. Для поэта важна «животная» семантика слова «ревела», которая создает олицетворение, характерное для описания природы в фольклорной традиции. «Плясали» – слово с разговорной окраской со значением «двигаться скачками, дрожать, подпрыгивать», которое в сочетании с существительным «мертвецы» создает оксюморон.

Я помню только то,

Что мужики роптали,

Бранились в черта,

В Бога и в царя [Есенин 1995, т. 1, с. 171] –

использование близких по значению глаголов «роптали», «бранились» передает сильные эмоции мужиков – недовольство, негодование, обиду, досаду. С.А. Есенин употребляет их для большей выразительности. Слова относятся к разным стиливым группам. «Бранились» употреблено с существительным «черт», которое в данном примере может рассматриваться и как обстоятельство, близким к которому будут «сильно», «резко».

Устав таскаться

По чужим пределам,

Вернулся я

В родимый дом [Есенин 1995, т. 1, с. 107] –

«таскаться» – разговорное слово с неодобрительной окраской, означающее «ходить, ездить куда-либо, обычно далеко или без желанья, без надобности», С.А. Есенин сохраняет оба значения: «далекий, но без желанья и надобности» долгий путь по чужой поэту земле.

Наплевать мне на известность

И на то, что я поэт.

Эту чахленькую местность

Не видал я много лет. [Есенин 1995, т. 1, с. 107] –

«наплевать» – разговорное слово с эмоциональной отрицательной семантикой «отнестись к кому-либо, чему-либо с пренебрежением, проявить безразличие». «Чахленькая» – эпитет, характеризующий неприметность, неказистость родных мест поэта, однако уменьшительно-ласкательный суффикс -еньк- смягчает такую оценку.

И свистят по всей стране, как осень,

Шарлатан, убийца и злодей... [Есенин 1995, т. 1, с. 26] –

использование контекстных синонимов, где «убийца» и «злодей» не нарушают литературной формы. Слово «шарлатан» – просторечная бранная лексема, обычно используемая для обозначения обманщика, который выдает себя за знатока, специалиста в чем-либо.

Провоняю я редькой и луком

И, тревожа вечернюю гладь,

Буду громко сморкаться в руку

И во всем дурака валять [Есенин 1995, т. 1, с. 53] –

использование просторечных глаголов «провоняю» – «буду дурно пахнуть», «сморкаться» – «резким выдохом очищать нос» – в сочетании с простой едой «редькой и луком» и существительным «в руку» (вместо салфетки или платка) создает эффект нарочитой грубости в поведении поэта, подчеркивает его простое крестьянское происхождение. Разговорный фразеологизм «дурака валять» преследует эту же цель, придавая стихотворению особый разговорный колорит.

Таким образом, можем говорить о том, что сниженная простонародная лексика у С.А. Есенина служит созданию народного колорита, передаче чувств и настроений самого поэта.

Все доступные языковые ресурсы, в том числе лексико-стилистические, становятся средством выражения творческой задачи. То есть в процессе использования лексических ресурсов языка автором выбираются те единицы, которые соответствуют творческому замыслу. И, что наиболее важно, выбранные для применения в художественном произведении лексемы могут получать новую трактовку. Такое представление будет верным не только для лирики С.А. Есенина, но и для характеристики творчества любого автора.

Литература

1. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978.
2. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. М. : Наука : Голос, 1995.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1994.
5. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М. : Наука, 1973.

**ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ РУСИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

*Материалы II Международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию университета*

Материалы публикуются в авторской редакции.

Заказ № 4472. Тираж 8 электрон. оптич. дисков.
Уч.-изд. л. 23,3. Объем данных 859 Кб

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
Тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3)
E-mail: asupress@yandex.ru